

ПЕРЕПЛЕТЕННЫЙ

Джена Шоуолтер

У большинства шестнадцатилетних есть друзья. У Эйдена Стоуна, внутри него, живут четыре человеческие души.

Возможность путешествовать во времени.

Возможность воскрешать мертвых.

Возможность обладать другим человеком.

Возможность видеть будущее.

Все думают, что он — сумасшедший, и именно поэтому он провел всю свою жизнь в психиатрических учреждениях. Однако все это может измениться. В течении нескольких месяцев у Эйдена случаются видения красивой девушки — девушки скрывающей вековую тайну. Девушки, которая может спасти его, либо уничтожить.

Вместе они окунаются в темный мир интриг и опасностей... но не все останутся живы.

Информация о переводе:

Оригинальное название: Intertwined

Автор: Джена Шоуолтер / Gena Showalter

Серия: Переплетенный #1 / Intertwined #1

Переводчики: auskari, anna_golantseva, DarkHint, 1anuta1, AlexSherwood, spellsandbooks, Jasmine, ironclad, KleineHexe, Natalia D, lily25, nasya29

Редактор: maryiv1205

Кладбище. Нет. Нет, нет, нет!

И как его угораздило попасть сюда?

Ясное дело, бродить по незнакомому городу с «айподом» было ошибкой. Особенно в связи с тем, что Кроссрудз, штат Оклахома был, возможно, мировой столицей садовых гномов, и без сомнения — адом на земле, а также являлся настолько маленьким, что это было практически несущественно.

Если бы он оставил плеер у Д. и М. Рэнч, в реабилитационном центре для трудных подростков, где он жил в последнее время. Однако он этого не сделал. Ему всего лишь хотелось немного покоя. И сейчас предстояло заплатить за это.

— Проклятое дерьмо, — пробормотал он, вытаскивая наушники из ушей, и убирая свое зеленое устройство для отвлечения в рюкзак. Ему было шестнадцать, но иногда казалось, как будто он уже живет вечность, и каждый следующий день был хуже предыдущего. Но сегодняшний день, к сожалению, тоже не был исключением.

Незамедлительно его внимание привлек тот самый голос, который он пытался заглушить, включив «Life of Agony», с такой громкостью, что барабанные перепонки едва выдерживали.

«Наконец-то!» — произнес Джулиан у него в голове. — «Я, как всегда, пытался докричаться до тебя, чтобы ты повернул.»

— Что ж, тебе следовало бы кричать громче. Вообще-то я не планировал сегодня начинать войну с неупокоенными. — Говоря это, Хейден Стоун, известный как Эйден, поскольку в детстве не мог произнести свое имя правильно, пятился, отодвигая ногу с границы кладбища. Но было слишком поздно. Немного поодаль, земля перед могильной плитой уже тряслась и вспучивалась.

«Не обвиняй меня», — ответил Джулиан. — «Элайджа должен был предвидеть это.»

«Эй,» — произнес второй голос, находившийся также внутри головы Эйдена. — «Я тоже не виноват! Обычно я могу лишь предугадать, что кто-то скоро умрет.»

Вздыхнув, Эйден отбросил рюкзак, пригнулся и выхватил кинжалы, закрепленные в ботинках. Если б его поймали с ними, он бы точно загремел в тюрьму для несовершеннолетних, где драки происходили не менее регулярно, чем обеды, а найти надежного друга было не легче, чем совершить побег. Однако в глубине души он был уверен, что этот риск был оправдан.

«Прекрасно. Тогда считайте меня виноватым,» — проворчал Джулиан. — «Но я не могу ничего изменить.»

Так оно и было... Как только мертвые чувствовали Эйдена, они просыпались. Чаще всего это происходило, если он случайно наступал ногой на их землю, так как сейчас. Некоторые чувствовали его раньше других, но в конце все они поднимались.

— Не волнуйся, мы бывали и в худших ситуациях.

«Действительно стоило бы оставить свой iPod дома,» — подумал он, прежде всего ему нужно было следить за тем, что вокруг. Он всегда смотрел на план города и знал, каких мест ему стоило избегать. Но с долбящей музыкой он потерял связь с окружающим миром. Мгновение он был свободен, и, по-видимому, один.

Могильная плита затрещала.

«Я знаю, справлялись мы и с более сложными проблемами», — вздохнул вслед за Эйденом Джулиан. — «Но и в тех, худших, проблемах виноват оказывался я.»

«Замечательно. Порция жалости к самому себе», — этот третий, разочарованный голос принадлежал женщине. Она занимала особенное место в голове Эйдена. Он был удивлен, что другие его спутники, как он иногда называл души, которые были заперты в нем, также не вмешивались. Никто из них не мог начать с миром и спокойствием.

«Может быть, отложим болтовню на более позднее время, мальчики и убьем зомби раньше, чем он выберется полностью, начнет испытывать инстинкты и сравнивает нас всех с землей?»

— Да, Ева, — ответили Эйден, Джулиан и Элайджа в один голос. Так было всегда. Если он и другие три парня ссорились, между ними вставала Ева, уважаемая фигура-мама, но без указательного пальца, которым она могла бы пригрозить!

Если б только материнское чувство могло помочь в подобной ситуации!

— Теперь вы должны вести себя тихо, — попросил он. — Хорошо? Пожалуйста.

Ответом ему было невнятное бормотание. Больше спокойствия они не предоставили бы ему.

Эйден напряженно сконцентрировался. В паре метров от него сильно раскачивалось каменное надгробие, пока, наконец, оно не упало и не разбилось. Утром прошел дождь, и мелкие капли полетели во все стороны. Вскоре к ним присоединились горстки грязи, которые летели в воздухе, в то время как отвратительная, серая рука появилась над землей.

Золотой, солнечный свет упал на влажную кожу и разлагающиеся мускулы, а так же собственно и на червей, которые ползали вокруг опухших костяшек пальцев.

Свежачок. Ну, отлично. Желудок Эйдена перевернулся. Возможно, после этой истории его бы стошнило. Или во время нее.

«Мы прикончим этого придурка! Это плохо, что я разгорячился прямо сейчас?»

Это был Калед, четвертый голос. Если б у Калеба было свое тело, он был бы типом, который прячется в тени, чтобы сфотографировать девочек в раздевалке.

Пока Эйден наблюдал за происходящим и ждал подходящего момента, чтобы ударить, появилась вторая склизкая рука, и обе пытались вытащить полностью из-под земли гниющее тело. Эйден осмотрелся. Он стоял на зацементированной дорожке на холме, раскидистые деревья по краям защищали его от любопытных взглядов. К счастью длинное поле покрытое травой и каменными надгробиями казалось пустым. По ту сторону была дорога, по которой с тихим жужжанием проезжали автомобили. Даже если кто-нибудь посмотрел бы по сторонам вместо того, чтобы следить за дорогой, то он ничего бы не увидел.

«Ты можешь это сделать», — сказал он самому себе. — «Ты можешь. Ты делал это и раньше. Кроме того, девушкам нравятся шрамы». — По крайней мере, он надеялся. У него было достаточно шрамов, чтобы показать.

— Сейчас или никогда, — решительно он пошел дальше. Эйден побежал бы, но не хотел спешить подавать стартовый сигнал. Кроме того, такие встречи всегда заканчивались одинаково, все равно, как они проходили. А заканчивались они покалеченным Эйденом, покрытым ушибами, которые болели из-за инфекций попавшей из зараженной слюны зомби. Он задрожал, когда представил, как желтые зубы хватают его и кусают.

Обычно драка длилась несколько минут. Но если кто-то в этот момент хотел навестить родственника. Все равно, что происходило, Эйдена, ни в коем случае, не должны были увидеть. Его б приняли за вандала или черного копателя. Тогда он попал бы в тюрьму в этой

глухой местности и получил бы клеймо бесполезного преступника, также как в каждом другом городе, в котором он жил.

Было бы мило, если б небо потемнело, и снова пошел дождь, но Эйден знал, что ему не везло так сильно. Никогда.

— Н-да, мне стоило лучше следить, куда я иду, — просто вбежать на кладбище было невероятно глупо. Так как сейчас, поставив всего одну ногу на землю, что-то мертвое, изголодавшее по человеческому мясу, ожило.

К тому же он всего лишь желал оказаться в спокойном месте, где мог бы расслабиться в одиночестве. Ну да, настолько в одиночестве, как мог парень с четырьмя людьми в голове.

Кстати, о голове. Одна как раз появилась из проделанной дыры и поворачивалась то вправо, то влево. Один закатился назад, его белок был красным, а другого глаза не было вообще, так что было видно мышцу внутри. На черепе бросались в глаза плешивые места. Щеки впали, нос все еще висел на нескольких волокнах.

Желудок Эйдена разъедала желчь так, что он при этом согнулся. Он обхватил рукоятку кинжала и теперь начал бежать. Этот мертвый с изнуренным лицом принял, очевидно, ему нравилось, что он учуял. Ядовитая, черная слюна побежала из его рта, и он удвоил свои усилия выбраться из-под земли. Появились плечи, затем последовала верхняя часть тела.

На нем болтались куртка и рубашка, обе разорванные и грязные. Итак, зомби мужского пола. Иногда этот факт помогал Эйдену. Одно колено опустилось на траву, следом второе.

Ближе... еще ближе... Эйден бежал еще быстрее.

Он достиг зомби, когда тот как раз выпрямился. Мертвец был около метра восьмидесяти ростом и был на одном уровне глаз с Эйденем. Сердце Эйдена дико билось, легкие болели, а в горле горело. Последний раз ему приходилось делать это более года назад, и это была самая ужасная встреча, которая у него до этого была. Ему пришлось наложить восемнадцать швов на верхнюю половину тела, проходить целый месяц с ногой в гипсе, провести неделю в дезинфекционном стационаре и недобровольно жертвовать кровью каждому трупу на кладбище Роз-Хилл.

«Не в этот раз», — подбадривал он сам себя.

Голодное рычание вырвалось изо рта существа.

— Посмотри-ка, что у меня есть, — Эйден высоко поднял лезвие, серебро блеснуло в свете солнца. — Прекрасно, не так ли? Хочешь посмотреть поближе? — На удивление спокойно рукой он замахнулся и ударил в направлении шеи. Чтобы убить труп, окончательно нужно отрезать его голову. Но до того как он успел попасть в цель, зомби распознал ситуацию, как и предсказывала Ева, и нагнулся. Видимо, невозможно убить инстинкты выживания. Кинжал Эйдена распорол только пустой воздух, замах развернул его.

Костлявый кулак отправил его лицом в землю, так что земля попала в рот. Сразу же на него приземлился тяжелый вес и выбил воздух из легких, пальцы обхватили запястья и сжимали их, пока кинжал не выпал из руки. К счастью, если это можно так назвать, пальцы были отвратительно влажными и не могли держать его крепко.

Не то, что зубы у его шеи, которые хотели перекусить артерию, и влажный, всасывающий язык. На протяжении одной наполненной болью секунды он лежал в таком оцепенении, что не мог пошевелиться, ему было до боли жарко, он терял сознание, но приходил в себя, снова чувствовал себя как в огне. Затем он внезапно сконцентрировался, одолеть, он должен был одолеть существо, и ударил мертвеца локтем по ребрам.

Тот не сдвинулся с места.

Конечно, спутники Эйдена должны были это прокомментировать.

«Ничего себе. Ты не в форме, или что?» — спросил Калерб.

«Быть поваленным мертвым», — насмехался Джулиан. «Тебе должно быть стыдно».

«Ты хочешь, чтобы тебя приготовили на ужин?» — добавил вопросов Элайджа.

— Парни, — выдавил Эйден, усиливая сопротивление. Ему удалось перекатиться на спину. — Пожалуйста. Я, вообще-то, дерусь.

«Я бы не назвал это борьбой», — ответил Калерб. — «Ты же позволяешь отшлепать себя по заднице, как маленькую девочку».

«Эй! Я обижусь».

«Прости, Ева».

— Не волнуйтесь, у меня все под контролем.

«Думаю, мы скоро в этом убедимся», — мрачно произнес Элайджа.

Эйден пытался сжать шею существа, но оно продолжало двигаться, вырываясь из его хватки.

— Спокойно, — скомандовал он, ударяя мертвеца в щеку с такой силой, что услышал, как остатки мозга загрелись... но это не ослабило существо. Вообще-то, кажется, даже придало сил. Эйдену пришлось упереться обеими руками в его подбородок, мешая наклониться для следующего укуса.

— Вам лучше других известно, что я умру не так. — Слова прерывались его тяжелым дыханием.

Примерно шесть месяцев назад Элайджа предсказал его смерть. Они знали, что это случится, но не знали, когда. И это будет не на кладбище, а убийцей станет не труп. Нет, он умрет на пустынной улице, с ножом в груди, чувствуя, как острие с каждым ударом сердца режет его, пока жизнь полностью не покинет тело.

Страшное предсказание было сделано в тот день, когда сказали, что его отправляют в Д. и М. Рэнч, как только они откроются. Может, это должно было удержать Эйдена от переезда сюда. Но...

В то же время его начали посещать видения о темноволосой девушке. Разговоры и смех... А также поцелуи с ней. Раньше Элайджа не предсказывал что-то, кроме смерти, поэтому для Эйдена стало шоком знание — или, скорее, надежда, — что эта девушка, однажды, появится в его жизни. Шоком, но и волнением. Он и правда хотел ее встретить. Он был одержим мыслями об этом, если честно. Даже если для этого требовалось приехать в город его смерти.

Смерти, которая, как он знал, случится очень рано. В видении он не выглядел слишком уж старше, чем сейчас. Впрочем, у него уже было время оплакать собственную кончину и даже принять свою судьбу. В какие-то моменты, как этот, часть его даже ждала этого. Это не значило, что он откинется на спину и позволит неупокоенному сжевать все, что тот захочет.

Что-то ужалило его щеку, и он моргнул, приходя в себя. Труп, не имея возможности дотянуться до него своими желтыми зубами, теперь царапал его глубоко режущими ногтями. Вот и результат того, что он снова отвлекся.

«У тебя все под контролем? Seriously? Ну так докажи», — сказал Джулиан. Вызов, видимо, был призван придать ему сил.

Зарывав, Эйден дотянулся до одного из упавших клинков. Как только труп высвободился из его хватки, он ударил. Лезвие проскользнуло сквозь кость... и застряло. Бесполезно.

Сейчас было не до паники. Его противник, голодный и не замечающий боли. Надо снова попробовать добраться до его горла.

Эйден нанес еще один удар. Рык, оскаленные зубы и ручеек густой черной слюны, стекающий изо рта трупа на его щеку, обжигая кожу. Он дернулся, чувствуя тошноту от мерзкого запаха.

Когда вытянулся длинный, мокрый язык и направился к его лицу, Эйден вновь схватил одной рукой труп за подбородок, чтобы отбиться от него, а другой потянулся к кинжалу. Его пальцы обхватили рукоятку, и он сразу же перерезал труп горло.

Крак.

Наконец голова отделилась от тела и глухо упала на землю. Кости и разорванная одежда, разумеется, свалились на Эйдена. Он скривил лицо, скинул мертвеца с себя и выполз на чистое место покрытое травой.

— Там, ваше доказательство, — затем он тоже сел.

«Это наш парень,» — с гордостью сказал Калев.

«Да, но ты не можешь успокоиться сейчас,» — добавила Ева. Она была права.

— Я знаю, — Эйдену нужно было убрать голову, иначе кто-нибудь мог бы споткнуться об оскверненные останки. Репортер летал бы как коршун по городу и просил бы каждого помочь с поисками извращенного злодея. Кроме того воскресли бы другие трупы, не смотря на то останется ли он здесь или нет. Эйден должен был быть готов. Но он просто лежал там, испытывая боль, и смотрел в небо, пока солнце жгло его и воровало последние силы.

К вечеру яд из слюны разнесется по всему его телу, Эйден склонится над унитазом с кукурузными хлопьями в желудке, и это станет милым воспоминанием. У Эйдена поднимется температура, он вспотеет, будет неконтролируемо дрожать и желать смерти. Но здесь и сейчас у него была передышка. Этого он желал весь день.

«Давай, вставай и двигайся дальше, золотце,» — напирала Ева.

— Сейчас. Еще минутку. — Эйден не знал своей матери. Родители отказались от него и передали на воспитание государству, когда мальчику было три года. Поэтому иногда ему нравилось, когда Ева пыталась взять роль матери на себя. Как ни странно, он действительно любил ее за это. В общем-то, он любил все четыре души. Даже Джулиана — заклинателя зомби. Но любой другой парень мог выйти из семьи на какое-то время. Они могли заниматься тем, чем занимаются нормальные шестнадцатилетние мальчишки. Например... Например, ходить в школу, бегать на свидания, заниматься спортом. Одним словом, развлекаться.

Кто угодно мог заниматься этим, но только не Эйден.

Что бы он ни делал, куда бы ни пошел — у него всегда были зрители. Зрители, любящие комментировать происходящее, критиковать и лезть с советами. «В следующий раз сделай это». «В следующий раз сделай то». «Придурок, ты не должен был этого делать!»

Они хотели как лучше, Эйден знал об этом. Но он еще даже ни разу не поцеловался с девушкой. А прекрасная брюнетка из видений Элайджи не в счет! И не важно, насколько реалистичными были эти видения. Бог знает, когда она появится и появится ли вообще?

Буквально вчера у него было очередное видение с ее участием. Они были в лесу. Луна, отливающая золотом, висела высоко в небе. Она обхватила его руками и крепко обняла. На своей шее он ощущал ее теплое дыхание.

— Я буду защищать тебя, — произнесла она, — я всегда буду защищать тебя.

«Защищать от чего?» — размышлял он все это время. Не от ходячих трупов, это уж

точно.

Эйден вздохнул, и скорчил гримасу. Ну, привет, вонючка. Запах разложения, казалось, закрепился в носу. Вероятно, так и было. Придется оттираться хозяйственной губкой с головы до пят.

Он убрал кинжал и вытер руки о джинсы, оставляя полосы ядовитой жижи.

— Ну, что за жизнь, а?

«Технически, это правда не наша вина,» — Джулиан явно не хотел принимать на себя ответственность. — «Это ты запер нас в своем огромном черепе».

Эйден сжал зубы. Он слышал это примерно тысячу раз за день.

— Я уже говорил. Я не запираю вас.

«Ты что-то сделал, потому что у нас нет своих тел. Не-е-ет. Мы заперты в твоём. И никакой кнопки управления!»

— Что б вы знали, когда я родился, вы уже плавали в моих мозгах. — Ну, или он так думал. Они всегда были с ним. — Я не мог ничего сделать. Из-за чего это не случилось, даже вы не в курсе.

Лишь однажды он захотел немного полного покоя. Никаких голосов в голове, никаких мертвецов, восставших с могил, чтобы сожрать его, никакой иной сверхъестественной ерунды, с которой ему приходилось иметь дело ежедневно.

Вроде того, как Джулиан пробуждает мертвых, а Элайджа предсказывает смерть случайных прохожих. Вроде того, как Ева забрасывает Эйдена в прошлое, в более молодую версию самого себя. Одно неверное слово или движение, и он рискует изменить свое будущее — и не всегда к лучшему. Вроде того, как Кaleb заставляет его захватывать управление чужими телами с помощью единственного прикосновения.

Даже одна из этих способностей выделила б его. Но все четыре? Он был в другой стратосфере. Что-то, о чем никто, особенно парни на ранчо, не давали ему забыть.

Но он не был готов уехать так скоро, даже если и не поладил с ними.

Дэн Ривз, парень, управляющий Д. и М., был не таким уж и плохим. Бывший профессиональный футболист, оставивший игру из-за травмы спины, но не отрекшийся от упорядоченного, расписанного по книжке, стиля жизни. Эйдену нравился Дэн, даже если тот и не понимал, каково это, когда в твоей голове болтают голоса, требуя внимания, которого он не мог дать при всем желании. Даже если Дэн думал, что Эйдену нужно проводить время за книжкой, общением с остальными или размышлениями о своем будущем, а не «шатаюсь и слушаю музыку». Если б он только знал.

«Эй, Эйден?» — Джулиан вернул его в настоящее.

— Что? — резко сказал он. Хорошее настроение, должно быть, умерло вместе с зомби. Он устал, ужасно себя чувствовал и знал, что все будет только хуже.

«Просто обычный день из жизни Эйдена Стоуна», — подумал он с горьким смешком.

«Не хотелось бы тебе говорить об этом, но... это не все».

— Что? — одновременно с этим он услышал, как разрушается еще одно надгробие. И еще.

Остальные определенно воскресали.

Он с трудом открыл глаза. Секунду, всего лишь секунду, он не дышал. Просто притворялся обычным парнем, волнующимся только о подарке на день рождения своей девушке.

«Где та брюнетка? — задался он вопросом. — Когда у нее День Рождения?».

«Эйден, милый, — позвала Ева, — ты все еще с нами?»

— Все еще. — Для него сконцентрироваться было равносильно досчитать до бесконечности, и Ева это знала. — Меня это бесит. Я на взводе, и либо избыю себя, либо надеру кому-то...

«Речь, Эйден», — цыкнула Ева.

Он вздохнул.

— Надеру кому-то попу и заставлю упасть, — вежливо закончил он.

«Я оставил бы тебя, если б мог, но я застрял», — мрачно сказал Джулиан.

— Знаю, — живот запротестовал, когда Эйден заставил себя сесть на корточки, а раны на шее обожгло от напряжения. Боль его не замедлила — она тоже лишь разозлила его, и эта злость придала сил. Он увидел четыре пары рук, пробивающиеся сквозь грязь, вырывающие траву и яркие букеты, оставленные близкими.

Эйден схватился за кинжал. Другой все еще торчал в шее трупа, сначала ему нужно было вытащить его наружу. Возможно, сначала Эйден замешкался, но теперь он был достаточно зол, чтобы броситься в бой с летающими кинжалами.

Вдобавок был только один способ справиться с четырьмя сразу... Прищурившись, он бросился к ближайшему мертвецу, чья макушка только-только появилась над поверхностью. Скальп на ней практически отсутствовал. Это был оживший скелет, типичный персонаж ночных кошмаров.

«Ты сможешь», — подбодрила его Ева.

Руки поднялись вверх... назад... ждем... ждем...

Наконец, показались плечи, что позволяло Эйдену воспользоваться магией. Он ударил, одним плавным движением, возвращая покойника в исходное состояние... Мертвое.

— Прости, — прошептал он. Не то, чтобы тело могло его услышать. Просто самому Эйдену было от этого легче.

«Минус один», — сказал Джулиан.

Эйден уже бежал к следующей могиле. Он не замедлился, когда оказался рядом с ней, лишь поднял руку и ударил.

— Прости, — снова произнес он, когда новое тело упало, голова — в одной стороне, тело — в другой, а кости рассыпались от столкновения.

«Так и надо», — похвалил Элайджа.

Инстинкт, наконец, взял верх. Его руки промокли, пот струился по лицу и груди, и он поспешил к третьей разрушенной могиле. Гордость смешалась с виной и грустью. Дикие красные глаза следили за ним.

«Нам стоит брать за это деньги», — сказал Каледб, каждое его слово было пропитано азартом. Он определенно увлекся. Снова.

Рычание прозвучало позади Эйдена за секунду до того, как он почувствовал на спине тяжесть скелета и острые зубы погрузились в его плечо, разрывая рубашку и кожу, задевая мышцы. Идиот, идиот! Он не заметил еще одного.

Он застонал, склонившись к земле. Еще укус, больше яда. Позже — больше боли.

Он, через плечо, схватил противника за ключицу и резко дернул. Вместо того чтобы выдернуть каркас, его рука вырвала кусок кружева и кость. В этот раз женщина. Не думать об этом. Он заколеблется, и это колебание дорого ему обойдется.

Те острые зубы впились ему в ухо, прокусывая до крови.

Он сжал губы, сдерживая крик. Боже, это было больно. Снова потянувшись назад, он

сумел схватить труп за шею. Но прежде чем он дернул, зомби упал на землю, оставшись неподвижным, и все четыре голоса в его голове начали кричать, словно от боли, и стихать... стихать...

Смущенно нахмурившись, Эйден выполз из-под безжизненного тела и вскочил на ноги. Шея, плечи и ухо пульсировали и горели, пока он отбегал и оглядывался.

Труп не двигался. Его голова все еще была на месте, но он, черт побери, не двигался.

Эйден прокрутился на месте; пробежался ищущим взглядом, собирая информацию. Другой труп, к которому он и бежал, тоже упал. И у него тоже все еще была голова, но он не двигался. Даже свет в его глазах погас.

«Ладно. Что за хрень только что случилась?»

Странно, но ни у одного из его партнеров не нашлось безумно умного комментария.

— Ребята?

Без ответа.

— Почему вы... — его слова оборвались. Вдалеке он заметил молодую девушку и забыл обо всем остальном. Она бродила прямо перед кладбищем и была одета в белую футболку с полосами грязи, выцветшие джинсы и теннисные туфли. Она была высокой, стройной и загорелой, прямые каштановые волосы были собраны в конский хвост, а еще у нее было милое — очень милое — лицо. У нее в ушах были наушники, и, кажется, она пела.

Эти темные волосы... Она была... Могла ли она быть той девушкой из видений Элайджи?

Эйден стоял на месте, покрытый грязью и землей, растерянный, взволнованный и старающийся не паниковать. Если она заметит его и ту кровавую бойню, что его окружает, она завизжит. Люди начнут на него охоту. Они найдут его где угодно. Всегда находили. И его отправят подальше, как он и боялся, а то подобие свободы, что у него было сейчас, останется в прошлом.

«Не смотри, не смотри, прошу, не смотри», — молитва принадлежала ему, души все еще были странно молчаливы. И все же, какая-то часть его хотела, чтобы она посмотрела, увидела его, заинтересовалась им так же, как он ею. Если она была той девушкой из видений... наконец-то...

Она почти прошла мимо. Скоро исчезнет за углом. И потом, словно уловив его тайное желание, она бросила взгляд через плечо. Эйден напрягся, заметив вспышку больших карих глаз и розовых губ, которые она кусала.

Она окинула взглядом пространство.

Секундой позже их глаза встретились. Вспышка звука, словно мир вдруг сосредоточился на них — и ничего. Ни движений. Ни их сердцебиений, ни даже их легких, наполняемых воздухом. Ни вчера, ни завтра, только здесь и сейчас.

Существовали только один двое.

«Это мир», — пораженно подумал Эйден. Настоящий мир. Тихий и спокойный, без голосов в голове, давящих на него, подавляющих, требующих внимания.

Потом все взорвалось. Очередной взрыв звука, словно фокус мира на этот раз расширился. Машины снова заработали, птицы начали чирикать, а ветер — дуть сквозь деревья. Резкий порыв толкнул Эйдена назад. Он приземлился, ударившись подбородком о грудь.

Должно быть, тот же ветер ударил и ее, поскольку она с визгом упала.

Живот Эйдена скрутило, он чувствовал, как внутренности болтаются, будто налитые

свинцом. Желание бежать к ней охватило его, и сразу же — желание бежать от нее.

Девушка поднялась. Еще один безмолвный взгляд, и она пошла прочь, быстро скрывшись из виду.

И в тот момент, как она исчезла из поля зрения Эйдена, все вновь стало прежним.

«Что за хрень?» — проворчал Калерб.

«Боль. Темнота», — отозвалась Ева дрожащим голосом. — «Ужасно».

С ними что-то случилось? Как бестелесные души могли чувствовать боль?

— О чем вы? — спросил он, хотя и подозревал часть ответа. Девушка. Как-то, каким-то образом. Этот странный покой, когда их взгляды впервые встретились... Этот странный порыв ветра...

Она приблизилась, и неупокоенные были повержены. Голоса внутри стали тише. Она взглянула на него, и покой, о котором Эйден так мечтал, окружил его. А стоило ей уйти, все стало как раньше.

Он должен был ощутить этот покой снова. Правда ли все дело в ней? Неужели это ее он ждал?

Опасаясь, что мертвецы восстанут вновь, Эйден торопливо отсек головы оставшимся двум. Но не успел он замести следы и скрыть улики, как обнаружил, что собирает рюкзак и преследует незнакомку. Был только один способ узнать, делала ли она то, в чем ее можно было заподозрить. Только один способ, чтобы узнать, кто же она такая.

«Парень, расскажи, что случилось, прежде чем я закричал,» — произнес Джулиан.

— Не знаю. Я не уверен. — Так и есть, однако Эйден был полон решимости выяснить все. — Вы в порядке?

Дружное «Нет!» прозвучало в ответ.

«Возвращайся домой, у меня плохие предчувствия». — Никогда еще в голосе Элайджи не было такого страха.

Эйден замедлил шаг. У Элайджи были «плохие предчувствия» и прежде, хотя они по сути не были предсказаниями, но Эйден всегда относился к ним внимательно. А если это был один-единственный шанс познакомиться с брюнеткой из тех видений?

— Я буду осторожен, обещаю, — ответил он.

Эйден обнаружил девушку в квартале от кладбища. Вновь его потряс порыв ветра, вновь приступ тошноты, а затем мир вокруг него стал точно таким, как он всегда мечтал, — безмолвным.

Господи. Все-таки это она.

Ладони вспотели. Девушка свернула за угол, направляясь в сторону оживленного перекрестка. Эйден залез в рюкзак и вытащил влажные салфетки, одновременно ускоряясь и пытаясь привести в порядок лицо. Достав чистую футболку, он спрятался в тени и переоделся, не спуская с девушки глаз.

Убежит ли она с криками, если подойти к ней? Все-таки она видела груды костей, рассыпанных вокруг него.

Он ожидал ответа от своих компаньонов, но ничто не нарушало тишину. Было странно, что никто не указывает ему что делать, как делать, или как плохо все закончится. Долгие годы он думал о подобном как о чем-то странном и мучительном, но на самом деле это оказалось удивительно классным ощущением.

Впервые в жизни он действительно принадлежал самому себе. Если б он упустил этот момент, нельзя было бы обвинить в этом никого, кроме себя.

Эйден расправил плечи и собрался подойти к девушке.

Мэри Энн Грэй заметила Пенни Паркер, свою подругу, живущую по соседству, и направилась к открытому кафе.

— Эй, я здесь, — крикнула она, вытаскивая наушники из ушей. Звуки Evanescence затихли. Девушка засунула свой айпод в сумочку, предоставив подруге возможность проверить почту. Только одно сообщение от отца, который интересовался, что она хочет на обед. Ответить можно и позже.

Пенни прищелкнула языком, протягивая Мэри Энн чашку мокко со сливками.

— Ты вовремя. Пропустила обалденное отключение электроэнергии. Я была внутри, а все освещение погасло. Мобильники у всех потеряли сеть, и я слышала, как одна дама сказала, что все машины на дороге заглохли.

— Отключение энергии, из-за которого заглохли машины? — Ерунда какая-то. В то же время, сегодняшней день был полон странностей. Вроде того парня, которого она видела на кладбище по дороге сюда. Он как-то заставил ее упасть, не прикоснувшись и пальцем!

— Ты меня слушаешь? — спросила Пенни. — Что за отсутствующий вид? Неважно, в общем, отключение произошло минут пятнадцать назад.

Тот самый момент, когда она была на кладбище, и когда айпод вырубился, а еще этот внезапный порыв ветра. Гм...

— Итак, почему ты задержалась? — Мне пришлось делать заказ самой, и знаешь, это не очень способствует моей созависимости.

Они плюхнулись в кресла, которые заняла Пенни. Столик ярко освещался солнцем. Мэри Энн глубоко вздохнула, воздух был наполнен запахами кофе, взбитых сливок и ванили. Господи, как же ей нравится Холи Граундз. Люди могли подходить к стойке, нахмурившись, однако у них всегда была усмешка на лице.

Будто бы в подтверждение ее слов, пожилая пара прошла от стойки, улыбаясь друг другу, поверх чашек. Мэри Энн пришлось отвернуться. Когда-то ее родители так же были счастливы просто, когда были вместе. А потом мать умерла.

— Пей же, — сказала Пенни. — И пока наслаждаешься, заодно Расскажи, что с тобой стряслось.

Сделав глоток воды, она отхлебнула мокко с белым шоколадом. Ммм... Охренительно вкусно!

— Как я уже сказала, мне жаль, что я опоздала. Честно-честно! Но, к сожалению, мое опоздание не худшая новость.

— О нет! — От любопытства Пенни аж подпрыгнула в кресле. — Что случилось? Не приукрашивай, режь правду-матку!

— Ну ладно. В общем, — она глубоко вздохнула — Я не смогла освободиться сегодня. У меня только полчаса на перерыв. Потом придется вернуться на работу. — Она съежилась в предчувствии ожидаемого ответа...

— Что за хрень?!

Так оно и было. Всего лишь небольшое нарушение договоренности, но Пенни восприняла это как смертельное оскорбление. Как, в общем-то, и всегда. Она была требовательной подругой и не терпела, когда что-то нарушало их совместное времяпрепровождение.

Мэри Энн совсем не возражала. В общем-то, она восхищалась этой чертой. Пенни знала, чего хочет от людей, и рассчитывала, что получит это. Обычно так и происходило. Без каких-либо жалоб. Однако, сегодня ситуация была безнадежной.

— «Лейка» обеспечивает цветочное оформление свадебной церемонии Толбертов-Флойдов завтра, и всем работникам придется вкалывать сверхурочно.

— Хм, — Пенни разочарованно тряхнула головой. Или это было неодобрение? — Ты когда уже бросишь эту отстойную работу в этом цветочном магазине? Сегодня суббота, а ты молода. Ты должна идти со мной по магазинам, как мы и собирались, а не гнуть спину над цветочными горшками и терниями.

Мэри Энн наблюдала за подругой поверх чашки. Пенни была на год старше, у нее были волосы платинового оттенка, ярко-голубые глаза и бледная веснушчатая кожа. Она любила носить кружевные кукольные платья с босоножками, вне зависимости от погоды. Она была беззаботной, опытной, не думала о будущем, встречалась с тем, с кем хотела и когда хотела, и прогуливала школу не реже, чем ходила на занятия.

В отличие от нее у Мэри Энн наверняка хлынула бы кровь горлом, если бы она только помыслила о нарушении правил.

Она знала, почему она такая, но это только сильнее укрепляло ее решимость быть «хорошей девочкой». У нее и ее отца не было никого за исключением друг друга, и Мэри Энн больше всего боялась разочаровать его. Все это делало их дружбу с Пенни весьма неожиданной, поскольку отец безмолвно не одобрял ее. Но они с Пенни жили по соседству долгие годы. Они посещали один детский сад в то время, когда жили далеко друг от друга. Несмотря на все различия, они всегда держались вместе. Всегда.

Пенни была притягательной. Нельзя уйти от нее, не пожалев об этом. Возможно, что-то в ее улыбке. Когда она вспыхивала, казалось, что все звезды собрались вместе, и ничего плохого не может случиться. Примерно такое воздействие она оказывала на девушек. Парням же, поймавшим отблеск этой улыбки, оставалось только вытирать слюни.

— Ну, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, позвони и скажи, что заболела, — умоляла Пенни. — Маленькой дозы Мэри совершенно недостаточно!

Когда она вновь сверкнула улыбкой, Мэри Энн не поддалась.

— Ты же знаешь, я коплю деньги на колледж. Мне приходится работать. — Хотя и только по выходным. Это все, что позволял ее отец. Будни были посвящены домашним делам.

Пенни провела кончиком идеально ухоженного ногтя по поверхности своего эспрессо.

— Твоему отцу следовало бы оплатить твоё обучение. Он вполне может себе это позволить.

— Но это не научит меня ответственности и не даст понять цену кровно-заработанного доллара.

— Господи, ты же цитируешь его. — Изящное лицо Пенни исказила гримаса. — Отличный способ испортить мне настроение.

Мэри Энн засмеялась.

— Если бы он оплатил мое обучение, он бы вмешался в мой пятнадцатилетний план. А я не собираюсь кому-либо это позволять. Даже собственному отцу.

— Ах, да. Пятнадцатилетний план, который я не могу тебя заставить пересмотреть никакими соблазнами, — Пенни убрала прядь волос за ухо, открыв три серебряных серьги. — Закончить школу — два года. Степень бакалавра — четыре. Степень магистра и

доктора — семь. Стажировка — еще год. Открыть собственную практику — год. Да я меньше знаю о том, что буду делать сегодня вечером, чем через пятнадцать лет!

— Я знаю, что ты будешь делать сегодня вечером. Или, по крайней мере, с кем. Грант Харрисон. — Эти двое сходились и расходились на протяжении полугода. В настоящее время они были в разрыве, но это не мешало им встречаться время от времени. — Кроме того, не вижу ничего дурного в небольшом планировании.

— В небольшом?! Ха! Я подозреваю, ты распланировала свою жизнь по секундам. Наверняка ты даже запланировала, какое белье будет на тебе через три года, пять часов, две минуты и восемь секунд.

— Черные кружевные танга, — моментально ответила Мэри Энн.

Пенни на мгновение опешила.

— Почти поймала меня, но танга тебя выдали. Твой вариант — хлопковые шортики.

Думать наперед было так плохо?

— Я же не распланировала совершенно все. Я не настолько педантка.

Пенни хихикала:

— Я знаю тебя на протяжении почти всей моей жизни, и спрашивать людей о чувствах не обязательно то, что всегда хотела делать маленькая Мэри, когда вырастет. Она хотела танцевать балет перед домом на распродаже, поцеловать каждую выдающуюся личность, в которую как раз была влюблена и сделать татуировки цветов по всему телу снизу доверху, пока не будет выглядеть как сад. Ты захотела быть психологом, только когда твоя мама... — когда она заметила, что наступила на больной мозоль, то только добавила: — Так ведь?

Улыбка Мэри Энн поблекла. В тайне она была не так уверена, могла ли она возразить своей подруге. Раньше она действительно была довольно дикой, вгоняя своих родителей в отчаяние, слишком много говорила и смеялась, всегда хотела непременно быть в центре внимания и приходила в ярость, если не могла притворить свое желание в жизнь. Затем ее мама погибла в автомобильной аварии, в которой также участвовала Мэри Энн. Она три недели пролежала в больнице. Ее телесные раны действительно излечились, но душевные нет.

После возвращения ее дом погрузился в траур, а Мэри Энн и ее отец все дальше и дальше удалялись от спорящей, но любящей семьи, которой они когда-то были. И со временем скорбь сплотила ее и ее отца. Он стал ее лучшим другом, и главной целью Энн стало, чтобы он гордился ею.

Когда она сказала ему, что, возможно, хотела бы стать психологом в клинической психиатрии, также как он, ее отец сиял, как будто он как раз выиграл в лотерею. Он обхватил ее руками, закружил и впервые за долгое время улыбнулся. После этого она ни в коем случае не смогла бы выбрать другой путь, не важно, как бы сильно она не хотела изучать это. Теперь она даже не могла себе представить, что она изучала бы что-то другое кроме психологии. И как бы Пенни не упрекала ее за это...

— Давай сменим тему, — резко предложила она.

— Отлично. Теперь ты обиделась, не так ли?

— Нет. — «Да. Возможно.» Обычно она не разговаривала о своей маме. Прошло уже несколько лет, но все равное ее воспоминания иногда были слишком свежими и болезненными.

— Тебе стоит лучше думать о твоём будущем, а не о моем.

Пенни издала долгий громкий вздох.

— Я не должна была говорить такого, мне очень даль. Но работать одной тоже не весело. Раньше мы же так много развлекались, — когда Мэри Энн не ответила, Пенни сжала ее руку. — Давай, Мэри. Я же вижу, что ты все еще обижена. Извини меня, пожалуйста. У нас только... сколько? Четверть часа, и в течение этого времени я не хочу ругаться с тобой. Для меня нет ничего и никого настолько важного как ты, и ты знаешь, что я позволила бы отрезать мне ногу и засунуть ее в мою задницу, если бы я могла. Возможно, я бы даже отрезала себе язык и приколола бы к стене в твоей комнате. И тогда я бы...

— Хорошо, хорошо, — Мэри Энн улыбнулась, дурацкие преувеличения ее подруги успокоили ее. — Ты прощена.

— Слава Богу. Правда, моя дорогая, сейчас ты заставила меня попотеть, и ты знаешь, что я ненавижу такой вид работы.

Со своей непреодолимой улыбкой на губах Пенни вытащила пачку тонких сигарет и зажигалку из украшенной жемчужинами сумки. Она прикурила одну и глубоко вдохнула. Очень скоро она выпустила облако дыма, Пенни откинулась назад и вытянула ноги. — О чем ты хочешь поговорить? Ужасные девчонки? Крутые парни?

Мэри Энн прижала свой кофе мокко к груди и отклонилась назад настолько, насколько было возможно.

— Как насчет того, что курение убивает?

— Не важно. Ты меня не переубедишь.

— Как пожелаешь, — ухмыляясь, ответила Мэри Энн. Но улыбка исчезла, когда короткий, резкий порыв ветра врезался в ее грудь. Она потерла место прямо над сердцем и осмотрелась.

Казалось, никто другой не почувствовал странный порывистый ветер.

Такой сильный толчок она чувствовала только однажды. Желудок сжался.

— Если ты не убережешь сигарету ради себя, тогда сделай, пожалуйста, это для меня, — сказала она. — Мне не хотелось бы пахнуть на работе как пепельница.

— Мне кажется, твои розы будут любить тебя несмотря ни на что, — сухо ответила ее подруга и снова затянулась. — Посочувствуй мне. Я нервничаю, и мне это необходимо, — она рассеяно наблюдала за пешеходной дорожкой.

— Почему тогда ты...

— О-о. Парень. На три часа. Только что сел за столик напротив. Темные волосы, лицо как у кинозвезды и мускулы. Господи, да еще какие. И самое прекрасное: он смотрит на тебя. Итак, прекрасно для тебя. Почему, собственно, он совсем не смотрит на меня?

Сердце Мэри Энн стало стучать как дикое. Сначала этот странный ветер, затем темноволосый парень поблизости? «Пожалуйста, пожалуйста, пусть это будет случайностью,» — она наклонилась вперед, приложила руку ко рту и прошептала:

— Грязный?

— Ты имеешь в виду, извращенец ли он? Без понятия, но я с удовольствием бы узнала. Он и правда очень милый.

— Нет, я имею в виду грязный, как перепачканный грязью и черной жижей. Например, моторным маслом. Его одежда порвана?

— Его лицо грязное. Ну да, немного. Грязь размазана, как будто он пытался оттереть ее. Но его футболка чистая и сидит великолепно. Он покрасил волосы в черный, но корни белые. Есть ли у него татуировка? Это было бы сексуально. Как ты думаешь, сколько ему лет? Восемнадцать? Достаточно взрослый, чтобы быть вне закона. Боже мой, он посмотрел

на меня! Мне кажется, что я упаду в обморок!

Все кроме футболки подходило под описание. Возможно, он переоделся.

Мэри Энн переполнило чувство, которое она не могла описать. Возможно, он был здесь, потому что...

По дороге к Пенни она хотела заглянуть на могилу к маме, которая была по пути. Но тогда она бросила взгляд на парня, почувствовала этот странный порыв ветра и затем хотела только убежать прочь.

— Я уже видела его раньше, — сказала она. — Я думаю... как ты думаешь, он преследовал меня?

С большими глазами Пенни уселась поудобнее и пялилась на него без всякого стеснения.

— Вероятно. Что ты хочешь сказать? Сталкер? Это же еще сексуальнее!

— Не смотри на него так! — ахнула Мэри Энн и ударила свою подругу по руке.

Неторопливо, и без тени раскаяния Пенни взглянула на нее.

— Плевать! Будь он хоть маньяком-убийцей с коллекцией человеческих сердец в шкафике. Чем больше я смотрю на него, тем больше он мне нравится. Такой, — она задрожала, — шикарно плохой парень. Я бы предложила ему свое сердце.

Плохой парень. Подходящее описание. Мэри Энн не нужно было оборачиваться, чтобы уточнить, как он выглядит. Его образ намертво отпечатался в памяти девушки. Как и говорила Пенни, у него были черные волосы со светлыми корнями. И еще она не упомянула, что лицо парня было совершенным, как у древнегреческой статуи, вроде тех, что она видела в учебнике по всемирной истории, даже несмотря на грязь. На краткий миг, когда солнечный луч осветил его, Мэри Энн успела заметить, что его глаза испещрены зелеными, коричневыми, синими и золотистыми пятнами. Но затем солнце скрылось за облаками, и эти цвета смешались, образовав глубокий черный цвет.

Но вообще-то цвет не имел особого значения. Глаза были дикими, беспощадными, и она почувствовала тот неотвратимый порыв ветра — необычайного ветра, который стих так же внезапно, как и начался. На мгновение она ощутила удар током, этот взгляд притягивал ее и лишал воли, и в то же время причинял боль. В тот же момент возник и приступ тошноты.

Почему она испытала все это снова только что, хотя и не с такой интенсивностью? Видела ли она его когда-либо прежде? Почему вообще она ощутила все это? Во всем этом не было никакого смысла. Кто же он такой?

— Давай уже склеим его, — взволнованно сказала Пенни.

— Нет уж, давай не будем, — ответила она. — У меня парень есть.

— Нет, у тебя есть озабоченный придурок, который ошивается вокруг тебя, поскольку отчаялся залезть к тебе под юбку, хотя ты постоянно ему отказываешь. Что, само собой, означает, что он занимается этим с кем-то другим, стоит тебе отвернуться.

И было в ее голосе что-то такое... Мэри Энн моментально выбросила парня с кладбища из головы, и хмуро уставилась на подругу.

— Стоп. Ты что-то слышала об этом?

Повисла тяжелая пауза. Затем нервный смешок.

— Нет, конечно же, нет. — Пенни отрицательно замахала рукой. — И в любом случае, я не собираюсь говорить о Такере. Я говорю о том, что ты и этот Таинственный Незнакомец непременно должны познакомиться. Он тебе нравится. Это очевидно. Ты покраснела, и руки у тебя дрожат.

— Я, наверное, простыла. — Насколько плохо то, что она надеялась, что говорит правду? Когда девушка не может выбросить парня из головы, то она... гм... не может выбросить его из головы. Учеба моментально ушла на второй план. Цели позабыты. Мозги превратились в кисель. Она уже видела, как подобное случается с другими много-много раз. Нельзя допустить, чтобы это произошло с ней.

Это одна из причин, по которым она встречалась с Такером. Он был безопасным. Привлекательным и популярным, но безопасным. Он был увлечен футболом, и его не беспокоило, насколько часто она убегала от него на работу или учебу.

— Не будь ханжой! Только разреши, и я позову его сюда. Я выясню его телефон за пять минут, и вы сможете встретиться. Клянусь, я не скажу Такеру.

— Нет. Нет, нет, нет! — Мэри Энн отрицательно замотала головой так, что хвост хлестал ее по щекам. — Во-первых, я бы никогда не стала обманывать Такера.

— Ну, так расстанься с ним, — закатила глаза Пенни.

— И, во-вторых, — продолжила она, игнорируя замечание подруги, — У меня нет времени на то, чтобы тратить время на другого парня. Даже в качестве друга. Оценки никогда не были так важны для меня, как сейчас. Итоговые экзамены того и гляди начнутся.

— Да ты ж круглая отличница. Ты перешелкаешь эти экзамены как орехи.

— Я хочу по-прежнему оставаться отличницей. И единственный способ сдать итоговые экзамены на отлично — продолжать в том же духе. Ты же знаешь, все это нелегко мне дается.

— Ну ладно же. Но когда ты помрешь от стресса и разочарования, ты вспомнишь этот момент и будешь умолять Господа, чтобы он все вернул обратно, и ты приняла мое предложение, — всплеснула руками Пенни и подняла взгляд к небесам. — Кто бы мог подумать, что из нас двоих я окажусь умной!?

Теперь настала очередь Мэри Энн закатить глаза.

— Если из нас двоих ты умная, то какая же я?

— Зануда, хотя и очень милая, — усмехнулась Пенни, однако на этот раз в ее усмешке не было обычного сияния. — Полагаю, ты ничего не можешь с этим поделать. С этой психологической ерундой, которой отец постоянно пичкает тебя. Невозможно достичь успехов во всем, бла-бла-бла. Мэри, говорю тебе, есть люди, которые бесполезны, как пустая пивная бутылка. И Такер — один из них. — Пенни глубоко вздохнула. — Замечательно! Мне и не пришлось ничего делать, а он тут как тут! Ага, ты все правильно поняла. Твой преследователь идет прямо сюда!

Мэри Энн обернулась, прежде чем смогла остановить себя. Это был тот самый парень с кладбища. Она едва смогла скрыть гримасу, когда ее вновь встряхнуло, так же, как и раньше и будто облило кислотой.

По крайней мере, на этот раз мир не свернулся сам в себя, оставляя странное ощущение небытия.

Немного успокоившись, она вновь осмотрела незнакомца. Его джинсы были порваны, но футболку он явно сменил. Эта была чистой и без дыр. Лицо было таким же совершенным, как она запомнила, если честно — оно было слишком безупречным. Глаза парня идеально оттенялись густыми черными ресницами. На фоне прекрасно вылепленных скул, идеальный нос и губы совершенной формы, неодобрительно были сжаты сейчас.

Вблизи она поняла, что парень еще выше, чем ей показалось изначально. Если бы они стояли рядом, то он возвышался бы над ней. Черты его лица были строгими и

решительными.

Шаг за шагом, он нерешительно приблизился. Подойдя, он остановился и опустил рюкзак на пол.

Во рту Мэри Энн от волнения пересохло. Что делать, если он пригласит ее на свидание? Такер был ее первым и единственным парнем. Первым и единственным, кто приглашал ее куда-либо, поэтому ей никогда прежде не приходилось отказывать. Только бы этот парень не пригласил ее. Не надо, пожалуйста, только не это!

А не слишком ли она эгоистична? Большинству парней интересны ее конспекты, а не ее тело. Да, точно.

— Этот день не мог бы быть лучше, — заявила Пенни, хлопая в ладоши.

— Привет, — застенчиво кивнул парень. Затем нахмурился, потер грудь, как будто его ударили недавно. Затем он внимательно осмотрелся.

— Привет, — ответила Мэри Энн, опуская взгляд к железной столешнице. Внезапно показалось, что язык распух и прилип к небу. Хуже того, мозги, похоже, ушли в отпуск, и она не могла придумать, что еще сказать.

Повисло неловкое молчание.

Пенни тяжело вдохнула.

— Ладно уж, я скажу. Ее зовут Мэри Энн Грэй. Учится в одиннадцатом классе средней школы «Кроссрудз». Если хорошо попросишь, я дам тебе номер ее телефона.

— Пенни, — хлопнула Мэри Энн подругу по плечу.

Пенни не обратила на нее никакого внимания.

— Как тебя зовут? В какой школе учишься? — спросила она парня. — «Уайлд Хорс»? — в ее голосе мелькнуло отвращение.

— Я Эйден. Эйден Стоун. Переехал сюда совсем недавно. И я не учусь в государственной школе. — Пауза. — А что не так с «Уайлд Хорс»?

Его голос был глубоким и вызывал странную дрожь. Она заставила себя сосредоточиться на его словах, а не интонациях. Он сказал, что не ходит в государственную школу. Значит, он учится в частной школе, или обучается дома?

— Да ты что, это ж наш главный конкурент, и место, где живут худшие люди на Земле, — оттолкнула стул Пенни. — Но если ты не учишься там, то, может, присоединишься к нам, Эйден Стоун.

— Ну, е-е-если ты не возражаешь? — вопрос был обращен к Мэри Энн.

Прежде, чем она смогла не то, чтобы ответить, а хотя бы придумать ответ, Пенни приосанилась и воскликнула.

— Конечно же, она не против. Только сейчас она сказала мне, что надеется, что ты к нам присоединишься. Садись же, расскажи о себе.

Эйден медленно опустился в кресло, будто опасаясь, что оно оттолкнет его. Солнце восхищенно озаряло его, буквально в преклонении перед его прекрасным лицом. И лишь на мгновение Мэри Энн вновь разглядела те разноцветные точки в его глазах. Зеленые, синие, золотистые и коричневые. Удивительно. Но так же быстро, как появились, они исчезли, оставив оттенок пылающего оникса.

От него исходили запахи сосны и новорожденного ребенка. Почему? Возможно из-за влажных салфеток? В любом случае, он был так грязен, что можно было ожидать намного более неприятного запаха. Вместо этого, приятный запах напоминал ей о чем-то... или о ком-то. О ком-то, кого она не могла представить. Она лишь испытывала внезапное желание

крепко обнять его.

Обнять его?

От влечения, через любопытство и отвращение к влюбленности? Seriously, что с ней не так? И что бы сказал Такер по этому поводу? Она бы никогда не стала флиртовать с другими парнями, — не то, что бы сейчас она флиртowała, — поэтому у нее не было ни малейшего представления, как бы Такер отреагировал на подобное. На футбольном поле он был подобен пиранье, но с ней всегда вел себя очень мило.

— Интересно... Я видел тебя около кладбища, — спросил Эйден у Мэри Энн. — Ты.. Хм... ты не заметила ничего, что могло бы беспокоить тебя?

Он был так нерешителен, что это даже казалось привлекательным. И милым. Желание обнять его усилилось. Но она едва взглянула на него, в неуверенности, что правильно поняла его слова. Почувствовал ли он тот странный ветер так же, как она?

— Неважно, — он медленно усмехнулся, и в этом не просто сравнился с Пенни, но и заметно превзошел ее.

«Наверняка он не почувствовал этого,»- подумала она.

— Ты навещал там кого-то из близких?

— Хм... Нет, я там работаю. Просто, знаете ли, в новостях кричат о том, что несколько могил были осквернены. Я... прибирался там.

А могила ее матери в порядке? Лучше бы так и было!

— Это очаровательно-мерзко, — Пенни выдохнула клубы дыма в его сторону. — Никогда не было соблазна немного покопаться и стащить несколько побрякушек?

К его чести, парень даже не вздрогнул.

— Никогда, — ответил он, прикрывая лицо, в то время как невысокий человек подходил к их столику.

Прячется? Может это его начальник, и он должен был работать в это время?

Она с интересом осмотрела его... и ее взгляд наткнулся на кровоподтек на шее и дыхание ее перехватило.

— Ни хрена себе! Что с тобой случилось? — Две глубоких раны черно-синего цвета. Это же отпечатки зубов, — поняла она и покраснела. Вероятно, это девушка оставила их. Наверняка.

— Неважно. Это личное. Ты не должен отвечать.

Он и не ответил. Лишь прикрыл раны рукой, при этом щеки у него покраснели.

— Отлично! Две ханжи за одним столом, — поняла Пенни, многострадально вздохнув. — А как ты развлекаешься, Эйден? В какую школу ты ходишь, если не в государственную? У тебя есть девушка? Я подозреваю, что есть, поскольку ты слегка потрепан, но я надеюсь, что ты скажешь нам, что между вами все кончено.

Он вновь обратил внимание на Мэри Энн.

— Мне более интересна Мэри Энн. Почему бы нам не поговорить о ней?

«Уклоняется от ответа,» — подумала Пенни.

— Да, Мэри Энн, — Пенни поставила локти на стол, с восхитительной насмешкой.

— Расскажи нам о своем замечательном пятнадцатилетнем плане!

Мэри Энн понимала, чего добивается подруга: та пыталась заставить ее признать свое занудство и понять, что ей нужны эмоции. Сколько раз Мэри Энн говорила ей, что принять проблему — значит сделать первый шаг к ее решению. Должно быть, Пенни слушала внимательно, потому что в этот раз она вела себя как психотерапевт.

— Еще одно твоё слово и я приму твоё предыдущее предложение. Твой язык, приколотенный к стене у меня над кроватью, будет отлично смотреться.

Пенни подняла руки и разыграла полную невинность.

— Я просто хотела расслабить атмосферу, сладкая, — ухмыляясь, она бросила сигарету на бетон и затушила её ногой. — Но, возможно, я сделаю это только, если уйду. Тогда вы сможете познакомиться.

— Нет, — поспешно ответила Мэри Энн, как только её подруга встала, — останься.

— Нет уж. Я только делаю хуже. — Эйден наблюдал за этим диалогом, кивая головой взад и вперед с ошеломленным видом.

— Ты этого не сделаешь, — Мэри Энн схватила Пенни за руку, и дернула её обратно в кресло.

— Ты... — От внезапной мысли её дыхание перехватило. — О нет, который час? — Она поставила кофе на стол, вытащила мобильник из кармана и взглянула на экран. Этого она и боялась.

— Мне пора. — Если не поторопиться, она не успеет вернуться в «Лейку» вовремя.

— Я провожу тебя, мне неважно, куда идти сейчас. — Эйден вскочил на ноги так быстро, что кресло, которое он оттолкнул, ударило мужчину, проходящего сзади. — Прошу прощения, — пробормотал он.

— Я ужасно спешу, поэтому... Я думаю, я лучше пойду одна. Извини. — Так будет лучше всего, сказала она себе. Её кровь по-прежнему кипела в жилах, а живот сжался. Прежде, чем встать, она наклонилась и поцеловала Пенни в щеку. — Приятно было познакомиться, Эйден.

— Взаимно, — в его голосе звучало уныние.

Она отошла на шаг, остановилась. Отошла ещё на шаг, голос из темного уголка её сознания пытался докричаться до неё, чтобы она осталась, несмотря ни на что.

Эйден приблизился:

— Я позвоню тебе? Мне бы очень этого хотелось.

— Я... — Она открыла рот, чтобы сказать «да». В глубине души она хотела увидеть его снова и понять, почему испытывает одновременно боль и привязанность в его присутствии. Но остаток её личности, её рациональная сторона перечисляла все причины, по которым ей стоит держаться подальше от него: Школа. Оценки. Такер. Пятнадцатилетний план. А ещё ей нужно было отстоять право на работу.

— Нет, прости, — вырвалось из её горла.

Она помчалась к «Лейке», размышляя, не сделала ли она только что огромную ошибку. Такую ошибку, о которой будет сожалеть остаток всей своей жизни, как Пенни и предсказывала.

Эйден смотрел, как Мэри Энн удалялась от него.

— Вот ее номер. Если ты все еще хочешь позвонить ей, несмотря на ее невоспитанность, — сказала Пенни, бросив листок бумаги Эйдену. — Второй номер — мой. Если тебе нужен кто-то немного доступнее. — Затем она встала и тоже ушла.

— Спасибо, — крикнул он. Затем усмехнулся и засунул листок в карман. Однако усмешка ненадолго задержалась на его лице. Он не много знал о девушках, но понял, что Мэри Энн Грэй была ему не рада. Что она не хочет иметь с ним дела.

Она почувствовала, насколько другим он был? Стоит надеяться, что нет, так как тогда ему будет невозможно уговорить ее, провести с ним время. А она должна, Эйдену нужно было поговорить с ней и познакомиться. Это новое спокойствие, которое он почувствовал, по факту наступало благодаря ей.

Это тоже было странно. Чем дольше он сидел рядом с ней, тем сильнее ему приходилось сражаться с желанием убежать прочь. Это не имело никакого смысла. Вблизи она была еще красивее, чем он представлял, у нее были свежие щеки и зелено-карие глаза. Она была умна и могла выступить против подруги. Любой другой парень предпочел бы свидание с Пенни, но, когда Эйден разговаривал с Мэри Энн, в нем внезапно проснулось такое расположение, как будто он должен был растрепать ей волосы и дразнить ее друзьями. (Ему действительно не нужно больше доказывать, как странно это было.) И тогда было еще это странное глупое чувство, что он должен бежать, спасти свою жизнь.

Он не находил причину, которая бы убедила его бежать от нее. Когда он заметил ее в кафе, его голоса снова испуганно закричали, но затем они замолчали, и наступила тишина, это было чудесно.

Как она это делала? Она вообще знала, что она делала? Она не выглядела так, потому что ее прекрасное лицо казалось совершенно непричастным и невинным.

Он еще не был уверен, была ли эта девушка из его видений. Хотя она и выглядела так, но при мысли о поцелуе с ней, у него вытягивалось лицо. Это казалось неправильным, абсолютно неправильным. Может быть, надо надеяться, это изменится, если он для начала узнает ее.

По дороге домой он следил за тем, чтобы оставаться на тротуаре около кладбища, а затем на главной дороге. Когда он второй раз споткнулся о мусор, каждая рана на его теле запульсировала.

«Сегодня ночью будет очень больно,» — произнес Калев.

Да. В дополнение к боли от ушибов через несколько часов начнет действовать яд и придавит его окончательно.

«Постепенно ты меня очень обижаешь, Эйд», — внезапно сказал Элайджа. «Этот поток воздуха, или чего-то там, что засасывает в эту черную дыру, мне очень не нравится.»

— Расскажите мне об этом. Что еще за черная дыра, я имею в виду?

«Темно, пусто, тихо. И, кстати, я хотел бы знать, как ты это делаешь?»

«Девушка, я видела ее всего мгновение», — сказала Ева.

«Девушка», — выпалил Джулиан. — «Глупая девчонка изгоняет нас? Как?»

— Эта та девушка, которую я видел во сне, Элайджа? — об этом он мог бы спросить и пораньше.

«Без понятия. Я не видела ее».

О.

«Ну, я видела ее, и почти уверена, что знаю ее. Она кажется мне довольно знакомой», — Ева задумчиво остановилась. Затем отчаянно вздохнула. — «Но я не знаю, почему.»

Остальные не могли видеть образы, которые возникают в голове у Элайджи, только Эйден мог рассмотреть их. Так что Ева знала ее не из видений.

— Мы здесь всего несколько недель и впервые сегодня покинули ранчо. Кроме Дэна и лузеров мы еще никого не видели. — Под лузерами он имел в виду «своенравную молодежь на «Д и М ранчо».

«Я точно знаю, что знаю ее. Определенно. Откуда-то. Возможно, из одного из тех городов, где мы бывали.»

— Ты пра... — когда Эйден заметил, что разговаривает вслух сам с собой, то удостоверился, нет ли кого в зоне слышимости. Он мог бы просто отвечать мысленно, а не произносить слова вслух, но в голове всегда стоял такой постоянный шум, что у душ была проблема с тем, чтобы отличить его слова от всего остального.

Когда солнце, наконец, медленно садилось, перед ним появилось ранчо. Огромный комплекс состоял из темно-красных деревянных домов, которые окружали ветряные мельницы, буровая вышка и высокий, кованный, железный забор. Везде паслись коровы и лошади, щебетали сверчки, лаяла собака. Он не ожидал, что когда-либо начнет жить в таком месте, и он ну ни как не походил на ковбоя, но понимал, что ему больше нравятся широкие свободные просторы, чем тесные дома в городе.

Дальше позади стояли сарай и дом, в котором спали он и остальные ребята. Большинство из них были на улице с руководителем мистером Сикаморе, собирали сено, косили траву или сгребали навоз на удобрение в тачку. Эти задания должны были помочь им понять цену «тяжелого труда и степень ответственности». Если спросить Эйдена, он бы сказал, что они учили при этом только ненавидеть работу.

К счастью у всех сегодня был выходной. Когда он неторопливо прошел через ворота, никого по близости не было.

— Конечно, она могла бы жить в то же время в другом городе, где и я, даже если это маловероятно. Но я повторяю, что никогда не видел ее до сегодняшнего дня, по крайней мере, насколько я знаю, — Эйден призвал их к разговору. Если бы он и Мэри Энн уже пересекались раньше, он бы уже тогда испытал бы это удивительное молчание. И не забыл бы об этом.

Калев засмеялся, но с едким оттенком.

«Ты всегда ходишь, опустив голову, и отводишь глаза, не важно, где ты. Ты мог бы пересечься со своей матерью и даже не заметить.»

Это было правдой.

— Но меня отправляли из одной Психбольницы в другую, даже в колонию для несовершеннолетних, а там не было девушек. Сегодня я впервые оказался снаружи, не важно в каком городе. Где же я должен был ее встретить?

Мягкий вздох Евы пронесся у него в голове.

«Я не знаю.»

«Я все еще считаю, что тебе стоит уйти с ее дороги,» — серьезно заявил Элайджа.

— Почему? — увидел ли ясновидец в его голове что-то о смерти Мэри Энн и теперь хотел защитить его от тяжелой утраты? Эйден боролся с внезапно окутавшим его страхом.

Когда Элайджа говорил ему, где и когда кто-то умрет, тогда это происходило именно так, как он говорил. Без исключений. — Почему? — повторил он хрипло.

«Просто... Потому.»

— Почему! — требовал он, его голос прозвучал грубее, чем хотелось. Ему нужно было веское основание, иначе он отыщет ее при первой же возможности. Хоть какая-то причина, а не это молчание в ответ.

«Ну, что касается меня, то мне не нравится как бессильно я себя чувствую, когда ты рядом с ней,» — произнес Джулиан.

— Элайджа? — продолжал настаивать Эйден.

«Мне просто она не нравится, ворчливый экстрасенс. Теперь доволен?»

«Ну, хотя бы не близкая смерть. Слава богу.»

Эйден подпрыгнул, как одна из собак Дэна, София, черно-белая колли, которая путалась под ногами и лаем привлекала внимание. Дэн трепал ее по голове, и она продолжала танцевать вокруг него. Пока Эйден стоял там, одна идея пустила корни в его голове. Он не признался еще в этом, только сказал.

— Ну, она действительно нравится мне, и я хочу — мне нужно — проводить с ней больше времени.

«Тогда тебе нужно найти способ освободить нас, — произнес Элайджа. — Еще раз попаду в черную дыру и свихнусь.»

— Как? — Они уже перепробовали тысячу разных способов. Экзорцизм, колдовские чары, молитву. Ничего не работало. А учитывая угрозу его собственной смерти, дело становилось совершенно безнадежным. Не только спокойствие дало бы ему это в последние годы — месяцы? Недели? — его жизни, он не хотел, чтобы его единственные друзья умерли вместе с ним. Эйден хотел, чтобы они жили собственными жизнями. Жизнями, которые они так хотели.

«Давай скажем, что мы нашли выход, — Ева сделала паузу. — Тогда нам понадобятся тела, живые тела или, я боюсь, мы останемся эфемерными как призраки.»

«Действительно. Но тела — это не та вещь, которую можно заказать онлайн,» — добавил Джулиан.

«Эйден обязательно найдет способ,» — уверенно ответил Калев.

«Возможно», — хотел сказать Эйден, но не сказал. Ни к чему разрушать их надежды. Когда он подошел к главному зданию, только пробормотал.

— Мы закончим этот разговор позже.

Свет был приглушен, никаких шаркающих шагов или звона посуды. Тишина. Ничто не говорило о том, кто там скрывался.

Он постучал в парадную дверь. Подождал какое-то время. Постучал снова. Подождал еще. Никто не появился. Его плечи разочаровано опустились. Ему не терпелось поговорить с Дэном и осуществить пока еще не высказанную идею.

Вздохнув, он поплелся к ночлежке. София залаяла и, наконец, прибежала. Внутри теплый свежий ветерок сменился пыльным воздухом. Эйден собирался принять душ, переодеться и возможно немного перекусить, затем вернуться к дому. Если Дэн не вернется к тому времени, ему придется ждать следующей недели, чтобы поговорить с ним. Эйден не забыл, что яд, прямо сейчас распространяющийся по его венам, свалит его на ближайшие несколько часов, и тогда он никому не будет рад.

Это как затишье перед штормом.

Послышался шепот голосов, и Эйден попытался на цыпочках пойти в свою комнату. Но половица скрипнула, и секундой позже донесся хорошо знакомый голос.

— Эй, шизик. Иди сюда.

Он остановился, уставившись на толстые деревянные бревна, тянущиеся вдоль потолка и сомневаясь, сможет ли он ускользнуть. Он и Оззи никогда не ладили. Возможно потому, что каждое слово, вылетающее изо рта этого парня, было оскорблением. Но тем не менее. Еще одна драка, словесная или какая-либо другая и его выгонят. Он уже получил предупреждение.

— Йоу, шизик. Не заставляй меня идти за тобой.

Послышался хохот.

«Так это овечка Оззи там.»

«Уходи. Я не перенесу еще одной ругани сегодня,» — взмолился Джулиан.

«Уйдешь, и они будут думать, что ты слабый,» — высказал свое мнение Элайджа, следовательно имелся большой шанс, что оно окажется правдой, — «И тогда тебя никогда не оставят в покое.»

«Неверно. Когда выгонят, тогда будет тебе покой, — сказал Калев. — Кроме того, ты не можешь драться с ними в твоем состоянии.»

«Просто покончи с этим, — решительность Евы сделала ее голос резким. — Иначе всю ночь будешь беспокоиться, что на тебя нападут. А в таком болезненном состоянии это не то, что тебе нужно.»

Сжав челюсть, он проследовал в свою комнату, сбросил рюкзак и пошел через зал в комнату Оззи.

«Ты всегда слушаешь Еву,» — жалобно произнес Джулиан.

«Потому что он умный,» — ответила Ева.

«Потому что он — подросток, а ты — женщина,» — проворчал Калев.

«Раньше ты на это не жаловался.»

Когда Эйден появился в дверях, Оззи рассматривал его сверху вниз, дьявольски ухмыляясь. — Чем ты там занимался? Развлеклся с пылесосом, потому что нет настолько отчаянных девушек, готовых прикоснуться к тебе. Или, может быть, к тебе подключился один из твоих выдуманных друзей? Кто это был на этот раз парень или девушка?

Остальные из компании захихикали.

— Это была девушка, — ответил Эйден. — Она как раз пришла от тебя, и была так разочарована.

— Съел, — засмеялись остальные.

Оззи замер, прищутив глаза.

Оззи был здесь около года, на месяцы дольше, чем все остальные. С тех пор как здесь появился Эйден, его привлекали за наркотики и неоднократно за магазинные кражи, а его родители больше ничего не хотели иметь с ним общего.

— Я ухожу отсюда, — ответил Эйден.

— Стой там, — Оззи держал в руках наполовину выкуренный косяк. Его светлые волосы стояли торчком, как будто он слишком часто проводил по ним руками. — Ты сейчас затынешься вот этим. Тебе нужна помощь с твоим сумасшествием.

Очередной взрыв смеха.

— Нет, спасибо, — Эйден не хотел добавить к своему длинному списку прежних судимостей теперь еще и «злоупотребление наркотиками».

— Я не спрашиваю тебя, — рявкнул Оззи. — Кури. Сейчас же.

— Нет. Спасибо, — Эйден осмотрел комнату. Она была такая же, как и его. Голые белые стены, двухъярусная кровать с одинаковыми коричневыми одеялами наверху и внизу, комод и письменный стол. Больше ничего. Ни постеров, ни фотографий в рамке.

«Чтобы они быстрее забыли прошлое и могли сконцентрироваться на будущем,» — всегда говорил Ден об отсутствии излишеств. Эйден предполагал, скорее все дело было в том, что парни так быстро сменяли друг друга.

— Давай уже, ч-чувак. П-просто сделай это, — Шеннон, черный парень и самый высокий из них, устроился на полу на нескольких подушках. Его зеленые глаза покраснели, один распух. После недавней драки? Вероятно. Обычно, когда он начинал заикаться, другие парни высмеивали его, а затем он бил их в ответ. Почему он вообще до сих пор общался с ними, Эйден не понимал. — Т-тогда, возможно, т-ты забудешь, что ты такой с-сумасшедший.

Сет, Терри и Брайан согласно кивнули. Трое из них могли бы сойти за братьев. У них были темные волосы, темные глаза и похожие друг на друга мальчишеские лица. Хотя их индивидуальные стили отличались. У Сета были широкие, красные пряди в волосах, на внутренней стороне запястья красовалась татуировка змеи. Терри носил длинные волосы и неряшливую, безвкусную одежду. Брайан всегда был прилизанным.

Было сложно еще раз сказать нет. Прежде всего, так как он знал, что это облегчит подступающую боль. Но он не сделал этого. Если бы затянулся, он не только забыл бы, кем он был, но и о том, что хотел поговорить с Дэном. А это было важно. Если бы Дэн согласился на его план, он виделся бы с Мэри Энн гораздо чаще.

Ради такого он был готов отказаться от всего.

— Ну, как хочешь, чувак, — Оззи глубоко затянулся косяком, пока дым не окутал его лицо. — Я знал, что ты жалкий.

«Не реагируй»

— Где Райдер? — он был шестым членом их команды.

— Дэн нашел в его комнате пакетик, пустой конечно, иначе они уже выкинули бы его. Дэн поехал с ним в город, чтобы сделать тест на наркотики, — ответил Сет. — Они вернутся самое раннее через несколько часов. Поэтому небольшая вечеринка.

— Вечеринки как кексы, — ухмыляясь, добавил Терри.

«Хм, что?»

— Нет, вечеринки — это как мочиться в кружку, — сказал Брайан, и все взорвались хохотом, будто это была самая смешная шутка всех времен.

— Он тупо обкурился пару раз? — поинтересовался Эйден.

Внезапно раздался стук в парадную дверь и скрип дверных петель.

— Мы вернулись, — крикнул нервно Райдер. Он, должно быть, знал, чем парни тут заняты.

— Вернутся через несколько часов, значит? — усмехнулся Эйден.

Оззи выругался и поспешил спрятать косяк, бросив его в металлическую коробочку и захлопнув сверху крышкой, чтобы сдержать дым.

Сет быстро схватил баллончик освежителя воздуха и побрызгал им по кругу. Терри закинул подушки обратно на кровать. Брайан суетливо искал выход. А Шеннон замер на месте, обхватив голову руками. На вошедшем в комнату Райдере стояли дыбом рыжие волосы, губы были угрюмо искривлены.

Дэн шел прямо за ним. Он остановился в дверном проеме рядом с Эйденом, большими пальцами зацепившись за пояс и в низко надвинутой на глаза кепке. Неодобрение омрачило его сильно загорелое лицо, когда он вдохнул воздух.

— Я пытаюсь беречь вас, мальчики. Вы же понимаете это, не так ли?

Некоторые со стыдом опустили глаза. Оззи только ухмыльнулся. Никто не произнес ни слова.

— Заканчивайте уборку, а затем я хочу, чтобы вы сделали что-то полезное. А именно, каждый из вас возьмет книгу из коробки, что я принес вам на прошлой неделе, и прочитает минимум пять глав. Завтра за завтраком вы расскажите мне, о чем вы читали.

У парней вырвались разочарованные стоны.

— Прекратите, сейчас же, — Дэн задумчиво осмотрел каждого из компании. Когда его взгляд упал на Эйдена, он удивленно моргнул, как если бы только что осознал, что Эйден здесь. — Пошли, прогуляемся, — не дождавшись ответа Эйдена, тяжелой походкой вышел из ночлежки. Дверь громко захлопнулась за ним.

— Скажешь ему, где мой тайник, — прорычал Оззи. — И я перережу тебе горло.

— Попробуй, — бросил Эйден через плечо, уходя.

«Тебе обязательно было подначивать его?» — спросила Ева, явно расстроившись.

— Да, — Эйден не любил, когда ему угрожают.

Оказавшись снаружи, парень глубоко вдохнул свежий воздух. Солнце опустилось еще ниже, сумерки сгущались. Это было прекрасным контрастом к его внезапному оптимистичному настроению. Впервые, возможно за все время, Эйден надеялся, что его жизнь изменится к лучшему.

Дэн в нескольких шагах от него брел в сторону северного пастбища, и Эйден поспешил догнать его. Несмотря на то, что Эйден был чуть выше шести футов, Дэн был выше него.

Несколько раз за прошлую неделю, когда Эйден думал, что никто в его голове не замечал, он представлял, что Дэн его отец. Они были явно похожи: светлые волосы (до того, как Эйден перекрасился, чтобы прекратить шутки на блондинистую тему), немного полные губы и квадратный подбородок. Он заставил себя прекратить думать об этом, что привело его в уныние.

Как на самом деле выглядел его отец? У Эйдена не было ни одной его фотографии. Не было даже никаких воспоминаний о нем. Единственной вещью, которую он знал о человеке, который дал ему жизнь, было то, что он, так же как и все, решил, что Эйден псих. Тогда как Дэн, менее всего, относился к нему, как к психически неуравновешенному ребенку, нуждающемуся в тюремном заключении.

— Давай перейдем к сути вопроса, не против? — спросил он, когда Эйден догнал его. Он прижал руку к кепке, защищая глаза от солнца, чтобы лучше осмотреть землю пастбища. — Чем ты занимался сегодня?

Эйден сглотнул. Он ожидал этого вопроса, даже придумал ответ на него. Но единственное, что он смог выдавить из себя:

— Ничем.

Он ненавидел врать Дэну, но пришлось. Кто бы поверил, что он сражался с трупами?

— Ничем, да? — Дэн недоверчиво приподнял бровь. — Ничем — причина того, что у тебя все лицо измазано какой-то дрянью, а на шее следы укусов? Ничем — причина, что ты пропадал где-то весь день? Ты же знаешь, что должен ставить меня в известность.

— Я оставил записку, что я пошел осмотреть город, — И это была правда. Он

осматривался. Не его вина, что он случайно наткнулся на оживших мертвецов. — Я не делал ничего противозаконного или приносящего вред кому-либо, — И это тоже было правдой. Не было нарушением закона убить уже мертвого человека и нельзя причинить вред трупу. — Даю слово.

Дэн вытащил зубочистку из кармана рубашки и зажал ее между зубами.

— Осмотр города в собственный выходной — это хорошо, я это даже поддерживаю, особенно, если даю согласие перед этим. Но я тебе не давал разрешения. Я бы дал тебе сотовый телефон с собой, чтобы, в случае чего, мог связаться с тобой. Но ты не дал мне такой возможности. Ты кинул записку на кухонный стол и слинял. Я мог бы позвонить социальному работнику, и тебя бы забрали отсюда.

Социальный работник, Мисс Киллерман — из-за нее Эйден оказался здесь. Она была чертовски старой, хотя, скорее всего, ей было что-то около тридцати, как и Дэну, и казалась Эйдену куском льда. Она была закреплена за ним с тех пор, как его перевели из предыдущего учреждения. Он получил, конечно, куратора, но не мог выходить за территорию.

Он подал жалобу. Когда Киллерман рассказала о «Д и М» и отправила туда запрос на прием, он был потрясен. А когда место, наконец, освободилось, он был вне себя от радости. Подумать только, что он мог бы сейчас потерять это место, что заранее его так пугало, остаться без Дэна, даже если бы он узнал, что Эйден опустошает кладбища.

— Эйден, ты меня слушаешь? — спросил Дэн. — Я сказал, что мог бы позвонить социальному работнику и доложить об этом.

— Я знаю. — Он поднял глаза на Дэна, чье лицо скрывала тень. — Ты это сделаешь?

Тишина. Ужасающая тишина

Затем Дэн взъерошил волосы.

— Не в этот раз. Но я не собираюсь всегда быть таким добрым. Ты понял меня? Я верю в тебя Эйден. Я хочу, чтобы у тебя все было хорошо. Но ты должен соблюдать мои правила.

Такой жест был неожиданным, такие слова очень удивили. Я верю в тебя. Что-то жгло его глаза. Эйден отказывался верить, что это были слезы, даже когда его подбородок начал трястись. Он никогда не считал своего наставника тряпкой.

— Ты все еще принимаешь свои лекарства? — внезапно спросил Дэн.

— Да. Конечно, — Ложь. Правда, полправды или даже недомолвки не сработали бы в этот раз. Признание, что он спустил таблетки в унитаз, было хуже, чем побег в город. Кроме того, Эйден не нуждался в таблетках. Они делали его бессильным, уставшим и затуманивали мысли. Что он и начинал сейчас чувствовать, покачиваясь от накатившего головокружения. Тупой трупный яд. Кроме того, головокружение подтолкнуло перейти к важному для Эйдена вопросу. — Вообще-то, я искал вас, когда пришел. Я... я..., - Давай же, просто скажи это. — Я хочу ходить в государственную школу. Кроссрудз Хай. — Ну вот. Сказал. И назад слово уже не возьмешь назад.

Дэн сдвинул брови.

— Государственная школа? Почему?

На этот вопрос было только одно правдоподобное объяснение.

— Я никогда не был среди нормальных, обычных детей моего возраста. Я думаю, это было бы полезно для меня. Я мог бы наблюдать за ними, заниматься с ними общим делом, научиться чему-то у них. Пожалуйста. Я не пропустил ни один сеанс терапии, с тех пор как я здесь. Я хожу на нее дважды в неделю. Доктор Куин думает, что я делаю успехи. — Доктор

Куин была последней, кто пытался его вылечить. На самом деле она нравилась ему, она, казалось, действительно заботилась о нем.

— Я знаю. Она держит меня в курсе.

В этом также была причина, того, что Эйден предпочитал следить за тем, о чем он разговаривает с действующим из лучших побуждений доктором. Накатила следующая волна головокружения, и он потерял виски.

— Если вы просто позвоните Мисс Киллерман, она сможет подписать необходимые бумаги, я смогу пойти на занятия уже на следующей неделе. Я пропущу только первый месяц. Эта школа будет началом моей новой нормальной жизни, которую, по вашим словам, вы для меня хотите.

Дэн сказал, не раздумывая.

— Звучит хорошо в теории... Не важно, о чем вы беседуете с доктором Куин, ты все еще разговариваешь сам с собой. Не пытайся отпираться, потому что я слышал сегодня утром. Кроме того, ты часами сидишь, уставившись в одну точку, исчезаешь, а, когда я вместе с другими ребятами тебя все-таки находим, ты раздраженный и злой. Поэтому я знаю, что ты ни с кем не подружишься. Извини, парень, но мой ответ — нет.

— Но...

— Нет. Это мое окончательное решение. На данный момент.

— Я не завожу друзей здесь, потому что никто из них мне не интересен.

— Возможно, ты недостаточно пытаешься узнать их.

Эйден сжал кулаки, и краска залила его лицо. Он не знал, от яда это или от злости. Возможно, он не достаточно старался, но с чего он должен был это делать? Он не хотел заводить дружбу с Оззи и его баранами.

— Я знаю, что ты злишься, но так будет лучше. Если хотя бы один студент по твоей вине пострадает, тебя отправят в тюрьму, без вариантов. И, как уже говорил, я не хочу, чтобы это случилось. Ты хороший парень с большими возможностями. Позволь им проявиться. Хорошо?

Злость немного отпустила Эйдена — Дэн был так добр к нему. Но решимость, однако, только усилилась: он должен посещать эту школу, должен проводить больше времени с Мэри Энн. Конечно, он мог «случайно» пересечься с ней в городе, но когда? Как часто? Школьные занятия были пять дней в неделю, по семь часов в день. Там бы у него была прекрасная возможность узнать что-либо о ней, о том, как она на время, как бы, давала ему ощущение покоя.

В течение тех семи счастливых часов он бы чувствовал себя в покое. Ради этого он сделал бы что угодно. Даже... Он сглотнул, не решаясь закончить пугающую его мысль.

— Вы уверены? — спросил он, давая Дэну последнюю возможность изменить свое решение.

— Совершенно.

— Хорошо, как скажете. — Эйден осмотрел пастбище, затем кинул быстрый оценивающий взгляд назад — хорошо ли парням было видно его из ночлежки, если вдруг они решили бы посмотреть в окно. Все прекрасно было видно. К несчастью, это могло только помешать. Хотелось бы надеяться, что, если они наблюдали сейчас, то приняли бы то, что произойдет за галлюцинации, так как обкурились.

«Ты действительно собираешься это сделать?» — спросил он себя. Все, что угодно могло пойти не так. И тогда его бы заперли где-нибудь навсегда, чтобы изучать и

исследовать пределы его возможностей. Дрожь пробежала по всему его позвоночнику, и он облизнул пересохшие губы. Да, он действительно собирался. Не было другого пути, результат слишком важен.

«Я знаю, что ты задумал, Эйд, и это плохая затея,» — Если бы у Калеба было собственное тело, он бы схватил Эйдена за плечи и, как следует, встряхнул. «Вообще-то, ужасная идея. И не надо быть экстрасенсом, чтобы понять это.»

В последний раз, когда он делал что-то подобное, он неделю пролежал в постели, холодный, трясущийся, вздрагивающий от каждого шума, любое прикосновение к коже было непереносимым. А сейчас, с ядом в крови, последствия могли быть в тысячи раз хуже.

«Эйден», — начала было неизбежную лекцию Ева.

— Прости, Дэн. — Произнес парень... прежде чем шагнуть в его тело.

Он завопил от мучительной боли от трансформации из твердой оболочки в бесформенный туман, которая также заставила закричать и Дэна. Они упали на колени в приступе дурноты и головокружения. Окружающие цвета смешались: зеленый цвет травы с коричневым цветом коров, ярко-красный трактор с желтой пшеницей. Он задыхался, его бил озноб, а желудок грозил вывернуться наизнанку.

Глубокий вдох, глубокий выдох. Несколько минут ушло на то, чтобы найти центр тяжести. Боль ослабела, но не намного.

«Ты таки взял и сделал это,» — набросился Калеб.

— Он этого не запомнит, — Это было странно, осознавать, что говорит он один, а слышатся несколько разных голосов. — С нами все будет в порядке, — Он надеялся.

«Ну же, делай, что хотел и валим отсюда,» — произнес Джулиан. «Боже, иногда я не могу тебе доверять.»

Элайджа застонал

«Если бы кто-то когда-то изучил, как ты это делаешь...»

— Никогда этого не будет, — снова выразил надежду Эйден. Он заставил руку Дэна найти и вытащить из кармана сотовый телефон, так, как будто это тело было его собственным. Рука тряслась, но он сумел прокрутить список номеров и найти Тамару Киллерман. Ее номер был на быстром наборе.

Нервно глотая воздух, Эйден нажал кнопку вызова.

— Алло? — социальный работник ответила после трех гудков.

«Ты еще можешь избежать неприятностей, дорогой. Ты не должен этого делать, не должен рисковать тем, что все узнают, какой ты на самом деле.»

— Здравствуйте, Мисс Киллерман, — голова закружилась еще сильнее, а желудок скрутило еще больше. Соберись. — Это Эд-Дэн Ривз.

Пауза. Смех.

Смех? От невозмутимой и сдержанной Киллерман? Он знал ее около года, и она редко когда даже улыбалась. Эйден удивленно сощурился.

— Мисс Киллерман, не так ли? — Что-то безжизненное было в тембре ее голоса, что вызвало у Эйдена приступ тошноты. — Вчера ты называл меня «дорогая».

— Я... ээ...

— Так, как у тебя дела, малыш, и когда я смогу снова тебя увидеть?

Малыш? С чего она — Резко пришло осознание, и он помрачнел, едва справляясь с разочарованием и злостью. Дэн был женат. Единственная кого он мог называть «детка», так это свою жену. Эйдену нравилась Мэг Ривз. Она замечательно готовила, всем улыбалась и

никогда его не ругала. Она даже напевала, когда делала дома уборку.

В этот момент Эйден копался в воспоминаниях Дэна, он хотел знать, почему мужчина мог изменить такой замечательной женщине. Но чтение мыслей не оказалось в числе его способностей. Не имеет значения. Закончи разговор до того, как станет совсем плохо.

— Послушайте, Мисс Киллерман. Я хотел бы, чтобы Хейдена Стоуна зачислили в государственную школу. Кроссрудз Хай.

— Хэйдена? — Теперь она была поражена, и Эйден представил ее милое, но холодное лицо, застывшее в замешательстве. — Который психиатр? Зачем?

Он гневно сжал зубы. «Я не психиатр!»

— Взаимодействие с другими учениками пошло бы эм... ему на пользу. Кроме того, за то короткое время, что он находится на ранчо, ему стало намного лучше, так что я даже не знаю, почему он здесь. — Достаточно?

— Это, конечно, хорошо, но ты уверен, что он готов? Когда мы вчера говорили с тобой, ты сказал, что он медленно продвигается.

«Он так сказал? В самом деле?»

— Вчера я говорил не об Эйдене. Я говорил об Оззи Хармоне.

«Выкуси, чувак».

— Эйден абсолютно готов.

— Абсолютно? — она снова засмеялась, — Дэн, ты в порядке? Ты как-то... я не знаю, не похож на себя.

Он покачнулся, едва удержался, чтобы не упасть.

— Я в порядке. Просто устал. В любом случае, если бы ты дала делу ход, я был бы очень признателен, — Именно так мог бы сказать сам Дэн. — Хорошо?

— Хорошо. Я подумаю. Но ты все еще хочешь, чтобы Шеннон Росс так же посещал Кроссрудз?

«Шеннон? Почему он? И почему никто ничего не говорил об этом?»

— Да. Поговорим позже, — И добавил прежде, чем она успела что-то еще спросить. — Детка.

Щелк.

Долгое время Эйден стоял, уставившись на телефон, стараясь дышать, его дрожь усилилась. К счастью, мисс Киллерман никогда не перезванивала.

Позже, когда Дэн окажется один, он будет помнить разговор с Эйденем и что собирался позвонить по собственной воле. Он удивится, почему хотел это сделать, но не вспомнит, что Эйден завладел его сознанием. Никогда не вспомнит. Возможно, потому что разум не сможет осознать это. Возможно, потому что Эйден забрал воспоминания с собой.

Так или иначе, он сомневался, что Дэн перезвонит Киллерман и отменит свое решение. А вот выполнит ли она свое обещание и даст делу ход?

Только время покажет.

Все, что сейчас оставалось Эйдену, так это ждать.

«Ждать и стараться выжить,» — думал он, а пока его и Дэна скрутило и стошнило. Отлично. Его сражение с ядом, наконец, началось.

Следующие шесть дней Эйден то приходил в сознание, то снова проваливался в забытие. Несколько раз он хотел сдаться, просто чтобы все это закончилось, и его тело перестало быть комком обжигающей боли. Но он не сдавался, продолжая бороться. Бороться сильнее, чем когда-либо. Одна мысль удерживала его: покой, который придет вместе с Мэри Энн.

Несколько раз, во время галлюцинаций, ему казалось, что он видит ее парящей над ним, и ее длинные темные волосы щекотали его. Или способности Элайджи расширились, и он получил, не доступную обычным смертным, возможность заглянуть в будущее. Только, в отличие от реальности, ее кожа была бледной, а не загорелой и горячей, словно ожившее пламя. Кроме того, глаза были ярко-голубыми, вместо карих.

Эти различия можно было объяснить по-разному. Все его видения могли быть вовсе не о Мэри Энн, и ему еще предстояло встретить свою брюнетку, или в его болезненном состоянии сознание просто все перепутало.

И то, и другое было вполне возможно. Эйден понимал, что бесчисленное количество раз он видел брюнетку в темных глубинах своего разума, но так и не смог сохранить в памяти черты ее лица.

Но лицо, которое видел на этот раз, он никогда не забудет.

— Спи, — сказала она, нежно проведя по лбу кончиками пальцев, за которыми остался обжигающий след. — Когда ты поправишься, нам многое надо будет обсудить.

— О чем? — еле прохрипел Эйден.

«О том, как ты вызываешь моих людей. О том, как я все еще чувствую вибрации от тебя. Также о том, как эти вибрации прекратились на некоторое время. О том, почему мы нужны тебе. О том, позволим ли мы тебе жить или нет. Мы поговорим, как только твоя кровь перестанет пахнуть мертвечиной».

Смысл этой беседы он никак не мог объяснить.

В отличие от его прошлых встреч с Мэри Энн, сейчас у него не было желания убежать от этого ведения, Эйден только хотел крепко обнять ее, как будто бы сестру. К тому же, он не почувствовал неприятный порыв ветра. Эйден хотел взъерошить ее волосы, притянуть ближе к себе, совсем близко, чтобы впитать ее запах — жимолости и розы — поцеловать так, как в своих прошлых видениях.

В конце концов, все же лихорадка прошла, мышцы перестало сводить, и галлюцинации прекратились. Все, что он чувствовал — это слабость и голод.

Наконец, Эйден с трудом смог подняться с кровати, его единственная одежда — боксеры — пропитались потом и липли к коже. В тайне от всех, в душе стеной от боли, ему удалось пережить худшее — только бы избежать больниц и врачей, которые мучают, колют иглами и задают вопросы. Боже, эти вопросы.

Эйдена освободили от занятий и дежурства в коровнике на всю неделю. Дэн присматривал за ним, то и дело заходя к нему в комнату. На его лице читалась недоверчивая обеспокоенность. Эйден не помнил, говорили ли они по душам, а том, что происходит. Он помнил только, что Дэн спрашивал его, знает ли он что-либо об осквернении кладбищ. Очевидно, несколько таких кладбищ обнаружили, как он и боялся. Но ему хватило хладнокровия сказать нет.

Эйден накинудся на сэндвич с арахисовым маслом, что принес Дэн во время своего

последнего визита и умял его за три укуса. Желудок успокоился, он быстро принял душ и переоделся в джинсы и чистую серую футболку. Дэн собирался взять его и Шеннона за покупками. Это, действительно, он помнил. Шеф никогда не делал этого раньше, и Эйден смог придумать только одну причину для этой поездки: Дэн собирался дать свое разрешение на посещение Кроссроудз Хай.

Его намерение было очевидным. Но многое могло пойти не так: мисс Киллерман могла изменить свое мнение и решить не следовать рекомендациям Дэна, Дэн мог списать свое «решение» направить Эйдена в государственную школу на минуту помешательства и отозвать документы.

Эйден вздрогнул от громкого стука в дверь — Шеннон заглянул внутрь. В его зеленых глазах не было никаких эмоций.

— В-ремя и-идти. — И не дожидаясь ответа Эйдена, он развернулся и вышел. Внизу громко хлопнула главная дверь.

Одна за одной, души просыпались, потягиваясь и зевая. Отлично.

— Что происходит? — сонно спросила Ева.

— Едем за покупками к школе, — пробормотал Эйден, выходя из комнаты. — Так что поговорим позже, хорошо?

Оззи и Сет стояли перед дверью своей комнаты, скрестив руки на груди. У каждого здесь был сосед по комнате, кроме Эйдена. Никто не хотел жить в одной комнате с пшиком, что его только радовало.

— Снова разговариваешь сам с собой? — усмехнулся Сет. — Зачем? Не похоже, что бы ты скрывал это.

Эйден поднял подбородок и попытался пройти мимо.

Оззи схватил его за руку, рывком остановив его.

— Куда, по-твоему, ты направляешься, Псих? Ты прятался от меня в последнее время, так что мы должны кое-что обсудить.

Эйдена, перевел свое внимание к парню, дико желая атаковать. Ему не нравилось, когда ему угрожали вот так. Слишком много раз в слишком многих учреждениях его удерживали и избивали.

«Ты не можешь позволить себе ударить Оззи», — сказала Ева.

Если Оззи продолжит подталкивать его вот так, Эйден не сможет удержаться. Его терпение вышло. Он будет нападать. И он не будет бороться по правилам. Даже сейчас, его кинжалы были прижаты к его лодыжкам, ожидая.

— Отпусти, — прорычал он.

Оззи моргнул в удивлении, но удержал свою хватку.

— Надеюсь, ты говоришь это кому-нибудь из своих невидимых друзей, урод, или я клянусь Богом, что порежу тебя на ленты, пока ты будешь спать.

Сет захихикал.

Челюсти Эйдена сжались.

«Я серьезно, Эйден. Не задирай его», — сказала Ева дрожащим дыханием.

«Продолжишь в том же духе и можешь забыть про школу», — предупредил Элайджа. — «И если не попадешь в школу — не увидишь ту девчонку».

Эйден рывком освободился от Оззи и зашагал прочь без лишних слов.

— Посмотрите, как малыш убегает, — крикнул Оззи.

Щеки горели, но Эйден не обернулся. Лучше позволить им считать его придурком, чем

переубеждать в обратном. Иначе кто-то может пострадать и это, скорее всего, будет не он. И, как напомнил ему Элайджа, Мэри Энн и общественная школа замаячили на горизонте. В такой ситуации следовало не поднимать волну, избегать проблем и прикинуться, что кругом тишь и покой, словно на кладбище.

На улице глаза Эйдена заслезились от яркого солнца. Он заморгал, выискивая грузовик Дэна. Он пристально осмотрел линию деревьев вблизи главного дома, ограничивающих обзор и вдруг — как гром среди ясного неба — там, в тени стояла та самая брюнетка. Его брюнетка. Одна из его ведений.

Только, она была не Мэри Энн. Теперь Эйден в этом не сомневался.

Эта девушка была выше, с лицом как будто с обложки журнала. Большие голубые глаза окаймляли длинные черные ресницы. У нее был маленький нос и губы в форме сердечка кроваво-красного цвета, кожа белая как снег. Длинные волосы, спускавшиеся до талии легкими завитками, были настолько темными, что казались иссиня-черными, и развевались по ее плечам от каждого дуновения ветерка.

«Было ли это видением?» — спросил себя внезапно Эйден. — «Или действительно она была там?»

Какой-то парень стоял за ней, высокий и грозный, с загорелой кожей и телом, состоящим из сплошных мышц.

Оба были одеты в черное: на парне футболка и широкие штаны, на девушке что-то вроде платья. Оно держалось на одном плече, наподобие тоги, оставляя другое открытым, стянутое посередине серебряной цепочкой и ниспадало до лодыжек.

Оба уставились на него. Парень угрожающее, девушка с любопытством.

Не зная, что еще сделать, он помахал рукой.

Никто не отреагировал.

— Эйден, — позвал Дэн. — Кому ты там машешь? Поехали уже.

— Но, — Эйден повернулся, собираясь попросить подождать еще пару минут. Ему нужно было убедиться настоящие ли те двое. Но Дэн указывал ему на грузовик, всем видом выражая раздражение жарой и палящим солнцем. Шеннон уже сидел там. Эйден еще раз взглянул на полосу деревьев, но пара уже исчезла. — Вы их видели? — прошептал он.

«Кого?» — спросила Ева. — «Ведьму и злого качка?»

Значит, они были там на самом деле. Эйден едва не закричал от волнения. Она была здесь. Наконец-то она здесь. Кем она была? Как ее звали? Что привело ее сюда? Как она нашла его? Зачем она его нашла? Когда он сможет увидеть ее снова?

Элайджа тяжело вздохнул.

«Ты же знаешь о моем плохом предчувствии насчет этой девчонки? Так вот, у меня еще более худшее предчувствие насчет этих двух. Но я знаю, что ты собираешься сделать, несмотря на это. Ведь она — одно из твоих видений».

«У нас были видения о ней? Где я был в это время? Потому, что, черт возьми, заявляю официально, я — горячий парень», — попытался пошутить Калев.

Эйден разочарованно закатил глаза.

— Эйден, — позвал Дэн. — С меня уже пот льет градом. Я сказал — поехали.

Не осталось никаких признаков присутствия тех двоих: ни намек на черное платье или локон волос, развивающий на ветру. Откуда они пришли? Зачем они приходили?

— Эйден! Последний раз говорю, иначе уедем без тебя.

Несмотря на то, что Эйден хотел остаться, он заставил себя доплестись до грузовика,

утешая себя осознанием того, что она еще, возможно, вернется. Однажды, возможно, они поцелуются. Элайджа предсказал ее появление, в конце концов, и это исполнилось. Значит, и поцелуй будет. Эйден расплылся в улыбке.

— В чем дело? — полюбопытствовал Дэн.

— Просто волнуюсь, — ответил Эйден, и это было правдой.

— Из-за покупок? Ну как д-девчонка, — пробормотал Шеннон.

На насмешку Эйден не обратил внимания — ничто не могло испортить сегодня ему настроение.

Все двадцать пять минут до города они ехали в тишине. Эйден всю дорогу пытался разобраться в том, что произошло. Итак, девушка, его девушка, и парень, действительно, существовали и были здесь, что означает, что эта девушка приходила к нему, когда он болел. Она позаботилась о нем, желая поговорить с ним, получить ответы на какие-то вопросы.

Она хотела знать, как он... — как она там сказала? — вызывал ее людей? Эйден нахмурился. Каких еще людей? Он никого не вызывал.

И что это был за парень? Мог ли он быть ее братом? Они выглядели совсем непохожими, но это ничего не значило. Или они всего лишь друзья? Или они вместе как пара? Эйден сжал кулаки. Ну, хорошо. Кое-что все-таки могло испортить ему настроение.

«Медвежонок, я могу чувствовать как напряженно ты шевелишь мозгами», — сказала Ева. — «И от этого у нас голова разболится».

— Про... — Эйден чуть не извинился вслух.

Припарковавшись на остановке перед местным торговым центром, Дэн сжал руки на руле.

— Парни, у вас есть час. Купите что-то из одежды, школьных принадлежностей и никуда не выходите из здания. Я вам доверяю. Когда я вернусь, вы должны ждать меня здесь и с пакетами в руках, иначе вылетите с ранчо. Это все. Без вариантов. Поняли?

Эйден не ответил на его пристальный взгляд. Он не мог смотреть Дэну в глаза с той ночи на поле, когда он узнал о мисс Киллерман.

— Поняли?

— Н-ну, да, — пробормотал Шеннон.

— Да, — сказал Эйден.

Дэн выдал каждому по пятидесяти долларовой купюре.

— Это все. Надеюсь, вы потратите их с толком.

— С-спасибо, — сказал Шеннон, выбираясь из машины.

— Эйден, — Дэн остановил парня, когда он тоже собрался выйти. — Ты же знаешь, что не попадешь на занятия в понедельник?!

Эйден раскрыл глаза от удивления.

— Что? Почему?

— Не беспокойся. Ты пойдешь в школу, но тебе придется пройти вступительные тесты перед тем, как тебя зачислят. В течение часа ты получишь результаты — компьютеры — замечательная вещь — и мы узнаем уровень твоей пригодности. Шеннон прошел тест на прошлой неделе, когда ты болел. Я думаю, ты сдашь, так что купи все необходимое и будь готов ко вторнику.

Парень кивнул, успокоенный тем, что у него все еще есть шанс попасть в общественную школу, но его взбесило, что это не совсем решенный вопрос, как он предполагал. Эйден шагнул на тротуар, захлопнул за собой дверь машины и осмотрелся. На остановке было

полно народу, и Шеннон успел затеряться в толпе.

«Он скорее умрет, чем подождет тебя», — проворчал Кaleb.

Пока Эйден делал покупки, его друзья подсказывали ему, какая одежда будет лучше на нем смотреться. Шеннон несколько раз попадался ему на глаза, разглядывающий магазинные полки и делающий вид, что не замечает его.

— Как бы я хотел провести время с тобой, — прошептал Эйден.

— Время с кем? — переспросил кто-то.

Он поднял глаза и увидел старую женщину, стоящую рядом с ним. На ее пышных огненно-рыжих волосах было так много лака, что прическа напоминала воронье гнездо. Она была одета в платье с коротким рукавом на несколько размеров больше. Ее лицо, руки и ноги казалось... искрились, как если бы она искупалась в блестках. Очень странная дама.

Наэлектризованная энергия казалось изливалась из нее, заставляя кончики волос по всему телу приподниматься, что раздражало Эйдена. Как она это делала?

— Ни с кем, — сказал он, отступив шаг назад, чтобы увеличить дистанцию между ними. Парень не доверял незнакомцам. Даже, если незнакомцы казались такими доброжелательными, как эта женщина.

— О, только посмотрите. Что-то беспокоит тебя, и я очень бы хотела услышать, что именно. Я уже давно ни с кем не разговаривала. Откровенно говоря, в этот момент я подумала, что услышала дискуссию об особенностях спаривания муравьев.

Она что это серьезно?

— Леди, вы меня пугаете.

«Нет ничего плохого в искренности», — усмехнулся Кaleb.

Пара прохожих бросили на него такие взгляды, будто на ненормального. Ну ладно, может быть, действительно, в искренности нет ничего плохого.

— Извини, что я тебя напугала, — сказала старая женщина и снова продолжила свою бессмысленную болтовню. Но уже не о муравьях, а о своем сыне, его жене, их детях, и как она не смогла попрощаться с ними перед тем, как они переехали от нее. — Может ты смог бы, я не знаю, попрощаться с ними за меня.

— Да я даже не знаю их.

— Разве ты все прослушал? Я же все рассказала тебе о них! — И она принялась рассказывать все заново.

Через некоторое время, Эйден просто перестал обращать на нее внимание.

«Тебе еще понадобятся тетради, папки, карандаши», — перечислил Джулиан, когда Эйден купил одежды на тридцать пять долларов и восемьдесят три цента. С налогами. Ева контролировала расходы, у нее было лучше всех с цифрами.

— Знаешь, что мне нужно? — спросил Эйден Джулиана, оглядываясь вокруг, чтобы убедиться, что не привлекает ничьего внимания. Старая женщина все продолжала болтать.

«Память, я полагаю?»

Он часто сомневался, что его души жили собственными жизнями до того, как оказались в его теле. Время от времени, они вспоминали вещи, которые происходили с ними, вещи, которые не могли бы произойти с ними, будь они не привязаны к телу Эйдена.

Парень покинул мужской отдел с четырьмя майками и парой брюк и направился в отдел с канцтоварами. Конечно, старая женщина увязалась за ним. Все еще болтая. Ему нужно было выбрать пару теннисных туфель, но пришлось ограничиться ботинками. В них легче спрятать оружие.

После того, как парень оплатил все покупки, у него осталось шесть центов от выданных пятидесяти долларов. Он вышел с пакетами на улицу. К счастью, старуха не последовала за ним на этот раз.

Эйден управился с покупками за двадцать минут. Солнце было высоко и ярко светило, и вскоре он покрылся испариной. Он прислонился к стене здания, и одной стороне его тела посчастливилось оказаться в тени. Шеннон присоединился к нему несколько минут спустя, как всегда, с каменным выражением на лице и только одним пакетом в руке.

Эйден хотел спросить, что он там купил, но знал, что не получит ответ.

— Как ты смог набрать так много вещей? — спросил Шеннон, не глядя на него.

Вопрос так удивил Эйдена, что он даже не нашелся, что сказать.

«Ответь же мальчику», — принялась уговаривать Ева.

— Я, хм, покупал только те вещи, что со скидкой.

Шеннон только холодно кивнул в ответ и больше ничего не сказал.

«Я так горжусь тобой. Вы уже становитесь друзьями», — если бы у Евы были руки, она бы похлопала.

Эйден не решился поправить ее.

В воскресенье ночью Эйден лежал без сна до утра, нервничая, волнуясь и надеясь, что его загадочная девушка вернется. Но она не возвращалась. Когда осталось 2 часа до того, как надо было ехать в школу, парень поднялся, принял душ, почистил зубы и оделся в новую одежду. Он не мог перестать улыбаться, пока не увидел себя в зеркале.

Очевидно, пока он наверстывал пропущенные домашние дела, кто-то прокрался в его комнату и сделал надпись на майке, а затем свернул и положил обратно, как было. «Привет, меня зовут Псих» прочел парень в отражении.

Эйден сжал кулаками ткань. Что за идиот Оззи! И он не сомневался, что это его рук дело, либо сделано по его указке.

«О, Эйден, мне очень жаль», — сказала Ева.

«Тебе нужно отомстить ему», — сказал Калеб. — «Возможно, знакомство с твоими кулаками приведет его в чувство».

«Да, это могло бы помочь», — согласился Джулиан. — «Особенно если ты хочешь пропустить тест и первый, а по всей вероятности, и единственный шанс попасть в общественную школу».

«И твой шанс увидеть ту девушку», — добавил Элайджа, потому, что он знал, что упоминание о Мэри Энн успокаивает Эйдена.

Эйден сделал вдох и выдох. Он попытался быстро найти другую майку, но они все одинаково были испорчены. Он сжал челюсти.

— Не важно, — сказал парень. Он действительно хотел в это верить.

«Дети в Кроссроудз Хай подумают, что это такая шутка», — утешил Элайджа. — «Возможно, это станет новым стилем».

Эйдена не волновало, говорили ли его друзья правду или нет. Или скорее, он не хотел позволять себе волноваться. Сегодняшний день слишком важен. Он плохо подготовился к лучшему дню в своей жизни, чувствовал себя разбитым. А ведь ему нужно было думать только об успехе.

Все еще одетый в майку с унижительной надписью, парень вышел на крыльцо ночлежки. Прищурившись, он внимательно осмотрел линию деревьев. Не было никаких признаков присутствия брюнетки или ее друга. Это хорошо, сказал он сам себе. Он не желал

отвлекаться на их присутствие. Эйдена только интересовало, почему они больше не объявлялись, представляли ли они для него опасность и хотела ли девушка — как же ее имя? — оказаться рядом с ним, так же сильно, как он.

А если она могла останавливать голоса, как это делала Мэри Энн, то она была бы просто совершенством.

Парень простоял там, забывшись, должно быть час, он пришел в себя, как только понял, что Дэн прошел мимо к грузовику с двумя коробками с ланчем в руках.

Дверь за Эйденем со скрипом открылась, и он оглянулся на Шеннона, который увидел его майку, виновато опустил взгляд. Поняв, что парень к этому причастен, Эйден снова сдержал приступ злости и направился к грузовику, где его ждал Дэн.

Дэн заметил надпись на майке и, нахмурившись, спросил.

— Что случилось?

— Ничего, — На скулах Эйдена забегали желваки. — Все хорошо. Я в порядке.

Тяжелая пауза.

— Уверен?

Эйден кивнул.

Дэн вздохнул, открыв дверь. Эйден спешно скользнул внутрь машины. Дэн занял водительское место, а Шеннон — пассажирское, он чувствовал себя загнанным в угол. Слава Богу, ехать было всего восемь минут тридцать три секунды. Когда они припарковались перед школой, Дэн повернулся к ним лицом.

— Здесь ваш ланч, — сказал он. — Арахисовая паста и желе. Этого должно хватить на сегодня. Завтра Мэг приготовит для вас что-нибудь получше. А сейчас послушайте. Любой косяк с вашей стороны — и тут же вылетите отсюда.

Отлично. Еще одна лекция на ту же тему, как и перед торговым центром.

— Я не шучу, — продолжил Дэн. — Если вы пропустите занятия, затеете драку, черт, если даже хоть кому-то из учителей покажется, что вы не так на него посмотрели, я заберу вас из школы так быстро, что глазом моргнуть не успеете. Понятно?

— Да, — протянули парни в унисон.

— Хорошо. Шеннон, вот твое расписание, можешь идти на урок. Эйден, ты отправляйся в кабинет психолога. Занятия заканчиваются в три, и вам хватит тридцати минут, чтобы вернуться домой. Я дам вам сорок пять минут на случай, если вас задержит учитель или что-то еще, но если вы не придете во время...

— Вы вылетите из школы, — закончил за него Эйден.

Шеннон выбрался из грузовика и, когда Эйден собрался сделать то же самое, Дэн ухватил его за руку. Дежа вю. Только на этот раз Дэн не собирался читать ему лекцию, как перед магазином. Он просто улыбнулся.

— Удачи, Эйден. Не подведи меня.

День Мэри Энн начался так же, как и любой другой: она вылезла из постели, приняла душ, оделась в одежду, приготовленную накануне, высушила феном волосы, при этом намечая, что ей нужно повторить или выучить для предстоящего теста. На этой неделе у нее будет важный экзамен по химии, по одному из самых сложных для нее предметов. Была только одна проблема — навязчивые мысли об Эйдене Стоуне.

Пенни призналась, что дала ему номер Мэри Энн. Так почему же он все еще не позвонил? Прошла уже целая неделя. Одна ее часть ждала звонка и подпрыгивала каждый раз, когда звонил ее телефон. Казалось, он так хотел пообщаться с ней. Другая ее часть, однако, надеялась, что он все-таки не позвонит. Он был красавчиком и первым впечатлением было смущение и симпатия к нему, если бы только она не испытала то странное желание убежать.

Хотела ли она быть его другом? Быть рядом с ним — все равно что получить удар под дых. Хотя ей хотелось убежать от него, в душе она понимала, что будет жалеть о его потере. Жалеть, как если бы он был ей очень дорог.

От ее волос уже шел пар, и девушка поспешила выключить фен — она должна перестать думать об этом парне. Он и так уже выносил ей мозг, превратив его в кашу — лишнее доказательство правильности того, что последние несколько месяцев она продолжала встречаться с Такером. Ей было хорошо с ним, что повышало ее самооценку, но чувства к нему не вызывали в ней особенного трепета. Он давал ей то пространство, в котором она нуждалась.

Со вздохом девушка устало спустилась по лестнице. Ее отец уже позавтракал ореховыми вафлями с черничным сиропом. Она съела две, пока он читал газету и пил свой кофе. Их обычное утро.

— Хочешь, подвезу до школы? — спросил отец. Он сложил газету и отложил ее в сторону, выжидаяюще посмотрев на дочь.

Он всегда без лишних слов знал, когда она заканчивала есть.

— Неа. Ходьба увеличит содержание кислорода в моем мозге, что поможет мне, пока я буду мысленно повторять мои записи о синтезе йодида.

В этом также была причина, по которой она не позволяла Такеру подвозить себя, хотя он не раз предлагал. Ему нравилось болтать и это бы отвлекало ее. Пенни вечно опаздывала, так что ее бесполезно было ждать, как правило.

Ее отец слегка улыбнулся и покачал головой.

— Всегда за учебой.

Когда он так улыбался, все его лицо начинало светиться, и тогда она понимала, почему ее подруги влюблялись в него по уши. Внешне он был ее полной противоположностью. Светлые волосы, голубые глаза, коренастый, в отличие от ее хрупкого телосложения. Единственное, что было у них общего — это молодость (как он любил выражаться). Ему было только тридцать пять, довольно молодой для родителя (снова его фразочка). Он женился на ее матери вскоре после окончания старшей школы, и сразу же у них появилась дочь.

Возможно, именно из-за этого они поженились. Из-за нее. Тем не менее, не в этом была причина, что они оставались вместе. О, им пришлось столкнуться со многими трудностями,

но было очевидно, что они любили друг друга. То, как они смотрели друг на друга влюбленными глазами, доказывало это. Но, иногда из-за их словесных перепалок друг с другом, у Мэри Энн часто возникали подозрения, что отец изменил матери, и она так и не смогла ему это простить.

— Ты хотел, что бы она была на моем месте, разве не так? — часто кричала она в ссорах с ним.

Отец всегда отрицал это.

Много лет Мэри Энн обижалась на него за свои подозрения. Ее дорогая мама была домохозяйкой и заботилась о Мэри Энн и хозяйничала по дому. Но когда она умерла, его полнейшее отчаяние убедило Мэри Энн в его невинности. К тому же, он был одинок уже несколько лет. Он не ходил ни на одно свидание. Даже не смотрел на других женщин.

— С каждым днем ты все больше напоминаешь мне свою маму, — сказал он, на него явно нахлынули воспоминания. Его губ коснулась улыбка — Не только внешне. Она тоже любила химию.

— Ты шутишь? Она ненавидела математику и химию, потому что они наполнены формулами, которые сводили ее с ума. — Единственное с чем она могла помочь дочери — это с домашними заданиями по английскому и искусству. — Кроме того, кто сказал, что я люблю химию? Я изучаю ее только по необходимости.

Хотя, Мэри Энн знала, почему он так сказал. Ложь позволила ей почувствовать себя ближе к ее матери, как если бы смерть не разделяла их. Она наклонилась вперед и поцеловала отца в лоб. — Не беспокойся, пап, я никогда ее не забуду.

— Я знаю, — сказал он мягко. — Я рад. Она была замечательной женщиной, которая наполняла этот дом уютом.

Вскоре, после того как ее отец открыл частную практику, они смогли купить этот двухэтажный дом. Ее мама была в восторге. Она и ее сестра, Энн, тезка Мэри Энн, которая умерла еще до ее рождения, выросли в бедности, и в этом доме они впервые почувствовали, что значит ни в чем не нуждаться. Она перекрасила стены из совершенно белого в приятные цвета и три из них завесила фотографиями. В доме всегда витал аромат ее сладких духов, а мягкие разноцветные коврики добавляли тепла и уюта.

Ее отец прочистил горло, возвратив их обоих из воспоминаний.

— Я буду работать допоздна сегодня. У тебя все будет хорошо?

— Совершенно. Я планирую дочитать ту статью про ОКР^[1] и СДВГ^[2]. Она довольно интересная. Я имею ввиду, ты знал, что тридцать пять процентов детей с...

— Господи боже, я создал монстра, — он подошел и взъерошил ее волосы. — Не могу поверить в то, что сейчас скажу, дорогая, но тебе нужно почаще выходить из дома. Жизнь коротка. Несколько моих пациентов посещают меня по этой самой причине, не осознавая стресс, в который они себя загнали, изматывая себя. Прогулка лечит так же хорошо, как и смех. В самом деле, даже у меня бывает отпуск. Тебе только шестнадцать. Тебе следовало читать книги о волшебниках и сплетницах.

Девушка нахмурилась. Она прочитала статью, чтобы впечатлить отца, а он сейчас даже не хочет слушать о ней? А вместо этого хочет, чтобы она забивала себе голову всякими выдумками?

— Я расширяю свой кругозор, пап.

— И поэтому я горжусь тобой, но я все равно думаю, что тебе нужно хотя бы иногда отдыхать. Найти время для развлечений. Что там с Такером? Вы могли бы пообедать вместе.

И до того, как ты что-либо скажешь — я знаю, что грозился кастрировать его перед вашим первым свиданием, но я смирился с мыслью, что у тебя есть парень. Я не говорю о том, что бы вы стали больше времени проводить вместе.

— Большую часть вечера мы болтаем по телефону, — запротестовала Мэри Энн. — Но у него тренировка по футболу или игра каждый вечер, а мне нужно заниматься уроками. А по выходным, как ты знаешь, я практически живу в «Лейке».

— Хорошо, в общем, тут ничего не поделаешь. А что на счет... Пенни? Она могла бы зайти и вы, девчонки, могли бы посмотреть какой-нибудь фильм.

Отец похоже серьезно беспокоился об общественной жизни дочери, раз советовал ей тусоваться с Пенни. И тут напрашивался вопрос почему. Чувствовал ли он вину, что она проводила так много времени в одиночестве? Вряд ли. Мэри Энн нравилось проводить время наедине с собой. Она не испытывала никакой необходимости быть такой, какой уже не являлась: энергичной, беззаботной.

— Все, что я могу пообещать — это найти ее в школе и спросить, не занята ли она, — сказала девушка отцу то, что он, как она знала, хотел от нее услышать. Хотя, скорее всего она проведет время, с головой погрузившись в учебник химии.

— Что означает, что ты, вообще-то, не собираешься пригласить ее.

Мэри Энн молчаливо пожала плечами.

Вздохнув, он посмотрел на часы.

— Тебе следует поспешить, ты же не можешь позволить себе опоздать.

Классический доктор Грей. Когда отец не получал того, чего хотел, он выпроваживал ее, чтобы выработать стратегию и подготовить аргументы для нового плана атаки.

Мэри Энн остановилась.

— Люблю тебя, пап. С нетерпением буду ждать победы во втором раунде, когда ты вернешься домой.

Она подобрала свой рюкзак и, помахав, прошла к входной двери.

Отец усмехнулся.

— Я не заслуживаю тебя, ты знаешь?

— Знаю, — крикнула девушка через плечо и услышала, что он опять засмеялся, пока дверь за ней не закрылась.

Как только Мэри Энн вышла из дома, тут же заметила большую, действительно большую, просто огромную черную собаку — или волка? — лежащую в тени, всего в нескольких шагах от нее. Мимо нее невозможно было пройти, собака казалась припаркованным во дворе автомобилем. У девушки кровь похолодела в жилах.

В тот же момент собака заметила девушку, приподнялась на лапах, длинные белые зубы угрожающе обнажились в оскале. Послышалось утробное низкое и наводящее ужас рычание.

— Па-папа, — попыталась закричать Мэри Энн, но от неожиданности ком встал в горле, и она не смогла издать ни звука. О, Боже, о, Боже, о, Боже.

Один шаг. Второй. Девушка попятилась назад, трясаясь всем телом. Кровь застучала в ушах, ужас заполнил сознание. Взгляд зеленых глаз был холодным, тяжелым... голодным? Девушка резко обернулась, намереваясь броситься обратно в дом. Зверь прыгнул вперед и перекрыл дверь.

О, Боже. Что ей делать? Что же ей делать? Девушка снова попятилась. На этот раз зверь последовал за ней, сохраняя слишком короткое расстояние между ними.

Мэри Энн сделала еще один медленный шаг назад и зацепилась пяткой за что-то.

Болезненно ударившись, она шлепнулась на зад.

«Что это — ее рюкзак», — поняла она. «Когда она успела бросить его? Хотя, какая разница?» — подумала девушка, нервно усмехнувшись. — «Я почти труп».

У нее не было ни единого шанса, чтобы убежать от волка. По всей вероятности это был волк. Он был слишком большим для собаки. Девушка еле сдерживалась, чтобы не разреветься от отчаяния. Было бы неплохо попытаться убежать, хотя это все равно, что вывернуться на изнанку и сказать «пожалуйста к шведскому столу».

Ее единственной надеждой было, что кто-то мог заметить это нападение, прибежать на помощь или позвонить в 911. Незаметно бросив взгляд налево, Мэри Энн увидела Мустанг Пенни на подъездной дороге, но не было никаких признаков, что кто-то есть снаружи или внутри дома. Быстрый взгляд направо — другой ее сосед уже уехал на работу. О, Боже.

Секундой позже волк прыгнул на нее, придавив ее плечи передними лапами к земле. Она все еще не могла закричать... но голос пропал.

Ну не лежи же здесь просто. Сделай хоть что-нибудь! Одной рукой она попыталась зажать пасть зверю, а другой оттолкнуть его от себя. Но смогла только оттолкнуть его морду и отмахнуться другой рукой. Никогда Мэри Энн не чувствовала себя такой беспомощной. По крайней мере, эта зверюга не пускала слюни.

Зверь медленно склонился над девушкой. Дрожа она вжалась в землю насколько могла и, наконец, хоть какой-то звук из нее вырвался: всхлип. Но, вместо того, чтобы съесть ее лицо, как предполагала Мэри Энн, животное обнюхало ее шею. Нос был холодным, сухим, дыхание — теплым и пахло мылом и хвоей.

Какого. Черта?

Что же мне делать? Что же мне делать?

Еще один глубокий вдох и зверь отступил от девушки. Освободившись от его веса, Мэри Энн медленно поднялась, стараясь не делать резких движений. Их взгляды встретились, равнодушный зеленый с испуганным карим.

— Х-хорошая собачка, — девушка попятилась.

Зверь зарычал.

Она сжала губы. Лучше ничего не говорить.

Зверь мордой указал направо. Это значит, можешь убираться отсюда? Девушка не двигалась, и тогда животное повторило свой жест. Затаив дыхание она неуклюже подтащила к себе рюкзак. Ноги все еще тряслись и подкашивались, пока она отступала назад. Расстегнув молнию на рюкзаке, она потянулась за телефоном.

Волк потряс головой.

Девушка застыла. Один удар сердца, второй. Ты сможешь. Просто нужно набрать 911. Теперь, когда вернулся голос, она начала здраво мыслить. Не было смысла звать отца на помощь. Он презирал оружие и все равно не справился с таким огромным созданием.

Шевелись! Мэри Энн медленно начала двигаться, наконец, нащупав телефон. Волк зарычал, когда она нажала первую кнопку. Она снова застыла. Рычание стихло. Кровь застыла в ее жилах, что только усилило дрожь. Даже жаркие солнечные лучи не могли согреть ее.

Следующая кнопка.

Снова рычание. В этот раз волк сделал шаг по направлению к ней, приготовившись к прыжку.

Он не может знать, что она делает. Он не может знать, что случится, если она нажмет

последнюю кнопку. И не важно, каким сообразительным казался взгляд этих, словно омут, глаз.

Напрягшись всем телом, она надавила большим пальцем. Миг и волк бросился к ней, вцепился зубами в телефон. Мэри Энн, на мгновение парализованная страхом, выдохнула с облегчением и неуверенностью. Эти зубы... они прошли в такой близости от ее ладони, но даже не задели ее.

Девушка резко отпрянула назад, понимая, что лучше не поворачиваться спиной к этому созданию. Оно сидело в ожидании под папиной любимой сливой с зажатым между зубами черным пластиком так спокойно, как будто все происходило на пикнике. Потом зверь двинулся в сторону.

Постепенно справляясь со страхом, Мэри Энн неуверенно последовала в том же направлении. Даже несмотря на то, что волк не причинил ей никакого вреда и, казалось, не собирался этого делать, девушка обошла его, стараясь держаться на расстоянии.

Она попятилась, не сводя взгляда со зверя.

Мэри Энн показалось, что волк устало вздохнул. Затем он уверенно пробежал перед ней, царапая когтями землю. Время от времени он оглядывался назад, как бы призывая следовать за ним.

Не зная, что еще делать, девушка пошла за волком.

Откуда-то он знал дорогу в школу. Хотя в школу от ее дома можно было попасть по трем дорогам, он выбрал тот маршрут, которым она обычно ходила. Следил ли он за ней раньше? Или следовал по запаху?

«Может я где-то рассыпала крошки от вафлей?» — спросила она себя. Но этого не могло быть.

Волк предусмотрительно держался в тени, подальше от движения. Мэри Энн подумала, что ей бы хотелось больше знать о животных. Но она мало что знала. Ее родители не любили животных — или то, что те гадят и пропадают — так что они никогда не держали домашних питомцев. Возможно, эта неприязнь передалась и ей. У Пенни была чихуахуа по кличке Доби, но Мэри Энн всеми способами избегала эту лающую, рычащую маленькую машину производства какашек.

Наконец Кроссрудз Хай показалась на горизонте, и она вздохнула с облегчением. Эта школа располагалась в новом большом красном здании, построенном в виде полукруга. Машины с надписью «вперед, ягуары» на ветровых стеклах въезжали и выезжали с парковки. Дети слонялись снаружи, наслаждаясь пока еще летним теплом. Девушку снова охватило беспокойство. Что если волк кинется на них?

Грузовик Такера промчался мимо нее и резко затормозил, свистя шинами. Слава Богу! Волк бросил ее телефон и отступил. Как только он отошел, как ей казалось, достаточно далеко, девушка кинулась вперед и схватила телефон. Она продолжала пристально смотреть за волком, пока пятилась назад и забиралась на пассажирское сидение грузовика Такера. Волк растворился среди густо растущих деревьев и кустарников, окружавших школу.

В его последнем взгляде читалось разочарование. Даже злость. Она сглотнула. По крайней мере, он не бросился вперед и не попытался загрызть ее в грузовике.

— Это что-то новое, — сказал Такер, его низкий голос вернул ее к реальности.

У него были постоянно взъерошенные рыжеватые волосы и серые глаза, которые кому-то другому придавали бы бестолковый вид. Такера же с его мальчишеским лицом, ямочками на щеках и атлетически телом это делало просто неотразимым.

Мэри Энн никогда не понимала, почему он решил пригласить ее на свидание, и тем более, почему он захотел с ней встречаться при том, что они так редко проводили время вместе вне школы. Все чирлидерши обожали его, особенно их капитан Кристи Хейс, местная королева красоты и предмет юношеских фантазий всех парней. Но Такера она не привлекала, он всегда игнорировал ее знаки внимания. Ничто так не поднимало самооценку Мэри Энн как комплементы Такера, хотя она и не желала этого признавать.

— Ты такая красивая, — любил говорить он. — Мне так повезло с тобой.

После этих слов она могла улыбаться часами.

Такер фыркнул от смеха, отвлекая ее от мыслей.

— Я к этому так привык.

— Что ты имеешь в виду? — В машине страх потихоньку начал отпускать ее.

— Ты игнорируешь меня, блуждаешь в своих мыслях.

— Ой, извини. — Как долго она просидела молча? Она даже не представляла. Надо бы сделать над собой усилие и собраться. Так о чем же они говорили? Ах, да. — Что нового, — спросила девушка.

Грузовик медленно поехал вперед.

— Ты бледная как приведение и спешила к дороге. Почему?

Рассказать ему о волке или нет? Нет, она решила обойтись без всяких обсуждений. Не надо быть гением, чтобы понять, что он только поднимет ее на смех. Какой-то волк провожал ее в школу? Ну, конечно. Кто бы в это поверил? Она и сама себе с трудом верила.

— Просто, ааа, нервничаю из-за завтрашнего теста по химии. — Мэри Энн на самом деле редко врала, поэтому чувство вины тут же кольнуло ее.

Такер вздрогнул.

— Химия — отстой. Я до сих пор не понимаю, зачем ты подписалась участвовать в этих научных исследованиях с мистером Клиэном. Странный парень, — и, прежде чем она успела что-то ответить, он добавил. — Кроме того, ты сегодня выглядишь накутившейся.

Ну вот кто еще мог бы придумать сказать ей нечто подобное? Она широко улыбнулась.

— Спасибо.

— Не за что, но я бы не говорил этого, если бы это не было правдой. — проговорил Такер, паркуясь.

Вот почему я с ним, подумала девушка, расплывшись в улыбке.

Они вышли из машины, и Мэри Энн внимательно осмотрела деревья. Никаких признаков волка. Хотя, чувство что за ней следят, не отпускало, и улыбка исчезла с ее лица. Пометка себе: исследования волков. Возможно, страх делает вкус добычи лучше и это такой вид преследования жертвы, когда она постоянно запугивается и затем технично убивается. Если так, то нет лучшей жертвы, чем Мэри Энн.

— Идем. — Такер обнял ее за талию и потянул ее вперед. Казалось, он не заметил, что девушка опять начала дрожать.

Впереди, на велосипедной стоянке бездельничала группа Такера. Или команда. Не важно. Мэри Энн, конечно, знала этих ребят, но редко тусовалась с ними. Она им не нравилась, и они ясно давали это понять, игнорируя ее каждый раз, когда девушка приближалась. Все они были футболистами, но она понятия не имела кто из них кто в команде, что хоть как-то, возможно, повлияло бы на отношение к ней.

Парни поздоровались. И, да, они сделали вид, что ее тут вообще нет. Такер, казалось никогда не обращал внимание на такое неуважение, а она никогда ничего не говорила ему

по этому поводу. Она не была уверена в том, как он отреагирует — займет ли он ее сторону или сторону друзей — или просто это было вовсе не тем, из-за чего стоило беспокоиться.

— Вы слышали? — Шейн Уэстон, школьный юморист, смеялся и подпрыгивал, явно разрывааемый желанием поделиться.

Нэйт Доулинг потер руки.

— Сегодня наш счастливый день.

— Дай я расскажу, Доу, — прорычал Шейн.

Нэйт поднял руки, уступая ему слово, приподняв в нетерпении бровь.

Шейн снова усмехнулся.

— Свежее мясо, — сказал он. — Два свидетеля, Мишель и Шона, видели как директор Уайт встречал новеньких учеников.

— Что? — Мэри Энн уставилась на Такера.

Он только понимающе кивнул Шейну и усмехнулся.

— Новички, — уточнил Нэйт. — Их двое.

Пока они, смеясь, обсуждали, как должным образом встретят новоприбывших — бедные ребята — Мэри Энн побрела на первый урок. Мистер Клиэн читал лекции по всему материалу, который мог быть в тестовых заданиях, но впервые она все никак не могла сконцентрироваться на учебе. В школе уже начали шептаться по поводу новичков.

Оба новичка были старшеклассниками, как и она, и оба были парнями. Один из них был высоким с темными волосами и черными глазами, но никто еще не разговаривал с ним. Он все еще был в кабинете завуча. Возможно... это мог быть... Эйден. Эти глаза...

Второй новичок был черным красавцем с зелеными глазами — как у того волка? — он был напряжен, но вел себя спокойно.

Стоп! Она действительно только что сравнила глаза человека с глазами волка? Эта мысль заставила ее засмеяться.

— Мисс Грей? — спросил учитель осуждающим тоном.

Все в классе повернулись к ней.

Краска залила ее щеки.

— Извините, Мистер Клиэн. Продолжайте.

Несколько учеников сдержанно рассмеялись, а классный руководитель посмотрел на нее с осуждением.

В течение всего оставшегося дня, она высматривала среди учащихся новые лица. После ланча она нашла одно из них. Шеннон Росс был в ее классе по истории; она столкнулась с ним в двери кабинета. Он действительно был красив, как все и говорили: высокий, с глазами светло-зеленого цвета — да, прямо как у того волка — и такой же тихий.

Мэри Энн прожила в Кроссрудз уже довольно долго, но все равно помнила, какого это чувствовать себя новичком, который никого не знает. Он сел за последнюю парту, а она незаметно заняла место рядом с ним. Также, не повредило бы предупредить его о Такере и его команде.

— Привет, — сказала девушка. Ребята сплетничали о нем весь день. Самой обсуждаемой стала история о том, что он был одним из тех хулиганов, что жили на Д. и М. Ранчо, которое находилось в собственности Дэна Ривза. О, и еще он убил обоих своих родителей. Она была уверена, что к этому утру он мог бы еще убить и сестру с братом.

Мэри Энн иногда видела Дэна в городе и слышала истории о нем. Говорили, что его родители рано умерли, и он воспитывался своими бабушкой и дедушкой. Он стал

неуправляемый и из-за этого возникали постоянные проблемы с законом, кроме того, он также великолепно играл в футбол, и ему удалось стать профессионалом. Через несколько лет он повредил спину и оставил спорт, в этот трудный для него период времени он решил открыть свой дом для таких же проблемных ребят, каким был когда-то он сам. Тем не менее многие люди в Кроссрудз до сих пор относились к нему с большим уважением, даже несмотря на то, что они не одобряли тех, кому он позволял жить в своем доме.

Шеннон скользнул по девушке нервным взглядом.

— Привет.

— Я — Мэри Энн Грей. Если тебе что-то понадобится...

— М-мне ничего не нужно, — резко оборвал он.

— А, ну ладно. — Ух ты, какой раздражительный. — Просто... возможно тебе стоит держаться подальше от местных футбольных игроков. Они любят издеваться над новичками. Они так приветствуют их, я полагаю. — Ее щеки покраснели второй раз за день, поэтому она поспешила занять свое место — остальные по очереди заходили в класс, как только прозвенел звонок.

После того как мистер Томпсон прочитал лекцию по эпохе империализма, он вызвал Шеннона к доске и тот рассказал всем немного о себе постоянно заикаясь, что вызывало насмешки ребят. Мэри Энн погрузилась в мысли об унижительных ситуациях, которые с ней происходили. Ничего удивительного, что он отшил ее. Ему не нравилось общаться с людьми. Это смущало его.

Она улыбнулась ему, когда он возвращался на свое место, но парень не видел этого. Он не отрывал взгляд от крашеного пола под своими ногами.

Они вместе пошли и на следующее занятие. На информатику. Сели рядом друг с другом, но девушка даже не попыталась заговорить с ним. Не сейчас, еще рано. Он скорее всего снова ее оттолкнет.

Такер тоже был в классе. Он сидел за Мэри Энн с прошлой недели, когда мисс Гудвин пересадила его за разговоры.

— Эй, Так, — Шейн шепотом позвал через всю комнату.

Такер обернулся. Так же, как и Мэри Энн и несколько других ребят. Шеннон, однако же, не пошевелился. Он, как и на прошлом уроке, сидел, опустив голову.

Шейн кивнул в сторону Шеннона.

Мэри Энн сжала край своей парты.

— Не надо, — сказала она. — Пожалуйста.

— Мисс Грей, — сказал учитель предупреждая. — Прекратите.

— Простите, — выдавила из себя девушка. Почти месяц к ней не было никаких нареканий и тут второй выговор за день.

Такер одними губами произнес, — Не беспокойся, — и поднял руку, отвлекая внимание от девушки.

Мисс Гудвин вздохнула.

— Да, мистер Харбор.

— Можно мне выйти в уборную?

— Я не знаю. А можешь?

Он сердито переспросил.

— Можно?

— Хорошо. Но только не слоняйтесь по коридорам или завтра останетесь после уроков.

— Да, мэм. — Такер встал. Он вышел из комнаты и закрыл дверь. Мэри Энн облегченно опустила плечи. Казнь отменилась.

Только Такер никуда не отходил от двери.

Он пристально смотрел на Шейна через маленькое квадратное окно. Шейн что-то держал в руках, а Такер кивнул.

Шейн встал, в своих руках он держал извивающуюся шипящую змею. Тонкую с желтой и зеленой чешуей и ярко-красной головой. Ком страха подкатил к горлу Мэри Энн, мешая дышать. О, Боже. Откуда она взялась? Материализовалась из воздуха?

Шейн посмотрел на мисс Гудвин, чтобы убедиться, что она ничего не замечает. Она была слишком занята с близнецами Британи и Брианой Бученнен, объясняя им как создать пароль к их страницам. Ухмыляясь, он бросил змею в Шеннона. Она упала ему на плечи, а затем с шипением свалилась на колени.

Шеннон глянул вниз. С криком он скинул змею вниз и шлепнулся со стула. Змея упала на пол и скользнула к стене, исчезнув за штукатуркой.

Все смотрели на него и смеялись.

— Как вы смеете срывать мой урок, молодой человек!

— Н-но, з-змея.

Мисс Гудвин, уперев руки в бока, сказала:

— О чем это ты говоришь? Нет здесь никакой змеи. Может ты и новенький, но должен знать одну вещь: я не терплю лжи.

Тяжело дыша, Шеннон обвел глазами пол. Мэри Энн сделала то же самое. Не было ни дыры, ничего подобного, через что змея могла сбежать, но все же она это сделала. Она обернулась на Такера, он все еще стоял у двери. Он и Шейн улыбались друг другу, довольные результатом.

— Вы... помогли мне. — Эйден вышел из здания школы и решил подождать Шеннона снаружи — этот придурок мог хотеть или не хотеть идти вместе с ним домой, но ему придется это сделать. К счастью для него, Эйден был терпеливым. Возможно, он даже увидит Мэри Энн в толпе.

Последний урок еще не закончился, так что он стоял на улице в одиночестве. Парень облокотился на стену здания из красного кирпича, частично находящуюся в тени.

— Зачем? — спросил он.

«Ты хочешь ходить в эту школу», — ответила Ева, — «и мы хотим, чтобы ты был счастлив. Конечно, мы помогли тебе».

— Но вы ненавидите Мэри Энн.

«Я не ненавижу ее», — сказала она. — «Как и ты, я хочу проводить больше времени с ней. Я определенно думаю, что она таинственная».

«А вот я действительно ее ненавижу», — произнес Кaleb. — «Девчонка каким-то непонятным образом отправляет меня в черную дыру с колючей проволокой по краю. Но вам она нравится, а вас я люблю», — закончил он ворчливо.

— Я тоже вас люблю, ребята.

Эйден думал, что они обязательно воспользуются случаем и будут своими криками отвлекать и мешать писать тест. Но, вместо этого, они вели себя так тихо, как никогда раньше. Он смог прочитать задания без их поправок, решить уравнения без постоянных комментариев о том, что он делает неправильно и все это без замечаний со стороны окружающих, что он, по-видимому, разговаривает сам с собой.

Эйден получил отличный результат по тесту.

Пока он стоял довольный собой, мимо него прошла девушка, сверля его взглядом. У нее была такая же блестящая кожа, как и у той женщины из торгового центра и Эйден предпочел отвернуться на случай, если она захочет с ним заговорить. А затем и поговорить немного. К счастью она прошла мимо.

«И кто знает», — произнес Элайджа со вздохом, — «может быть Мэри Энн поможет нам выбраться отсюда и обрести наши собственные тела».

— Какая разница! Только на прошлой неделе Элайджа почувствовал то самое «плохое чувство», — Эйден хотел спросить, что изменилось к этому моменту, но не стал, слишком переживая, что ответ может еще повлиять на его товарищей.

Прозвенел звонок.

«Я горжусь тобой, чувак», — поддержал Джулиан. — «Теперь ты официально учащийся этой школы. Как тебе ощущения?»

Позади него слышались шаги. Даже отсюда он мог слышать хлопанье, запирающихся шкафов и жужжание голосов.

— Прекрасно себя чувствую. Но, хм, возможно мы могли бы попробовать молчать почаще, — предложил Эйден.

Все четверо дружно рассмеялись, как если бы он пошутил над Кalebом, когда тот начинает кипятииться.

Эйден перешел на освещенное солнцем место и стал следить за главной дверью. Толпа ребят спешно выходила из школы.

Джулиан притих первым.

«Ты, по крайней мере, можешь куда-то сходить, когда тебе скучно. Мы же ограничены и разговоры — единственно, чем мы можем заниматься. Только это нас и отвлекает».

— Э-эй, — позвал его знакомый голос сзади.

Эйден, не любивший, когда кто-то стоит у него за спиной, резко обернулся. Там стоял Шеннон, который также внимательно следил за парковкой. Откуда он взялся, и как Эйден его пропустил? Парень проследил за детьми, выходящими из дверей, и понял, что тут больше, чем один выход.

— Эй, — повторил он. Отстой. Он не мог уследить за всеми выходами, чтобы не пропустить Мэри Энн.

— С-слушай, — сказал Шеннон. В его взгляде была жесткость. Трудный первый день? — Я знаю, м-мы недолюбливаем друг друга и у т-тебя нет причин верить м-мне, но нам нужно д-держаться друг друга з-здесь. И, ну, если ты прикроешь м-мою спину, я п-прикрою твою.

Его глаза расширились от нервного возбуждения.

— Так что, договорились?

Серьезно? Эйден не знал, будет ли это перемирие распространяться и на ранчо, но его это не волновало.

— Договорились, — ответил он. В самом деле, мог ли этот день быть еще лучше?

— Шеннон, ты забыл свое расписание.

Эйден узнал тот самый веселый женский голос, но волна пронзающего ветра по его коже, стоны, а затем тишина — вот, что указало ему на того, кто к нему приближался. Мэри Энн. Оказалось, день смог стать еще лучше.

Он быстро нашел ее взглядом. В протянутой руке она сжимала листок бумаги.

Шеннон обернулся. Он сразу ссутулился, как будто хотел казаться меньше.

Сердце Эйдена начало бешено колотиться о ребра. Наконец-то. Он снова был с ней.

Солнце освещало девушку сзади, обрамляя ее в золото. Она споткнулась, когда заметила Эйдена, и побледнела. К счастью, Девушка не упала, просто замедлила шаг и опустила руку.

— Эйден?

— Привет, Мэри Энн. Снова накатило желание ее обнять. Как и желание убежать. Кaleb мог бы сказать, что она и ангел, и демон, завернутый в хорошенькую упаковку. Друг и враг. И охотник, и добыча.

Настороженно она остановилась перед ним.

— Не ожидала снова тебя увидеть.

Действительно ли не ожидала? Нейтральный тон голоса не выдавал ее эмоций.

— Как раз сегодня меня зачислили в эту школу.

— Удивительно — твои глаза, — сказала Мэри Энн, быстро взглянув на него. — Они голубые. А я думала они черные. Или скорее несколько оттенков, не чисто черные.

Итак. Она заметила, что цвет глаз меняется всякий раз, когда какая-то из душ разговаривает. Он сощурился, мешая девушке разглядеть цвет его глаз.

— Цвет меняется в зависимости от того, во что я одет, — соврал Эйден. Он часто так отвечал на подобные вопросы.

— Аа, — произнесла девушка, но в голосе прозвучало сомнение.

Как он мог ошибиться на счет той брюнетки? Удивился Эйден. Даже на мгновение? Да, они обе были темноволосые и да, обе они были хорошенькие, но присмотревшись поближе,

он смог увидеть, что черты лица Мэри Энн были более плавными, а у Девушки из Видения — более резкими. У Мэри Энн также были веснушки на носу, тогда как у Девушки из Видения их не было.

— М-мне нужно идти, — сказал ему Шеннон так, будто бы Мэри Энн здесь вообще не было.

Мэри Энн прижала расписание к груди. Она бросала взгляд с одного на другого.

— Вы знаете друг друга?

Оба кивнули.

— Ясно. — Страх блеснул в глазах девушки, и она сделала шаг назад.

Испугалась ли она его? Почему? В кафе она не казалась испуганной.

— Вы живете у... Дэна Ривза? — спросила Мэри Энн.

А, теперь он понял в чем дело. Она знала о ранчо и ее пугали парни, живущие там... и то, из-за чего они оказались в этом месте. Эйден не хотел ей врать — снова — этой девушке, с которой он так сильно хотел подружиться и, вместе с тем, не хотел подтверждать ее страхи. Так что он проигнорировал вопрос.

— Официально мой первый учебный день завтра. Может быть, у нас будет несколько совместных уроков. — Надеюсь.

— У-увидимся дома, Эйден, — сказал Шеннон, которому надоело ждать. Он резко выдернул бумагу из рук Мэри Энн.

Девушка вздохнула и Эйден попрощался.

— Увидимся, Шеннон.

Шеннон ушел, не проронив больше ни слова.

Эйден и Мэри Энн постояли в молчании несколько секунд. Ребята носились вокруг них, задевая их, спеша на автобус или на автостоянку.

— Он стеснительный, — проговорил Эйден, извиняясь за этого придурка.

— Я заметила. — Мэри Энн расправила плечи, и ее милое лицо наполнилось решимостью. — Слушай, я расстроена тем, как я обошлась с тобой на прошлой неделе. Я очень хотела извиниться перед тобой.

— Ты не должна извиняться передо мной, — заверил девушку Эйден. Она могла бы при желании угробить его в тот день, она даже не назвала его фриком и не заставила чувствовать себя уродом. Для него это было похоже на королевское обращение.

— Должна, — настаивала Мэри Энн. — Я вела себя невежливо. Я должна была позвонить, но у меня не было твоего номера.

— На самом деле, не беспокойся. В конце концов, это я должен был позвонить. — Он уставился на свои ноги, прекрасно понимая, что он сделает и, выпрямившись, произнес. — Я просто, ну, я болел. Шесть дней провалялся в постели.

Сочувствие смягчило уголки ее рта.

— Мне так жаль.

— Спасибо, — улыбнулся ей Эйден. Это была самая долгая беседа, которая у него с кем-либо случалась. Без постоянного перебивания со стороны его товарищей по телу или потери нити разговора. — Может быть, мы могли бы завтра встретиться тут, и ты показала бы мне, что тут как.

Мэри Энн заправила прядь волос за ухо, ее щеки окрасились румянцем.

— Я, ээ, ну...

Не слишком ли он давил на нее? Он снова заставил ее чувствовать себя неудобно?

Внезапно, Эйден сильно пожалел, что не может поговорить с Евой. Ему нужен был совет. Совет как правильно разговаривать с девушкой, чтобы подружиться с ней.

В конце концов, он честно сказал.

— Я не собираюсь навязываться или что-то типа того, обещаю. Кроме того, Шеннон — единственный, кого я знаю в этой школе, и мы с тобой могли бы стать друзьями.

— Друзьями, — она закусилла нижнюю губу.

— Только друзьями, — сказал Эйден, и это было правдой. Девушка из видения была единственной, с кем он хотел бы встречаться.

Мэри Энн, переминаясь с ноги на ногу, произнесла.

— Я должна кое-что тебе сказать, но боюсь, это заденет твои чувства. И ты не захочешь быть мне другом.

Это прозвучало плохо. Совсем плохо. Его желудок скрутило.

— В любом случае скажи мне. Пожалуйста. — Ему нужно было это знать. Что бы она не имела в виду. Возможно что-то важное.

— Я чувствую себя... странно, кода ты рядом. — Щеки девушки снова покраснели. — Боже, вслух это звучит еще хуже.

Неужели... это возможно? Чувствовала ли она тот же ветер и слабость тоже?

— Как странно?

— Я даже не знаю. Это как будто меня сбивает порывом ветра и мурашки бегут по коже и, я знаю, это ужасно, что я говорю, и я очень извиняюсь. Очень. Но, когда это ощущение проходит, у меня возникает странное желание сначала крепко обнять тебя. как будто ты мой брат или вроде того, а затем...

— Убежать, — закончил парень за нее. Это возможно. Они одинаково реагировали друг на друга.

Девушка от удивления раскрыла глаза.

— Да!

— Я чувствую тоже самое.

— Правда? — переспросила она, облегчение и смущение уступили место обиде. На ее лице отразилась милая гримаса.

Эйден кивнул, еле сдерживая улыбку.

— Как думаешь, что это значит?

И притяжение, и отторжение одновременно, подумал парень. Как магнитики, с которыми он играл, когда был маленьким. С одной стороны был положительный полюс. С другой — отрицательный. Когда два разных полюса соединялись, магниты притягивались. Когда соединялись одинаковые, то создавалось напряжение, отталкивающее их друг от друга. Они словно были как эти магниты?

И если так, значило ли это то, что она такая же как он? Или наоборот?

Эйден изучающе посмотрел на девушку. Знала ли она что-нибудь о сверхъестественном? Если нет, и он начнет болтать о вылезающих из могил мертвецах и запертых в нем душах, девушка может назвать его психом. А ему бы не хотелось терять шанс подружиться с ней.

— Мне пора домой, — сказал он, предпочтя избежать ответа. К счастью он мог бы выяснить это утром. — У меня комендантский час, но я бы с удовольствием поболтал с тобой завтра и...

— Мэри Энн, — внезапно ее позвал какой-то парень. Звук приближающихся шагов и чужая рука обвила ее талию. Владелец руки был таким же широким и крепким, как

здоровенный камень. — С кем это ты тут болтаешь, детка?

Девушка на секунду закрыла глаза и решительно выдохнула.

— Такер, это Эйден. Один из тех новых учеников и мой... друг. Эйден, это Такер. Мой парень.

Друг. Она назвала Эйдена другом. Он не мог заставить себя перестать улыбаться.

— Рад познакомиться, Такер.

Пристальный взгляд серых глаз Такера пробежался по майке Эйдена и написанных на ней оскорбительных словах.

— Миленко, — усмехнулся он.

Улыбка сползла с лица Эйдена. Весь день он летал от радости — сдал тест, заключил перемирие и нашел друга — и совершенно забыл о майке.

— Спасибо.

— Почему бы тебе не свалить и не присоединиться к своему другу-з-заике, — И это был приказ, а не вопрос. — Мэри Энн и мне нужно кое-что обсудить.

Ну, понятно. Такеру с ним не подружиться. Тем лучше для него. Единственный человек, который его сейчас волновал — Мэри Энн. Ну, еще и Девушка из Видения, но ее здесь не было. Где же она? Чем занимается?

— Увидимся, Мэри Энн, — сказал Эйден.

Девушка искренне и тепло улыбнулась.

— Встретимся здесь же завтра утром, и я все покажу тебе.

Под глазом Такера дернулся мускул.

— Я уверен, он будет занят. Не так ли, Псих?

Эйден понимал, что следующие его слова могут стать началом полных ненависти отношений между ними. Если он согласится, Такер почувствует свое превосходство, подумав, что Эйден достаточно запуган и станет постоянно издеваться над ним. Если он не согласится, то посчитает его соперником за внимание Мэри Энн и будет нападать при каждой возможности.

Эйден не мог себе позволить нажать еще одного врага, но он гордо поднял подбородок, отказываясь сдаваться.

— Совсем я не буду занят. Увидимся утром, Мэри Энн, — кивнул парень им обоим и, не торопясь, ушел, будто бы его ничего не волновало.

Мэри Энн проводила Такера на тренировку на футбольном поле, по пути спокойно и твердо объясняя ему, что называя людей «Психами» и «Заиками» можно только усилить их комплексы и из-за этого им потом может понадобиться психологическая помощь.

— Тогда ты должна сказать мне спасибо за будущего клиента, ты ведь хочешь стать психиатром, — сказал он, обходя ее.

Девушка так была шокирована ответом, что застыла с открытым ртом. Он никогда не говорил с ней с таким сарказмом.

Такер прищурился.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ну, я жду.

— Ждешь чего?

— Во-первых, как я сказал, поблагодарить. Затем ты пообещаешь мне, что не увидишься с этим парнем снова. Он мне не нравится и не нравится, как он смотрит на тебя. И если он еще раз так на тебя посмотрит, то я ему все зубы пересчитаю.

Угроза, исходящая от него колола ее иголками. Она даже отступила от него немного назад. Что не так с ним? Почему он ведет себя таким образом?

— Не подходи к нему, Такер. Слышишь меня? Я не хочу, чтобы ты причинил ему какой-то вред. И просто, чтобы ты знал, я буду дружить с тем, с кем хочу. И если тебе это не нравится, ты можешь... мы можем...

— Ты же не собираешься бросить меня! — парень скрестил руки на груди. — Я не допущу этого.

Мэри Энн не это имела в виду, но она вдруг задумалась над этой идеей. Тот Такер, который стоял сейчас перед ней, не был похож на того Такера, которого она знала. С этим Такером она не чувствовала себя милой или особенной, этот Такер с его угрюмым видом и угрозами тревожил ее.

Это был Такер, который почему-то помог подбросить змею Шеннону — о чем она отдельно хотела его спросить. Это был кто-то, кто насмеялся над чужим страхом. Такой Такер ей не нравился.

— Ты ничего не сможешь сделать, если я так решу, — сказал девушка.

К ее удивлению, он сразу смягчился.

— Ты права. Извини. Я не должен был вмешиваться. Я просто хотел убедиться, что тебе ничто не угрожает. Ты винишь меня за это? — Он так нежно протянул руку и провел кончиками пальцев по ее щеке.

Она отстранилась от его прикосновения.

— Слушай, я, — начала она, но тут один из футбольных игроков окликнул Такера.

Не замечая все еще пронизывающую девушку напряженность, Такер поцеловал ее в щеку, которой только что касался.

— Поговорим завтра, хорошо? — Не дожидаясь ответа, он убежал.

Пошатываясь, она развернулась и направилась к парковке. Что она собирается делать с этим парнем? То, как он отнесся к Шеннону, а затем и к Эйдену, и потом так черство извинился за свое поведение... то, что он ожидал благодарности от нее... девушка сжала зубы. Ну да, он извинился, но были ли извинения искренними?

Мустанг Пенни выехал из-за угла, как только Мэри Энн ступила на бордюр. За рулем была ее подруга. Девушка могла бы позвонить отцу и подождать, пока он за ней заедет. Или она могла пойти пешком одна — и возможно оказаться вкусной приманкой для волка — или же она могла бы разыскать Эйдена.

— Эйден, — позвала девушка, бросившись вперед. Она не видела его, но знала, что он мог быть недалеко.

Тот самый лоснящийся черный волк, но выше и больше, чем ей помнилось, выпрыгнул откуда-то перед ней в тот момент, когда она переходила через линию деревьев, окружавших школу. Она закричала, схватившись за сердце.

Он сердито прорычал, его зеленые глаза светились.

— Успокойся. Я не хочу делать тебе больно.

Одно слово все же весело в воздухе невысказанное, но очевидное.

Все же голос исходил не от девушки, она резко обернулась назад, ожидая увидеть кого-то сзади. Но нет, здесь не было никого, кроме нее и волка.

— Кто это сказал? — произнесла она дрожащим голосом.

— Поскольку здесь нет никого, кроме меня, я думаю, ты можешь ни о чем не беспокоиться.

На этот раз слова прозвучали за ее спиной. Она снова повернулась к волку, но никого не было рядом с ним.

— Это не смешно, — произнесла девушка более твердым голосом. Она бросила внимательный взгляд налево и налево. Дыхание с хрипом вырывалось из горла. Жарко. Нестерпимо жарко. — Кто здесь?

— Мне нравится, когда меня не замечают, действительно нравится. Присмотрись, я большой, я черный и я прямо перед тобой.

Она взглядела в ярко-зеленую листву рядом с ней — никаких признаков жизни.

— Говорю же, это не смешно.

— Ты зря пытаешься найти здесь кого-то еще, девочка.

Мэри Энн снова обратила внимание на волка и нервно рассмеялась.

— Ты не можешь говорить со мной. Просто не можешь. Ты... ты же... ты же не человек.

— Какая ты сообразительная, что заметила. И ты также права насчет того, что я не разговариваю. Вслух.

Этого не могло быть. Его резкий голос эхом отдавался в ее голове, девушка застыла в изумлении.

— Это нелепо. Невозможно.

— Однажды ты рассмеешься над тем, что сейчас сказала, потому что, детка, я собираюсь открыть тебе глаза на целый новый мир. И оборотни — это только начало.

— Заткнись! — Мэри Энн потеряла виски. Это было более чем невозможно, это был сумасшествие. Полнейшее безумие. Или, скорее всего, она действительно сошла с ума. И этот волк был галлюцинацией. Тогда это все объясняло. Какой-то волк — или точнее оборотень — провожающий ее до школы и поджидающий ее. Какой-то оборотень, голос которого она слышит у себя в голове.

Чтобы на это сказал ее отец?

Она догадывалась, какой будет ответ. Что она слишком много учится и слишком мало отдыхает, не давая себе расслабиться, и это такой сигнал о том, что мозгу нужен перерыв. На самом деле, об этом он и пытался предупредить ее утром.

Что если все настолько плохо, что ей нужно лечение? Эта мысль напугала ее, и девушка нервно рассмеялась. Она не хотела, чтобы такие сведения появились в ее медицинской карте. Весьма вероятно, это преследовало бы ее всю оставшуюся жизнь, лишая шанса попасть в интернатуру, чего она так хотела. Кто обратится к ней за помощью в решении проблем, если она сама не в состоянии справиться со своими.

Прощай пятнадцатилетний план.

Но вдруг, возможно, это все реально, сказала она себе. Какая-то ее часть цеплялась за надежду. И был только один способ выяснить все.

Мэри Энн медленно двинулась вперед и остановилась почти перед самым носом этого создания.

— В чем разница между волком и оборотнем? — неуверенно произнесла она, нарушая тишину. Сделай это. Просто сделай это. Затаив дыхание она протянула руку.

— Конечно, разница есть. Один всего лишь животное, другой может превращаться в человека. Что это ты делаешь?

Несмотря на то, что она ожидала на этот раз, что зверь заговорит с ней, девушка все равно удивилась и, взвизгнув, отшатнулась. Если она была неправа, если он был больше, чем галлюцинация, то мог укунить ее. Покалечить ее. Убить. Только не надо трусить сейчас.

— Разве ты уже не знаешь, что я делаю? Ты не можешь читать мысли? — Плод ее воображения был бы способен прочесть ее мысли, ведь так?

— Нет, я не умею читать мысли. Но я могу видеть ауру, цвета, исходящие от тебя. По цвету я могу понять, что ты чувствуешь, а дальше не составляет труда понять, о чем ты думаешь. Но сейчас в твоей ауре столько цветов, что я ничего не могу понять.

— Ну, я собиралась коснуться тебя. Только не двигайся, пожалуйста. — Отлично, теперь она еще и раздает ему указания, ожидая, что он их поймет. Могло ли все это быть шуткой? Мог кто-то снимать это на камеру, намереваясь потом посмеяться над ее доверчивостью? Конечно, нет. Никто не смог бы заставить слышать голос в ее голове. — Если ты меня укусишь, то я... я...

Зверь даже закатил глаза.

— Ты что? Укусишь меня в ответ? Этими мелкими зубами?

Мэри Энн не нашла достойной реплики, которая могла бы запугать зверя, поэтому предпочла промолчать. Волк не двигался, даже не моргнул, когда она снова потянула к нему руку, чтобы коснуться указательным пальцем. Девушка дрожала и все не решалась дотронуться. Наконец, она почувствовала под своей рукой мех. Мягкий, шелковистый мех.

— Ты — настоящий, — затаив дыхание, побормотала она. Это не было галлюцинацией. Волк был настоящий и, черт возьми, она слышала его голос в своей голове, и он мог читать ее ауру. Но как это все возможно? И, что более невероятно, зверь заявил, что он — оборотень, то есть может превращаться в человека. Это... это... Господи Боже.

Послышался стон.

— Почеши мне за ухом.

Все еще потрясенная тем, что сейчас происходило, она автоматически повиновалась его голосу.

Волк издал еще один стон, который резко привел ее в чувство.

«Эй. У тебя все дома?» — мысленно спросила себя девушка. — «Добровольно продолжаешь касаться этой зверюги».

Мэри Энн убрала руку, внезапно осознав, что ей тяжело это сделать.

— Ты — настоящий, — повторила она снова. Это значило, что она все-таки не сумасшедшая. Казалось бы, ей надо было запрыгать от счастья, но тело ей не повиновалось. Она разговаривала с оборотнем, с кем-то или чем-то, из-за кого ее реальность уже не станет прежней. А это был не такой уж повод для праздника.

Некоторое время волк никак не реагировал — не открывал глаза, видимо, все еще наслаждаясь эффектом ее прикосновения. Затем, наконец, веки открылись, и зверь проворчал, уставившись на нее зеленым глубоким и сверкающим взглядом.

— Давай лучше перейдем прямо к делу? Что ты знаешь о том парне?

Он. Настоящий.

— Парень? Что за парень? Я не знаю, почему ты преследуешь меня, но прекрати. Ты выбрал не ту девушку. — Были ли еще такие, которые могли следить за ней? Были ли они здесь, способные разговаривать, и о существовании которых она просто не подозревала? Девушка дико осмотрелась по сторонам. Не увидев там никого и ничего, она попятилась назад, пока не уперлась в шершавый ствол дерева. — Seriously, ты можешь идти.

— Последний раз я спрашиваю по-хорошему, девочка, а затем я стану более настойчив. Ты же не хочешь этого, Мэри Энн. Доверься мне.

Во-первых, он знал ее имя. Это знание потрясло ее. Во-вторых, его слова сами по себе

были угрожающими. Но то, как он их произнес, так буднично и без обвиняков, холодило все внутри. Если она не ответит, он заставит ее. Когтями, зубами. Всем, что для этого потребуется.

Он надвигался на нее медленно и уверенно, сокращая расстояние между ними.

— Что ты знаешь о том парне?

Он подошел, поднялся на задние лапы, а передними уперся в дерево, лишая девушку возможности двигаться.

Кровь ударила Мэри Энн в голову и накатила дурнота, ноги подкосились и налились тяжестью.

— Что за парень? — выдавила из себя девушка, задыхаясь.

— Я полагаю, его зовут Эйден.

Он спрашивал об Эйдене?

— Зачем тебе он?

Оборотень пропустил вопрос мимо ушей.

— Ты говорила с ним. О чем?

— Ничего личного, клянусь. Я знаю только то, что он новый ученик в моей школе. Ты же не собираешься с ним что-то сделать?

Он снова проигнорировал ее вопрос.

— Что насчет другого парня? Того, которого ты провожала до стадиона.

— Это Такер. Я встречаюсь с ним. Вроде того. Возможно. Мы можем расстаться. Я так думаю. Ты с ним собираешься что-то сделать?

Внезапно волк зарычал, тем низким и угрожающим рыком, что словно треп крыльев пробежал по ее нервным окончанием и привел девушку в отчаяние. Затем она поняла, почему зверь внезапно приготовился убивать. Кто-то шел по траве, ступая по опавшим листьям и желудям. Зверь напрягся всем телом и развернулся, готовый встретиться с опасностью.

Эйден вывалился из-за кустов, его лицо блестело от пота, а майка, над которой насмехался Такер, прилипла к груди.

— Мэри Энн, — выпалил он задыхаясь. — В чем дело? Эйден встал на место волка и застыл, готовый дать отпор и защитить. — Иди за дерево. Медленно. — Не сводя пристального взгляда с противника, парень наклонился и выдернул два кинжала из ботинок.

Мэри Энн открыла рот от удивления. Он носит с собой кинжалы?

Волк встал на задние лапы, готовясь к атаке.

— Нет, пожалуйста, не надо, — закричала она. — Не надо драки. — Ни разу в своей жизни девушка не представляла, что окажется в подобной ситуации.

— Иди домой, Мэри Энн, — потребовал Эйден. Он решительно присел. — Немедленно.

— Скажи ему, что бы он ушел, — прорычал волк, не пытаясь повторить свой фокус с Эйденем. Почему бы ему самому не сказать это Эйдену? Или он не мог разговаривать с двумя людьми одновременно? Или он не хотел, что бы Эйден понял, кто он такой? И почему все эти вопросы она задает себе? Когда схватка вот-вот должна была начаться!

— Э-эйден, — начала было Мэри Энн, пытаясь встать между ними. Но волк повернулся и преградил ей путь. — Не дерись с ним, — она не могла не защитить того с кем разговаривала, даже не смотря на то, что он для нее самой мог представлять опасность. Все, что она знала — это то, что здесь будет много крови, если один из них не уйдет. — Пожалуйста, не дерись с ним. Я в порядке. У нас у всех все хорошо. Давайте просто

разойдемся каждый своим путем. Хорошо? Пожалуйста.

Никто — ни парень, ни, тем более, волк — не слушали ее. Они двигались по кругу, напряженно, тяжело дыша и внимательно следя друг за другом.

«Прекрати, Ева», — резкий голос Эйдена разорвал безмолвие. — «Мне нужна тишина». Ева?

Эйден застыл в смущении. Он посмотрел на девушку, чтобы убедиться, что она была на месте и нахмурился.

— Я могу их слышать.

Она тоже смутилась.

— Кого?

— Хватит! — прорычал волк. — Скажи. Ему. Уйти.

— Он хочет, что бы ты ушел, — сказала она Эйдену дрожащим голосом. — Пожалуйста, уходи. Все со мной будет хорошо, обещаю.

— Ты можешь с ним разговаривать? — К счастью, его это не шокировало. Даже не посмотрел на нее, как на ненормальную.

— Я...

— Не говори ему больше ни слова или я перегрызу ему глотку. Поняла?

Она поджала губы, всхлипнув. Еще никогда она не чувствовала себя такой беспомощной и испуганной. Она не представляла, что ей делать.

— Он угрожает тебе? — спросил Эйден тихо, но жестко. Не дожидаясь ответа, он замахнулся лезвиями, серебряные края угрожающе сверкнули на солнце. — Иди сюда, большой мальчик, и посмотрим, как ты поиграешь с тем, кто покрупнее девчонки.

— С удовольствием.

— Нет! — закричала Мэри Энн, когда волк прыгнул вперед. Эйден встретил его в воздухе. Но только столкновения не произошло. Эйден исчез. Одно мгновение, другое.

Волк упал на землю, дергаясь в судорогах и стелая. Оба лезвия с тяжелым звуком бесполезно упали за ним. Мэри Энн бросилась к нему, неуверенная в том, что сейчас произошло и как на это реагировать. Возможно, она была просто в шоке. Не было крови, а значит, он не был ранен.

Трясущимися руками она потянулась и коснулась ладонью его морды. Зачем ты трогаешь его, кричал внутренний голос. Беги! Она не пошевелилась, ее беспокойство оказалось больше, чем инстинкт самосохранения.

— Ты в порядке?

Его глаза широко открылись, они не были больше зелеными, а окрасились во все цвета, которые когда-либо были у Эйдена. Волк, шатаясь и дрожа, вскочил на лапы и медленно стал отдаляться от нее.

Когда он пересек линию деревьев, то развернулся и побежал.

«Я видел ее. Я видел ту самую девушку».

«Я тоже».

«Ты узнал ее? Я знаю, ты видел ее раньше».

«Извини, Ева, но не узнал».

Эйдену хотелось кричать: слишком много шума в его голове, больше, чем он мог выдержать. Шелест ветра в деревьях, звонкий щебет птиц неподалеку, жужжание саранчи, стрекот сверчков, кваканье лягушек.

С ворчанием, он заставил большое тело волка двигаться. Было тяжело двигать одновременно передними и задними лапами, но, споткнувшись несколько раз, он приноровился. Эйдену еще ни разу не доводилось бывать в теле животного, и он не был уверен в том, что делает. Но не было времени, чтобы остановиться и обдумать, как с этим быть. Если он не поспешит, то опоздает. Если он опоздает, то Дэн не позволит ему завтра пойти в школу.

«Как ты это сделал?» со злостью прорычал волк, его голос слился с криками других. «Убирайся из моей головы! Вон из моего тела!»

Это создание знало, что Эйден был внутри. Мог чувствовать его. Такого никогда не случалось с ним раньше. Он всегда считал, что мозг животного более примитивен и не способен к человеческой речи. По большей мере, во всяком случае.

«Я — не животное, черт возьми».

«Тогда что ты?» мысленно спросил Эйден.

«Волк. Человек.оборотень. А теперь убирайся из моего тела!»

«Способный менять облик?»

Эйден не знал о существовании подобного. Не в реальности. Хотя, учитывая, что он сам мог делать, такое вполне возможно. Это обстоятельство заставило его задуматься, кто еще мог оказаться реальностью — в легендах рассказывалось о вампирах, драконах, монстрах и тому подобных созданиях.

«Вон! Немедленно!»

Несмотря на яростное рычание, пробежка оказалась довольно бодрящей, придающей сил. Ветер ласково развивал его шерсть. Его взгляд проникал так далеко, как будто расстояние было совсем незначительным, замечал каждую деталь, не пропускал ничего. Цвета были более яркими и пятнышки пыли... Потрясающе. Они словно снежинки блестели вокруг него.

«Я перегрызу тебе глотку за это».

Он продолжал бег, вдыхая и выдыхая носом теплый воздух. Его легкие расширились, поглощая больше кислорода, чем он привык, что только подхлестывало его бежать быстрее, цепляясь когтями за землю. Запахи непереносимо били в нос. Хвоя и земля, и мертвое животное в нескольких ярдах отсюда. Олень. Понял каким-то образом Эйден. Он даже мог слышать жужжание мух над тушей.

«Я умоюсь твоей кровью, человек. И это не угроза, а обещание».

И снова, угрозы волка — точнее обещания — слились с голосами его собственных все еще болтающих спутников. Калерб извинялся за его вторжение в это тело, Ева спрашивала о Мэри Энн, беспокоясь за нее, Джулиан и Элайджа умоляли его быть осторожным. Почему

Мэри Энн не отправила их в черную дыру в этот раз? Несмотря на то, что Эйден приблизился к ней, он продолжал их слышать. К тому же, нужно поблагодарить Элайджу — его сила растёт, как он и предполагал — так как если бы он не смог остановить волка, это создание загнало бы её в этот самый лес.

Мэри Энн...

Что она теперь будет о нём думать? Она знала, что Эйден отличается от других, может делать то, что другим не доступно. А после того, что произошло, она в этом наверняка теперь убедилась. Может быть, она поймет. Все-таки ей довелось разговаривать с волком. Возможно, как и Эйден, она знала о том, о чем другие даже не подозревали. Это бы объяснило, как она — иногда — могла заставить замолчать голоса в его голове.

«Видение изменилось. Он собирается убить тебя, как только ты выйдешь из его тела», предупреждал Элайджа.

Эйден и так это понимал. К тому же он сейчас слишком измотан, чтобы защитить себя. Только одно могло спасти его, и он должен сделать это до того как выйдет из тела, и волк сможет напасть на него. Эйден ненавидел делать это, но выбора не было.

Когда ранчо показалось вдалеке, он, наконец, замедлил бег, затем остановился в тени деревьев.

«Ты не можешь стоять здесь вечно», прорычал волк, и Эйден не смог сдержать его. Или мог? Мог! Еще немного и они бы пришли в бешенство.

Эйден осмотрелся вокруг и не увидел ничего такого, что бы могло помочь ему выполнить задуманное.

Но был другой способ, подумал он со вздохом. Он сел, вытянул заднюю лапу и посмотрел на нее — мышцы напряжены, мех переливается черным бриллиантовым блеском.

«Нет», сказала Ева, поняв, что сейчас случится. «Не делай этого».

«Я должен», подумал Эйден. Его желудок скрутило судорогой. Не было времени для жалости к себе, к такому невозможно подготовиться. Он просто раскрыл волчью пасть и, со злобным рычанием, вцепился в лапу. Острые клыки вонзились в мышцы и достигли кости.

Крик нескольких голосов разрывал его голову. Каждый чувствовал укус, мучительная боль распространялась как вспышка молнии, отзываясь в каждой части тела.

«Какого черта ты творишь?» срываясь, кричал волк. «Остановись. Прекрати!»

Намертво вцепившись зубами, он резко дернул. Теплая с металлическим привкусом жидкость хлынула ему в рот и горло и залила мех. Эйден задыхался.

Больше криков, больше стонов.

Тело волка медленно осело в траву. Боль не давала двигаться, на что Эйден и рассчитывал. Вот теперь, когда он покинет тело, волк не сможет его преследовать или напасть.

Вытянуть себя из тела животного забрало остатки его душевных сил. Невидимая рука обрела форму и крепко схватилась за корень ближайшего дерева. Преодолевая слабость, Эйден таки выдернул себя наружу.

Эйден лежал там первое время ошеломленный, пытаясь отдышаться. Его человеческое тело отказывалось повиноваться. Оно приобрело прежнюю форму, но его разум — или его спутников — это не волновало. Все они понимали, что произошло и чувствовали последствия. Мышцы затекли так, что нельзя было пошевелиться.

Нет худа без добра: адреналин тек по его венам, стараясь заглушить боль, давая силы. Наконец, он смог откатиться в сторону. Волк, как он видел, был там же, где он его оставил.

Он лежал, вытянув лапу, а из раны и из пасти текла кровь.

— Мне жаль, — сказал Эйден, и это была правда. — Я не могу позволить тебе атаковать меня.

Зеленые глаза свирепо смотрели на него, стекленея от боли и ярости.

Эйден неуклюже поднялся, покачиваясь из-за головокружения.

— Мне нужно поговорить с главой, после чего я вернусь с бинтами.

Низкий рык пообещал ему расплату по возвращении. Не важно. Он вернулся на ранчо, еле доковыляв до ночлежки, и влез через окно в свою спальню. Он был слишком слаб и у него было мало времени, чтобы связываться со всякими придурками. На всех окнах здесь стояла сигнализация, но на его окне она отключалась на ночь. Плюс Эйден давно обрезал и заменил проводку, так что можно было не опасаться поднять тревогу (но все выглядело так, будто все в порядке, на случай если Дэн решил бы проверить).

Он принял ванну, выпил стакан воды и умылся. К счастью, на его кофте не было следов крови, лишь пятна от грязи и травы. Его лицо было совершенно лишено красок, а волосы были растрепаны и полны веточек.

Он засунул в рюкзак несколько бинтов и тюбик с кремом-антибиотиком и скинул его из окна. Затем вылез сам, вытряхивая веточки из волос. Спрятав рюкзак под камнями, парень направился к главному дому.

Дэн сидел на крыльце, София спала у его ног. Из открытого за ним окна доносились звуки гремящей посуды. Мэг, миссис Ривз, готовила. Судя по запаху, персиковый пирог. У Эйдена потекли слюнки. Сэндвич с арахисовым маслом, который он съел за ланчем, давно уже был воспоминанием.

«Как Дэн мог предать ту женщину?» спросила Ева с отвращением. «Она сокровище».

«Кому какое дело?» воскликнул Кaleb. «Мы сделали свою работу».

Ева оскорбилась.

«Мне не все равно. Предательство это неправильно».

Будет очень плохо, если он скажет «Заткнись!» подумал Эйден.

Как только Дэн заметил Эйдена, то посмотрел на часы на запястье с видимым удовлетворением.

— Как раз вовремя.

— Я искал тебя, — сказал Эйден, с трудом переводя дыхание от усталости. — Хотел рассказать, как все прошло.

— Я знаю, как все прошло. Звонили из школы.

— Что? Они жаловались на...

— Сказали, что ты отлично справился с тестами, — закончил Дэн.

Слава Богу. Он кивнул, зная, что должен улыбнуться, но не мог. Он чувствовал себя словно посреди огромной сцены, с прожекторами направленными на него и высвечивающими следы от его пробежки с... волком. Или скорее, наоборот. Было странно думать о животном, способном менять облик.

— Я горжусь тобой, Эйден. Надеюсь, ты знаешь это.

Всю свою жизнь Эйден разочаровывал людей, доставлял им проблемы, вызывал у них чувство беспокойства и раздражения. Похвала Дэна была... приятной.

— С-спасибо. — Как Дэн мог быть таким замечательным и одновременно, как продолжала ворчать Ева, таким отвратительным.

— Ты видел Шеннона? Он все еще не вернулся.

Он не вернулся? Где же он? Он шел впереди Эйдена.

— Нет, я не видел. Прости. Мы покинули школу не вместе.

Дэн еще раз взглянул на часы.

— Пожалуй, пойду, займусь своими делами, — сказал Эйден, хотя перед этим он должен был позаботиться о волке. Не успел он и шага сделать, как Дэн остановил его.

— Не так быстро. Мне также рассказали, что ты остался после школы, чтобы поговорить с девочкой.

Парень сглотнул. Кивнул. Кто-то, очевидно, следил за ним и ему это не нравилось. Эйден только надеялся, что почувствует их пристальный взгляд. Небольшое предупреждение было бы сейчас кстати. Если Дэн запретит приближаться ему к Мэри Энн, то он...

— Все было в порядке?

И это все что его беспокоило? Эйден с облегчением опустил плечи.

— Ага.

Дэн склонил голову на бок.

— Ты сегодня не особо разговорчивый, не так ли?

— Я просто устал. Я не спал всю ночь из-за нервов.

— Понимаю. Ну, иди тогда. Занимайся своими делами и ложись спать пораньше. Я попрошу принести тебе ужин в комнату.

— Спасибо, — быстро выпалил Эйден. Он кинулся обратно к ночлежке, но не вошел внутрь. Он схватил спрятанный рюкзак и сломя голову побежал в лес, стараясь держаться в тени, чтобы никто его не заметил.

Но оборотень ушел.

Единственным признаком того, что он был тут, была лужа крови, блестящая на солнце. Вернувшись назад, он увидел Шеннона, раненного и истекающего кровью, бредущего к Дэну.

Желудок опять скрутило. Парень остановился на некотором расстоянии от них и прислушался.

— Они ж-ждали меня. Группа. Он-ни набросились на меня.

— Кто это был? — спросил Дэн, разозлившись. — Ты смог их рассмотреть?

— Н-нет.

Эйден нахмурился. У Шеннона были зеленые глаза, и у волка были зеленые глаза. Шеннон был ранен, и волк был ранен. Шеннон был сейчас тут, а волк пропал. Он действительно был напуган или врал, чтобы скрыть что-то другое? Например, способность недоступную большинству людей? Как Шеннон мог не хромать, несмотря на свою рану на ноге?

Позже, в конюшне, пока они выгребали навоз, Эйден попытался расспросить Шеннона о том, что произошло, и, осторожно сводя разговор к Мэри Энн и волкам, следил за реакцией парня. Но, кроме молчания, он ничего не получил.

Эйден долго ворочался в постели. Еще одна бессонная ночь. Его разум лихорадочно работал. К тому же души тоже не спали, так что, несмотря на то, что мысли были его собственные, они их не приветствовали. Все, что он мог слышать так это вздох изумления Мэри Энн, когда он вселился в тело волка. Все, что он мог видеть — это истекающий кровью оборотень... или умирающий? Или это Шеннон был оборотнем, как он подозревал? Убежал он в лес после школы, сменил облик и примчался обратно к Мэри Энн до того как Эйден натолкнулся на него?

Если Шеннон — волк, то, наверняка, он сейчас хочет убить его. По крайней мере, он обещал это сделать. Теперь ему нужно наблюдать, готовиться и ждать. Если только у него есть на это время. Мэри Энн уже могла кому-то рассказать, что она видела. Большинство, скорее всего ей не поверят, но с его прошлым... новое обвинение разрушит все.

Может ему уже стоило бы собрать вещи, сбежать и жить самому по себе. Он уже делал так три года назад. Жизнь на улице давалась ему тяжело. У него не было крыши над головой, не было еды, воды или денег. Он пытался украсть бумажник у одного парня и, поскольку вор из него был плохой, его поймали и отправили в колонию для несовершеннолетних.

Теперь он умнее — говорил он себе. Старше. Он сможет выжить. Впервые в жизни ему было к чему стремиться, чего ожидать. Школа, друзья... мир. Убежать — значит уничтожить свой шанс на счастье.

Он вздохнул, закрывая глаза.

— Проснись.

Шепот проник в его разум, волнующий, но настойчивый. Он широко распахнул глаза. Та самая девушка из леса стояла прямо перед ним, ее темные волосы ниспадали по плечам. Еще секунду назад ее здесь не было, но Эйден был так рад ее видеть.

Было ли это то же самое видение, которое он видел раньше? Ее, стоящую напротив него. Вскоре она жестом поманила его наружу, чтобы он следовал за ней.

Он глубоко вздохнул, вдыхая аромат жимолости и роз. Нет, это не видение. Девушка была настоящей.

Он слегка улыбнулся и попытался восстановить в памяти оставшиеся детали своей фантазии. Они отправятся в лес, и она будет стоять совсем рядом с ним. Она протянет к нему руку и проведет по шее кончиками пальцев. Будет ли ее кожа такой же горячей, как он помнил или холодной, как ему казалось сейчас?

Он больше не мог ждать.

— Где ты была? Что...

— Шшш. Мы же не хотим разбудить остальных.

Он замолчал, но не мог сдержать бешено колотившееся сердце. Она была облачена во что-то вроде черного платья, обнажавшего одну бледную изящную руку. Кольцо с огромным опалом блестело на указательном пальце левой руки. В видении, она всегда заботилась о том, чтобы кольцо не касалось его.

— Я рад, что ты здесь, — прошептал он.

Она прищурилась, он все еще мог видеть ясный блеск ее глаз. Она не знает, откуда ты ее знаешь, напомнил он себе. Ему нужно быть с ней осторожным.

— Идем. — Она поманила его пальцем и вышла — нет, проплыла — в окно. Затем, не шевельнувшись, казалось, она исчезла. Только легкий ветерок коснулся его.

Через секунду он почувствовал, что его тело ему не подчиняется. Этого он не ожидал. Он шел в его представлении, но это не было похоже на то, что его кто-то контролировал. Его ноги двигались сами по себе, направляя его прямо к открытому окну. Могла ли она вселяться в другие тела? Он не чувствовал ее внутри себя, но... все могло быть.

Даже, когда он перелез через окно и его босые ноги ступили на влажную траву, он не смог вернуть себе контроль над телом. Тем не менее, он не паниковал. Он был с Девушкой из Видения. Это все, что имело значение.

Он осмотрелся внимательно вокруг, обнаружив ее в нескольких ярдах впереди у границы леса. Таким образом, она не вселилась в него. Но что она сделала с ним?

— Пошли. — Она снова поманила его пальцем. И снова исчезла, успев прежде осмотреть его с головы до пят.

Он смутился. Единственное, что было на нем сейчас это боксеры. К счастью, они были черными, а не красно-белыми с принтом из сердечек.

Что она о нем подумает?

Часть его чувствовала, будто он уже был знаком с ней, и поэтому ему было легко с ней и казалось, что он почти влюблен. Кроме того, эта его часть знала вкус ее губ, слышала, как она шепчет его имя, чувствовала, как она тает в его руках.

Но в рациональной части его мозга росла тревога. В последний раз, когда она на самом деле разговаривала с ним, она задавала вопросы, на которые у Эйдена не было ответов. В последний раз, когда он ее видел, она была с другим парнем.

Ночь была тихой, небо затянули облака. Стрекотали кузнечики, вдали лаяла собака. Вскоре все замолкло. Наступила полная тишина, густая и непроницаемая.

До тех пор пока его компаньоны не начали просыпаться, зевая в его голове.

«Снаружи?» сонно поинтересовался Джулиан.

— Да, — прошептал он.

«Ох. Нам же не придется убегать сегодня?» спросил Калев.

— Нет.

Ева облегченно вздохнула.

«Слава Богу».

«Не хочешь рассказать нам, что происходит?» спросил Элайджа.

— У нас видение. — Наконец он достиг просвета в листве, окружающей его и скрывающей от любопытных глаз. Но где же Девушка из Видения? Снова никаких следов ее пребывания.

— Стой, — сказала она. Голос доносился из-за его спины, и Эйден развернулся. Она стояла там, его красавица. Его... убийца? Она держала по кинжалу в каждой руке. Его кинжалы. Те, что он оставил раньше, перед тем как влезть в шкуру волка.

Он нахмурился.

Луч лунного света проник сквозь облака и окутал девушку, усыпал искорками ее волосы. Не та иллюзия, вызванная солнцем, когда он видел ее в последний раз, а более похоже на отблеск лезвия. Несомненно, она бы не ударила его ножом. Она выглядела слишком невинно в дымке сумерек, такая изящная и безобидная.

— А где тот парень? — спросил Эйден. Сейчас никто не хотел его порезать, но он еще не забыл злость, исходившую от того незнакомца. — Ну, тот, которого я видел с тобой?

Она стояла на месте, склонив голову набок.

— Если бы он пришел, он убил бы тебя.

Эйден не сомневался, что так бы оно и было.

— Почему?

— Он завидует тебе. Кроме того, я не должна была быть здесь, если бы он узнал, куда я направляюсь, он бы меня остановил. Я была вынуждена прийти в одиночестве.

Тысяча вопросов пронеслась в его голове. Кто-то завидовал? Эйдену? Почему? И почему ей не стоило здесь находиться? В конце концов, он задал вопрос, на который больше всего хотел получить ответ.

— Как ты заставила меня прийти сюда? Ты сказала, и я подчинился помимо моей воли.

Девушка пожала изящными плечами.

— Маленький подарок от меня, можно сказать. Это твое я так понимаю. — Она сделала шаг, приблизившись к нему, и протянула кинжалы.

Эйден гордился собой. Он не вздрогнул и даже не испугался возможной атаки.

«Кто она такая?» — спросила Ева.

«У меня еще одно плохое предчувствие», запаниковал Элайджа. «Уходи оттуда».

— Тихо, — пробормотал он.

— Не говори мне что делать, — отрезала она. Чем больше девушка говорила, тем больше Эйден улавливал ее акцент. Не английский, но схож.

— Я не с тобой говорил.

Замешательство исказило привлекательные черты ее лица. Она бросила взгляд в сторону леса.

— Тогда с кем? Мы здесь одни.

— С самим собой.

В какой-то мере.

— Понятно, — произнесла девушка, не было очевидно, что это не так. — Вот. Забери. — Она сунула ему в руки оружие, но прежде чем он успел взять его... он коснулся ее. — Уверена, в будущем они тебе понадобятся.

Нет, она не собиралась причинять ему вред. Он посмотрел вниз на остро заточенный металл, сжал пальцами рукоятки.

— А ты не боишься, что я использую их против тебя?

Девушка рассмеялась. Ее смех звенел словно колокольчики.

— Можешь попробовать, ими ты даже не сможешь ранить меня.

Да неужели?

— Прости, но я должен сказать тебе — никто не может противостоять клинку.

— Я могу. Меня невозможно поранить, — она излучала абсолютную уверенность.

Парень опустил руки.

— Кто же ты такая?

Что ты? — еле сдержался он, чтобы не спросить, не желая обидеть ее. Снова.

Но ответ не был важен. Он был рад, что она была здесь. Кем бы она не была.

— Меня зовут Виктория.

Виктория. Он обдумал ее имя. Нежное и красивое, как и она сама.

— Я — Эйден.

— Знаю, — твердо сказала она.

— Откуда?

Снова ступая медленным размеренным шагом, девушка обошла его по кругу.

— Я уже давно слежусь за тобой.

Давно? Не может этого быть. Эйден видел ее всего второй раз в жизни. Ты не всегда самый наблюдательный человек, напомнил он себе.

— Но зачем?

Она снова остановилась перед ним, приблизилась, почти касаясь его, и сказала:

— Ты знаешь почему. — Ее горячее дыхание обжигало, как костер, разведенный в морозный день.

Ему это нравилось. Очень. Но он бы отдал все за ее прикосновение.

— Я не знаю.

Ее ожесточенный взгляд встретился с его.

— Ты вызвал нас.

По телефону?

— Я не мог. У меня нет твоего номера.

— Ты издеваешься?

— Нет. Честно, я не вызывал тебя.

У девушки вырвался вздох разочарования.

— Неделю назад, каким-то образом моих людей накрыло волной энергии, исходящей от тебя. Энергия была настолько сильной, что мы часами корчились от боли. Энергия опутывала нас и тянула к тебе, будто мы были привязаны веревкой.

— Я не понимаю. Энергия? Посланная мной? — Неделю назад единственное, что произошло — это он убил несколько трупов и встретил Мэри Энн.

От этой мысли его глаза расширились. Когда он первый раз увидел Мэри Энн, все перестало существовать, мир, казалось, исчез под сильным порывом ветра. Об этом ли говорила Виктория? И если так то, что это значило для него и Мэри Энн?

— Твои люди, кто они? Где ты живешь?

— Я родилась в Румынии, — ответила она, игнорируя первый вопрос. — В Валахии.

Эйден нахмурился, обдумывая то, что она сказала. Когда-то один учитель заставил его сделать доклад по Румынии. Он знал, что Валахия была к северу от Дуная и к югу от Карпат, и это был не город. Также он понимал, что ветер, возникший из-за него и Мэри Энн, никак не мог достигнуть этого места. Так?

— Ты была там, когда энергия настигла тебя?

— Да. Мы много путешествуем, но в тот день мы вернулись в Румынию. В какую игру ты с нами играешь, Эйден Стоун? Зачем мы тебе?

Мы? Нет, ему нужна только она.

— Если я действительно был тем, кто послал энергию, то это была случайность, — сказал он.

Она подняла руку и коснулась кончиками пальцев чуть ниже его уха. Он закрыл глаза, наслаждаясь моментом. Наконец. Прикосновение. Ее кожа была обжигающе горячей, наэлектризованной словно молния. Ногтями, нежно, так нежно, она провела чуть ниже вдоль шеи, туда, где прощупывался пульс.

— Специально или нет, — сказала она, — ты разозлил моего отца. Поверь мне, он страшен в гневе. Ночной кошмар наяву. Он жаждал твоей смерти.

Эйден был слишком заворочен ее движением, чтобы испугаться ее слов.

— За этим ты привела меня сюда? Убить меня? — Тогда зачем она отдала ему кинжалы? — Я думаю, вы поймете, что я не подчинюсь и буду сопротивляться.

Резкость его тона должно быть неприятно удивила девушку, так как она отошла назад пока не оказалась вне пределов досягаемости. Мне следовало бы держать язык за зубами, мрачно подумал парень. Что ему теперь сделать, чтобы она снова подошла?

— Я сказала, что отец хотел твоей смерти, — сказала она мягко, опустив взгляд на землю. — А не хочет. Я убедила его подождать, узнать о тебе больше. Мы все еще ощущаем последствия той энергии.

Кое-что в сказанном ею заинтересовало его больше всего.

— Почему?

Она даже не стала делать вид, словно не поняла, о чем он. Эйден хотел знать, почему она хотела помочь ему, парню, о котором она ничего не знала.

— Ты... завораживаешь меня. — Ее щеки порозовели. — Это было глупо. Считай, что я сказала что-то другое.

— Не могу, — сказал он. Да и не хотел этого делать. — Ты завораживаешь меня тоже. Я думал о тебе с тех пор, как встретил первый раз. — Он не сказал, что это было месяц назад в видении. И не сказал, что иногда она казалась единственной, ради чего ему стоило жить. — И, когда ты приходила ко мне, я был болен... не отрицай это, — добавил он, и девушка открыла рот, чтобы что-то сказать. — Ты заботилась обо мне, я знаю это. С тех самых пор я хочу, чтобы ты была рядом.

Она отрицательно качала головой, пока он говорил, завитки волос упали ей на лицо.

— Мы не можем нравиться друг другу. Мы не можем стать друзьями.

— Вот и хорошо, потому что я не хочу быть твоим другом. Я хочу большего. — Слова лились из него непрерывным потоком. То, что он чувствовал к этой девушке, совершенно отличалось от того, что он чувствовал вообще к кому-либо еще. Это было более сильное, всепоглощающее чувство.

Возможно, ему следовало промолчать, или хотя бы немного подождать. Но Элайджа видел смерть, значит, его дни сочтены.

— Ты бы не сказал этого, если бы знал... — она смотрела на него, сузив глаза. — Ты хотя бы догадываешься, кто я? Кто мой отец?

— Нет. — И его это не волновало. В его голове были заперты четыре души. Как его могли возмущать чьи-то традиции, какие бы они не были.

Не успел он моргнуть, как Виктория снова толкнула его, и он налетел на дерево. Он хотел, чтобы она подошла ближе, но не так. Не со злостью.

Ее губы приподнялись, обнажая острые белые клыки.

— Ты убежал бы в ужасе, если бы знал.

Эти клыки...

— Но ты не можешь... Я видел, как ты стояла на солнечном свете.

— Чем старше мы становимся, тем больше солнечный свет нас ранит. Такие молодые как я могут оставаться на солнце несколько часов без вреда для себя. — Под конец, ее голос стал выше. — Теперь-то ты понимаешь? Для нас люди — это пища. Наша ходячая еда. Наш источник крови. И если эта еда нам нравится, то мы пьем снова и снова, пока этот человек не станет нашим рабом. Но они никогда не становятся нашими друзьями. Заботиться о них бесполезно, потому что пока мы живем, они увядают и умирают.

Ему было интересно, что еще стояло за всем этим, теперь он знал.

— Я не могу... В смысле... Вампир.

Внезапно, в мозгу Эйдена всплыло одно из ведений Элайджи, и он увидел голову Виктории у своего плеча и ее зубы, вонзающиеся в его шею. Он видел его подкосившиеся ноги и его безжизненное тело, упавшее на землю. Видел ее, удалявшуюся от него, со ртом, перепачканным темно-красным, и ужасом в глазах.

Он хотел остановить видение, но не мог. Он догадывался, что возможности Элайджи выросли, и теперь он в этом убедился. Виктория была здесь, настоящая и стояла перед ним. Она привела его в этот лес, прикасалась к его шее.

Однажды Виктория укусит его. Выпьет его кровь. Это не убьет его — это сделает чей-то нож — но укус сделает его беспомощным.

Мог ли он предотвратить это? Хотел ли он это? Наличие Виктории в его жизни стало такой же необходимостью, как и дыхание.

Видение рассеялось, и Эйден моргнул, он пришел в себя. Он все еще был в лесу, но Виктории нигде не было видно. Вздохнув, он поплелся домой, уже зная, что не уснет.

Мэри Энн явилась в школу на полтора часа раньше. Кроме нее никого во дворе не было. Солнце едва проглядывало сквозь облака. Не повезло с погодой. Ее знобило, и выглядела она растрепанно. Всю ночь она просидела за компьютером, разыскивая информацию об оборотнях и паранормальных способностях и пытаясь понять, что же произошло в лесу.

Она распечатала сотню страниц, но, несмотря на это, не нашла ничего конкретного. Обе эти темы относились к разряду художественного вымысла. Согласно литературе оборотни имели способность превращаться из животного в человека, но даже тогда не было описания того, что они могли вложить свой голос в человеческий разум. Но она знала, точно знала, что волк говорил с ней, его голос звучал внутри ее головы.

Способность заставить тело исчезнуть называется телепортацией. И Мэри Энн сама видела, как исчез Эйден. То есть его тело прошло через волка, но не вышло с другой стороны. Она бы такое не выдумала. Ее страх был реальным, и воспоминание о прикосновении к нему, все еще жгло ее руку.

Все ли было в порядке с волком? Этот вопрос мучил ее всю ночь, оборачиваясь приступами чувства вины. Ведь ей следовало больше беспокоиться об Эйдене. Все ли с ним в порядке? Куда он пропал? Вернется ли? Сможет ли вернуться? Она поискала номер Дэна Ривза, но в телефонной книге его не оказалось. Девушка уже почти собралась поехать на ранчо, но ее остановила мысль, что из-за этого у Эйдена могут возникнуть проблемы. Кроме того, она боялась, что ее рассказ посчитают бредом.

«Я не сумасшедшая», — подумала девушка, расхаживая взад-вперед перед черной двойной дверью школы. Она собиралась встретиться с Эйденем и потребовать ответов на вопросы. Если он, конечно, объявится. Если он будет отрицать свою способность, то она... то что? Ее плечи опустить, она не знала, что будет делать. Расскажет отцу — или какому-то другому взрослому — и ее направят к одному из его коллег и, возможно, пропишут таблетки. Она понимала это и тогда, когда в первый раз в лесу с ней разговаривал волк, понимала это и сейчас. Даже ее друзья подняли бы ее на смех, возможно, даже перестали бы с ней общаться.

Темно-синий седан притормозил у парковки и мистер Вайт, директор, вышел из него, держа в руке портфель. Он нахмурился, когда увидел Мэри Энн и засеменил, приближаясь к ней. Он был одним из тех стариков с поредевшими волосами и морщинистым лицом. Он носил очки с толстыми линзами и пышные усы с сединой.

— Что-то ты рановато, — сказал он.

Девушка улыбнулась, заметно нервничая. Директор всегда ей нравился, потому что был добр к ней, но она не смогла притвориться, что она как обычно в бодром настроении.

— Просто хотела прийти пораньше, чтобы подготовиться к тесту по химии, — соврала она.

Взгляд его темных глаз наполнился гордостью.

— Хочешь войти? Ты можешь подождать в кабинете.

— Нет, спасибо. — Она простоит здесь весь день, если будет нужно, и не сдвинется с места, пока Эйден не появится. Если он появится, она не сможет сдержаться. Желудок болезненно скрутило. — Свежий воздух прочищает голову. — Когда она стала такой обманщицей?

— Ну что ж, если передумаешь, можешь зайти внутрь. Я оставлю дверь открытой.

Оставшись одна, девушка снова принялась шагать. Ее взгляд постоянно останавливался на линии деревьев, выискивая волка. Она топнула ногой. Нет, не волка. Эйдена. Она искала Эйдена.

Целая вечность прошла, пока учителя начали съезжаться на работу. Наконец, показались и ученики. Эйдена все не было.

Мустанг Пенни немного занесло, и шины взвизгнули. Ее подруга не имела понятия об ограничении скорости, и зачем оно нужно, что выглядело довольно иронично на фоне ее постоянных опозданий. Несколько людей отпрыгнули с ее пути, когда она парковалась.

Сегодня Пенни была одета в темно-синее платье, которое оттеняло цвет ее глаз. Глаза, которые были обрамлены красным, как отметила Мэри Энн. Ее светлые волосы были стянуты в конских хвост, как будто ее обычный изящный стиль требовал слишком много энергии. Ее бледная кожа была усыпана веснушками.

Мэри Энн перехватила подругу на полпути.

— Что не так? — спросила она. Забота о подруге прогнала беспокойство по поводу волка и Эйдена.

Вопрос вызвал натянутую улыбку.

— Что со мной не так? Ничего. Такер звонил мне вчера и сегодня утром, чтобы спросить, что с тобой не так. Сказал, что ты странно себя вела вчера после школы. И что звонил тебе весь вечер, но ты не отвечала.

Но Такер ее сейчас волновал меньше всего. Особенно новый Такер, который мог обидеть и угрожать ее друзьям.

— Ничего, Такер подождет. — Девушка посмотрела мимо подруги на деревья, выискивая какие-либо признаки жизни.

Наконец, ее терпение было вознаграждено — показался Шеннон, высокий и красивый. Казалось, весь мир вдруг сузился, и по коже побежали мурашки. Эйден должен быть где-то рядом. Наблюдение за волком сразу отошло на второй план.

— Я позвоню тебе позже, хорошо? — девушка бросилась вперед, не обращая внимание на ворчание Пенни. Рюкзак, набитый учебниками, больно шлепал ее по спине. — Шеннон! — позвала она.

Он заметил ее и округлил глаза, удивительно зеленые на фоне его темной кожи. И эти глаза снова напомнили ей о волке. Ее волке. Мог он быть ее волком?

Чем ближе девушка подходила, тем больше он старался ее обойти. Что не было похоже на ее волка. Нахмурившись, она подскочила, преграждая ему путь.

— Эйден придет?

Он сдвинул брови.

— Т-тебе-то какое д-дело?

Ее волк не заикался, к тому же. С другой стороны, он и ртом не пользовался. Как все запутанно. И странно! Превращение человека в волка — это не нормально.

Но был ли Шеннон волком или нет?

— Есть дело, — ответила она наконец после паузы. — Так он придет или нет?

— Он как раз за мной идет.

Итак, он появится. А, значит, был жив и в порядке. Она выдохнула с облегчением и улыбнулась, когда сказала:

— Спасибо, большое спасибо.

Шеннон не ответил, но не смог скрыть любопытство в своих глазах, обошел ее и направился к школе. Ожидание Эйдена далось ей тяжело, но она выдержала и стояла здесь, пока он не появился. При виде его, ее колени подкосились.

Тот же обжигающий ветер ударил ее в грудь. Время замедлилось. Девушка могла поклясться, что ветер как будто бы рассек ее, хотя она понимала, что это ей только показалось. Это ощущение могло бы шокировать ее и заставить бежать прочь. Но не в этот раз. В этот раз она желала получить ответы. Эйден сейчас не был похож на того милого парня, которого она знала. Его глаза меняли цвет на свету, и он был способен в один миг исчезнуть. Как такое вообще возможно?

— Привет, Эйден, — сказала она.

Эйден замедлил шаг, когда увидел девушку. Выражение его лица стало непроницаемым, он внимательно осмотрел пространство рядом с ней, будто ожидал, что кто-то выпрыгнет и схватит ее. Кто-то вроде волка? Или кто-то из взрослых? И она тоже оглянулась вокруг. Но не было ни души, даже насекомые и птицы странно притихли.

— Мэри Энн, — произнес Эйден таким тоном, которым никогда прежде с ней не разговаривал. Парень остановился перед ней. — Что ты здесь делаешь? В смысле, со мной.

Что бы с ним не произошло, физически он не изменился. Он был точно такой же высокий, такой же привлекательный с его черными волосами и манящим взглядом. На нем не было ни порезов, ни синяков.

— Я хочу знать, что произошло вчера, — сказала она.

Эйден нервно усмехнулся.

— О чем это ты? Какая-то собака сбежала и напугала тебя. Я всего лишь прогнал ее и пошел домой.

Лжец.

— Это не то, что случилось, и ты сам прекрасно это знаешь.

— От страха ты все перепутала, — продолжал он настаивать.

Нет, нет и нет. Он не убедит ее в том, что это всего лишь была игра воображения. Всю ночь она только и делала, что проигрывала в голове произошедшее. Слишком долго она размышляла об этом волке.

— Скажи мне, что произошло, Эйден. Пожалуйста.

Он помолчал некоторое время, после чего вздохнул.

— Просто забудь об этом, Мэри Энн.

— Нет! Кое-что ты должен знать обо мне, Эйден. Я очень упрямая. Или ты сам ответишь на мои вопросы, или я узнаю все другим способом. — Не то, чтобы она действительно знала, как это сделать, но все-таки.

— Прекрасно. — Его взгляд стал пронзительным и сосредоточенным. — Что по-твоему там случилось?

Он пытается играть с ней? Позволяет ей озвучить свою версию события, так что бы подстроить свой собственный рассказ под ее или подвергнуть сомнению. Ее отец использовал одну из таких техник на ней много раз, как тогда, когда завел с ней разговор о сексе. Скажи мне, что ты знаешь, сказал он тогда, и вогнал ее в краску, когда она рассказала.

— Слушай, я никому не расскажу о том, что видела. — Девушка скрестила руки на груди. — Я действительно этого не сделаю. Это наш секрет, твой и мой. Но ты должен мне сказать, что происходит. Я в растерянности, в совершенной растерянности от того, что видела вещи, которые невозможны. — Мэри Энн прорвало и она не могла остановиться. —

Я не знаю, что мне делать и как защитить себя. Вообще-то, я не знаю, нужно ли мне от кого-то защищаться или даже стоит ли мне опасаться чего-то.

Эйден бросил выразительный взгляд на школу.

— Я думаю, сейчас не самое лучшее время, чтобы обсуждать это. Мы опоздаем на первый урок.

— Давай прогуляем. — Мэри Энн никогда не произносила таких слов раньше, и ей даже никогда не приходило такое в голову. В действительности, в прошлом она могла пропустить уроки, но когда она болела. Сейчас же все, чего он хотела, так это поговорить с Эйденем. Ничто другое ее не волновало. — Мы можем пойти ко мне домой, мой отец на работе. Нас никто не побеспокоит до конца дня.

На минуту Эйден показался таким измученным, что она взглянула на его ногти, чтобы убедиться, что из-под них не торчат иголки.

— Я не могу, — сказал он. — Если я прогуляю первый день, то — ладно, слушай, я должен признаться. Я действительно живу на ранчо Д и М, и если я прогуляю, то меня вытурят от туда. А я этого совсем не хочу. Кроме того, это мой первый день в школе. Учителя ждут меня.

Девушка обреченно вздохнула.

— Тогда мы не прогуляем. Но потом обязательно поговорим. — Пожалуйста. Пожалуйста.

Он с неохотой кивнул.

— Идем. Проводишь меня до школы. Поговорим по пути. Только следи за словами, хорошо? Никогда не знаешь, кто или что скрывается рядом.

Хотя девушка не хотела уходить и заканчивать их беседу, пока все не выяснит, она развернулась, и они неторопливо направились к школе. К счастью, у них было в запасе немного времени, прежде чем они дойдут до толпы беспечно болтающих учеников. Когда-то и она была такой же беспечной, подумала девушка.

— Тебе не обязательно рассказывать все сначала. Просто расскажи мне что-нибудь, — попросила Мэри Энн.

Повисла тяжелая пауза. Эйден вздохнул и начал.

— Что если я расскажу тебе о том, что существует целый мир, о существовании которого ты даже не подозревала? Мир, в котором существуют, — он сглотнул, — вампиры и оборотни, и люди с необъяснимыми способностями?

Целый новый мир, о котором ей говорил волк.

— Я... я бы поверила тебе. — Но она не хотела в это верить и признавать. Несмотря на все, чему она стала свидетельницей, несмотря на то, что он сейчас ей говорил, хотя и ожидала подобных объяснений. Отрицание было ее первой инстинктивной реакцией. Мысль о кровососах и людях, меняющих обличье, вызывала в ней отторжение.

— А что если я расскажу тебе об одном парне, который каким-то образом притягивает к себе подобные вещи, они окружают его? О парне, обладающем удивительными способностями?

Девушка облизала пересохшие губы.

— Может ли этот парень исчезнуть в один миг?

Он только отрицательно потряс головой.

— Но, я видела...

— Не исчез, — сказал он, прервав ее. — Ты видела, как он вселился в другое тело.

Господи Боже. Эйден мог вселяться в тела других людей. Просто шаг внутрь, как если бы они были лифтом, а ему нужно было на другой этаж. Девушка содрогнулась, борясь с намерением убежать прочь, как можно быстрее, чтобы он и с ней не проделал тоже самое.

Парень вдруг запнулся на месте, и она потеряла его из виду. Мэри Энн резко обернулась. Он снова смотрел на нее с тем испытывающим выражением на лице, в котором смешались страх и ужас. Он ожидал, что она с криком сбежит от него.

И она могла бы так сделать и продолжать думать о том, что он может вселиться в нее. Но это было слишком для нее. Слишком для девушки, которая всегда рассматривает неизвестное с точки зрения науки. Эйден, все же, не заслужил такого к себе отношения. Он рассказал ей то, о чем она просила. Хотя и не должен был, и, совершенно очевидно, что и не хотел.

Он мог бы жить с постоянным страхом, что его тайну раскроют, опасаясь того, что люди с ним сделают, если узнают. Такое напряжение могло бы сломать и самого смелого человека и то, что Эйден сейчас стоял здесь неподвижно, выжидательно и, с надеждой глядя на нее, доказывало силу его характера. А то, что он все ей рассказал, доказывало искренность его дружбы.

Выражение лица девушки смягчилось, и она подошла к нему. Капельки пота блестели у Эйдена на лбу — свидетельство того, насколько он нервничал.

«Я не боюсь его, я не боюсь его», — мысленно все повторяла Мэри Энн. Внезапно девушка протянула к парню руки и крепко обняла его, что ей хотелось сделать еще с самого первого момента их встречи.

Сначала он просто не двигался, оставаясь напряженным и непреклонным, затем сам нерешительно обнял девушку. Они стояли так несколько минут, не замечая ничего вокруг. Как только Эйден заключил ее в объятия, все ее мучительные сомнения развеялись. Вчера он защитил ее от оборотня. Он не хотел причинить ей вред.

Парень отстранился первым, будто не мог позволить себе дольше оставаться в объятиях. Его лицо ничего не выражало, но его глаза... о, его глаза. Они были карими в этот раз. Что могла означать эта перемена? Мэри Энн еще столько всего надо было узнать о нем.

— Теперь скажи мне. Переселение в чужое тело — это все, что этот парень может делать? — спросила девушка мягко.

Эйден опять отрицательно покачал головой.

Итак, было что-то еще. Удивительно, но страха больше не было.

— Что еще?

Он провел пальцами по своим волосам и один черный локон упал на лоб.

— Мэри Энн, что ты подумаешь, если узнаешь, что этот воображаемый парень, делающий такие вещи, которые другие не могут, провел большую часть своей жизни, переезжая из одной психиатрической больницы в другую?

Психиатрическая больница? Бедный милый Эйден. Несмотря на свою молодость, девушка знала, как нетерпимы могут быть люди к тем, кто чем-то от них отличается. Вспомнить, хотя бы, как Такер обошелся с Шенноном из-за его заикания. А заикание несравнимо с тем, что мог делать Эйден.

— Я бы не стала думать о нем хуже.

Парень устоял на свои ноги, пытаясь скрыть недоверие. Через минуту он вздохнул, схватил ее за руку, развернулся и потащил к школе.

— Как ты можешь принимать это так легко?

— Легко? — девушка буркнула с сарказмом. — Я вся извелась этой ночью. Как я... — Мэри Энн напомнила себе, что они делали вид, будто говорили о других людях. — Как девушка может слышать голос оборотня у себя в голове? А если ей это только померещилось, и она сумасшедшая? Действительно ли она видела, как парень исчез? А если нет, то она сумасшедшая? Кроме того, она должна принять то, что видела или согласиться с тем, как ты догадался, что она сумасшедшая.

Его рука сжала ее руку еще сильнее. Теплая и сильная. Утешающая. Девушке показалось, утешение ему нужно было также, как и ей.

— Что с волком? — спросила она. — Что случилось с ним?

— В последний раз, когда я его видел, он был жив. — В голосе парня послышался виноватый тон.

В чем он виноват?

— Он говорил тебе что-нибудь? — спросила Мэри Энн. — Что-нибудь о том, почему он преследовал меня?

— Нет, и у меня не было времени спросить его. Даже если бы и было, не думаю, что он бы мне ответил. Он был в недружелюбном настроении, когда я его оставил.

— Это «он», я так понимаю? — Мурашки пробежала по ее коже, она помнила хриплый тембр голоса в своей голове, теплый на ощупь мех, бледно-зеленые глаза, внимательно наблюдающие за каждым ее движением. Трепет, не дрожь. «Что со мной не так?»

— Да и, причем, очень опасный. Если он вернется, держись от него подальше. Он обещал убить меня.

— Что? Почему?

В конце концов они добрались до школы и Эйден не смог ответить. Она отпустила его руку, когда один из ее одноклассников, девушка не знала имя этого парня, заметил их и удивленно провожал их взглядом. Мэри Энн не смущало, что люди увидят ее с Эйденем и подумают, что они пара, и она надеялась, что он понимал это. Если бы она запала на него, то для нее было бы честью быть его девушкой. Но она не была его девушкой. Она воспринимала его как брата. Кроме того, она еще не все выяснила отношения с Такером.

Такер. Как ей теперь быть с ним?

Перед тем как заснуть прошлой ночью Мэри Энн все виделось в черно-белом свете. Даже пятнадцатилетний план, на осуществление которого она тратила все силы. Сейчас же мир был полон яркими насыщенными цветами, загадками, которые ей отчаянно хотелось разгадать, каждая минута была наполнена удивительными вещами, которые она не могла спланировать. Было ли место для Такера в этой новой ее жизни? Хотела ли она его в ней видеть?

Мэри Энн тяжело вздохнула. Как будто бы она что-то понимала в волках и необъяснимых способностях.

Они заглянули в кабинет и забрали план школы. Мэри Энн пообещала Эйдену провести экскурсию по Кроссроудз Хай. Их беседа о сверхъестественном закончилась, как только они подошли к парковке и, опасаясь возобновить ее, болтали о более приземленных вещах.

Эйден был рад этой отсрочке, хотя он знал, этот разговор будет недолгим. Он не был уверен в том, что мог бы еще ей рассказать. Не был уверен, что она справится с этим. То, что он ей успел рассказать, заставило ее побледнеть и покрыться мурашками. Да, он хотел, что бы она помогла ему с душами, но...

Мог ли он верить ей, что она никому не расскажет? Он отчаянно хотел, что бы так и

было, и девушка заверила его в этом. Но люди, как он усвоил еще в детстве, часто врут. «Мы всегда будем любить тебя» и «Это для твоей же пользы» — так сказала ему его мама в записке. В записке, которую она прислала ему в первую клинику, и которую он прочел годы спустя. Его родители так и не вернулись за сыном, которого они «любили». «Это не больно», доктор за доктором повторяли ему прежде чем воткнуть иглу куда-нибудь в его тело.

Люди могут сказать что угодно, лишь бы получить нужную реакцию. Его родители не хотели, что бы Эйден думал плохо о них или об их решении. А врачи не хотели ругаться с ним.

С Мэри Энн он забывал — или, как идиот, предпочитал игнорировать — все жизненные уроки. То, как она обняла его... как будто он что-то значил для нее, как будто они уже были семьей и должны были присматривать друг за другом. Рассказать ей — все-таки это было единственным способом получить ее помощь. Если, конечно, она может вообще помочь.

— Осторожно. — Мэри Энн резко толкнула его в сторону.

Группа качков прошла мимо, едва заметив Эйдена.

— Извини. Я немного задумался. — И вовсе не из-за душ. В отличие от вчерашнего вечера в лесу, пока он находился поблизости от Мэри Энн, они никак себя не проявляли. И он никак не мог найти этому объяснения.

Парень нахмурился... и едва не налетел на кого-то. Он снова погрузился в свои мысли. Как долго он уже бродил так по школьным коридорам, не замечая никого вокруг?

Он заставил себя осмотреться. Стены были выкрашены в черный, золотой и белый — цвета школы — и обклеены афишами с надписью «Ягуары Вперед». Дети сновали туда-сюда. Шкафчики открывались и захлопывались. Девочки смеялись и болтали, пока мальчики наблюдали за ними.

— Футбольный сезон в полном разгаре, — сказала Мэри Энн. — Ты играешь? В смысле, я знаю, что Дэн занимался футболом, и подумала, что он может тренировать ребят на ранчо.

— Нет. Я не играю, и Дэн не проводит тренировки. У нас и так хватает чем заняться на ранчо. — Хотя, Эйдену нравилось наблюдать за игрой, вместе с тем он терпеть не мог, что не может надолго сосредоточиться на процессе.

— Извини, — произнесла девушка.

— За что?

Ну, мне показалось, что ты расстроен тем, что мог бы играть, но... — Тут она запнулась, так как подумала, что контактный спорт видимо не самая лучшая вещь для кого-то, кто может вселиться в чужое тело.

Она и понятия не имела, что это только часть проблемы.

— Поверь мне, с этим я бы справился. — Куча других вещей вызывала его беспокойство. — Что твой бойфренд подумает о том, что ты проводишь мне экскурсию? Он был против этого, помнишь?

— Я не хочу говорить о нем. — И прежде чем он успел что-то сказать, добавила, — Дай мне посмотреть твоё расписание.

Очевидно, не он один знал, как сменить тему разговора. Он вынул бумагу из кармана и протянул девушке.

Мэри Энн пробежалась пальцем по листку.

— У нас два занятия вместе: первый и второй урок.

— Дашь мне списать твои конспекты? — насмешливо подразнил Эйден.

— Может быть, это я у тебя буду списывать. Я могла бы иметь пятерку с плюсом, если

бы не помогала всем подряд.

— Нам надо вместе учиться.

— Как будто мы уже что-то сделали, — сказала девушка со смехом.

— Погоди-ка. Мы же договорились кое-что сделать? Я думал слово учеба — это код для того, чтобы собраться вместе и поговорить.

Мэри Энн еще раз рассмеялась.

— Хорошо. Пусть будет так.

Как естественно все это было. И вопреки всему, что происходило вокруг, ему показалось, что он счастлив.

Волк хотел закусить им на завтрак — ну и что. Виктория, та самая девушка, которую он все еще безумно хотел поцеловать, однажды выпьет всю его кровь — ну и что. Кто-то ударит его прямо в сердце — и снова ну и что. Какое ему было дело до всего этого.

Не важно, что жизнь подкинет ему еще, ему нет до этого дела.

Из-за комендантского часа Эйдена, у Мэри Энн не получилось поговорить с ним после школы.

Так что на следующее утро она ждала его у дверей школы, но Такер появился первым. Испугавшись того, что парни могут встретиться, девушка попросила Такера проводить ее до класса. По крайней мере, он, казалось, стал прежним, заботливым и милым. Надолго ли. Она не знала, как с ним себя вести, очевидно, из-за того, что ей было о чем подумать. Например, об Эйдене и волке.

Мэри Энн пыталась поговорить с Эйденем на совместных занятиях, но учителя рассадил их, внимательно присматривая за парнем, как будто ожидая, что он что-нибудь выкинет. А между уроками, слишком много детей было в коридорах, чтобы обсуждать что-либо важное.

Во время обеда она нигде не могла его найти. Она не знала, где он пропадал, но его отсутствие, оказалось, было к лучшему. Как всегда, девушка сидела с Такером и его командой, а так же с Пенни и ее подругами. Кто знает, как бы они отреагировали, если бы она пересела от них к Эйдену.

Уныло и однообразно проходили недели: Такер встречал ее утром, учителя держали на расстоянии ее и Эйдена, и он пропадал где-то во время обеда. И им все никак не предоставлялось случая поговорить. Она не могла не задаваться вопросом, что если Эйден избегает ее, чтобы не рассказывать больше о своих секретах.

Каждый день после последнего урока он находил причину отложить разговор. Мэри Энн уже и не хотела его видеть. Ее волк — волк, который обещал убить Эйдена — всегда поджидал ее. Точнее, он провожал ее до школы и потом до дома. Она почувствовала облегчение, снова увидев его, поняв, что с ним все в порядке, и что он все еще следил за ней каждый раз, когда она его встречала.

К счастью для всех, она старалась, чтобы Эйден и волк не пересекались. Так ей было спокойнее. Скоро она должна была поговорить с Эйденем. Как проходят его уроки? Привык ли он к школе? Подружился ли с кем-нибудь? Куда уходит во время обеда?

Какими еще способностями он обладал?

И этот вопрос волновал ее больше всего.

Вскоре, или до, или после школы прогнать волка, чтобы поговорить с Эйденем наедине. Не то, что бы она хотела спугнуть его. Кроме обычного любопытства, девушка ждала, что он покажет себя в человеческой форме. Сегодня тот самый день, думала она каждое утро, когда он расскажет ей, что происходит. Но он хранил молчание с той самой их встречи.

Девушка вздохнула. Сегодня солнце стояло высоко и страшно палило. В тени от деревьев едва было чуть прохладнее. В любую секунду ее новый друг мог...

Он выпрыгнул прямо перед ней.

... появиться.

В этот раз Мэри Энн даже не моргнула, не споткнулась, привыкнув к его присутствию. Он обошел ее, его когти царапали редкие камни. Первые несколько дней он хромал. Сейчас его походка была ровной и легкой. Она спросила его, что произошло, но, естественно, он не ответил.

Ее удивляло, что она раньше чувствовала угрозу от него. Сейчас она чувствовала себя в

безопасности, что ничего плохого с ней не случится. Как будто он будет защищать ее даже ценой собственной жизни. Глупо, но она была в этом уверена. Прошла только неделя, но она, казалось, больше не была прежней. Ее строгий учебный план трещал по швам, и она пропускала работу по выходным. Вместо этого она каждую минуту размышляла об Эйдене и этом волке.

— Я все еще не решила, что делать с Такером, — сказала она, зная, что волк не ответит, но ей хотелось хоть с кем-то поговорить. — Он — мой парень, и он мне нравится, по большей части, но... Я не знаю. Мне кажется, нам больше не стоит быть вместе. И он наконец, оставит Эйдена и Шеннона в покое, так что, я думаю, мне не на что будет жаловаться.

Волк зарычал.

Из-за Такера или из-за нее?

— Я бы хотела знать твое имя. Надоело называть тебя просто «волк».

Тишина.

— Прекрасно. Тогда я буду называть тебя Волчок, несмотря на то, нравится тебе это или нет.

Тишина.

— Почему ты не покажешь мне свою человеческую форму? Ты же знаешь, что я хочу ее увидеть, просто невежливо быть таким скрытным.

И, снова тишина.

— Ты кто-то, кого я знаю? Ты слишком напуган?

Его мех блестел как отполированное черное дерево, когда он бросил на нее взгляд. Его глаза были бледно-зеленые, как и всегда.

— Ты не можешь обернуться человеком? Или ты застрял в этом теле?

Волк потряс головой. Что означало, как она поняла, что он не застрял.

Девушка широко улыбнулась.

— Чудо из чудес, мы общаемся! Вот видишь как это просто? Я спрашиваю, а ты отвечаешь.

Он закатил глаза.

— Так почему ты не хочешь показать мне какой ты?

Тишина.

Это ставило ее в тупик.

— Давай попробуем по-другому. — Девушка обошла упавшую ветку. — Ты ходишь в мою школу?

Он отрицательно потряс головой. Затем кивнул.

Она нахмурилась. Так да или нет?

— Ты же можешь ответить мне мысленно. Я не понимаю.

Отрицательно потряс головой.

— Почему нет?

Тишина.

Разочарованная, Мэри Энн попыталась применить реверсивную психологию.

— Прекрасно. Не разговаривай со мной. Я рада, что не слышу твой голос в своей голове. В любом случае, ты, вероятно, больше не можешь это делать.

«Конечно я могу! Глупый ты человек», — пробормотал волк.

А вот это прогресс, даже для животного. Девушка едва смогла скрыть усмешку.

Очевидно, она двигалась в нужном направлении.

— Тогда почему ты молчал?

Снова воцарилось молчание.

«Блохастая собачонка», — проворчала девушка.

Волк оскалился, обнажая зубы, но выглядел он скорее удивленным, чем разозлившимся.

— Давай попробуем еще раз. Ты намереваешься убить Эйдена?

Вместо того чтобы проигнорировать ее, как он делал до сих пор, волк сделал ясный уверенный кивок головой.

Одно Мэри Энн знала точно — она не хотела, чтобы дело дошло до столкновения между ними. Не говоря уже о том, что кто-то из них выиграет схватку. Кто-то пострадает, это девушка точно знала.

— Если бы Эйден не вселился в твое тело, ты разорвал бы его на куски. То, что он сделал потом, не важно, что именно, он сделал — никто девушке так и не рассказал — это вынужденно, потому что защищался. Ты не можешь винить его за это. Я уверена, ты поступил бы также.

И снова молчание.

— Знаешь, Эйден действительно замечательный парень.

На это замечание волк снова зарычал.

Они прошли через лес, показалась высокая кирпичная стена, окружавшая окрестности.

— Если Эйден пострадает, я больше никогда с тобой не заговорю. Тебя это, вероятно, не заботит, но ты мне понравился. Немного. Я имею в виду, ты — неплохой. Упрямый, но неплохой. И ты знаешь о таких вещах в мире, о которых, до недавнего времени, я даже не подозревала. У меня так много вопросов. — Вопросы, на которые этот зануда мог бы уже ответить.

Вместо того, чтобы обойти стену, Мэри Энн начала перелезть через нее. Волк предпочитал тот же путь, она поняла это, когда однажды возвращаясь домой, он подталкивал ее носом, пока она не подчинилась. Здесь он мог оставаться в тени, вместо того, чтобы быть на открытой местности, где его мог увидеть кто-то проезжающий мимо.

— Если мы и дальше будем здесь перелезать, то я накачаю себе огромные бицепсы, — девушка пробормотала, когда она, наконец, оказалась наверху. — Это не особо делает девушку привлекательной, так что не думай, что я скажу тебе спасибо.

Волк просто присел на задние лапы и прыгнул в едва заметном движении. Секундой позже, он уже сидел за стеной.

Смирившись, она посмотрела вниз на землю. Там был ковер из цветов и две борозды с мульчей, по одной из которых она нечаянно проехала.

— Ну, поехали. — Она спрыгнула и приземлилась, тяжело плюхнувшись и споткнувшись.

Когда она выпрямилась, Волк уже перешел на легкий бег.

— Не честно, — проворчала Мэри Энн, спеша за волком. Они оказались в населенной местности, люди ехали с работы домой, он держался ближе к домам, скрываясь в кустах. Учитывая размеры волка, девушка удивлялась, как его до сих пор не заметили и не поймали. Как она неделю назад.

Девушка заметила двухэтажный дом вдали. Он был похож на старую железнодорожную станцию, как и все дома по соседству. Крыши были покатые с боков и плоские посередине. Сами по себе дома были вытянутые по длине, из красного кирпича, и окна закрывались

ставнями. Девушка замедлила шаг. Однако довольно быстро они оказались во дворе.

Эту часть дня Мэри Энн начинала ненавидеть все больше: оставались последние несколько минут, прежде чем Волк унесется, Бог знает куда, и не появится снова до утра. Да, его молчание раздражало ее. И да, он старался, чтобы она не пересекалась с Эйденом. Но, ни то, ни другое не уменьшали предвкушения от встречи с ним.

Когда она осторожно вышла из-за клена, ей пришлось резко остановиться. Ее глаза расширились от удивления.

— Такер?

Такер слез с качелей на террасе и встал. Он засунул руки в карманы и немного сгорбился. Его лицо выглядело напряженным.

— Эй, Мэри Энн.

— Что ты здесь делаешь? — Такер вроде как должен был бы быть на тренировке.

— Я просто хотела...

Волк подошел к девушке, его тело напряглось.

Такер увидел его и попятился назад, пока не ударился об дверь.

— Что это за хрень?

— Это мой... — на секунду девушка задумалась и не смогла придумать, что ответить. Затем хоть какой-то рациональный ответ пришел ей в голову. — Это мой домашний питомец.

Во всяком случае Волк не зарычал на нее, подтверждая тем самым, что принадлежит ей. Все его внимание было обращено к Такеру.

— Ты же ненавидишь животных, — выдохнул Такер.

— Что ты здесь делаешь? — повторила девушка. Мэри Энн сделала один шаг, второй, третий, приближаясь к парню. Волк следовал рядом. Думал ли он защитить ее, как ей казалось раньше?

— Я хочу поговорить с тобой. — Заговорил Такер, бегая взглядом от девушки к волку, от волка к девушке. — Наедине.

— Хорошо. Говори.

— Давай зайдем внутрь.

— Нет. Мне и здесь хорошо. — Последний раз когда они были у нее дома одни, все что он хотел делать, так это целоваться.

Парень еще раз бросил взгляд на волка и сглотнул.

— Хорошо. Знаешь, ты последнее время как то отдалилась. И мне это не нравится. Я хочу, чтобы все стало по-прежнему. Чтобы ты улыбалась мне, когда видишь мен, я и отвечала на мои звонки каждый вечер.

Мэри Энн почувствовала угрызения совести. Она пропускала его звонки.

— Я думаю, ты понимаешь о чем я? — сказал Такер. — О Пенни, так? — Кривс улыбнулся он.

Подожди. Что?

— Я не поняла при чем здесь Пенни?

Он опустил плечи, всем своим видом выражая пренебрежение.

— Я знал, что ты слишком умная, чтобы поверить ей.

— Поверить насчет чего? — В следующий момент парень смутился еще больше.

— Она сказала мне, что рассказала тебе, — сказал он таким тоном, будто не понимал к чему все это обсуждать. — Не важно. Ведь это все не важно, так? Я и ты, вот что на самом

деле важно.

Я и ты. Ее желудок скрутило.

— Давай встретимся вечером. Поговорим. Пожалуйста, — добавил он умоляюще.

Желудок. Скрутило. Снова.

— Послушай, Такер. Поверь, я не хотела задеть твои чувства, не отвечая на звонки, но сейчас в моей жизни полная неразбериха. Мне кажется, нам стоит сделать перерыв.

Именно, перерыв. То, что надо. Это даст ей время прояснить кое-какие вещи.

— Нет. Мы не нуждаемся в перерыве. — Он в отчаянии замотал головой, не сводя с нее умоляющего взгляда. — Я не могу тебя потерять.

Целью ее жизни было решение проблем, а не их наживание, поэтому от его внезапно измученного выражения лица ей захотелось попросить прощения, а не продолжать гнуть свое. Но все равно. Она продолжила.

— Почему? Что ты во мне нашел? Я не такая красивая или популярная как Кристи Хэйес, которая отрезала бы себе ногу, лишь бы с тобой встречаться. Я ненавижу футбол и ничего в нем не понимаю. И предпочитаю читать учебники вместо встречи с тобой.

— Послушай меня. — Он приблизился к ней, опустив руки ей на плечи. — Ничего из этого не важно для...

Волк низко зарычал.

Такер замер, снова нервно сглотнув.

— Ты красивая и умная, и я просто чувствую себя лучше рядом с тобой. Я не знаю, как еще описать это, и не знаю, как ты это делаешь. Я только знаю, что ты заставляешь меня чувствовать себя нормальным первый раз в моей жизни.

Нормальным? Такер не всегда чувствует себя нормальным? Это удивило ее и доказало, как мало она знает о нем на самом деле. Он всегда казался ей самым собранным и уверенным парнем, какой ей только встречался. Ну, кроме Волка, конечно, но он не в счет.

— Это не причина быть вместе, Такер. — Слова вылетели у нее сами по себе, и она покачала головой. Неужели она собирается порвать с ним прямо сейчас, вместо того, чтобы просто попросить провести время порознь?

«Да», — подумала девушка. — Именно это она и собиралась сделать. Они на самом деле не подходили друг другу. Все это время она была ужасной подружкой. Отсутствующая, рассеянная и бесстрастная. Все, что они делали — это только целовались. Однажды Такер попытался перейти к чему-то большему, но она остановила его. Тогда ей казалось, что она не готова к этому, но сейчас, оглядываясь назад, она понимала, что она не готова именно с ним. Он не для нее. Они слишком разные.

«Как будто у тебя больше общего с волком?» Она отбросила эту мысль в сторону. Она не думала о Волке в этом плане, кем бы он ни был. Ведь не думала же?

— Если ты не хочешь со мной встречаться, будь хотя бы моим другом, — произнес он с ноткой отчаяния. — Пожалуйста. Я не могу тебя потерять. Я клянусь тебе, что не я отец малыша Пенни. Пообещай мне, что не позволишь ей убедить тебя в обратном.

Мэри Энн рассмеялась.

— Пенни не беременна.

О ребенке ее подруга не стала бы молчать.

Только если... если отцом и правда был парень Мэри Энн.

Ее желудок снова ухнул вниз, и она пристально посмотрела на Такера. Он был бледным, а на лбу выступил пот.

— Она не беременна. Правда ведь?

Он виновато отвел взгляд, затем судорожно кивнул.

— Она переспала с половиной футбольной команды. Конечно, ты об этом знаешь. Это может быть кто угодно.

Серьезность его тона давила на Мэри Энн. Мыслями она вернулась к последнему разу, когда она разговаривала с Пенни. Это было во дворе школы, более недели назад. С той поры она была почти как безумная. Но она помнила покрасневшие, как будто бы заплаканные, глаза Пенни. Как будто она рассказала отцу ребенка, что она беременна, и он отказался от ответственности.

Перед этим в кафе Пенни уже замечала, что Такер изменит Мэри Энн, если она вскоре с ним не переспит. Что он уже мог и так делать. В глазах у Пенни таилась какая-то эмоция, которую Мэри Энн смогла понять только сейчас. Чувство вины.

— Она... ты...

— Я не отец ребенка, клянусь! Я не готов к детям!

Каждое его слова ранило ее, так же как и признание. Пенни действительно была беременна. И Такер спал с ней. Он же не сказал, что «я никак не могу быть отцом, потому что я никогда к ней не прикасался». Только то, что он не отец, потому что он не хочет им быть.

Немного опешив от происходящего, девушка закрыла рот рукой. Да, тот факт, что Такер изменил ей задел ее до глубины души. Кроме нее все об этом знали? Смеялись ли за ее спиной? Но то, что ранило ее, как нож, в самое сердце, совершенно уничтожило, так это предательство Пенни. Пенни, которую она любила, и которой она доверяла.

— Как долго? — спросила она тихо. Это не могло случиться слишком давно, ведь они с Такером встречались всего пару месяцев. — Сколько раз вы были вместе? Когда вы были вместе? — Она не могла остановить поток вопросов.

Волк легонько толкнул ее носом в ногу, и девушка автоматически нашла тепло его меха. Так комфортно было просто гладить его.

Такер переступил с ноги на ногу.

— Говорю же, сейчас это неважно.

— Скажи мне! Или клянусь, мы никогда не будем друзьями.

Они ими и так не будут, но ему об этом знать не нужно.

Ей он казался бледным, но сейчас он стал белым как мел, голубые линии вен проявились на лбу.

— Только однажды, клянусь. Когда мы только начали встречаться с тобой. Я приехал к тебе, но тебя не было дома, так что я решил зайти к ней, спросить, где ты, так как ты не отвечала на мои звонки. Если бы только ответила на мои звонки... — Он потряс головой, демонстрируя свое «сожаление». — Мы стали говорить и это просто произошло. Это ничего не значит, ты должна мне поверить, Мэр.

Для него это ничего не значит. Это, конечно, как будто бы оправдывало то, что он и Пенни сделали. Их предательство ранило, Мэри Энн хотелось хорошенько встряхнуть его — конечно, это имело значение.

— Тебе лучше уйти, — чувствуя ком в горле, с трудом проговорила девушка.

— Мы может справиться с этим. — С его более умоляющим видом он потянулся к ней. — Я знаю, мы можем. Тебе просто нужно...

Волк зарычал, когда она крикнула:

— Уходи!

На лице Такера забегали желваки. Он только и делал, что заглядывал девушке через плечо. Наконец, Волку надоело ждать, и он шагнул вперед, оскалив зубы.

Такер завопил, как маленький ребенок и, подпрыгивая, кинулся от животного прочь к своему грузовику, который был припаркован на подъездной аллее Пенни. Разговаривали ли эти двое, прежде чем он приехал? Был ли у них секс в насмешку над ханжеством Мэри Энн?

Волк снова толкнул ее в ногу.

— И тебе тоже лучше уйти, — сказала она мягко. До этого она хотела, что бы он остался, но сейчас она вряд ли могла составить кому-то компанию.

Ее рука тряслась, когда она открывала входную дверь. Петли заскрипели. Волк проскользнул мимо нее. Он никогда не делал так раньше, и в любое другое время она предложила бы ему зайти.

— Волк, — позвала она сквозь зубы. — Сейчас не время для этого.

Он пробежался по дому, обнюхивая мебель.

«Если думаешь, что сможешь выставить из дому двухсотфунтового волка — флаг тебе в руки».

— Снова со мной заговорил? Вот так везение. — Она развела руками. — Ладно. Делай что хочешь. Только не удивляйся, если при виде тебя мой папа достанет ружье 44 калибра. — Вранье, но он-то об этом не знает. — И не вздумай написать на ковер.

Сказано это было с издевкой... но события последних пяти минут отбили у нее желание быть хорошей девочкой.

Она поднялась наверх в спальню, бросила рюкзак на пол. Обычно она вешала его в шкаф. Девушка гордилась своей способностью аккуратно организовывать личное пространство. Но, сейчас привычный порядок волновал ее меньше всего. Слезы жгли глаза, она бросилась на кровать, перевернулась на бок и прижала к себе подушку. Она дала волю эмоциям, жгучая слабость распространилась по ее венам.

Она могла бы позвонить Пенни, наорать на нее, прочитать мораль, плакать, но она не стала этого делать. Она не знала, как ей с этим справиться. Она даже не понимала, хочет ли с этим справиться. Разве что вернуться назад во времени, обогнать Такера так, чтобы он не смог рассказать о случившемся, и чтобы она продолжила жить дальше в счастливом неведении.

Хотя была ли она счастлива?

Внезапно Волк запрыгнул к ней на кровать, заставив пружинить матрас, и улегся рядом, мягкий и о, такой теплый. Его дыхание защекотало ей шею.

«Посмотри на меня».

— Уходи.

«Посмотри на меня».

— Не мог бы ты просто сделать, как я прошу? Хоть раз?

«Пожалуйста.»

Первый раз он попросил ее о чем-то вежливо.

В рассеянности она перевернулась на спину, потом на другой бок и нежно обняла его за шею. Одна слеза скатилась, но девушка едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться. «Рыдает как ребенок» можно было добавить в список тех вещей, за которые ей сегодня было стыдно.

«Сочувствую, что ты так расстроена, но не могу сказать, что мне жаль, что он ушел из твоей жизни. Ты слишком хороша для него.»

— С ним все кончено. — Голос девушки дрожал от сдерживаемых рыданий.

«А эта девушка, Пенни. Она твоя подруга?»

— Была. Была моей подругой. Моей лучшей подругой.

О боже. Столько лет любви и доверия пошли прахом.

«Почему была? Люди совершают ошибки, Мэри Энн.»

Всего лишь второй раз он обратился к ней по имени, и ей понравилось, как он его произнес, растягивая Э.

— Я учусь на психолога, и знаю, что люди могут совершать ошибки. Я прекрасно понимаю, что некоторые порывы сложнее удержать, чем другие, и боязнь последствий заставляет нас оберегать наши секреты. Но при встрече с искушением, именно наши поступки показывают, кем мы являемся на самом деле. Только наше мужество признать свой проступок, дает нам право на прощение. Пенни же переспала с моим парнем, а затем сделала вид, будто ничего и не было.

«А ты разве идеальна? Ты никогда не принимала неправильных решений? Никогда не пыталась скрыть свои поступки от отца?»

Мэри Энн застыла в недоумении.

— Не о том я сейчас говорю. Я никогда не врал Пенни и ничего не скрывала от нее.

Волк фыркнул.

«И что она скрыла? Ерунда это все, вот что. Ты бы должна быть ей благодарна и пожалеть ее, потому что она теперь надолго с ним застряла.»

— Это ничего не меняет.

«Я знаю. Тебе больно и чувство предательства оправдано. Но для начала ответь мне, действительно ли этот парень был твоим? Все то время, что я наблюдал за тобой, ты держала его на расстоянии. Без него тебе было лучше.»

Возможно, он был прав, но это не уменьшало причиненной ей боли.

— Пенни должна была мне рассказать.

«Ты давала ей шанс признаться? Я не раз видел, как ты пыталась ее найти. А когда она пришла к тебе, ты отмахнулась от нее.»

Мэри Энн хлопнула кулаком по матрасу.

— Ты так бесишь! Говоришь, как мой отец, а я...

— Я не твой отец, — прорычал он, толкая ее передними лапами и опрокидывая на спину. Горящие зеленые глаза уставились на нее сверху вниз.

Девушка не оттолкнула его, она не хотела отталкивать его. Его плечи были такие широкие, что он закрывал ее всю, почти как стена, защищающая ее от всех бед и тревог в мире. Он был опасен и это очевидно, но в то же время ее поражала его чуткость.

— Откуда мне знать? — бросила она. — Ты не хочешь себя показывать. И можешь оказаться кем угодно.

Повисла тяжелая пауза.

«Я не могу показаться тебе.»

Его голос звучал измученно, как у Эйдена в тот день в лесу, когда он ей признался.

— О. — Обнаженный Волк в человеческом обличье. Она никогда не хотела увидеть Такера подобным образом... но Волка... Был бы он высоким и мускулистым? Стройным? Симпатичным?

Хотя, какая разница? Что бы она стала делать, окажись в ее кровати голый парень? Голый парень, которым бы она была очарована? Голый парень, который облегчил ее

страдания, как ей казалось, боль теперь только тупо пульсировала у нее в груди. Самое время сменить тему разговора, или он просто мог бы удовлетворить ее любопытство.

— Почему ты так не разговаривал со мной всю неделю?

«Чем больше я с тобой общаюсь, тем больше мне этого хочется. А я и так достаточно о тебе думаю».

— О, — снова протянула Мэри Энн, нервная дрожь пробежала по ее телу. Волк действительно думал о ней. Да, но о чем были его мысли? С волнением задавалась девушка вопросом.

— Мэри Энн, — внезапно позвал ее отец. Входная дверь закрылась со щелчком, слышимым через весь дом. — Я дома.

Она охнула от неожиданности. Что он делал дома так рано?

— Мэри Энн?

— Э, привет, пап, — отозвалась она, поморщившись от того, как дрогнул ее голос. С его ненавистью к животным, он вызовет живоделов, едва завидев Волка.

— Прячься, — прошептала Мэри Энн, выскальзывая из-под волка, и, спружинив на матрасе, вскочила на ноги. Поспешив на лестничную площадку, она выглянула вниз через перила. Отец был поглощен разбором стопки писем.

— Почему ты не на работе?

Отлично. Теперь кажется, будто она задыхается.

— Мой последний пациент на сегодня позвонил и отменил прием. Я подумал, что мы могли бы сходить куда-нибудь пообедать.

— Нет! Нет, — повторила она спокойнее. — Я, э... учусь. — Пожалуйста, просто возвращайся к себе в приемную. Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста.

Он оторвался от почты и взглянул на нее, нахмурившись.

— Милая, ты слишком много учишься, и я не хочу, чтобы спустя годы, ты пожалела об упущенном времени. Мы уже это обсуждали. Поэтому иди, оденься во что-нибудь нарядное, и мы отправимся в город. — Он бросил стопку писем на столик и направился к лестнице. — Я приму душ и через часик можем выдвигаться. Может, даже заскочим в кино.

Он хочет весь день провести с ней. Она не могла избежать этого, не ранив его чувства.

— Хорошо. Давай. — Нет, нет, нет! — Ага, было бы неплохо.

Отец еще больше нахмурился и застыл, положив руку на перила.

— С тобой все в порядке? Ты выглядишь нервной.

— Я в порядке. Пойду собираться. — С этими словами она бросилась обратно в комнату. Захлопнув дверь, девушка прижалась к ней спиной, стараясь восстановить дыхание. — Тебе нужно...

Волка нигде не было видно.

— Волк?

Нет ответа.

Нахмурившись, она принялась обыскивать комнату. Его не было ни в шкафу, ни в ванной, и он был слишком большим, чтобы залезть под кровать. Закрытое раньше окно оказалось распахнутым, и девушка поспешила к нему. Выглянув на улицу, она обнаружила Волка сидящим на лужайке.

Тот коротко кивнул, заметив ее, а затем развернулся и направился обратно в лес.

Эйден сидел за импровизированной партой, уставившись на домашнее задание, статью в британской газете о том, почему пьесы Уильяма Шекспира остаются актуальным по сей день, и, гадая, зачем он потратил столько сил на поступление в общественную школу. Он проводил времени с Мэри Энн не больше, чем раньше, он не стал ближе к разгадке, как вытащить души из своей головы и поместить их в свои собственные тела и еще больше его смущал Шеннон и волк — были ли они одним и тем же существом или все-таки существовали отдельно.

С того дня в лесу, когда Эйден укусил оборотня за ногу, Шеннон избегал его, даже пристально смотреть и ворчать на него, несмотря на их договор о перемирии в первый день в школе, он должен быть сердитым оборотнем. Но Эйден ни разу не видел, чтобы Шеннон хромал при ходьбе, так что он вполне мог и не быть оборотнем.

Просту Эйден запутался и чувствовал себя несчастным. Учителя не то, чтобы испытывали к нему нежные чувства, он не завел новых друзей, а тот, который был, теперь избегал его. В школе не было времени поговорить, и она опережала его и убегала в лес еще до того, как звенел последний звонок.

И он знал почему. Она боялась его. Она боялась того, кем он был, что он мог делать. А как этого не бояться? Он же урод.

Он не должен был ей доверять.

Возможно, пойти с Мэри Энн в тот день на химию было ошибкой. Элайджа предупреждал его.

«Тебе лучше игнорировать ее», — сказал Калев, поняв ход его мыслей. «Обращайся к ней как будто она для тебя пустое место. Вот что на самом деле привлекает внимание девчонок.»

«Не слушай его. Он был тем еще развратником в другой жизни, уж я то знаю,» голос Евы так и сочился отвращением. «Девушки уважают парней, которые хорошо с ними обращаются.»

— Вы все еще думаете, что знаете ее? — Эйден уронил голову на ладони, забыв про Шекспира.

«Я в этом уверена. У меня есть парочка мыслей, когда мы могли ее видеть, но я пока не готова их огласить.»

Эйден уловил скрытое значение ее слов и застонал. Ева собиралась отправить его в прошлое, в младшую версию самого себя — сегодняшний разум во вчерашнее тело — чтобы он смог пережить все заново, уже зная последствия. Не сделала она этого пока просто потому, что не знала точного дня, решил Эйден. Поэтому и не стала ничего рассказывать.

— Ева... — начал он и запнулся. С ее-то упрямством она может отправить его в прошлое хоть сейчас, стоит только раздражить.

Она все-таки не отправила его во временное путешествие на годы назад, за что все ей были только благодарны. Эйден только должен был разгадать загадку Евы. До того как она прибежит к помощи своего «дара».

— Выключаем свет! — внезапно раздался голос Дэна.

Ворчание и стоны наполнили коридор, следовавшие за шарканьем шагов. Вздохнув, Эйден оттолкнул подставку и выключил лампу. Темнота наполнила его спальню. Он не

скинул свои ботинки и лежал в кровати как был. Как всегда. Одна часть его ожидала, что Дэн заглянет в комнату для проверки, и он ждал несколько часов, натянув покрывало до самого подбородка, чтобы спрятать одежду. Эти часы тянулись бесконечно.

С другой стороны: его спутники засыпали от скуки.

Наконец, когда он убедился, что все остальные в ночлежке уснули, он подошел к окну и перелез наружу. Ночи становились холоднее, что играло ему на руку. София и другие собаки спали внутри у Дэна и Мэг, так что он мог не беспокоиться, что их лай перебудит все ранчо.

Он направился через лес к той самой поляне, куда приводила его Виктория, как и каждую ночь всю прошлую неделю. Постоянный недосып уже раздражал его, но если у него был шанс увидеть ее снова, то он был готов не спать. Где же она? Почему не вернулась к нему?

Несмотря на тот факт, что она пьет кровь — и выпьет его — и, несмотря на тот факт, что она может обращать людей в рабов крови, чтобы это ни значило, он хотел увидеть ее снова. Ему это было необходимо.

Эйден не сразу осознал, что слышит шепот голосов, и они звучали не у него в голове. Чем ближе он подходил к поляне, тем громче они становились. Парня охватило волнение — может, наконец, он нашел ее?

Он укрылся за большим толстым пнем и прислушался. Один из говоривших голосов был мужским, один — женским. Однако, то о чем они говорили было трудно разобрать. Но вскоре он убедился, что женский голос не принадлежал Виктории. Этот голос был слишком высоким.

Волнение оказалось напрасным. Эйден мог бы спокойно оставить их тут обсуждать свои дела, кем бы они ни были, и чем бы не занимались, если бы не знал одну вампиршу, любившую бродить по округе. Эти ребята могли оказаться охотниками на вампиров, которые насколько ему было известно, собирались убить ее.

Парень не знал, существуют ли на самом деле такие люди, он ни разу с ними не встречался. Он выскользнул из тени и подобрался ближе.

Один из них возможно сказал «Прикончить». Возможно «Закончить». Другой как ответил «Сделаю». Возможно «Обалденно». Так или иначе, они там не розы сажали.

Еще чуть ближе... Веточка хрустнула под его ботинком. Он замер. Замер в ожидании, не смея вздохнуть. Голоса затихли.

Что же ему делать? Он не мог уйти, пока они тут, если только Виктория не покажется. И он бы не...

Кто-то толкнул Эйдена сзади, отправив его лицом прямо в ковер из листьев. Удар был неожиданным, но он сумел перевернуться на спину, затем перекатился снова, сбив с ног нападавшего, и ударил его кулаком в живот.

Послышался сдавленный от боли хрип и свист в воздухе. Эйден вскочил на ноги в попытке схватить кинжалы, но когда он рассмотрел того, кто накинута на него, он застыл.

— Оззи?

— Стоун? — Оззи встал, сплевывая землю. — Ты че, преследуешь меня? Что, пытаешься выпереть меня с ранчо? Ага, удачи тебе, так просто это не выйдет. — И без предупреждения пнул Эйдена между ног.

Тело пронзила дикая боль, заставив согнуться. Кожа горела огнем, а кровь превратилась в лед. Его затошнило. Господи... Боже...

Ярость закипала в нем все больше, пока он пытался прийти в себя и справиться с

тошнотой. Пара минут. Пара чертовых минут. Когда он сможет снова дышать, Оззи пожалеет об этом.

— Давай посмотрим, как ты сможешь сдать меня, если у тебя не будет зубов. — Оззи с размаху ударил кулаком Эйдена в глаз. Промaxedнулся? Следующий удар разбил губу. Вот теперь попал.

Голова дернулась в сторону. Ярость перехлестывала через края, затопляя разум и придавая ему сил. С рычанием, он резко бросился вперед и схватил парня, повалившись вместе с ним на землю. Глухой стук. Оззи ударился головой о большой камень.

Эйден упал на колени и просто накинудся на него. Бум, удар пришелся на скулу.

— Это за мою майку. — Бум, другим кулаком ударил в глаз. — Это за все остальное. — Бум, удар в челюсть. Брызнула кровь. Но Эйдену было наплевать, ярость накрыла его. Он хотел выместить всю свою злость на него. — Это за придурка!

Оззи подтянул ноги, согнул и уперся ими в грудь Эйдена. Сильный толчок заставил отлететь его назад. Он ударился о дерево и сполз на землю. Куча листьев смягчила удар.

— Что происходит? — внезапно спросонья громко потребовала разъяснений Ева.

Решив, что лучше проигнорировать ее, он собрался и снова бросился вперед, ударив головой Оззи в шею. Тот согнулся, и тут же Эйден ударил его в живот. За все эти годы он четко усвоил, что нет правил в драке. Ты должен был сделать что угодно, лишь бы победить, даже бить того, кто упал — особенно когда упал — или сам поплаतिшься.

Он что есть силы ударил Оззи в висок. Оззи откинуло в сторону, и он упал на колени. Пластиковый пакет выпал из его кармана. Оззи не разгибался, одной рукой защищая живот, другой прикрывая лицо.

— Поднимайся! И дерись со мной! Разве не этого ты хотел? — Дэна не было рядом, чтобы вмешаться, а Эйден не мог уже остановиться. Он перенес вес на одну ногу, наклонился вперед и с силой ударил кулаком Оззи в челюсть. — Ну же!

Снова от удара он отлетел. Оззи быстро заставил себя выпрямиться и принялся раскачиваться.

— Да, это именно то, чего я хотел. И вот что я сделаю.

Эйден увернулся от удара, двинув кулаком уроду в живот еще раз, от чего тот резко выдохнул. Он занес ногу для еще одного удара.

— На твоём месте, я бы этого не делала.

За женским голосом последовал щелчок курка. Медленно он опустил ногу и повернулся в пол-оборота, стараясь не выпускать Оззи из поля зрения и при этом разглядеть девушку. Она была ниже его минимум на фут, худенькая и дрожащая. И держала пистолет нацеленным прямо на него.

Он мог бы справиться с ней, несмотря на то, что задыхался и весь промок от пота. Он больше не чувствовал боли, адреналин зашкаливал. Но перспектива ударить девчонку его не привлекала.

«Потому что так делать нельзя», — отозвалась Ева, словно читая его мысли.

«Ему не придется ничего делать», — возразил Элайджа. «Все и так будет в порядке.»

«В каком еще порядке, когда цыпочка вот-вот нажмет на курок?» воскликнул Калёб.

«Беги, Эйден», — скомандовал Джулиан. «Просто начни бежать.»

Эйден отступил назад.

«Лучше стой!» прорычал Элайджа и парень застыл.

«Беги», — снова скомандовал Джулиан, и он сделал еще один шаг.

«Стой.»

«Тихо!» — крикнул Эйден, закрывая уши.

— Сам тихо! Шевельнись хоть на дюйм и клянусь богом, прочувствуешь пулю на своей шкуре. Кто ты вообще такой? — рывкнула девушка. Несмотря на пистолет, она была довольно миловидной, с шапкой коротких светлых волос. На ее нижней губе красовалась ссадина, словно она тоже недавно побывала в драке.

— Все в порядке, Кейси, — на удивление спокойно сказал Оззи, поднимаясь на ноги. Его слова прозвучали невнятно из-за опухшей челюсти. — Он с ранчо.

Она не опустила пистолет.

— Ты всегда набрасываешься на парней, с которыми живешь?

— Да, знаешь ли. — Оззи наклонился и подобрал пластиковые пакетики, которые обронил. — Он не коп, и не из отдела по борьбе с наркотиками. Знает, что я прирежу его во сне, если только попробует квакнуть.

Эйден узнал этот десятидолларовый наркотик, как только увидел. И так, Оззи и эта держащая пистолет Кейси были здесь ради наркоты.

— Для человека, который только что проиграл, ты говоришь слишком уверенно.

Оззи похолодел. Кейси перевела на него ствол.

Возможно, ему стоило держать рот на замке. Краем глаза Эйден заметил проскользнувшую мимо Викторию. Она плавно скользила по направлению к нему, тихая как призрак, слова сами сорвались с языка.

Ни Оззи, ни Кейси даже не глянули в ее сторону.

Эйден бы понял, что она здесь, даже не видя ее. Невидимая сила исходила из нее, наполняя пространство вокруг так, что воздух потрескивал. Она подошла ближе, ее кожа казалась белее, чем обычно. Такая белая, что светилась. Ее темное платье развевалось на ветру.

«Говорил же тебе, все будет в порядке», — самодовольно заметил Элайджа.

Интуиция снова не подвела. Такими темпами Элайджа скоро сможет предсказать все что угодно.

— Ты не выстрелишь в него, — сказала вампирша самым своим скрипучим голосом, внезапно оказавшись перед Кейси. Она взмахнула рукой перед лицом девушки, кольцо с опалом поймало лунный свет и разбросало радужные искры в разные стороны.

Кейси замерла, так что Эйден даже не мог увидеть, дышит ли она.

— Ты опустишь пистолет, уйдешь и ничего не будешь помнить о случившемся.

Кейси безропотно подчинилась. Уже безобидное оружие упало на землю. Девушка развернулась и ушла, ни разу не обернувшись. Эйдена охватили и трепет и смущение. Сила Виктории превосходила его представления. И только что его спасла девчонка. Хотя все должно было быть наоборот.

— Что за... — начал Оззи.

— Ты тоже уйдешь и ничего не будешь помнить о случившемся.

Глаза этого прикурка остекленели, и он также развернулся и ушел.

— Мне нужно, чтобы он помнил, — попросил Эйден. Иначе, когда они оба проснутся в синяках и с потрепанными физиономиями, Оззи поймет, что они подрались, но не будет знать, что проиграл Эйдену. Эйден же хотел, чтобы он это знал и боялся ходить за ним следом. Боялся получить ответный удар.

Виктория рассеянно кивнула.

— Хорошо. Я верну ему память утром.

— Спасибо. За все. — Взгляд Эйдена скользил по ней. Ее волосы были стянуты в хвост и рассыпались по плечам. Ее губы были розовые, а не как обычно красными. — Как ты нашла меня?

— У тебя кровь, — сказала она, не отвечая. Или возможно это и был ответ. Пока она говорила, ее глаза начали темнеть, голубые как ирисы зрачки стали черными. Ближе и ближе приближалась к нему, словно плыла. Но, едва достигнув его, отступила. Оглянулась. — Я не должна была обнаруживать себя.

— Но я рад, что ты это сделала.

Ее взгляд вернулся к нему. Или скорее к крови, сочившейся из раны на его губе. — Я могу остановить кровотечение, если хочешь. — Ее язык скользнул по острым клыкам. — Это... это ничего не значит. Просто это кое-что, что я могу сделать.

Он не совсем понимал, как она собирается это сделать, но как загипнотизированный кивнул.

— Я не... постараюсь не... ранить тебя. Я буду нежной, не как животное.

Он не был уверен к кому именно были обращены эти слова — ему или самой себе, но она еще немного приблизилась к нему. И затем ее губы встретили его, надавали мягко, нежно, тепло, ее язык вытер темно-красные капли.

Он стоял неподвижно, наслаждаясь ощущением ее. Она пахла жимолостью. Он сжал кулаки, чтобы не схватить ее и никогда не отпускать. Щипало, когда она слизывала кровь... но это была приятная боль.

«Не останавливайся», подумал он. «Никогда не останавливайся.»

Но она остановилась. Подняла голову, в блаженстве прикрыв глаза.

— Изумительно.

— Можешь выпить больше, если хочешь, — прохрипел Эйден, запрокидывая голову и открывая шею. Если он будет чувствовать себя так же от укуса, то он готов.

— Я — нет. — Она тряхнула головой и снова отступила. — Нет. Я не могу. Зачем ты позволяешь мне это делать? Разве ты не понимаешь? Ты хочешь быть моим рабом крови? Пристраститься к моему укусу и не быть способным думать о чем-то другом?

— Я не стану таким, — сказал он, молясь, чтобы это была правда.

— Откуда ты знаешь?

У него не было ответа, поэтому он проигнорировал вопрос.

— Быть укушенным — больно?

Ее плечи слегка расслабились.

— Я говорила, это может быть совершенно непередаваемо, — ответила она и затем исчезла.

Он сморгнул, стараясь не поддаваться панике. Посмотрел налево, направо.

— Но удовольствие от этого будет твоей последней заботой, — раздался ее голос позади него.

Эйден обернулся.

Виктория стояла, прислонившись плечом к стволу дерева.

— Ты ведь знаешь, что не стоит меня этим искушать.

Он вздохнул.

— Неужели если ты выпьешь разок моей крови, я непременно стану твоим рабом?

— Нет. Для этого нужен не один раз. Но я не стану кусать тебя, — она сделала ударение

на последнем слове. — Никогда.

— Хорошо. — Он изучающе посмотрел на нее, делая все возможное, чтобы успокоить сердцебиение. Она выглядела готовой броситься вперед и никогда не возвращаться. Так что самое время было сменить тему. Не было причин говорить ей, что она действительно его укусит, не зависимо от того изменит она свое мнение или нет. — Как ты передвигаешься так быстро?

— В моем роду все могут так двигаться. — И едва слышно, она добавила: — Что ты здесь делаешь, Эйден? Этот лес опасен для людей.

Почему лес опасен для людей? Он потряс головой, когда понял то, о чем подумал. Странно было относить себя к людям. Даже несмотря на то, что он и был человеком.

— Я искал тебя. Ты так быстро убежала в тот раз, а у меня так много вопросов.

— Вопросов, на которые я, вообще-то, не могу ответить. — Девушка сорвала листок с дерева, смяла его в руке и бросила кусочки. Они понеслись по земле, переворачиваясь и кружась.

Эйден был слишком любопытным, чтобы сдаться. Вместо того чтобы давить, он решил спросить что-нибудь невинное, что-нибудь легкое. Эйден надеялся сделать так, чтобы отвечать ему стало второй натурой Виктории, так чтобы он потом смог бы перейти к более жестким вопросам. Его врачи использовали этот метод на нем раз или два.

— Почему ты носишь мантии? Я думал, тебе хотелось бы одеть что-то современное и смешаться с остальными.

— Затеряться среди других никогда не было нашей целью. — Она пожала плечами. — Кроме того, мой отец предпочитает мантии.

— И ты всегда делаешь то, что он говорит?

— Кто ему не подчиняется, в итоге умоляет его о смерти. — Она отвернулась. — Мне нужно идти.

— Стой. — Он забежал вперед, преграждая ей путь. — Подожди. Останься со мной. Хоть ненадолго. Я... скучал по тебе.

«Это совсем не похоже на обращение с девушкой как с пустым местом», внезапно произнес Калев высоким тоном.

«Мы уже это обсуждали», сказала Ева. «Эта твоя теория — полное дерьмо.»

Эйден сжал челюсти.

— Пожалуйста, Виктория.

Девушка остановилась и посмотрела ему в лицо. Казалось, тысяча эмоций боролись в ней. Надежда, сожаление, счастье, печаль, страх. В итоге, надежда победила.

— Идем, — сказала она. — Я хочу показать тебе кое-что.

Она протянула руку. Эйдену хотелось знать, что было причиной ее смятения, но он решительно подошел к ней и взял за руку. Тепло ее кожи обжигало его. Она вела его через лес, все дальше и дальше. Лес становился все гуще.

— Ты такая горячая, — сказано он и тут же, к своему ужасу, покраснел. — Не то, что бы я имел в виду, что ты милая. Хотя, стой. Ты — милая. В смысле. Красивая. Я имею в виду, что у тебя высокая температура. — Можно ли было выразиться еще глупее?

— Ой, извини, — девушка отдернула свою руку.

— Я хотел сказать, мне это нравится. — Несомненно, он мог выглядеть еще глупее. Эйден снова взял ее за руку. — Просто я удивился, почему ты такая... ну, горячая.

— Ой, — снова сказала она, едва снова не отдернув руку. — У вампиров больше крови,

чем у людей. Намного больше. И не только от того, что мы пьем их кровь. Поэтому наши сердца работают с бешеной скоростью.

Они повернули, и Эйден не узнал местность — листья на ветвях здесь были такими ярко-красными, что почти казалось, будто деревья кровоточат.

— Куда мы идем?

— Увидишь.

Эйден очень не хотел далеко отходить от ранчо, из-за того, что если Дэн проснется и будет выискивать его, но парень не возражал. Побывать с Викторией стоило того, чтобы рисковать. Стоило любого риска.

До него донесся шум воды.

— Здесь река?

— Увидишь, — повторила она.

Они пробились через заросли, за которыми оказался ни что иное, как бассейн. С одной его стороны были уложены камни, вода каскадом падала на них, пузырясь и пенясь по краям. Эйден раскрыл рот от удивления.

— Это было всего лишь мелким прудом, когда я переехала, — сказала Виктория. — Я целую неделю таскала сюда и укладывала камни. Райли, мой телохранитель, изменил течение воды для меня.

Райли. Ее телохранитель. Должно быть, это его Эйден видел с Викторией тем утром на ранчо. Значит, они не были братом и сестрой. Хуже того, они, вероятно, проводили вместе кучу времени.

Он рассматривал камни, пытаясь подавить внезапный порыв ревности. Камней было так много и все такие большие. Никто бы с такой хрупкой комплекцией не смог бы поднять их.

— Ты проделала великолепную работу, — только и сказал он.

— Спасибо.

«Здесь так тихо. Я бы никуда отсюда не уходила», сказала Ева.

«Может она привела тебя сюда, чтобы разобраться с тобой», сказал Кaleb с надеждой. «Кто знает, вдруг за хорошее отношение придется расплатиться?»

«Ах, я знаю», ответила Ева.

App!

— Ребята. Тихо, пожалуйста. Умоляю.

Его спутники заворчали, но сделали, как он просил.

Виктория, нахмурившись, уставилась на него.

— Я не тебе, — сказал он ей. — Хотя, если ты хочешь узнать, с кем я разговариваю, мы можем обменяться информацией. — Так то. Вот как он вытянет из нее ответы. Если ей любопытно что-то узнать о нем. А если ей интересно, и он расскажет ей правду, решит ли она, что он слишком странный, чтобы иметь с ним дело, как, очевидно, подумала Мэри Энн?

— Я не против поторговаться, — сказала она, а Эйдену хотелось радоваться и ругаться одновременно. Она повернулась к воде и бросила через плечо. — Мы могли бы сделать это, пока плаваем.

Погодите. Что?

— Плавать? С тобой?

Она рассмеялась.

— А с кем еще? Я прихожу сюда каждую ночь. Тебе понравится вода, я обещаю.

— Но у меня нет плавок.

— И что? — И не оборачиваясь к нему, скинула мантию. Ткань скользнула на землю, и снова Эйден раскрыл рот. Никогда он еще не видел такого прекрасного зрелища. На девушке был надет кружевной розовый купальник — впервые он видел ее в чем-то цветном. Первый раз он лично видел девушку настолько раздетой. Вся ее кожа была белоснежной, а в совершенных изгибах тела не было ни капли лишнего жира.

— Я что пускал слюни? — сам себе удивился Эйден.

«Господи Боже», вздохнул Калев. «Знаю, знаю, я должен молчать. Но слова сами вырываются — и меня можно неправильно понять — болтливый мой язык. И не важно, что на самом деле, это не так.»

Эйден очень не хотел, что бы его спутники видели ее в таком виде. Красная пелена ревности застилала его глаза, даже больше, чем когда он думал о ней и ее накаченном телохранителе. Все время. Точнее ревность затуманивала разум. Он хотел быть единственным, кто наслаждается ее обществом. Сейчас и навсегда.

Виктория зашла в бассейн, во все стороны полетели брызги, пока она не оказалась по плечи в воде. Медленно она покружилась и широко улыбнулась.

— Ты идешь?

Черт, конечно же да. С ревнивыми мыслями он мог разобраться и позже. Эйден разделся и тоже зашел в воду. Вода была холодной и по коже побежали мурашки. Он стойко перенес это, притворившись, что ему даже нравится. Он не мог позволить ей думать, что он — слабак.

Он зашел на середину озера, вода доходила ему также до плеч, но он был выше Виктории. Было очевидно, что она не может достать до заросшего тиной дна. Она, казалось, спокойно болтала ногами, но вода даже не колыхалась.

Они двигались по кругу, не отрывая друг от друга взгляда.

— Готова поторговаться? — спросил он. Он был готов пойти на все, даже выдать о себе всю подноготную, лишь бы ее разговорить.

На секунду она, казалось, засомневалась, а потом кивнула.

— Для начала, нам стоит установить правила.

— Например?

— Например, правило № 1. Ты девушка, поэтому ты первая. Правило № 2. Ты можешь задать мне любой вопрос, и я на него отвечу. Правило № 3. Я могу задать тебе любой вопрос, и ты на него ответишь. Правило № 4. Мы должны отвечать честно.

— Идет, — согласилась она без раздумий. — Тогда я начну. Итак... с кем ты говорил до этого, когда сказал «тихо»?

Конечно, она сразу же начала с самого щекотливого вопроса. С его-то удачей, на другое можно было и не надеяться.

— Я говорил с душами, заключенными у меня в голове. — Повезет, если на этом она остановится.

Ее глаза широко распахнулись.

— Душами? Заключенными у тебя в голове? Что ты...

— Ничего, — помотал головой Эйден. — Теперь моя очередь. У кого ты пьешь кровь? И главное, есть ли у тебя кровные рабы? — В его голове вопросы продолжались. Были ли эти рабы мужчинами? И что ему делать, если это так?

— Это уже два вопроса, поэтому теперь ты мне должен. Ответ на первый — у людей. Ответ на второй — нет. У меня никого нет. Я предпочитаю пить кровь своей добычи лишь

один раз.

Слава богу.

— Я знаю, что ты пьешь кровь людей. Я не это имел в виду. — Он вспомнил о последних новостях в газетах и по телевизору. — Нет никаких упоминаний о недавних нападениях в округе, ни один канал не сообщает о возможно замеченном поблизости вампире. Я не понимаю, как это выходит, когда ты и твоя семья, эм, нуждаетесь в большом количестве пищи.

— Похоже, по этой причине ты и затеял со мной торговлю, — нараспев произнесла Виктория. Казалось, у этой вампириши были свои планы на него. — Теперь моя очередь. Что ты имел в виду, когда сказал, что души заключены в твоей голове?

Да уж, удача его подвела.

— Души, личности, другие люди. Их четыре и они всегда были со мной. Точнее, сколько я себя помню. Мы обсуждали множество теорий, как они могли попасть туда и лучшее, что мы смогли придумать — это я сам их затащил. Типа того, как я, видимо, притянул тебя, только они застряли внутри моей головы. И они все время болтают, — быстро проговорил Эйден прежде, чем они смогли возмутиться. — Каждая душа обладает какой-либо способностью. Одна может путешествовать во времени. Одна может поднимать мертвых, одна может вселяться в другие тела и еще одна может видеть будущее. Особенно если кто-то должен умереть.

— Значит, ты тоже можешь все это делать?

Он кивнул.

— Теперь мы — квиты.

Девушка задумчиво наклонила голову.

— Ты более могущественный, чем мы представляли.

И это не хорошо, судя по ее похолодевшему тону, подумал Эйден. Но она не убегала и не смотрела на него, как если бы он был радиоактивным. Это было выше его ожиданий. Но, с другой стороны, она сама была вампиром.

— Интересно, как на это отреагирует мой отец.

Эйдену тоже хотелось это знать. Человек, который хотел его убить только из-за ветра, который он и Мэри Энн создали. Это было в тысячу раз хуже. — Может ты, ну, я не знаю, не скажешь ему.

— Пожалуй, ты прав. Тогда расскажи мне больше о них, об этих душах. Ты сказал, что они говорят все время. И всегда громко?

Он пожал плечами, и по воде пошла рябь.

— Большую часть времени — да. Из-за этого большинство людей в мире считают меня психом, ведь я всегда прошу их помолчать или еще хуже, сам с ними разговариваю. Вот теперь ты мне должна.

Девушка протянула руку и их пальцы переплелись, как будто она жаждала прикоснуться, так же как и он.

— Люди могут думать, что ты странный, Эйден, но обо мне они думают, что я — зло. Возможно, так и есть. Я существую за счет крови. И сначала, когда я училась пить кровь, я была слишком нетерпеливой, не могла остановиться и пострадали невинные.

Он услышал вину в ее тоне, сожаление и ему очень это не нравилось. Он хотел видеть ее счастливой. И если это делало его слабаком, то он не хотел быть таким.

Эта мысль вернула его к телохранителю Райли. Был ли Эйден единственным, кто желал

ей счастья? Очевидно, что нет. В конце концов, Виктория однажды проговорила, что Райли приревновал ее к нему. Он не обратил тогда на это внимания. Но возможно Райли ревновал к тому, что Виктория приводила с ним время. Возможно, он ревновал как ее парень.

И вообще, зачем ей нужен телохранитель? мрачно задавался он вопросом.

— Разговор о том, как люди нас воспринимают, вводит в депрессию. Давай лучше поговорим о Райли. Он что твой парень? — Каждой клеточкой тела Эйден хотел, что бы Виктория была его. И если она ответит да... — Ты должна ответить правду. Помни, ты должна мне.

Она рассмеялась.

— Нет, он мне больше как брат. Бесит меня, поэтому я стараюсь улизнуть от него при первой возможности. А что насчет тебя и той девушки, которую я видела? Мэри Энн?

— Только друзья, — ответил он, хотя не знал, было ли это еще правдой.

Виктория провела пальцем по его ладони.

— Что она за человек?

Не сдержавшись — не то чтобы ему хотелось останавливаться — Эйден поднес ее руку к губам и поцеловал.

— Милая. Добрая. Честная. Она знает обо мне. Немного, правда. Она видела, как я завладел телом волка, поэтому это от нее не укрылось.

— Вампиры и оборотни? Во что ты себя втянул? Оборотни — опасные создания, — хрипло сказала Виктория. — Жестокие убийцы. — Ее взгляд опустился к его губам. — Остерегайся их.

— Уже. — Возможно ему следовало начать охоту, выследить этого оборотня и покончить с ним до того как он на кого-нибудь нападет. А именно, на Мэри Энн. Нравился ли ей Эйден или нет, она была хорошим человеком.

Ближе и ближе Виктория незаметно приближалась к нему, сокращая расстояние между ними.

— Ты спрашивал о людях, чью кровь мы пьем и почему нет свидетельств об укушенных. Ты видел, как мой голос повлиял на твоих друзей, так? Точно так, как он повлиял на тебя, когда мы в первый раз говорили. Итак, когда мы кусаем людей, в их кровь попадает вещество, которое делает их гораздо более восприимчивыми к внушению. Наркотик, галлюциноген, можно так сказать. А потом отпускаем их на все четыре стороны, и они забывают о том, что послужили нам пищей.

Если бы Эйдену и хотелось иметь необычные способности, то лучше бы они были как у Виктории. Этот вуду голос мог бы сделать его жизнь гораздо легче. Он мог бы посылать некоторых людей (например, Оззи), и они бы не помнили об этом.

— Ты мертвая, как гласят поверья? — Он уже потерялся, чья была очередь отвечать. К тому же, торговаться информацией не было его целью. Он хотел прикоснуться к ней. Свободной рукой он обнял ее за талию. Она, казалось, не обратила на это внимание. — Я имею в виду, ты сначала умерла, и кто-то превратил тебя в вампира?

— Нет, я не мертвая. Я живая. — Она опустила его ладонь на свою грудь и надавила. Ее кожа была такой же горячей как и раньше, и он мог почувствовать ровный ритм ее сердца. Оно билось быстрее, чем его, быстрее, чем у любого другого живого человека, который бы бежал к бесконечно далекому финишу. — Мой отец, он был первым из нас. Ты наверное слышал о нем. Влад Цепеш, как называют его некоторые. Пока он был человеком, он пил

кровь в знак своей власти. Так много крови... что она изменила его. Или возможно, он просто выпил инфицированную кровь. Он сам не уверен в том, как это произошло. Все, что он знает, что он начал жаждать крови, пока она не стала единственным, чем он мог насытиться.

Как говорится, получил по заслугам.

— И сколько вас таких сейчас?

— Несколько тысяч, разбросанных по всему миру. Мой отец — король над ними всеми.

Король. Слово эхом отозвалось у него в голове, заставляя его поморщиться.

— Это значит, что ты...

— Да, принцесса, — сказала она так просто, словно это было самым обычным делом в мире.

Принцесса. Внезапно Эйден почувствовал себя еще более неподходящим для нее. Она была королевских кровей, а он — нищий и живет на ранчо с подростками, которых с трудом можно назвать цивилизованными. Она — дочь короля. А у него же не было родителей, и сам он считался психически неустойчивым.

— Похоже мне пора идти. — Он с трудом нашел, что сказать. И почему Элайджа не показал ему этого?

Смущение омрачило черты ее лица.

— Почему ты уходишь?

Неужели ему нужно было говорить это вслух?

— Я никто, Виктория, просто пустое место. Или мне стоит обращаться к тебе «Принцесса Виктория»? Кланяться тоже нужно?

Его ехидный тон заставил ее отплыть от него подальше.

— Тебя не волновало, что я — вампир пока ты не узнал о моем положении. Почему?

— Забудь, — бросил он, оборачиваясь. Без ее жара его руки моментально превратились в холодные ледышки.

Он не успел моргнуть, как она оказалась напротив него. Снова в его объятиях.

— На тебя невозможно злиться, Эйден Стоун.

— Как и на тебя. — Он понимал, что должен ее отпустить, но в этот раз руки отказались ему подчиняться.

— Из-за того, что я — принцесса, я провела большую часть жизни взаперти. Правила и инструкции сопровождали меня на каждом шагу, больше, чем кого-либо другого, потому что я должна была вести себя благопристойно и подобающе своему титулу. Я должна была быть такой, какой люди хотели меня видеть: вежливой, элегантной и безупречной. Затем ты вызвал нас, и мы прибыли, чтобы следить за тобой. Я видела, как ты стараешься держаться отдельно от тех, кто тебя окружает. Я видела одиночество в твоих глазах и думала, что ты понимаешь какого это. И потом, когда ты впервые посмотрел на меня, даже каждый раз, когда ты смотрел на меня, по правде говоря, я чувствовала волнение. Это значит, твоя кровь течет так быстро. — Виктория прикрыла глаза, как будто погрузилась в приятные воспоминания.

— Сегодня, — продолжила она, — ты попросил меня остаться с тобой. Ты первый человек, который захотел провести со мной время, поговорить и узнать получше. Знаешь ли ты, насколько сложно перед этим устоять? Райли мой друг, но следить за мной — его работа. И с ним я никогда не могу забыть, кто я и что я есть. Но с тобой... Я чувствую себя нормальной. Как любая другая девушка.

Быть нормальным — это желание было хорошо ему знакомо. И то, что именно рядом с Эйденем она чувствовала себя так, было удивительно.

— С тобой я чувствую тоже самое, — признался он. — Но...

— Перед тобой невозможно устоять, как я и сказала. Мне нужно держаться от тебя подальше, но я не могу. Поэтому сейчас я попрошу тебя не уходить.

Эйден не знал радоваться ему или плакать. Пока она не относится к нему как к пустому месту, он будет стараться быть значимым для нее.

— Я останусь.

Виктория улыбнулась, и это осветило ее лицо.

— Хорошо. Сейчас. А что ты скажешь обо мне? О том, какие чувства я в тебе вызываю?

— Рядом с тобой я тоже чувствую себя нормальным. — «А еще я думаю, что ты лучшее, что могло случиться в моей жизни». Он прочистил горло. — Что еще произошло, после того как твой папа стал вампиром? — спросил Эйден, сделав вид, будто они и не уходили от темы. Будто болтали, как нормальные люди, несмотря на тему разговора.

Девушка, должно быть, представила, что тогда происходило с ее отцом, потому что ее лицо осветила улыбка.

— Он прекратил стареть, его тело становилось все более сильным. Его кожа потеряла цвет, став непробиваемой как броня.

Эйден вспомнил, как она рассмеялась, когда он пригрозил ранить ее кинжалом. «Меня нельзя порезать» сказала она.

— Твою кожу невозможно разрезать?

Она покачала головой.

— Острым предметом — нет.

Это одновременно могло быть и благословением, и проклятием. Нож не мог ее ранить, но тогда и доктор не смог бы ее прооперировать в случае необходимости. Хотя была ли когда-нибудь такая необходимость?

— Ты когда-нибудь болела?

— Однажды, — сказала она отстранено, затем вздохнула и отдернула свою руку. Хоть какой-то контакт лучше, чем ничего. — Эйден.

Очевидно, что последний вопрос заставил ее почувствовать себя неуютно.

— Если твой отец перестал стареть, это значит, что ты почти такого же возраста, что и он? — спросил Эйден, и она расслабилась. — Подожди-ка. Не можешь. Ты говорила мне, что самые старые вампиры не переносят солнце, а ты выдержишь.

— Да, я моложе его. Мне всего лишь восемьдесят один год. — Она расчесала его волосы рукой, явно наслаждаясь процессом, и повторила действие снова. — Но я не выглядела все время так, как сейчас. Мы с моими братьями и сестрами взрослеем медленно, очень медленно. Наши матери уже и не надеялись, что мы когда-нибудь перестанем быть капризными малышами.

Он вспомнил карапузов, которых встречал в разных детских домах. Они постоянно устраивали истерики, вопили «это мое» и обрисовывали все вокруг, даже его стены.

— Где сейчас твоя мама?

— В Румынии. Ей не позволили путешествовать с нами.

Эйден хотел спросить почему, но сам не хотел отвечать на вопросы о своих родителях. Поэтому просто сказал:

— Восемьдесят один. Вау. Ты прямо как моя бабушка. Если бы она у меня была,

конечно.

— Что за глупости ты городишь, — возмутилась она, но снова улыбнулась.

— За восемьдесят один год у тебя, должно быть, была куча парней?

По какой-то причине ее приподнятое настроение тут же испарилось. Она виновато отвела глаза.

— Только один.

Только один? Откуда это чувство вины?

— Почему?

— Он был единственным парнем, которого одобрил мой отец.

Значит, отцовское благословение было для нее важным. К несчастью, получить его Эйдену явно не грозило. Сколько же оставалось времени, прежде чем Виктория его бросит? Прежде чем покинет его, чтобы никогда не вернуться? Сколько пройдет времени, пока она не начнет встречаться с кем-то, кто приглянулся ее отцу?

Эти вопросы не давали ему покоя, и он безумно хотел получить на них ответы. Он должен показать ей, как хорошо все может быть между ними. Сделать мечту реальностью, пока еще не поздно.

— Я ведь говорил тебе, что могу видеть будущее?

Она рассеянно кивнула, вероятно, сбита с толку внезапной переменой темы.

По его телу пробежала нервная дрожь. Просто скажи это, Расскажи ей.

— Я видел нас вместе. — Хорошо. Теперь остальное. — Я знал, что ты придешь ко мне еще до твоего приезда.

Она замерла, нахмурившись.

— Чт-что мы делали? Когда были вместе?

Эйден не стал упоминать, как видел ее пьющей кровь у него из шеи. Он не хотел ее отпугнуть, ведь она и так держалась с ним настороже.

— Мы... целовались.

— Ты и я, це... ловались, — выдохнула она. — Я бы этого хотела, видит бог, хотела бы. Но я не могу. Все закончится тем, что я буду пить твою кровь, а я не хочу, чтобы ты видел меня подобным образом.

Было ли это единственным, что ее сдерживало?

— Ты уже попробовала мою кровь и смогла от нее оторваться.

— Едва смогла, — заметила она.

— Ну и что с того, если в этот раз не сможешь? Я справлюсь.

— Ты, может и справишься, а я — нет, зная, что ты видел меня ведущей себя, как какое-то животное.

Виктория? Как животное?

— Я бы никогда так о тебе не подумал.

Она обвила его руками за шею, положив локти на плечи. Острые белые клыки показались над ее нижней губой.

— Эйден, — произнесла она, затем вздохнула. — Что я собираюсь с тобой сделать?

— Ты собираешься меня поцеловать.

Девушка все еще сопротивлялась, но ее решимость, которую она выказывала раньше, таяла на глазах.

— Я могла напугать тебя. Я могла вызвать в тебе ужас и омерзение. — И прежде, чем он что-то смог ответить, оттолкнула его. Она развернулась, не желая смотреть ему в лицо. —

Нам нужно идти.

Волны ударили его в подбородок, и он поборол свое разочарование. Скоро, сказал он себе, они поцелуются. Она укусит его, а он докажет ей, что это не вызывает у него отвращения.

— Ты пока не можешь уйти. Моя очередь просить тебя остаться и твоя очередь уступить. — Он не хотел заканчивать этот разговор на грустной ноте. — Кроме того, у меня есть еще один вопрос и ты должна мне ответить. — Правдивый или нет, его не волновало.

Она не оглянувшись, сдержанно кивнув.

— Спрашивай.

Медленно он приблизился к ней.

— Что ты думаешь о... об этом. — Он набрал пригоршню воды и выплеснул ее на девушку, намочив ей волосы.

Девушка крутанулась, разбрызгивая вокруг себя воду. Капельки попали ей в глаза, повисли на ресницах.

— Зачем ты...?

Рассмеявшись, он плеснул еще воды, на этот раз попав ей прямо в лицо.

— Ах ты, маленький... человек!

Прежде, чем он успел моргнуть, она окунула его под воду. Когда он вынырнул, она смеялась, и звук ее смеха согревал его тело и душу. Как дети, счастливые беззаботные дети, они играли, брызгаясь и окуная друг друга, пока не начало светать. Виктория выиграла, конечно, потому что она была в разы сильнее, чем он, но Эйден никогда так еще не веселился.

«Эйден, милый», заговорила Ева впервые за несколько часов. Ее голос застал его врасплох. Все это время души молчали, и он осознал это только сейчас. — Тебе нужно возвращаться. Нам повезет, если Дэн все еще спит и не застанет тебя залезающим в окно.

Она была права.

«Черт, хотел бы я чувствовать то же, что и ты», воскликнул Кaleb. «Я даже был не против вынужденного молчания. Тебя же прижали к женской груди. Несколько раз!»

Он едва сдержался, чтобы не закатить глаза.

— Если я не вернусь, меня поймают. — Эйден протянул руку и отвел влажную прядь с виска Виктории. — Но я хочу увидеть тебя снова. И не раз в неделю. Я хочу видеть тебя каждый день.

Ее улыбка исчезла, но она кивнула.

— Я не могу пообещать тебе, что смогу прийти завтра. Как я уже говорила, тебе лучше держаться от меня подальше. Но... я попытаюсь. Так или иначе, мы увидимся снова.

Оказавшись в своей комнате, Эйден все никак не мог перестать зевать. Ему страшно хотелось спать. Ему стоило бы поспать, или он, скорее всего, отключится где-нибудь у всех на виду. Но отдыхать — не было уже времени. Его так долго не было, что оставалось совсем немного времени до школы. Он взглянул на себя в зеркало — глаза опухшие, красные и горят. Да и еще один потемнел после драки с Оззи.

По крайней мере, его губа зажила. Прикосновение Виктории прекрасно сработало.

Он расплылся в улыбке, вспоминая. Он хотел снова почувствовать прикосновение ее губ. Только в этот раз он хотел, чтобы это прикосновение длилось как можно дольше. Он хотел, чтобы она обняла его за шею и поцеловала по-настоящему.

«О чем ты только думаешь?» — спросила Ева. — «Я же могу чувствовать, как повышается кровяное давление».

— Ни о чем, — пробормотал парень смущенно.

Он помылся, переоделся и быстро осмотрел себя. К счастью, после нескольких стирок, надпись на его футболке поблекла. Но это не уменьшило его удовольствия от устроенной взбучки Оззи.

Когда Эйден вышел в коридор, Оззи уже ждал его. Один его глаз совершенно заплыл, губа рассечена, и шишка размером с мяч для гольфа вздулась сбоку на челюсти.

— Только попробуй кому-нибудь проболтаться о том, что случилось, — прошипел он ему.

Значит, Виктория сдержала свое слово и вернула ему память. Хотя, вероятно, она стерла воспоминания о себе или о том, что она сделала с Кейси.

— Я тебя не боюсь. — Эйден усмехнулся и кивнул, будто он знал какую-то тайну. — Ты не сможешь выиграть драку против спящего малыша.

Оззи с трудом шевелил опухшей челюстью.

— В любом случае, мы должны рассказать Дэну о драке. Но никаких подробностей. — Потому что Дэн все равно заметит их синяки и ссадины. — Мы просто не расскажем ему почему, когда и где все произошло.

— И... о дури? — Оззи мог говорить только одной стороной рта, взглядом он пробежался по коридору, чтобы проверить, что двери комнат закрыты, и никто их не слышит. — И о Кейси?

— Я не собираюсь ничего рассказывать. — Оззи было расслабился, когда Эйден добавил. — Пока ты не будешь докапываться до меня. Иначе у меня такое чувство, все подробности всплывут наружу. Понял? — Эйден не хотел шантажировать этого придурка. Ему надоело, что им помыкают, оскорбляют, и он ничего не может с этим сделать из-за страха, что его выгонят.

Оззи чертыхнулся себе под нос.

— Еще раз ты подумаешь о наркоте, клянусь Богом, пожалеешь об этом. — Он вытащил нож для резки мяса из внутреннего кармана, который он видимо стащил с кухни Дэна, и провел им прямо перед носом Эйдена. — Все понял?

Эйден закатил глаза, а затем наклонился и вытащил один из своих кинжалов. Он был больше и острее, с темными пятнами крови на серебре.

— Я понял, что могу порезать тебя на лапшу. Ты и понятия не имеешь, насколько я могу

быть психом.

Снова онемевший Оззи отступил назад в свою комнату и со стуком захлопнул дверь.

«О, я так горжусь тобой», — сказала Ева голосом счастливой матери. — «Ты смог постоять за себя, не подвергая опасности».

«Так держать, Эд!» — торжественно произнес Калед. — «Нам нужно это отпраздновать. С девочками!»

«Мне бы хотелось, чтобы ты пнул его еще хоть разок», — сказал Джулиан. — «Терпеть не могу этого парня».

«Не подначивай его», — добавил Элайджа. — «Мы же не хотим, чтобы он попал в тюрьму. Поверь мне».

Был ли сам Элайджа в тюрьме в прошлой жизни или видел Эйдена в тюрьме и знал, каким ужасным событием для него это оказалось?

Уже не было времени спрашивать. Шеннон высунулся из-за двери своей комнаты, вероятно, проверить, что там за шум. И удивился, увидев Эйдена в коридоре.

— Т-тут. — Он протянул Эйдену кипу газет. — Оззи заходил п-прошлой ночью и сказал мне, что собирается з-забрать это. Я стащил первым и забрал себе.

Его Английская газета, которую он должен был подготовить к сегодняшнему уроку. Он даже не заметил, что она пропала. Всю работу он положил в... если бы Оззи повезло, то он получил бы двойку. Эйден сжал челюсти, жалея, что все-таки не ударил этого придурка еще раз.

— Спасибо.

Шеннон кивнул.

— Я тебе должен. За... — Его взгляд опустился на футболку Эйдена. — Т-ты знаешь.

Когда он развернулся, чтобы уйти к себе, Эйден схватил его за руку.

— Постой. Ты почти не разговаривал со мной всю неделю, но ты помог мне, чтобы меня не выкинули из школы. Почему?

У Шеннона нервно дернулся мускул на лице. Он вывернул руку, но не ушел.

— Ты мог бы сказать мне и сейчас. Я буду преследовать тебя, пока ты меня избегаешь. В лесу. В школе. После школы. Пока ты занят домашними обязанностями...

— В т-тот день в лесу, — последовал ответ. — Ты шел прямо за мной, чувак. Затем показалиьс это д-дети, и ты ушел, оставив меня одного. Я знаю, мы никогда не были л-лучшими друзьями, но мы договорились о п-перемирии.

— Так ты действительно подрался?

Еще один напряженный кивок.

Значит, Шеннон не был оборотнем. Но тогда... кто? Телохранитель Виктории возможно? Нет. Не может этого быть. Виктория считала оборотней опасными. Она бы не хотела, чтобы они были среди ее охраны.

Эйден припомнил всех, кого он знал с зелеными глазами. Много имен всплыло в памяти. А что, если человек оборачивается в волка, и его глаза меняют цвет? Эйден был живым доказательством, что глаза мгновенно могут менять цвет. Если так, то любой мог оказаться оборотнем.

— Извини, — сказал он Шеннону, поняв, что парень ждет ответа. — Я не знал, что ты попал в засаду. Я не знаю, кто на тебя напал. Если бы я знал, то помог бы тебе. Наверно. То есть, я услышал крик Мэри Энн и побежал посмотреть, что не так.

— С ней все хорошо?

— Сейчас да, — с надеждой произнес Эйден. Каким-то образом ему нужно перехватить Мэри Энн сегодня и заставить поговорить с ним. — Так что заставило тебя решить простить меня за то, что я не защитил тебя?

— Тяжело з-злиться на парня, который надрал Оззи задницу.

Они единодушно расплылись в улыбке и подхватили пакеты с ланчем со стола рядом с главной дверью, где Миссис Ривз всегда их оставляла.

«Шеннон не может быть оборотнем», — сказал Джулиан. — «Он на твоей стороне. Волк бы сжевал эту газету, плюнул ей в тебя и посмеялся заодно».

«А затем спалил бы вас обоих на огне», — добавил Калевб.

Пока Эйден не говорил о своих мыслях на эту тему вслух, и души не могли знать, что он уже все продумал.

«Если только это не хитрость, чтобы сбить тебя с толку», — протянул Элайджа задумчиво.

Не хитрость, хотел ответить Эйден, потому что он не верил в это. Ему казалось, что именно сейчас его жизнь идет по правильному пути. Подозрения бы отравили и разрушили его. Кроме того, подозрения порождают паранойю, а паранойя является классическим симптомом шизофрении. Это было бы настоящим подарком для диагностировавших его врачей, с которыми он так мужественно боролся, чтобы опровергнуть их диагноз.

«Хватит думать об этом, мальчики», — произнесла Ева, очевидно почувствовав направление мыслей Эйдена. — «Давайте, дадим ему отдохнуть этим утром».

«Да, Ева», — сказали все души одновременно со словами Шеннона:

— Тебе нужно придумать какую-нибудь правдоподобную историю о том, что с твоим лицом, или тебя выгонят. И возможно не стоит подначивать Оззи. Иначе он придумает другой план для подлой атаки.

Улучив момент, Эйден разобрал среди хора голосов то, что произнес Шеннон. Его дружеский жест не был обманом, он просто хотел, как лучше.

— Нельзя не учитывать то, что у Оззи такое же побитое лицо, как и у меня. Если мы будем отрицать все, то Дэн поймет, что мы врем. И будет только хуже.

— Может, он не заметит. — Обычно утро Дэн посвящал хлопотам на ранчо, но иногда спал или уезжал по делам.

Впервые с начала обучения в школе они вышли вместе. Воздух был прохладным, небо затянуто облаками. Дэн ждал в грузовике, готовый открыть дверь, когда он заметил Эйдена и застыл. Как на зло, солнце выглянуло через пелену облаков и осветило его лицо. Парень прищурился, его пострадавший глаз горел и слезился. Теперь от разговора ему было уже не отвертеться.

— Откуда эти синяки, Эйден? — Дэн говорил таким жестким тоном, только когда сдерживал злость.

Вот и приехали. Эйден расправил плечи, хотя желудок свело судорогой.

— У нас с Оззи случилась небольшая размолвка. Мы уже все выяснили, и нам очень жаль. — Коротко, вежливо и честно.

Дэн обогнул грузовик, надвигаясь на него.

— Ты прекрасно знаешь, что использование силы не является решением проблемы. Это одна из причин, по которой ты здесь — чтобы побороть свою склонность к жестокости.

— Это случилось всего лишь один раз и больше не повторится.

— Я уже это слышал. — Здоровяк провел рукой по лицу и немного расслабился. — Не

могу поверить, что ты это сделал. Я привел тебя в школу, обеспечил одеждой и едой. Взамен я прошу лишь о старании.

Его спутники внутри головы начали перекрикивать друг друга, пытаясь подсказать ему, что ответить. Они кричали так громко, что он слышал только какофонию из слов.

— Мы совершили ошибку. Мы это знаем. Разве это не то, что важно? — К счастью, его слова соответствовали правде.

Дэн подвигал челюстями.

— Не важно, знаете вы что-то или нет. Каждое действие имеет свои последствия. Я должен наказать вас. Ты ведь это тоже понимаешь, так?

— Наказать меня? — Итак, Эйден это услышал. Он в разочаровании опустил руки, его гнев закипал с той же силой, что и ярость прошлой ночью. — Разве ты, Дэн, совершенный? Разве ты не совершаешь ошибок?

Воспитатель, сузив глаза, спросил.

— Как это понимать?

«Не делай этого», — закричали его спутники в унисон.

— Ты знаешь, — сказал он как бы между прочим. — Ты и Мисс Киллерман.

Его спутники застонали.

Дэн раскрыл рот от неожиданности. Несколько мгновений он, молча, стоял, уставившись на Эйдена. Наконец, его взгляд упал на Шеннона.

— Залезай в грузовик. Я отвезу тебя в школу, — сказал он плоским, совершенно лишенным эмоций, голосом. Шеннон мгновение колебался, но послушно сел в машину. На его лице отразилось сочувствие. Дэн скрестил руки на груди.

— Я не знаю, как ты узнал о мисс Киллерман, или что ты там, как тебе кажется, ты знаешь, но я успокою тебя. Я не делал ничего такого, за что мне было бы стыдно. Потому что это то, что ты имел в виду, так ведь?

Эйден засунул руки в карманы и кивнул, в нерешительности. Он заварил эту кашу, ему и расхлебывать.

— Чтобы ты не думал, ты ошибаешься. Я флиртую с ней исключительно ради вас, мальчики, и Мэг полностью в курсе. Иногда она даже присутствует при этом в той же комнате, потому что только так меня не тошнит от того, что я должен сказать и услышать. Но я делаю это для того, чтобы оградить вас от хулиганства или наркотиков, или воровства, или от много чего другого. Я делаю это для того, чтобы ваши заявки одобрили в первую очередь. Как думаешь, вы попали в общественную школу так быстро?

— Я-я...

Дэн перебил его.

— Во-первых, я и поверить не могу, что позвонил ей и попросил все устроить. Но затем я вспомнил, как ты был разочарован, когда я тебе сказал, что этого не произойдет. Так что я перезвонил ей и попросил ускорить процесс. И знаешь что? Она так и сделала. Думаешь, она это для всех делает? Она должна получить одобрение штата и школы. Она должна использовать все свои связи. И я должен.

Чувство вины, обжигающее и пропитанное ядом, распространилось в Эйдене. Он обвинил и осудил Дэна, даже не имея доказательств. И он так поступал с ним не первый раз. Хотя парень и поклялся не поступать так с другими. Дэн такой честный и прямолинейный, он не должен был так плохо думать о нем.

— Дэн, — начал было он с болью в голосе.

— Внешность часто обманчива, — сказал Дэн мягко. — В следующий раз, когда ты подумаешь обо мне плохо, я надеюсь, ты дашь мне возможность объясниться. Придешь ко мне и поговоришь со мной.

— Я так и сделаю. Прости, что этого не сделал. — Эйден поднял подбородок и встретился взглядом с Дэном. — Я просто надеюсь, что ты поступишь также по отношению ко мне. Дашь мне возможность объясниться.

Дэн скрестил руки на груди, снова повисла пауза. Эйден не представлял, о чем он в этот момент думает. Хотя, о чем бы он ни думал, эмоции менялись на его лице от подозрительности до досады и, наконец, принятия.

— Залезай в грузовик, — сказал Дэн резко.

Залезать куда? Он имел в виду... что он...

— Рассчитываю ли я, что не придется биться за место под солнцем? Да. Я знаю, каково это, когда тебя все обвиняют и осуждают за то, в чем ты не виноват. Я даю тебе возможность оправдаться и доверие, что если ты что-то делаешь, то для этого есть причина. Но лучше если такая ситуация не повторится. А теперь не стой столбом. Двигай. Давай шевелись. Ты же не хочешь опоздать на первый урок.

Эйден не смог сдержаться. Он бросился к Дэну и порывисто обнял его. Дэн заворчал и взъерошил ему волосы. Эйден, широко улыбаясь, запрыгнул в грузовик.

Когда они заехали на парковку, Эйден увидел Мэри Энн, стоящую у двойной двери школы. Она выжидательно смотрела в лес. Из-за него? Ему хотелось в это верить, но учитывая, что она постоянно сбегала от него после школы...

В тот момент, когда грузовик пересекал полосу разметки, удар ветра прошел прямо через его грудь. Души застонали, исчезая в черной пустоте. Эйден снова ощутил укол вины, хотя и по другому поводу. Они помогли ему попасть в эту школу, и им приходилось терпеть боль темноты ради того, чтобы он мог найти способ выбраться им наружу в их собственные тела. До сих пор он не сделал ничего, чтобы выполнить свою часть уговора.

Но все могло измениться. Сегодня. Он решил заставить Мэри Энн поговорить с ним, в надежде узнать, что происходит в ее голове, но сейчас ему стоило сделать первый шаг. И он раскрыл бы свои оставшиеся способности — не важно как он боялся ее реакции — и выяснил, как она заставляет души исчезнуть.

Парень присмотрелся к девушке. Она выглядела уставшей, будто не спала целые сутки, с кругами под глазами. Хмурый взгляд, опущенные уголки губ. Обычно ее переполняла энергия, и она всем улыбалась.

Мэри Энн еще больше нахмурилась, когда к ней подошла ее подруга Пенни. Пенни выглядела еще хуже, чем Мэри Энн, ее лицо опухло, будто она плакала всю ночь. Мэри Энн что-то сказала, яростно трясая головой. Пенни схватила ее за руку. Мэри Энн вырвалась и скрылась в школе.

Что это вообще было?

Грузовик остановился у обочины.

— Ведите себя хорошо, ребята. И Эйден, больше не прибегай к насилию. Хорошо?

— Конечно. И... спасибо.

Дэн кивнул с полуулыбкой.

— Увидимся позже.

Эйден и Шеннон выскользнули на улицу и снова пошли вместе, после того как вошли в здание. Эйден не мог отрицать, что ему нравилось, иметь кого-то на своей стороне. Кого-то,

кто мог бы также прикрывать его спину.

— Хочешь, пообедаем вместе? — спросил его Шеннон.

— Ой, как мило. — Усмехнулся голос поблизости. Голос Такера. Эйден узнал его, и ненавидел. Каждый раз, когда Мэри Энн не было поблизости, Такер обзывал его, ставил ему подножку или бросал комочки бумаги в него. — Похоже, заика и сумасшедший теперь встречаются.

Волна смеха пронеслась по коридору.

Эйден стиснул зубы. Он проигнорировал качка — больше никакого насилия, больше никакого насилия, больше никакого долбанного насилия — и сказал Шеннону:

— Я буду ждать тебя в кафетерии.

Шеннон еле заметно кивнул, его взгляд упал на пол, щеки покраснели, и он пошел на свой первый урок.

Такер врезался в плечо Эйдена, когда тот проходил мимо, и сбросил рюкзак Эйдена с плеча на пол.

— Посмотрите на это. — Качок проворчал, потом остановился и просвистел, теряя все следы своего гнева, когда он изучил побитое лицо Эйдена. — Так так так. Кто-то, должно быть, был непослушным мальчиком, раз получил такую взбучку.

Как Мэри Энн могла терпеть этого парня? Он был похож на кучу навоза, скрытую в блестящей коробке.

Не говоря ни слова, Эйден поднял свою сумку и пошел прочь.

— Вот так. Беги, трус, — прокричал Такер самодовольно.

Он мог чувствовать сотни глаз на себе, наблюдающих, осуждающих, может быть, даже жалеющих. Они думали, что он боялся Такера. Как он ненавидел все это, но не мог остановить их прямо сейчас. Не только потому, что он должен был, избегать насилия любого рода — а это то, что случится, если он бросит вызов Такеру, кровавое, ужасное насилие — но и из-за Мэри Энн. Ей может не понравиться, если он сотрет лицо ее парня в порошок.

Все же ему следовало сдержаться. И Эйдену едва удавалось это делать весь первый урок. По какой-то причине Мэри Энн отсутствовала. Он жалел, что не пошел с ней тогда. Сейчас он был слишком взвинчен, чтобы слушать лекцию и учеников. Души снова болтали у него в голове, пытаясь успокоить его, но их голоса только еще больше нервировали, смешиваясь с остальными вокруг и, в конце концов, превращаясь в галдеж.

Конечно же, именно в этот момент мистер Кляйн указал на него и задал ему вопрос. Он не мог разобрать слова, а тем более сформировать внятный ответ, поэтому мистер Кляйн решил привести его в пример и его невнимательность и заставил его стоять рядом с его партой весь урок.

Если бы еще один человек посмеялся над ним, он бы набросился на него.

Второй и третий урок были не лучше. Вторым уроком была геометрия, которая должна была быть интересной, да еще и с Мэри Энн, но ее снова не было. Она ушла? К тому же пришел новый ученик, который занял свободную парту рядом с Эйденем и болтал целый час. Эйден сочувствовал ему, ведь новенький нуждался в друге, но боже ему нужна была минута тишины.

— Тебе лучше остановиться, — прошептал Эйден в середине урока. — Ты попадешь в беду, и вряд ли захочешь увидеть темную сторону мисс Керрингтон. Я слышал, она кусается, и не по-хорошему.

— Не беспокойся, братан. Никого не волнует, что я делаю, — улыбнулся новенький. У

него были лохматые светлые волосы, которые падали ему на глаза.

Его кожа, казалось, поглощала свет в комнате, сверкая. Эйден видел это сияние и раньше, на ком то другом. Но на ком? Точно. Пожилая дама в торговом центре. И так же, как старушка, этот новенький заставил тонкие волоски, на теле Эйдена, встать по стойке смирно.

— Я Джон О'Коннор, кстати. И да, я в курсе, что мое имя как у парня из Терминатора. Это был любимый фильм моей мамы.

— Эйден Стоун.

— Слушай, ты не видел Хлою Говард? Брюнетка с брекетами и множеством веснушек. Очень хорошенькая.

— Нет. — Эйден был слишком поглощен своей брюнеткой, чтобы замечать других. Он старался удержать свой взгляд на лучшем ученике класса. Что, впрочем, не отбило у Джона охоту болтать.

— О, чувак. Ты такое пропускаешь. Но ничего. Я еще сегодня поохочусь на нее и...

— Мистер Стоун. — Ладонь ударила по учительскому столу, заставив подпрыгнуть стоявшую там кружку кофе. — Может, вы сами объясните нам про векторы, или я все же продолжу?

Все начали оборачиваться на него, и Эйден попытался стать как можно не заметнее.

— Продолжайте. — И почему Джону не досталось?

Учительница задержала на нем взгляд, затем удовлетворенно кивнула и продолжила лекцию.

— Пообедай со мной, — сказал ему Джон. — Я не хочу сидеть в одиночестве и хочу рассказать тебе о Хлое.

— Ладно, — прошептал он, просто желая закончить разговор. И, может быть, беседа с парнем во время обеда приведет к откровению об этой сверкающей коже и тех электрических зарядах, исходящих от его тела. — Я буду ждать тебя у дверей кафетерии.

— Прекрасно.

Наконец-то. Тишина.

Весь третий урок он думал о Мэри Энн, куда она исчезла и чем занималась. Когда прозвенел звонок он схватил свои вещи и направился к двери, не зная, что делать дальше. За ланчем он должен был встретиться с Шеннон, а теперь еще и с Джоном, поэтому он не мог пойти к ней и проверить, была ли она дома.

Он запомнил ее номер. Может быть, секретарь в приемной позволит ему воспользоваться телефоном и позвонить ей. За исключением...

Знакомый порыв ветра ударил ему в грудь, и он остановился.

Мэри Энн, должно быть, где-то поблизости.

Он посмотрел в конец коридора, и там была она, стремительно приближающаяся к нему. Сила его облегчения была ошеломляющей.

— Эйден, — позвала она.

Она остановилась прямо перед ним, тяжело дыша, беспокойно переступая с ноги на ногу.

— Эйден, — повторила она тише и нерешительно улыбнулась, будто она не была уверена, рады ли ей.

— Так что, теперь ты со мной разговариваешь? — Не выдержал Эйден и спросил. — Почему ты избегала меня?

Ее улыбка ушла.

— Что ты имеешь в виду? Я не избегала тебя. За ланчем это ты избегал меня.

— Ты все время исчезала после школы, — напомнил он ей. — Я бы подошел к тебе, а ты бы убежала.

— Прости. Я не имела в виду... это не было то, что я... ох, я все порчу. Но уверяю тебя, ты неправильно понял мои намерения. Ты — мой друг, и ну, мне нужно поговорить с тобой. — Ее взгляд метнулся к ребятам, которые ходили вокруг них. — Хотя сейчас не самое подходящее время, чтобы объяснять.

Недопонимание. Слава Богу. Он мало что понимал в дружбе, и было ясно, что ему нужно многому научиться.

— Что ты здесь делаешь? Почему ты не была на первом и втором уроке?

— Отвечу на твой второй вопрос, я, ну, прогуляла. — Она прикусила нижнюю губу. — Отвечу на твой первый вопрос, я мешаю тебе идти туда, где ты обычно обедаешь.

Он не сказал ей, что ему уже пришлось изменить свои планы.

— Прогуляйся со мной до моего шкафчика, — сказал он, и она кивнула. Они шли в такт друг другу.

— Так где ты обедаешь? — Спросила она, все еще вроде бы нервничая.

— Я уйду за пределы кампуса и исследую лес для того чтобы... — Он многозначительно посмотрел на толпу. — Ну, ты понимаешь...

Ее челюсть отвисла.

— Да ну? Зачем? Эйден, это не хорошо. Тебе нужно есть.

— Не переживай. Жена Дэна дает мне обед с собой каждое утро. Я беру его с собой и ем в лесу.

— Ох.

Ученики по-прежнему галдели вокруг них, громко хлопая шкафчиками.

— Тебе не нужно делать этого, — сказала она. — Искать Волка, я имею в виду. Мы говорили.

Сначала пришло удивление. Затем злость. А после страх.

— Я же сказал тебе держаться от него подальше, Мэри Энн. Тебе повезло, что ты еще жива. Ммм... мой друг сказал, что такие волки, как этот, ужасные убийцы.

Она побледнела и потянулась дрожащей рукой к горлу.

— Какой друг? Кто-то еще знает о том, что происходит?

— Не волнуйся. Она не... человек, — прошептал он.

Глаза Мэри Энн широко распахнулись.

— Что это значит? Кто она?

Стоит ли ему рассказать ей или нет? Потребовалось небольшое усилие, чтобы принять решение. Ему была нужна ее помощь. Поэтому ей понадобится вся информация, которую он может ей предоставить, даже о Виктории.

Продолжая их разговор, он тихо сказал.

— Моя подруга — она вампир. И принцесса, — добавил он. Этот факт больше не беспокоил его, но все еще ошеломлял. У него было свидание с принцессой. Ну, он надеялся, что это было оно.

Мэри Энн не засмеялась. Не сказала, что у него богатое воображение и не ушла. Она сглотнула и кивнула.

— Ты говорил о вампирах раньше, но я не думала, в смысле, я не думала, что ты и

правда знаком с кем-то. — Она потеряла шею, будто уже чувствовала клыки, погружающиеся в ее вену. — Как ты с ней познакомился?

Группа хихикающих девушек прошли мимо него, еще раз напомнив ему о возможных слушателях.

— Я расскажу тебе все, только не сейчас, когда вокруг нас столько ушей. Прямо сейчас, мне нужно, чтобы ты пообещала держаться подальше от этого животного. Кроме желания убить меня, в нем есть что-то еще. Я, возможно, не смогу... ты знаешь, как в тот день.

На ее лбу образовались морщинки, когда она взглянула на него из-под густых ресниц.

— Нет. Мне жаль.

— Вселиться в него.

— Ох. Почему нет?

— Когда я с тобой мои способности перестают работать. Но в тот день в лесу каждая прекрасно работала. Должно быть из-за него. Он был единственной переменной.

— Во-первых, я все еще хочу знать, какими еще способностями ты владеешь. Во-вторых, Волк не опасен. По крайней мере, для меня. Мне кажется, я ему нравлюсь. Он провожает меня в школу каждое утро и днем до дома. — Девушка снова закусил губу. Эйден по этому жесту понял, что она нервничала. Она обняла себя руками. — И он смягчился в отношении тебя, я знаю.

И это сказала девушка, которая имела очень хороший шанс попасть в один не очень прекрасный день в утренние новости в сообщении, что найдено растерзанное тело со следами зубов.

Он не мог поверить, что провел так много времени, беспокоясь о ней, думая, что она не хотела иметь ничего общего с ним, а она просто играла с волком, будто тот был домашним любимцем.

— Это из-за него сбегала от меня после школы?

Ее щеки вспыхнули.

— Да, но прошу тебя, не злись, — сказала она. — Кажется, я не могу остановиться. Я привязалась к нему.

Это он понимал, даже если это беспокоило его. Он тоже привязался к Виктории.

Они дошли до шкафчика Эйдена, и он набрал комбинацию.

— Я уверен, что Такеру понравится, что ты сильно увлеклась кем-то еще. Особенно животным.

— Эй! — Она ударила его по плечу. — Он не животное. Не всегда. Не то, чтобы он показал мне свое человеческое обличие, — пробормотала она. — И, кроме того, не имеет значения, понравится ли это Такеру или нет. Мы расстались.

Сердце Эйдена на миг замерло, рука с книгами застыла в воздухе. Он сомневался, что расслышал верно.

— Действительно? Вы расстались?

Она кивнула, румянец на ее щеках стал ярче.

— Без сомнения. Он спал с Пенни.

— А-а-а. — Он забросил книги в шкафчик и захлопнул дверцу. — Так вот чем ты была настроена сегодня утром.

— А ты бы не был? Они предали меня, а потом вели себя так, будто ничего не случилось.

— Мне жаль. Хотя я не удивлен, что они хранили это в секрете. Никто не хочет

рассказывать о своих ошибках.

— Ух. Говоришь, прям как мой Воо... — Она махнула рукой в воздухе, выражая стеснение. — Неважно.

Ее волк? Звучало так, как будто жестокий убийца — не комплимент. Возможно, ему стоило быть более чутким.

— Тебе виднее. Такер — еще тот...

— Придурок? — добавила девушка, и они оба рассмеялись.

— Ага. Придурок.

— Согласна. — Она с дрожью вздохнула и потащила его вперед. — Идем. — Они прошли несколько шагов, прежде чем продолжить разговор. — Если все чего мы ожидаем, так это предательство и измена, то как вообще можно быть друзьями?

Он ненавидел то, что ее обычный оптимизм исчез.

— Опять же, человеческая природа. Надежда на лучшее это то, что движет нами.

— Теперь ты похож на моего отца, — проворчала она.

— Хорошо, тогда, по-видимому, он — гений.

Мэри Энн засмеялась.

Двери столовой появились в поле зрения. С минуты на минуту, должны были подойти Шеннон и Джон О'Коннор. Эйден потянул Мэри Энн в сторону и посмотрел на нее сверху вниз, его распирало от нетерпения.

— Мне нужно поговорить с тобой.

— Что не так? — спросила она отрезвляюще.

— Пожалуйста, не уходи без меня после школы. Найди способ избавиться от волка. Я должен столько тебе рассказать. Не только о вампирах, но и о себе. Есть кое-что, в чем ты можешь мне помочь.

Она протянула руку и сжала его плечо.

— В любом случае, я помогу всем, чем смогу. Надеюсь, ты знаешь это.

Так легко, и так быстро. Ему пришлось бороться с желанием, обнять ее, и оно не имело ничего общего с его или ее способностью, оно было связано с ней. С тем, какой замечательной она была.

После всех людей, которые бросали его в течение многих лет, часть его ожидала, что она передумает.

— Всю прошлую неделю я думал, что ты испугалась меня, что не хочешь иметь ничего общего со мной. Если быть честным, я не был уверен, как ты отреагируешь сегодня.

— О, Эйден. Мне действительно очень жаль. Мне следовало тебе рассказать, чем я занималась, но я боялась, что ты попробуешь меня защитить и в конечном итоге пострадаешь. — Она снова закусил губу. — Чувство вины погубило бы меня, если бы ты из-за меня пострадал.

Он медленно улыбнулся, с облегчением, и она улыбнулась ему в ответ.

— Я надеюсь, ты не возражаешь, но я обещал Шеннону поесть с ним, — сказал он. — Ох, и я сказал этому очень болтливому новенькому, что он может присоединиться к нам. Я должен подождать у дверей.

— Новенький? — Ее лоб наморщился. — Я не слышала, чтобы к нам кто-то поступал.

— Да только сегодня. Его зовут Джон О'Коннор, и он...

— Подожди. Что? — Она в недоумении нахмурилась. — Ты сказал Джон... О'Коннор?

— Да, а что?

Вместо ответа она сказала.

— Опиши мне его.

Ну, хорошо.

— Блондин, кареглазый и его кожа выглядит так, будто намазана блеском. Это действительно странно.

Ее хмурый взгляд усилился.

— За исключением этого яркого блеска, он похож на Джона, которого я знала. Но кто-то явно подшутил над тобой, потому что Джон умер от передозировки наркотиками в прошлом году.

Эйден помассировал затылок, его мышцы завязались в узелке гнева.

— Пошутил.

— Прости.

Он хотел двинуть кулаком в стену, когда он представил себе, как все, вероятно, смеются над этим.

— Где-то внутри Шеннон, — сухо сказал он.

Мэри Энн посмотрела на него с сочувствием, перед тем, как последовать за ним в столовую.

Спустя несколько минут он опустился за стол с Мэри Энн и Шенноном. Хотя они были втроем за один большим столом, другие ученики занимали столы вокруг них, прямо как в фильмах, которые он смотрел.

Он прекрасно знал про Пенни, задумчиво глядящую на Мэри Энн, и Такера, с ненавистью глядящего то на Мэри Энн, то на Эйдена. Шеннон сидел, опустив голову, а Мэри Энн продолжала напряженную, бессмысленную болтовню. Эйден искал «Джона», но так и не увидел его. Никто, казалось, не смеялся над ним, так что он был в состоянии расслабиться. Немного.

В целом, это было неудобное и тяжелое испытание. Ему больше нравилось уединение в лесу, и это удивило его. Сколько часов он провел, мечтая о друзьях и нормальности? Но может быть, в лесу, он нашел бы Викторию. Если только.

Наконец прозвенел звонок, означающий, что пришло время идти на следующий урок. Стулья освобождались, а шаги начали разноситься по полу.

— П-подожди меня после школы, — сказал ему Шеннон. — Мы можем пойти домой вместе.

Эйден встретил взгляд Мари Энн. Она, казалось, застыла, наполовину сидя, наполовину стоя. Паника промелькнула в ее глазах. После школы, она должна была избавиться от волка, чтобы они смогли поговорить.

Шеннон, должно быть, поймал наполненный напряженностью скрытый подтекст, потому что он сказал:

— Н..неважно, — и попытался уйти.

Очевидно, она была чуткой к чувствам других, Мэри Энн нацепила улыбку на свое лицо и схватила его за запястье, останавливая его.

— Пойти домой вместе это прекрасная идея. Я просто пыталась вспомнить, сказала ли я своему папе, чтобы он забрал меня или нет.

— Оу. Хорошо. — Шеннон расслабился.

— Тогда увидимся, — сказал Эйден, стараясь замаскировать свое разочарование, и зашагал на следующий урок. Похоже, разговор с Мэри Энн придется отложить. Снова. Они

не могли делиться секретами при тех, кто мог подслушивать прямо сейчас.

Смогут ли они поговорить утром? Или что-то помешает им снова? А завтра, выйдя после школы; Шеннон, вероятно, захочет пойти с ними снова. В этом случае, у них никогда не будет момента наедине. Если только... он мог сказать ей все, не произнеся ни слова.

Будучи преисполненным решимости, он воспользовался следующими тремя уроками, чтобы написать ей. О себе, своем прошлом, о том, что он сделал, о том, что он видел и о том, что ему нужно от Мэри Энн. Он не скупился на подробности, не пытался преподнести себя в более выгодном свете. Он хотел, чтобы она знала правду.

«У меня плохое предчувствие на счет этого», — сказал Элайджа, когда Эйден закончил.

Эйден застонал. Только не еще один. Но это не имело значения; он не позволит этому иметь значение. Он по-прежнему писал Мэри Энн. Оставив на ее усмотрение то, что произойдет дальше.

Позже в тот же день Мэри Энн перечитывала записку Эйдена в тысячный раз.

Я должен найти способ освободить их. Ради них. Ради себя. Я не сумасшедший. Они люди, а не просто голоса. Но я не знаю, что мне делать. Найти для них собственные тела, это все что приходит мне в голову, но это кажется таким невозможным, понимаешь? И если мне все-таки удастся сделать это... возможно найти того кто недавно умер... как мне избавиться от них и переместить в новое тело? Черт, пока я это пишу, то задаюсь вопросом, не свихнулся ли я на самом деле. Ты единственный человек, которого я когда-либо встречал, кто может отменить то, что я могу делать. Я полагаю, что ты знаешь то, чего не знаю я, даже если ты этого еще не осознаешь. Не так ли? Но я пойму, если ты не захочешь мне помочь.

Сжимая бумагу между пальцев, Мэри Энн опустила руку. В голове вертелось множество вопросов. Четверо других людей заключены в голове Эйдена, их постоянные голоса всегда его отвлекают. Кроме тех случаев, когда он с ней. Каким-то образом она успокаивает их.

Верила ли она во все это? Ей не хотелось, и честно признаться, ей и не верилось первую сотню раз, когда она перечитывала письмо. Потом ее сомнения уступили любопытству. Любопытство сменилось неуверенностью и, в конечном счете, пришло принятие.

Еще неделю назад она даже и не подозревала о существовании оборотней и вампиров. Теперь не было смысла отрицать это. Почему же тогда не может быть парнишки, с замкнутыми в нем людьми? Людьми, которые могут путешествовать во времени и воскрешать мертвых. Предсказывать будущее и обладать другими людьми... последнее из чего она видела собственными глазами.

Как она может их останавливать? Почему она? В ней не было ничего особенного.

Она слегка прикусила нижнюю губу, не один ответ не появился на месте потолка ее спальни. Он был ровный и белый, чистый холст, который так и ждал, чтобы его раскрасили.

«Я могу логически прийти к выводам», подумала девушка, пытаюсь взбодрить себя. «Хорошо, итак. Эйден предположил, что лучший способ освободить души — найти им тела.» Девушке показалось это радикальной мерой и невозможным, к чему стоит прибегнуть в самую последнюю очередь. К тому же у нее было ощущение, что к моменту, когда этот план можно будет осуществить, они узнают, кто на самом деле те люди, которые обитают в его голове. Или, возможно, кем они были. Он упоминал, что они не помнили свои жизни до того, как оказались с Эйденем, но иногда они испытывали deja vu, и как будто что-то вспоминали. Это должно что-то значить.

Может быть, они были призраками, и Эйден нечаянно их поглотил. С этой мыслью она осознала, что осматривает комнату в поисках любого призрачного существа, сжимая одеяло руками, дыша неглубоко и тяжело. Оборотни и вампиры были настоящими, почему бы тогда и призракам не быть реальными? Были ли они возле нее? Может быть люди, которых она знала? Люди, которые здесь однажды жили?

Ее мать?

Сердце Мэри Энн хаотично забилося, и слезы обожгли глаза. Она смахнула их. Ее мать могла быть здесь, наблюдать за ней, подумала она потрясенно. Защищать ее. Самым большим ее желанием было увидеть маму снова, поговорить с ней, обнять ее и попрощаться. Автомобильная авария унесла ее жизнь так внезапно, они не были к этому готовы.

— Я люблю тебя, мам, — прошептала она.

Ответа не последовало.

«Сконцентрируйся, Грей. У тебя есть работа». Она прочистила горло и подавила свое разочарование. «На чем я остановилась? А, точно. Если души, попавшие в ловушку в голове Эйдена, были в действительности призраками, помнят ли они свои жизни?»

Хороший вопрос. Потеряли ли они свою память, когда оказались в его теле или они были чем-то другим. Ангелы? Демоны? Или что-то подобное? Возможно. Но они, вероятно не были душами, оказавшимися в ловушке внутри Эйдена. И снова, они должны были помнить свои собственные личности. И опять же, их воспоминания не должны были исчезнуть без следа.

Ах. Эти мысли заводили ее в тупик. Могли ли эти четверо говорить с ним так же, как Волк говорил с ней? Возможно, на самом деле они не были в его голове, а были привязаны к нему и просто проецировали свои голоса.

Впрочем, она тут же отбросила эту идею. Эйден слышал их. Если они на самом деле внутри него, мог ли он также видеть их?

Мэри Энн постучала по подбородку. Первое, что ей нужно было сделать, как она сначала подумала — выяснить, кто эти четверо. Эйден говорил, что они с ним с самого его рождения.

— Что означает, мне нужно вернуться в начало, — сказала она, ее голос нарушил царившую в комнате тишину. Ей нужно было собрать некоторую информацию. Мысленно она составила список:

Выяснить, кем были его родители. Или точнее есть.

Узнать, где он родился.

Кто был возле него в первые дни его жизни.

С чего же начать?

При звуке мужского голоса в своей голове, она подпрыгнула и села на кровати, сердце снова бешено забилося. В дверях ее спальни показался волк, огромный и черный и великолепный. мех блестел на солнце и эти бледно-зеленые глаза почти с нежностью смотрели на нее. Его уши торчали напоминая уши эльфов. Из рта свисала одежда.

— Как ты сюда попал? — спросила она.

— Пришел.

— Забавно.

Казалось, его губы шевелились вокруг материи.

— В последний раз когда я здесь был, я оставил открытым окно на первом этаже, поэтому я могу попадать внутрь в любое время.

— Мне следовало догадаться. — Она осмотрела одежду. Джинсы и футболка. — Это мне?

— Нет. Это для меня, когда я изменюсь.

Правильно ли она его поняла?

— Ты собираешься...

— Показать свой человеческий облик, да.

Волнение распространилось по венам, в считанные секунды охватывая все ее тело и заставляя дрожать.

— Правда? Почему сейчас?

Не обращая на нее внимания, он пошел в ванную. Дверь со свистом закрылась. Положив письмо Эйдена на тумбочку, Мэри Энн встала. Потом снова присела обратно. Ее коленки немного подрагивали. Как будет выглядеть волк? Был ли он кем-то, кого она знала? Каждый раз, когда она пыталась его представить, все что она видела это крепкое, мускулистое тело. Его лицо всегда оставалось в тени.

Она вздрогнула от неожиданного телефонного звонка.

Мэри Энн бросила взгляд на определитель номера, и ее дрожь усилилась. Пенни. Она скрестила руки на груди, спрятав ладони под мышками, чтобы не потянуться к трубке.

Еще один звонок.

Пока она так сидела, Мэри Энн была удивлена тем, что чувствовала скорее неподдельную обиду, чем гнев. Она действительно любила Пенни. И Волк и Эйден были правы. Совершать ошибки, а потом их скрывать было в человеческой природе. Но она не могла вести себя так, будто ничего не случилось, и верить Пенни, что такое больше не повторится с кем-то другим. С кем-то, кто был ей действительно дорог. По какой-то причине в ее мыслях появился Волк.

На четвертом звонке, сработал автоответчик.

— Я знаю ты там, Мэр. Поговори со мной, пожалуйста. Я столько всего хочу тебе рассказать. — Пауза. Пенни вздохнула. — Ладно. Мы сделаем это по телефону. Я хотела рассказать тебе, что произошло. Действительно хотела. Помнишь в кафе, когда я упомянула, что Такер отстраняется? Я пыталась набраться смелости, чтобы все тебе рассказать, но остановилась. Я просто очень боялась тебя потерять. И не хотела, чтобы это произошло. — Еще одна пауза, какие-то помехи. — Мы оба были пьяны, и ни один из нас не мыслил ясно. Я оправдывалась тем, что знала, что ты не любишь его. Я решила, что только причину тебе боль, если расскажу, и было бы эгоистично с моей стороны изливать свою душу. Я была не права. Теперь я понимаю это. Мэри Энн... пожалуйста.

Звуковой сигнал.

Тишина.

Подбородок Мэри Энн начал трястись, и все ее тело охватила дрожь.

Снова раздался телефонный звонок, и она бросила взгляд на определитель номера, ожидая увидеть номер Пенни. Ответить ли ей на этот раз? Что ей сказать? Вместо этого она увидела номер Такера и в раздражении сжала зубы. Они как сговорились.

Она не любила его. Не хотела иметь с ним ничего общего. Она даже не собиралась отвечать на звонок.

Его сообщение было короче, чем сообщение Пенни.

— Прости, Мэри Энн. Если бы ты поговорила со мной, я смог бы тебе все объяснить. Мы могли бы остаться друзьями, как ты и сказала. Просто... позвони мне или клянусь богом... — Слова оборвались стоном.

Щелчок. Тишина.

Она помотала головой. Между ними все кончено, и разговоры этого не изменят.

— Готова?

Голос Волка. Его настоящий голос. Глубокий и грубый... и неуверенный? Нервничал ли

он так же, как она?

— Да, — ответила она, ее голос так же дрожал.

Дверь ее ванной со скрипом отварила. Ноги зашаркали по полу, и затем парень прислонился к стене напротив, уставившись на девушку.

Первая мысль, которая пробежала у нее в голове — она никогда его раньше не встречала. И вторая — о, мой Бог. Он был совершенно красивым, его черты лица были слишком резкими, но это только добавляло ему привлекательности. Он выглядел опасным, безжалостным и способным на все.

У него были черные волосы, такие же блестящие, как и его мех, и его глаза были все еще зелеными. Впрочем, на этом сходство с волком заканчивалось. Он был выше, чем она предполагала, накаченный и крепкий, широкие плечи, длинные ноги, золотисто-коричневая кожа. Он был одет в простую белую майку и выцветшие джинсы. Ни ботинок, ни носков.

И совсем недавно она лежала на кровати с этим великолепным созданием. Она касалась его своими руками и трепала за уши. Она, которая проводила все свободное время за чтением, которая училась, не замечая ничего вокруг, независимо от того как она это ненавидела. Она, чье будущее было расписано в пятнадцатилетнем плане, но о котором она уже и думать забыла.

Забавно. Однажды она подумала, что отказаться от ее жизненного плана было бы ужасным. Но сейчас она хотела это отпраздновать.

Пока сомнения не взяли свое.

Будет ли она тосковать, если Волк умрет? Он бегал дикий по лесам. Он мог быть и животным и человеком. Она же предпочитала равнины.

Что же ты делаешь? Мелькнуло в ее мыслях. Он же мог считывать ауру. Знал ли он, что она чувствовала сейчас? Что она без ума от него? О, здорово. Сейчас стошнит.

— Ну? — спросил он. — Тебе нечего сказать. Ты ярко розовая, зеленая и золотая. Взволнованная, нервничающая и как будто тебя тошнит.

У нее горели щеки. Кожа, похоже, была того же цвета, что и ее аура.

— Так о чем ты думаешь?

— Ты не можешь понять? — попыталась увильнуть девушка.

— Мэри Энн, — произнес он раздраженно.

Она поняла, что это значит «нет».

— Я думаю, ты... нормальный. — Не правда, не правда, ох, не правда.

Он открыл рот.

— Нормальный. — Его жесткий тон гипнотизировал, что было очень плохо.

Не зная, что еще сделать, она кивнула.

Тишина воцарилась между ними. Никто не двигался.

Скажи что-нибудь. Хоть что-то.

— Эйден думает, что я вроде как могу нейтрализовывать суперспособности. И если это так, то почему ты можешь превращаться из волка в человека? Или лучше спросить, почему ты был не в человеческом обличье, когда впервые подошел ко мне? Конечно, оба эти вопроса касаются того факта, что я нейтрализатор, которым я могу и не быть на самом деле. — Господи Боже. Что за лепет? Прекрати! — Знаешь, ты мог бы и не смотреть на меня так пристально. Это могло бы помочь.

Он потер руками лицо и невесело рассмеялся.

— Я все это время мучительно пытался принять решение показать тебе себя, себя

настоящего, я боялся твоей реакции и вот что я получил, — сказал он и снова рассмеялся. — Ты ведешь себя так, как будто я ничего не сделал. Что касается твоей способности к нейтрализации, то, может, ты можешь это делать, а может, и нет. Менять обличье не сверхъестественная способность или магия, или что ты там еще думаешь. Это часть того, кто я есть, то, как я выживаю. Ты же не можешь заставить человека перестать дышать?

— Нет.

Он кивнул, доказывая правильность своих доводов.

— Меня зовут Райли, кстати. Хотя это и не то, что ты спрашивала.

— Меня Мэри Энн зовут, — ответила она автоматически и снова покраснела. — Извини. Ты же уже это знаешь. — Боже, это было неловко. Часть ее хотела, чтобы он вернулся в свое волчье обличье. Которое она уже знала, и оно было ей привычно. Перед которым, она не хотела нести чепуху и провалиться сквозь землю от смущения. Возможно, это был подходящий момент для смены темы. — Так почему ты так нервничал из-за того, чтобы показать мне себя настоящего?

— Я знаю, что у тебя высокие ожидания. Я хотел соответствовать им или быть лучше. — Он не стал ждать, что она ответит, скрестил руки на груди, отчего под туго натянутой материей майки проступили его бицепсы. — В любом случае ты так и не ответила на мой вопрос. Когда я вошел, ты говорила о том, чтобы начать сначала. Сначала чего?

Неа. Об этом она ничего не скажет.

— Извини, но я и сейчас не могу тебе на это ответить.

Он вытянулся, выглядя слегка обиженным:

— Почему?

— Это касается Эйдена, а ты хочешь его убить.

— Ну да, — не стал он отрицать. — Но я не собираюсь это делать. Он нравится моим друзьям.

— Друзьям?

— Тебе. И моей подопечной, Виктории. Принцессе вампиров, а еще ты боль в моей... ну, просто боль.

Виктория. Вампирская принцесса, о которой с таким восторгом говорил Эйден? Вампирская принцесса, от которой сияют глаза Эйдена? Должно быть, она и есть. Друзья, как Во-Райли их назвал.

— Эйден немного мне о ней рассказывал.

Райли холодно кивнул.

— Ты не должна была узнать о ней. Никто не должен. Моя работа — беречь ее и чем больше людей знают о ней, тем меньше она в безопасности, и тем злее ее отец будет на меня.

— Мы с Эйденем сохраним это в тайне, поверь мне. Рассказывать о вампирах — все равно что нарисовать мишень у себя на спине.

— Никто не сделает из тебя мишень, — сказал он с такой яростью в голосе, что она сразу онемела. Он одним шагом подошел и сел за ней. Их плечи соприкоснулись и по ней пробежали мурашки.

Повисла тишина полная напряжения.

Она не знала, что она хотела, чтобы он сделал. Она лишь знала, что хотела, чтобы он сделал хоть что-нибудь. Что угодно, только бы не отодвигался от нее.

— Я просто имела в виду, — сказала она мягко, — Что они подумают, что мы сошли с ума, и будут сплетничать о нас. — Еще одна вещь, чтобы пускать слюни: его защищающий характер. Но означал ли защищающий характер то, что он и Виктория были более, чем телохранитель и принцесса? Больше, чем друзья? Ее руки сжались в кулаки. Она... ревновала? Нет. Конечно, нет. — Я думала, вампиры и оборотни враги. Я имею в виду, Эйден рассказывал, что вампирша сказала ему, держаться подальше от тебя.

— Она такая оторва.

— Значит, вы не враги? — И почему она вдруг хочет, чтобы они были? Что с ней не так? Были ли у этих двоих отношения? Она скрипнула зубами.

— Нет. Влад, первый вампир, дал туже кровь, что пил он сам и которая изменила его, своим лучшим цепным псам. И они тоже начали меняться. Вскоре они обрели способность принимать человеческий облик, хотя и сохраняли животные инстинкты. В те юные годы они были жестокие, свирепые и могли растерзать любого встречного. А те люди, на которых они нападали, и которым посчастливилось выжить, сами менялись, но вместе с тем сохраняли свою человеческую суть. Так появился мой народ. Влад помогал им, выхаживал их. Взамен мой народ обещал ему свою защиту.

Вся эта история захватывала. Пугала, но захватывала. Хотя другое занимало ее мысли.

— Так почему ты решил показать мне себя сейчас?

— Потому. — Это все, что ответил он, нахмурившись.

— Почему? — настаивала она. Для того чтобы наконец коснуться ее своими руками? Об этом девушка могла только мечтать. Она сделала большие глаза. И откуда только такие мысли у нее берутся?

— Потому. Сейчас я верю, что ты мне расскажешь, о чем ты говорила ранее.

Разо-чаро-вание. Ей бы уже стоило привыкнуть к тому, что он увиливает от ответов. Очевидно, Райли считал, что имеет право знать всю информацию, которая у нее была, но сам не считал необходимым откровенничать.

Он сказал, что не причинит Эйдену боль, но будет ли он помогать ей, чтобы помочь ему? Она могла использовать всю помощь, которую могла получить, и она доверяла ему. Вздохнув, она рассказала ему немного о том, что выяснил Эйден.

— Я думаю, мы должны выяснить, если это вообще возможно, кто именно те люди внутри него. Лучшее место, чтобы начать с родителей Эйдена. Оттуда мы сможем выяснить, где он родился, и кто его окружал. Проблема только в том, что я не знаю кто его родители.

— Позвони и спроси его. — Он слегка подтолкнул ее локтем.

На мгновение она оставалась неподвижной. Он намеренно коснулся ее. И его кожа, даже сквозь одежду, была горячей. Удивительно горячей.

— Я не могу. Он живет на ранчо для детей, которые уже имели неприятности с законом и прочее. Телефонный звонок от девушки, возможно, может выгнать его из школы, поскольку он не должен думать о свиданиях, а только об улучшении своего будущего.

— Ты сказала мне, что ты не встречаешься с ним. — Райли сказал это спокойно, но слова были не менее ревностными.

— Я не встречаюсь с ним. Я просто объясняла, что человек, отвечающий на телефон, мог бы подумать. — Почему Райли волновало, встречается ли она с Эйденем? По той же причине, по которой ее волновало, встречается ли он с Викторией? Не думай об этом сейчас. Она обдумывала свои варианты на счет Эйдена и чуть не захлопала, когда идея пустила корни. — Ты мог бы навестить его, без каких-либо проблем. Ты мог бы спросить его о его

родителях для меня.

Райли закачал головой, прежде чем она закончила свое предложение.

— Черт, нет.

— Пожалуйста. Ты можешь добежать до него и вернуться. Это не займет много времени. Я видела, как быстро ты можешь двигаться. Пожалуйста, — повторила она. — Помочь Эйдену также и для меня выгодно, ты же знаешь. Чем больше мы знаем об этих способностях, тем больше мы сможем узнать о моих.

Он нахмурился.

— Прекрати смотреть на меня и хлопать глазами. У меня иммунитет на женские хитрости.

Она хлопала глазами? Женские хитрости? Она усмехнулась.

— Думаю, я смогу найти его завтра в школе. И, вероятно, я не усну ночью, слишком много мыслей в голове. И конечно недостаток сна повлияет на то, как я сдам тест по Английскому, за который мне не поставят высший бал. Но я думаю, что переживу это. В итоге.

Надолго в комнате воцарилась тишина.

— Я такой идиот. — Райли посмотрел на нее сердито и встал, пошел в ванную, чтобы снять свою одежду. — Ты у меня в долгу за это, — сказал он.

Так она действительно обладала женскими хитростями. На этот раз, она хотела засмеяться.

***

Эйден развалился на кровати, просматривая информацию, которую ему удалось найти про Влада Цепеша. Он распечатал ее в школе и спрятал в учебник геометрии. У него как раз выдалось свободное время после возвращения из школы. Он уже доделал все уроки и домашние дела. Пока он исполнял свои домашние обязанности, Оззи снова угрожал ему — на этот раз оторвать голову — если Эйден проболтается о том, что тот покупал наркотики.

Парень был в отчаянии, и Эйден считал, что это был всего лишь вопрос времени, когда Оззи попытается избавиться от него. Не убивая его, конечно. Оззи не был убийцей. Пс крайней мере, Эйден так не думал. А вот лжецом? Да. Возможно, Оззи спрятал бы наркотики в комнате Эйдена и послал бы Дэна, поискать их. Возможно, он просто стал бы утверждать, что видел, как Эйден делает что-то ужасное.

Ему нужно оставаться бдительным.

Пока что он решил отдохнуть. Вдохнув, он уткнулся носом в книгу. Но расслабляясь, он скоро понял, что не может уснуть. Чем больше он читал, тем больше понимал, что Виктория была права, боясь того, что ее отец сделает с ним, если он окажется менее полезным. Нож в сердце, пожалуй, за это вот как он умрет. Или король вампиров просто пытал бы его, как он привык делать?

Влад Цепеш, Влад III, Принц Валахии Влад Цепеш, Дракула, был известен — когда он был человеком — своими жестокими наказаниями. Он любил сажать на кол своих врагов и оставлять их на виду умирать медленно и мучительно. Утверждают, что он посадил на кол более сорока тысяч мужчин и женщин.

На это Эйден ничего не мог сказать. Он отрезал головы мертвецам. По-прежнему.

Некоторые люди верили, что воин был убит в битве против Османской империи,

некоторые верили, что его предательски убили. Брэм Стокер был первым, кто увековечил его в качестве вампира, и Эйден должен был задаться вопросом, почему. Пересекались ли на своем жизненном пути эти двое?

Царапанья в окно взволновало его. Он посмотрел на часы. 9:00 вечера. Может быть это Виктория? Она никогда не приходила к нему так рано, но отец мог решить, что пришло время, устранить его. Она пришла предупредить его?

— Что тебя так напугало? — спросила Ева.

— Слишком бурное воображение, — ответил он, заставив себя успокоиться.

Рука наткнулась на стакан, и царапанье возобновилось. Нахмурившись, он встал и неслышно подошел. Беспризорное животное?

Когда он увидел волка Мэри Энн, он аж отпрыгнул назад.

Снова царапанье.

Итак. Волк наконец-то пришел за ним. Ночь будет только лучше, если Влад решил заглянуть на огонек. Эйден схватил свои кинжалы из ботинок, которые он подвинул напротив его кровати.

Так как замок Эйдена был сломан, волк сумел вырвать замок от окна с помощью лапы. Эйден остался на месте, вооруженный, готовый. Это не было похоже на предсказание Элайджи о его смерти, так что, возможно, его просто побьют. Однако это не уменьшило его решимости защищать себя.

Вместо того чтобы кинуться на него, волк остался снаружи и заглянул в спальню. Напряженный момент прошел в молчании. Затем:

— Ты знаешь имена своих родителей?

Голос ворвался в его голову, но не это заставило его застыть в шоке. Он не мог поверить. Имена родителей? Он серьезно?

— Слушай, мне правда жаль, что я сделал с твоей ногой. Я возвращался, чтобы перебинтовать тебя, но ты исчез. Тогда я не хотел ранить тебя, но ты не оставил мне выбора. Ты собирался убить меня. Я должен был что-то сделать. Как и сейчас, если ты нападешь на меня.

— Ты и я скоро разберемся с этим, но не сейчас. Сейчас мне нужно знать, знаешь ли ты имена родителей.

Замешательство перешло в шок и недоверие. Что тут вообще происходит?

— Нет, я не знаю. Они просто мама и папа, и мне было три, когда я их видел последний раз. — Он мог бы спросить имена у одного из соцработников, которые с ним работали, но не позволял себе так делать. Их не волновала его судьба, так что и они его не заботили. — А теперь, если ты хочешь драки, ты не уйдешь отсюда невредимым.

— Ты не мог бы более сосредоточенным? Я тут пытаюсь тебе помочь.

— Да. Верно.

С рычанием, волк покрутился вокруг и умчался.

***

Мэри-Энн искала в Google лучший способ, чтобы разыскать свидетельство о рождении, когда Райли появился.

— Он не знает.

Она потеряла виски.

— Этого я и боялась. Он хотя бы знает, где родился?

Райли направился к сброшенной одежде, но затем остановился.

— Я у него не спросил.

— А. Ладно, спрошу у него утром. Если он и этого не знает, ничего страшного. Мы запросим его свидетельство о рождении. Оно даст нам адрес его родителей, а также адрес больницы, где он родился. Мне только нужны его водительские права. Как думаешь, они у него есть? Если да, то я возьму их утром. Если же нет... Я не знаю, что делать. — Она расстроено вздохнула. — Ожидание будет нелегким. Даже не знаю, смогу ли я уснуть.

Райли облизнулся и выпрыгнул обратно в окно.

***

Царапанье раздалось снова.

На этот раз Эйден был готов. На боку он спрятал кинжал.

— Все-таки решил, что хочешь кусочек меня?

— Ты знаешь название больницы, где ты родился?

Теперь это стало еще более запутанным.

— Нет. Почему тебя это волнует?

— У тебя есть водительское удостоверение? — Голос волка прозвучал раздраженно и запыхавшись.

— Да. Но мне не разрешают ездить. Это только для установления личности. — Он получил его за несколько дней до приезда на ранчо. Он почти завалил теорию, но души «помогли» ему с ответами, но сами завалили свои тесты. Каждый любил иллюзию свободы и был тихим, наслаждаясь моментом.

— Эйден, — рявкнул волк. — Соберись. Мне нужны твои водительские права.

— Зачем?

— Мэри Энн хочет запросить копию твоего свидетельства о рождении. Если ты не знаешь, кто твои родители, полагаю, его у тебя тоже нет.

Подождите-ка. Мэри-Энн хотела получить его свидетельство о рождении? Это должно было означать, что она ему поверила. Также это должно было означать, что она собирается помочь ему. Он хотел засмеяться... хотя он сказал ей держаться подальше от зверя, а не склонять его на свою сторону.

— Нет, свидетельства у меня, а вот права есть. Но я не дам их тебе, пока не услышу этого от нее. Я не доверяю тебе.

— Ну, тебе лучше начать, потому что она пытается помочь тебе и твоим друзьям и не уснет, пока не получит права. Мне не нравится мысль о том, что она будет ворочаться всю ночь.

Она рассказала волку о душах, она доверила его самый большой секрет врагу. Эйден ожидал, что чувство предательства накроет его, но этого не произошло. Она пытается помочь ему. Больше ничего не имело значения.

— Какое значение имеет название больницы, где я родился? Причем тут мои родители?

— Спроси у нее об этом сам.

— Спрошу. — Эйден пересек комнату к своему столу и покопался в верхнем ящике в поисках прав. — Вот. — Он протянул руку, и волк сжал их зубами. — Я тоже не хочу, чтобы она ворочалась и не спала. Если ты причинишь ей боль...

— Ей нечего меня бояться, человек. Хотел бы я сказать тоже самое о тебе.

***

— Вот, держи. — Райли обронил права ей на колени.

Мэри Энн нагнулась и обняла его.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста, — сказал он мурлыча против ее волос.

Теперь, когда она видела его человеческое обличье, это заставило ее хотеть те вещи, которые она не должна была хотеть. Вещи, которые она не хотела называть, ни Райли, ни даже самой себе. Но она не могла выносить этого, и ей было интересно хотел ли Райли таких же неприличных вещей как и она.

Иначе, зачем он так много с ней общался? Если только...

Она отодвинулась, улыбка застыла на ее лице. Она заставляла его чувствовать себя спокойным, как она делала это с Эйденем и видимо с Такером? Это было частью его задания, что-то, что помогло бы ему защищать Викторию?

Это было не то, чего она хотела.

Фальшивая улыбка испарилась. Она повернулась к своему компьютеру, чтобы скрыть ее только что ущемленное самолюбие.

— Все, что я должна сделать, это послать записку с моей просьбой, копию удостоверения личности с фотографией и десять долларов, потом бац, его свидетельство о рождении мое. Можешь в это поверить? Я собираюсь запросить и мое тоже, так как судя по всему мой отец потерял его.

Уголкем глаза, она увидела Райли, отходящего от нее и качающего головой.

— Мне нужно идти. Одежду я оставлю. Спрячь ее от отца.

— Он бы сошел с ума, если бы нашел ее, это точно. Он только-только привык к тому, что я встречаюсь с Такером. Если он узнает, что парень пробрался в мою спальню... — она вздрогнула. — Он посадил бы меня под строгий домашний арест.

— Реакция твоего отца на появление Такера не будет похожа на мое появление. И как я уже сказал спрячь одежду. Она мне понадобится, когда я приду в следующий раз.

Следующий раз. Он собирался вернуться; она увидит его снова. Может, к этому времени она сумеет обуздать свои новые, глупые чувства к нему.

— Я спрячу.

— Да, и не переживай насчет нижнего белья. Я его не ношу. Увидимся завтра, Мэри Энн.

На следующее утро, Эйден внимательно осмотрелся, когда прибыл в школу. Виктория стояла прямо у парадной двери. Что она делала в общественном месте? Каждый мог увидеть ее... и каждый парень, что проходил мимо нее, не мог не поглазеть.

Эйдена колотил шок, желание скрыть ее заставляло его ускорить шаг. Мэри Энн пришлось бежать, чтобы не отставать. Они с ней встретились в лесу, на полпути между их домами, и прошли остальную часть пути вместе в редком мгновении уединения. Шеннон остался дома болеть. Волк также отсутствовал. Она ворчала о нем всю дорогу, гадая, где он был, что он делал, и почему он не с ней. У него не было возможности поблагодарить ее за то, что она решила помочь ему.

— Что ты... оох, — Мэри Энн выдохнула. Это было волнение в ее голосе?

Он проследил за ее взглядом. Тот самый парень, с которым он видел Викторию в тот день в лесу, стоял рядом с вампиршей и был явно недоволен этим фактом.

Но Эйдена больше интересовала Виктория. Сегодня она была одета в блестящую черную рубашку, длиной до середины бедра, что делало ее похожей на платье, черные колготки и тапочки с маленькими бантиками. Ее волосы были собраны в хвост и развивались на ветру. Только одна вещь оставалась неизменной — ее опаловое кольцо.

Она заметила его пристальный взгляд и переступила с ноги на ногу.

— Эти новые вещи неудобные, но сегодня мы сделали исключение. Тебе нравится?

— Ты — красивая. — И это было правдой.

Ее губы медленно растянулись в улыбке.

— Спасибо.

— Привет, Райли, — обратилась Мэри Энн к телохранителю.

Райли кивнул, приветствуя.

— Мэри Энн. — Что за резкие ноты в его голосе?

Эйден, нахмурившись, переключил внимание на девушку.

— Ты знаешь его?

Она кивнула, не спуская глаз с парня. Мужчины. Кем бы он ни был, он выглядел старше и взрослее, что все парни, входящие в это здание.

— Ты тоже его знаешь. Он тот, кто предостерегал тебя держаться от меня подальше. Хотя, можешь не беспокоиться, — поспешила успокоить девушка. — Он не тронет нас.

Единственный человек — или не человек — от которого Эйден хотел, чтобы она держалась подальше, так это от оборотня. С этой мыслью он тяжело вздохнул. Оборотень. Райли — телохранитель, и был оборотнем?

Он отодвинул обеих девушек и изучающе уставился на эту человеческую версию большого черного животного.

— Как только что сказала Мэри Энн, я не собираюсь вредить вам, — сказал Райли, закатив глаза.

Эйден остался на месте. Его взгляд скользнул вниз и остановился на ногах Райли. Ничто не указывало, на то, что нога была перевязана.

— На мне все быстро заживает, — объяснил Райли с едва уловимой злостью в голосе. — Только похрамал день. — Он пожал плечами. — Или два.

Это было неожиданно, нереально, невероятно.

— Ева? — сказал Эйден вслух, и Райли нахмурился.

«Да», — ответила Ева.

Однажды Мэри Энн потерпела неудачу в изгнании душ — когда услышала голос волка в своей голове. Это значило, что волк как-то нейтрализовал ее способность, так же как и Мэри Энн нейтрализовала способности Эйдена.

Когда он считал Шеннона волком, то думал, что он в человеческой форме просто не мог навредить Мэри Энн — и, следовательно, Эйдену — в любом случае. Но Райли мог, даже в человеческой форме.

Это значило, что Эйден фактически стоял перед «жестоким и кровожадным» созданием, которое ненавидело его. Жестокое и кровожадное создание, которое помогало ему прошлой ночью.

«Эйден?» — напомнила о себе Ева. — «Ты что-то хотел?»

— Ой, извини. Я просто проверяю, вы со мной или в черной дыре, — пробормотал он.

— С кем ты говоришь? — потребовал ответа Райли, когда Ева сказала:

«Я хочу поговорить о Мэри Энн. У меня так много...»

Кому ответить первому?

— С другом, — обратился он к Райли. — И, Ева, ты же знаешь, что я не могу говорить с тобой на публике. Пожалуйста, пойми.

Ева зарычала на него, не так, как волк в их прошлую стычку, но все-таки затихла.

— Вообще-то, я не должен разговаривать с любым из вас. Не здесь, по крайней мере. — Эйден осмотрелся вокруг. — Идите сюда, — взяв Викторию и Мэри Энн за руки, он повел их под высокий дуб, что заслонял от солнца бок здания.

Хмурый Райли последовал за ними. Его прищуренный взгляд оставался на переплетенных пальцах Эйдена и Мэри Энн, пока Эйден не отпустил ее.

— Что здесь происходит? — Мэри Энн пнула камешек носком ботинка, выглядя нервничающей и неуверенной. Если Эйден не ошибся, она посмотрела на Райли из-под своих ресниц.

Бедная Мэри Энн. Было очевидно, что он ей нравился, но Эйден знал, что для нее это ничем хорошим не закончится. Однажды, вскоре она найдет себя, бегущей по лесу, со слезами на щеках, а Райли в волчьем облике будет за ней гнаться. Чтобы причинить ей боль?

Или, может быть, чтобы утешить ее, подумал он внезапно. Это было странно. Очевидно.

— Я сейчас объясню. Я думаю, нам стоит познакомиться для начала, — сказала Виктория, нарушая неловкое молчание.

Как он мог забыть?

— Виктория, это Мэри Энн, — сказал он. — Мэри Энн, это Виктория. Все, кроме меня уже знакомы с Райли, по-видимому.

— Приятно познакомится, — сказала Мэри Энн.

Виктория кивнула, ее взгляд метался между Мэри Энн и Эйденем.

— Мне тоже. Я много о тебе слышала. — Ее тон был далеко не гостеприимным.

Она... ревновала?

— Я не вижу никаких... я имею в виду... — Мэри Энн покраснела. — Неважно.

— Они убраны, — объяснила Виктория. — Они удлиняются, когда наступает голод.

Мэри Энн прикрыла шею рукой.

— Ох.

— Она не укусит тебя, — сказал Эйден.

Сама же Виктория не давала гарантий по этому поводу. Возможно, она ревновала. Он хотел усмехнуться.

С удивлением он изучающим взглядом осмотрел окружающих его людей. Какие все разные они были. Прекрасная вампирша, загадочный оборотень и совершенно обычная девочка-подросток. Они были знакомы не так давно на самом деле. Странно как так вышло, что он сблизился с ними. Ну, по крайней мере, с двумя из них.

— Ты говорила мне, что оборотни жестокие, — сказал он Виктории. — В таком случае, как один из них стал твоим телохранителем?

Она улыбнулась уголком губ.

— Он опасен. Для всех, кроме меня. И поэтому-то он — мой телохранитель.

Отличный ответ. Но от этого оборотень не стал нравиться ему больше.

— А что насчет Мэри Энн?

— Я же сказал, я никогда не обижу ее, — ответил Райли раздраженно.

— Рад это слышать. Но если ты когда-нибудь передумаешь, я заставлю тебя пожалеть об этом, — констатировал он. Потому что его слова были правдой. У него было немного друзей, но их он был готов защищать их ценой собственной жизни.

Райли провел языком по своим белым острым зубам.

— Ты угрожаешь мне, мальчишка?

— Эй, прекратите, — произнесла Мэри Энн. — Довольно. Вы оба, ведите себя нормально. Райли, Эйден всего лишь присматривает за мной. Эйден, ты же помнишь, что Райли помогал тебе прошлой ночью, так?

— Да, — ответил он нехотя, когда Мэри Энн говорила о волке, она упоминала, что как только пришлют свидетельство о рождении, они смогут отыскать его родителей. Эйден был благодарен девушке и считал ее идею гениальной. Ему следовало бы больше волноваться об этом. Точнее любая эмоция, кроме страха приветствовалась бы, но он просто не мог вызвать в себе и капли энтузиазма от мысли встретиться с людьми, которые бросили его.

— С тех пор, как мы играем в тронь-девчонку-и-поплатись-за-это, знай, что я серьезно отношусь к своей работе, — предупреждающе сказал Райли. — Пострадает Виктория, и я не только заставлю тебя пожалеть. Я подвешу тебя на твоих собственных кишках, пока ты еще будешь живой.

Мэри Энн сделала большие, как блюдца, глаза. Хотел ли волк припугнуть? Часть его надеялась, что да. Хотелось бы ему, чтобы он знала, что за человек — существо — тот, кого она называет другом.

Райли заметил выражение ее лица и слегка улыбнулся.

— Извини. Я сделаю это быстро и безболезненно, хорошо?

— Оставьте угрозы, — сказала она. В ее голосе звучало больше злости, чем страха. Гораздо больше злости. Так почему тогда она смотрит на Викторию, а не на Райли?

Эйден еще раз прокрутил в голове этот разговор и понял, что ей не нравится, с каким рвением Райли защищает вампиршу. Похоже ревность заразна, потому что, казалось они все ее подцепили.

— Я бы никогда не причинил вред Виктории, — заверил его Эйден. — С другой стороны ты... — Он бы не отступил, и Райли должен был это знать. У него были с собой кинжалы, и он не боялся их использовать. Даже здесь.

Виктория сделала шаг вперед и положила руку на плечо Эйдена. Он почувствовал жар, приятный обжигающий жар, и его внимание переключилось на Викторию, оборотень тут же

был забыт.

Ее глубокие как океан глаза сияли. Он не смог бы отвернуться даже если бы пуля летела ему в голову. В этот момент они были просто обычными людьми, как будто они снова оказались в том пруду, брызгая друг в друга, смеясь и касаясь друг друга. Он держал ее и почти поцеловал.

— Он не нападет на тебя, — сказала она. — Даю слово.

Порыв ветра пронесся между ними, разметав ее локоны. Волосы танцевали, щекоча, по его щеке.

— А теперь давайте поговорим о чем-то кроме ваших намерений относительно друг друга, — предложила она.

— Я — за, — сказала Мэри Энн. Казалось, ее злость иссякла. — Что вы, ребята, тут делаете? Не поймите меня неправильно. Я рада, что вы здесь. — Она мельком глянула на Райли. — Я просто не могу представить, зачем вы здесь.

Дрожь пробежала по телу Виктории, и она опустила руку. Ее взгляд перебегал от лица Эйдена к его шее.

— Ты помнишь о том, что я тебе рассказывала о том, как мои люди почувствовали тебя?

Он кивнул. Думала ли она о том, чтобы выпить его крови?

— Так вот... мы не единственные. Другие тоже прибыли. — Тревога исходила от нее, когда она наклонилась к нему, стараясь не прикасаться. — Гоблины, феи, ведьмы, — прошептала она. — Они ищут источник притяжения.

Боже. Другие создания? И они ищут его? Эйден потряс головой, желая, чтобы эта шокирующая новость Виктории оказалась все лишь шуткой. В противном случае это могло обернуться еще одной проблемой. Сколько можно?

— Мы выросли среди них и знаем, какие легкие на подъем они могут быть, — продолжила она. — Они схватят тебя и будут изучать.

— По этой причине, — вмешался Райли. — Мы здесь, чтобы защитить вас обоих от этих созданий.

Эйден нервно рассмеялся, когда понял, что оборотень не шутит.

— Я могу о себе позаботиться. — Что он и делал всю свою жизнь.

— Не имеет значения, — пожал плечами Райли. — Приказ есть приказ. Влад не хочет, чтобы ты пострадал до того, как он познакомится с тобой.

Эйден взмахнул руками.

— Почему он не может встретиться со мной сейчас?

Райли проигнорировал его вопрос.

— А ты, — обратился он к Мэри Энн. — Ты — самый близкий друг Эйдена, что значит, что они могут использовать тебя, чтобы добраться до него. Так что и ты нуждаешься в защите.

Она кивнула и, казалось, еле сдержала улыбку.

Так же как и Райли.

— Хорошая новость состоит в том, что мы с Викторией теперь тоже учимся здесь. Теперь вы будете видеть нас гораздо чаще.

Виктория весь день с ним? Ну, хорошо. Возможно, они будут отслеживать гоблинов, фей и ведьм, что не так уж и плохо. Пока...

— До сих пор я не видел никого подозрительного. — Или кого-то необычного, если уж на то пошло. Хотя, постойте. Но этого не может быть. Старая женщина в торговом центре,

девушка, которую он видел здесь в первый день школы и потом тот парень, прикидывающийся Джоном О'Коннером. Они светились, и от них исходила энергия.

Что если они и были из этих гоблинов, фей и ведьм? Но они не пытались причинить вред ему или Мэри Энн. И снова Райли пожал плечами.

— Ты мог не заметить их, но это не значит, что они не заметили тебя.

Эйден потер лицо рукой.

— И что эти создания хотят от меня?

— То же самое, что и мы, я думаю. — Виктория покрутила локоны волос между пальцами. — Выяснить, как ты послал ту волну энергии, от которой всех скрутило. И как ты распоряжаешься этой странной силой. Кроме того, — добавила она, наклонив голову, — когда ты с Мэри Энн эта сила перестает действовать. Ну, кроме тех моментов, когда Райли с вами. Почему так?

— Я не знаю. — Но Эйдену самому хотелось это выяснить. — Что если я столкнусь с кем-то из них?

— С ведьмами тебе стоит быть настороже. — Виктория в беспокойстве сжала его руку. — За их фальшивой улыбкой прячется лицемерие. Гоблины — любители человеческого мяса. В отличие от вампиров, они не просто пьют пару пинт крови и уходят. Они съедают всего человека. Феи довольно могущественные, их красота — это маска для их коварной сути. — При упоминании фей ее лицо исказилось презрительной гримасой.

— Не очень-то любишь фей, я так понимаю? — Приподняла бровь Мэри Энн.

Райли кивнул.

— Они — наши самые худшие враги.

Даже несмотря на то, что Эйден всю свою жизнь сталкивался со всякими странностями, он осознал, что существует целый мир, о котором он и понятия не имел. И ему, может, и не хотелось обо всем этом знать, но сейчас приходилось разбираться во всех деталях.

— Я вчера разговаривала с отцом, — начала Виктория.

— Виктория, — резко оборвал ее Райли.

— Что? Ему нужно знать.

— Твоему отцу совсем не понравится, что кто-то посторонний будет знать о его слабостях.

— Эйден не будет использовать эту информацию против него. — И снова она протянула руку и скользнула по его руке. — В любом случае, во время Самайна — или Хеллоуина, как называют его люди — мой отец официально восстанет. В честь этого события он созовет балл, где он бы и хотел с тобой познакомиться.

Эйден прекрасно понимал, что это ловушка. Слишком уж виноватым был тон ее голоса. Девушка договорила, и он уставился на нее с изумлением.

— Твой отец, Влад Цепеш, хочет познакомиться со мной в ночь Хеллоуина? И что значит, он официально восстанет? Я думал он жив-здоров.

— Да, он очень хочет познакомиться с тобой. По поводу восстания — последнее десятилетие он находится в спячке, чтобы успокоить свой разум и чтобы воспоминания о его слишком долгой жизни не свели его с ума. Твоя энергия пробудила его, хотя его тело сейчас и до самой церемонии будет оставаться неподвижным.

Господи Боже. Он пробудил зверя. Буквально. Без сомнений Влад захочет убить его в первую очередь.

— И я прошу тебя прийти, — сказала Виктория. — И даже не пытайся перечить ему.

Последствия тебя не обрадуют.

Перечила ли она когда-нибудь этому человеку? Думал Эйден, заглядывая в ее затравленные глаза. Что он с ней сделает в качестве наказания? Возможно, лучше ему этого не знать. Если Влад причинит ей боль, Эйден его убьет. А если он попытается убить короля вампиров, даже в его нынешнем ослабленном состоянии, то, скорее всего, его разорвут на мелкие кусочки и разбросают по всему Кроссроудсу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Соберись, будь мужиком. Повторял про себя Эйден. Ему уже доводилось сталкиваться с трупами раньше. Да, они его кусали и да в этот раз ему, возможно, придется иметь дело с существом в тысячу раз опаснее, с острыми зубами, который на самом деле не мертв и все еще получает удовольствие от вкуса крови. Но Эйдену нравилась Виктория. Ради нее он справится с чем угодно. С кем угодно.

— Пожалуйста, — произнесла она, приняв его молчание за сопротивление.

— Я буду там, — ответил он. У него был месяц, чтобы подготовиться телом и разумом.

Она широко улыбнулась.

— Спасибо.

В здании прозвучал звонок, означавший, что у них есть пять минут, чтобы успеть на первый урок.

— Вы же теперь учащиеся, так?

Виктория и Райли одновременно кивнули.

— Тогда идемте, а то опоздаете.

С неохотой вся четверка направилась к школе. Их передышка закончилась, и в ближайшее время другой не представлялось.

— Ребята, у вас есть расписание, или нам нужно устроить вам тут экскурсию? — спросила Мэри Энн, бросив смущенный взгляд на Райли.

— И да, и нет, — хитро ответил волк. — Да, у нас есть расписание, и нет, нам не нужна экскурсия. Мы уже осмотрелись.

Уже?

— Когда?

— Прошлой ночью, — произнесла Виктория с застенчивой улыбкой.

Боже, ему так нравилось, когда она улыбалась.

Его пульс, должно быть, участился, потому что ее взгляд упал на его шею, и она облизнула губы. Думала ли она о том, чтобы укусить его?

Это больше не пугало его, понял он. Нисколько. Это хорошо. Вскоре она поймет это, не в силах сопротивляться, как показал ему Элайджа. Наконец Эйден может покончить с двумя ее страхами: что он будет в ужасе от ее действий, и что он станет рабом крови.

Что если ты станешь? Шептал его разум. Он проигнорировал эту мысль. Она не имела никакого значения. В любом случае он не собирался оставаться живым надолго.

— Ты видела его? — прошептала девушка своей подруге, когда они вы из тени дерева на тротуар.

— Ооо да. Кто он? — спросила другая. — Горячий парень.

— Я знаю.

Сразу после того как их голоса затихли, группа парней прошла мимо.

— Рождество, должно быть, придет рано. Видели когда-нибудь ту красотку?

— Думаешь, новые ребята уже заметили?

— А это важно? На всех хватит.

Они рассмеялись, затем двери закрылись за ними, отсекая остальные комментарии.

Эйден сжал ладони в кулаки.

— Люди, — сказала Виктория, закатив глаза.

— Наказать их ради тебя? — спросил ее Райли.

Это должна быть моя работа подумал Эйден мрачно.

Она рассмеялась, когда Мэри Энн напряглась.

— Нет. Однако, спасибо.

Прямо перед тем, как они достигли дверей, что-то громко хлопнуло по плечу Эйдена сзади, толкнув его вперед. Райли поймал его грудь и поставил на ноги, удерживая от падения в столовую. Он развернулся, глаза сузились, и он оказался лицом к лицу с Такером.

— Ты стоишь у меня на пути, — прорычал этот придурок.

Эйден вздернул подбородок, ярость, что он почувствовал минуту назад, не шла ни в какое сравнение с тем, что он чувствовал сейчас. С тех пор как Мэри Энн перестала с ним встречаться, Эйдену не надо было быть с ним милым.

— Так обойди меня.

«Ты не можешь с ним подраться», — сказал Ева, которой надоело молчать.

«Да, но и просто отойти он не может», — сказал ей Калеб. — «Он будет выглядеть слабоком».

«А если его выгонят из школы...» — вздохнул Джулиан.

Странно, что Элайджа продолжал молчать.

— Убирайся. С. Моего. Пути. — Такер снова толкнул его.

Дети на стоянке бросились вперед, ожидая драки. Даже желая ее. Они стали скандировать:

— Драка, драка, драка.

— Такер, — сказала Мэри Энн, пытаясь схватить его за запястье. — Не делай этого.

Райли схватил ее за запястье еще до того, как она смогла дотронуться до качка и пихнул ее за себя.

— О, нет, ты не станешь.

Виктория приблизилась к Эйдену. Когда она хотела заговорить, он поднял руку, чтобы остановить ее. Она могла спасти его от драки, да, но Такер вернулся бы. Хулиганы всегда так делали, до тех пор, пока кто-то не давал им причину не делать этого, прямо как он сделал с Оззи.

— Если ты не уйдешь отсюда деревенщина, я сотру твои зубы в порошок, и каждый здесь узнает, что ты не такой сильный каким кажешься. Что ты просто переросток, который бежит к своей подружке поплакаться.

«Хорош!» — сказал Калеб взволнованно.

Такер втянул воздух.

— Ты умрешь за это.

— О, как умно, — сказал Эйден и похлопал. — Угроза убийства. Знаешь, что смешно? Это даже не мой первый день.

Долгое время Такер просто сверлил его взглядом. Затем взгляд стал нахмуренный от замешательства, а хмурый взгляд стал сердитым от раздражения. В конечном счете, он развернулся на пятках и затоптал в школу.

Ладно. Что только что произошло? Почему Такер ушел даже, не ударив Эйдена ни разу?

Все вокруг Эйдена застонали от разочарования, но последовали примеру Такера.

— Очень странно, — сказал Райли. — Я мог видеть пауков, возникающих из темноты его ауры. Это было почти так, как будто он проецировал их на вас, как если бы он ожидал, что вы увидите и почувствуете их по всему вашему телу.

— О чем это ты говоришь? — Эйден наблюдал за Такером через стекла фойе, он накинута на парня рядом с ним. Через секунду, это парень закричал так громко, что задрожали стекла.

— Да, о чем ты говоришь? — спросила Мэри Энн. — Что это значит, проектировал пауков?

— Демон. — Мрачно сказала Виктория.

Райли кивнул.

— Ты права. Конечно. Я должен был догадаться. Очевидно, что Такер часть демона. Очень малая часть, но она дает ему силу иллюзии.

— Что? — Эйден и Мэри Энн воскликнули одновременно.

— И ты сказал демон? — добавила Мэри Энн, ее рот с трудом открывался и закрывался. — Это не может быть правдой. Он был моим парнем. Мы встречались в течение нескольких месяцев. Я, может быть, была отвлеченной большую часть этого времени, ну да ладно. Я бы узнала, если бы он не был человеком. Верно? Я имею в виду, я учусь быть психологом. Обученным наблюдателем. И хорошо, да. Вчера я размышляла, могли ли демоны быть среди нас и быть кем-то кто был в ловушке в голове Эйдена, но я на самом деле не верила в это.

Эйден тоже не хотел в это верить.

— Демон, который владеет им?

Райли пожал плечами.

— Либо такой, либо это демон из его семейного древа.

— Ребенок Пенни, — выдохнула Мэри Энн. — Будет ли он демоном?

Опять же, Райли пожал плечами, хотя выражение его лица было сочувствующим. И если Эйден не ошибся, утешающим.

— Только время покажет.

— Шейн Вестон знает о Такере, думаю, ему все до лампочки. Интересно, он тоже такой же. — Девушка потерла шею. — Вскоре ты должен будешь рассказать мне как такое вообще возможно. В смысле, мне все еще не верится в существование всяких демонов, но, видимо, это объясняет вспышки жестокости Такера, то, что он вытащил из ниоткуда змею, и почему он встречался со мной и позже, когда мы расстались, упорно хотел остаться друзьями.

— Он хотел остаться с тобой, потому что ты прекрасна, — сказал Райли.

— Ты думаешь, я прекрасна? Не то что бы это важно, — вырвалось у Мэри Энн, и она потрясла головой, как будто отгоняла лишние мысли. — Я хотела сказать, что Эйден однажды мне говорил, что я успокаиваю его, и потом Такер говорил мне тоже самое. Может я, не знаю, как транквилизатор для всех, кто является не человеком.

— Не транквилизатор, — сказал Эйден. — Нейтрализатор.

— Ну, если я нейтрализую силы, откуда Такер взял змею? Я сидела по другую сторону двери от него, но достаточно близко.

— Возможно, для этого нужно открытое пространство между тобой и тем, у кого есть сила, — предположил Эйден.

— Давайте не будем говорить об этом здесь. — Райли посмотрел на множество машин

на стоянке у двери перед ними и студентов, которые были еще в фойе. Любой желающий мог подойти к ним в любое время. Кто-нибудь мог прятаться в кустах поблизости.

Они шагнули внутрь здания, оставив позади прохладу утра. Ученики торопливо ходили по коридору. Эйден наклонился к Виктории и прошептал.

— Ты будешь в порядке? — Он потер шею, чтобы дать ей понять, что он имел в виду.

— Да, — шепнула она в ответ, ее теплое дыхание коснулось его кожи. Это прозвучало не убедительно.

— Если ты проголодаешься...

— Я не проголодаюсь, — сказала она. И снова это не прозвучало убедительно.

— Ну, все равно я в твоём распоряжении.

Звонок прозвенел, и все замерли.

— Нам лучше разойтись по классам, — сказал Эйден со вздохом. — Мы уже опоздали. — И вот как он объяснит это Дэну? Эй, Дэн. Ты не можешь выкинуть меня потому что я разговаривал по делу с вампиром и оборотнем.

— Я позабочусь об этом, — сказала Виктория с ухмылкой. — Никто не узнает.

— Как... ой. — Ее гипнотический голос. Он тоже улыбнулся. Иметь дело с принцессой вампиров, конечно, имело свои преимущества. — Спасибо.

— Не за что.

Он ожидал, что каждый направится в свою сторону, но оказалось, что Райли и Виктория не только незаметно попали в школу, они организовали расписание Виктории — такое же как у Эйдена, а Райли — как у Мэри Энн.

Виктория. Целый день с ним в школе. Он бы хотел иметь возможность провести с ней больше времени, открыто смотреть на нее, говорить с ней, узнавать о ней больше и ее народе. Что могло быть лучше?

Еще лучше бы было, если бы Мэри Энн помогала ему, а Райли не угрожал убить его.

Хотя его оптимизм не продлился долго. Что-то плохое произойдет скоро. Так всегда было. И это не паранойя. В этом была вся жизнь Эйдена.

— Элайджа, — пробормотал он, заходя на первый урок вслед за Викторией.

Душа знала, что он хочет.

«Зло действительно приближается, мой друг. Я говорил тебе об этом до того, как ты ступил на этот путь».

Тем не менее, он уже по уши во всем этом, поэтому все случившееся будет его виной.

Третий урок, мальчик притворяющийся Джоном О'Коннером, ждал Эйдена, практически подпрыгивая вверх и вниз в дверном проеме. Эйден был все еще зол на него, к тому же теперь не доверял его происхождению, и притворялся, что не слышит его нетерпеливых вопросов.

— Ты говорил с Хлоей, а, а? Я не мог прийти в кафетерий по некоторым причинам, но я старался.

Виктория заняла место «Джона», заставив парня встать рядом с Эйденем. Остальные заходили в класс и глазели на нее, раскрыв от изумления рот. Ему хотелось ударить их.

— Уходи, — проворчал Эйден.

— Кто? Я? — спросила Виктория.

Он показал на Джона кивком головы.

— Нет. Этот зануда.

Она нахмурилась, взглянув на Джона. Или попыталась. Она никогда не смотрела прямо

в глаза.

— Какой зануда?

— Он... думаешь он может быть...

— Давай, мужик, — сказал Джон, прежде чем Виктория смогла ответить. — Я же не прошу тебя, спасти мир от голода или еще чего-нибудь. Я просто хочу, чтобы ты поговорил с Хлоей и узнал как она.

Эйден толкнул Джону в грудь ладонью — ну или попытался это сделать. Его рука проскользнула насквозь, словно через воздух. Электрический разряд в воздухе ударил его, как будто он засунул пальцы в розетку.

Какое-то время парень стоял, разглядывая покалывающие руки. Учитель начал говорить и заставил Викторию встать перед классом и рассказать всем немного о себе.

— Привет, меня зовут Виктория и я из Нью-Йорка. Мне больше всего нравится проводить время в одиночестве и мое любимое мороженое — ореховое. Спасибо.

Эйден поднял взгляд на Джона и изучающе посмотрел на него новыми глазами. Светящаяся кожа, сейчас явственно обрисовывала его силуэт. Не гоблин, не фея и даже не ведьма. Как он сразу не понял? Как не подумал?

— Что? Ты не знаешь? — спросил его Джон. Теперь уже настоящий Джон. Умерший от передозировки наркотиками и сейчас, очевидно, призрак.

Подходит, подумал Эйден. Были ли еще духи кроме него? Если так, то как ему защищаться от них?

***

В течение всего дня разговоры о Виктории и Райли только разгорались. Одни утверждали, что они — модели и скрываются от прессы. Другие утверждали, что они дети моделей, пытающихся скрываться. И все думали, что они богатые, а немногие предполагали, что они снимаются здесь в реалити-шоу.

Мэри Энн закатила глаза, услышав это, не вполне понимая, как можно сравнивать деньги и славу. Она едва могла поверить, что Райли здесь. И в человеческом облике!

Он стоял рядом с ней, наблюдая за окружающими, чтобы убедиться, что они ведут себя хорошо. Часть ее все еще боялась, что он хотел тусоваться с ней из-за того, что она успокаивала его, как делала это с Эйденом и Такером. Который был демоном. Дурацким демоном. И она целовала его. Подцепила ли она демонические бактерии?

Не то, чтобы она жаловалась на внимание Райли, но она надеялась и молилась, чтобы транквилизация — нейтрализация — была не единственной этому причиной. Считал ли он ее привлекательной? Он как-то назвал ее красивой, но что если он сказал так только для того, чтобы быть милым?

Он мог бы получить любую, она была в этом уверена. Например, Пенни, если бы она была здесь. Мэри Энн не видела ее весь день. Он даже мог бы получить Кристи Хейс, главу черлидерш, которая посылала ему воздушные поцелуи, проходя мимо плавной походкой.

— Ты можешь пойти поговорить с ней, если хочешь, — сказала ему Мэри Энн. Ее был этот резкий голос? — Время. Звонок на третий урок прозвенит только через четыре минуты и наш класс чуть дальше по коридору.

Он нахмурил брови, переложил книги, которые держал — свои и ее — из одной руки в другую.

— Поговорить с кем?

Хорошо. Он даже не заметил самоуверенную и красивую Кристи. Волна удовольствия поднялась в ней.

— Не важно. Так как тебе школа?

— Нормально. Мы и раньше ходили в школу. Конечно, учащиеся и учителя были такими же как мы, но школа есть школа. Ты ходишь в нее, учишься и убиваешь всякого, кто встанет на твоём пути.

Кровь отлила от её лица.

— Ты не можешь просто так убивать людей. Существуют правила, законы, которые ты должен соблюдать или...

Его хриплый смех заставил её замолчать.

— Я просто пошутил, Мэри Энн. Я не причиню вреда твоим друзьям.

— А. — Её опасения испарились, и она проворчала, — Не пугай меня так!

— Но твоим врагам... — прошептал он.

Она покачала головой, не зная, верить ему на этот раз или нет.

Они вошли в класс вместе. Мэри Энн заняла своё место в дальнем правом ряду, ближе всего к учительскому столу. Кайл Метьюс занял место за ней и уже сидел там. Как делал Райли на первых двух уроках, он встал перед местом, которое он хотел, и смотрел на него. Смотрел до тех пор, пока Кайлу не стало неудобно. Смотрел до тех пор, пока Кайл не поднял свои книги и не нашёл другое место.

От Райли исходила такая сила, как ни от кого другого. И опасные огоньки в его глазах только подтверждали её. Я сделаю всё, что посчитаю нужным, говорили они. Но на неё он смотрел по-другому, с ней он был оберегающим и защищающим.

Он смотрел, как она складывает книги на парту.

— Твоя аура снова разноцветная. О чём ты думаешь?

О тебе. Она наклонилась к нему, прошептав:

— У тебя есть девушка, которая ждёт тебя дома? Ну, мне просто любопытно.

Какая я всё-таки идиотка. Но ей было нужно это знать.

Черты его лица смягчились.

— Нет. У меня никого нет. На самом деле, Виктория — мой единственный друг.

Эта великолепная Виктория. Потрясающая. Мэри Энн ненавидела себя за желание найти хоть какие-то недостатки в совершенной внешности вампирской принцессы. Не то, что бы Мэри Энн собиралась заигрывать с Райли. Так ведь?

— Я твой друг, не так ли? — спросила она. Он говорил так и раньше, но мог и передумать.

Прошла минута, его взгляд изучал её, прежде чем он кивнул.

— Да. А я твой. Я буду защищать тебя, Мэри Энн. Даю слово.

Прозвенел звонок и учитель, уже стоявший перед классом, начал свою лекцию. Мэри Энн пропустила её мимо ушей. Нет, она смотрела прямо перед собой и делала вид, что изучает доску и пишет конспект, но все её мысли были исключительно о Райли.

К сожалению, вся оставшаяся часть дня прошла так же. Ей было ужасно интересно, что он думает о школе, о ребятах. Было ли ему скучно, и не хотел ли он быть где-то ещё. Нравилось ли ему проводить с ней время, так же как и ей.

За ланчем они сели вместе в глубине кафетерия, Эйден и Виктория присоединились к ним. Все остальные косились на них. Даже наклонялись, чтобы прислушаться, о чём они

говорят. Райли ел со своего подноса, и заодно с подносов Мэри Энн и Виктории. Виктория, как отметила Мэри Энн, даже не притворялась, что ест.

— Ну, мы не будем ничего обсуждать здесь, — пробормотал Эйден. — Хотя я скажу вам, что Джон, настоящий Джон, — его взгляд стал острым, — Снова заговорил со мной.

Он... он имел в виду...

— Призрак? — выдавила она.

Эйден кивнул.

Сначала демон, теперь призрак. Что всплывет следующим? Ее рука дрогнула, когда она подцепила ложкой немного шоколадного пудинга. — Что он хотел?

— Чтобы я свел его с Хлосей Ховард.

Мэри Энн представила эту застенчивую девушку, которая редко с кем заговаривала и любила носить толстовки.

— И ты собираешься это сделать? — Просто как мертвый человек может встречаться с живым?

Он хлебнул содовой.

— Не знаю. Что если я накосячу. и он взбесится? Что если я сделаю это, и он отправит других по моим следам? А я знаю, есть другие. Я видел нескольких. Не знаю, чем именно они могли быть, но сейчас мне кажется, что они могли быть призраками. В любом случае, новой сущностью.

— Мы можем пойти ко мне домой после школы, — сказала она, отодвигая от себя поднос. Ни за что она не хотела ждать до следующего утра, чтобы поговорить с ним снова. И вдруг, возможно ее мать все еще была в этом доме. Возможно, Эйден смог бы увидеть ее. Возможно, они бы поговорили.

Виктория и Райли кивнули, хотя и выглядели при этом смущенно. Они потеряли нить разговора.

— Объясню позже, — сказала она Райли, и он снова кивнул.

— Я не могу. — Эйден вытащил сэндвич из своей коробки для завтраков и оторвал пластик. — У меня на ранчо комендантский час начинается в четыре часа.

— А что насчет учебной группы? — Девушка оперлась локтями на стол. — Дэн позволит тебе пойти ко мне домой для занятий в учебной группе?

Сначала он выглядел обнадеженным, потом сомневающимся и наконец смирившимся.

— Я спрошу, но могу предположить, каким будет ответ и вряд ли это «да».

— Есть только одна возможность проверить. — Она вытащила свой сотовый из кармана и включила его. Что было совершенно непозволительно и против школьных правил, но ее это не волновало. Она набрала номер отца. — Папа, — произнесла она, когда он ответил, — ты не против, если я приглашу несколько друзей после школы позаниматься?

— Подождите. И это моя маленькая девочка? — послышался из трубки его хриловатый голос. — Не может быть. Она же никогда никого не приглашала, даже когда ее дорогой старик просил об этом.

— Пап, я серьезно.

— Конечно, приглашай. Это все для, чего ты мне звонишь? Меня чуть инфаркт не хватил, увидев этот номер. Все в порядке?

— Все хорошо. — Мэри Энн позвонила на его личный рабочий номер для экстренных случаев. Она никогда раньше не звонила на этот номер. — Честно. Просто действительно важно то, что мы исследуем. — И это была правда. Им было необходимо изучить друг друга,

тех других созданий, выяснить, что происходит, и что, в связи с этим, нужно делать.

Она так и видела, как он расплывается в улыбке и удовлетворенно кивает головой.

— Хочешь, я приду с работы попозже? Не хотел бы своим занудством вам мешать.

Ей было очевидно, что он действительно хотел, чтобы она больше общалась, даже если и по учебе. Возможно, она училась слишком прилежно.

— Это было бы здорово.

— Тогда увидимся где-то... в девять?

— Отлично. Спасибо!

— Я люблю тебя, детка.

— Я тоже тебя люблю. — Мэри Энн нажала отбой и передала телефон Эйдену. Она улыбнулась. — Твоя очередь.

***

— Не могу поверить, я здесь, — произнес Эйден, разглядывая дом Мэри Энн. Дэн как ни странно дал свое разрешение. Хотя при этом Виктория тоже была на линии и сказала ему разрешить, но тем не менее. Эйден был здесь.

Он и Виктория прошлись по гостиной; Райли, который уже был здесь остался рядом с Мэри Энн у входа. Гостиная была просторной, с мягкими красными диванами, синеголубым ковром и несколькими столиками с оранжево-розовыми мраморными столешницами. Завершало это все многоцветная бахрома, свисающая с абажуров.

— Моя мама декорировала тут все, и отец не решился что-то изменить, после того, как она умерла, — сказала Мэри Энн, и Эйден услышал в ее голосе привязанность к матери.

— Мне нравится. — Интерьер отражал ее характер и теплоту. Уют.

В доме одной из бравших его на воспитание семей были кожаная мебель и стеклянные столы. Любое пятно приводило его опекуншу в бешенство. В доме другой семьи было только бело-бежевая обстановка, прямо как и в психиатрических клиниках, в которых ему доводилось побывать, и хотя они никогда не вели себя как помешанные, он все время боялся лишний раз наступить на ковер. Приемная семья, которая понравилась ему больше всего, не могла себе позволить дорогих новых вещей, но там ему было уютнее всего.

Он бы остался жить у них навсегда, если бы мог, но Ева перенесла его обратно во времени, и он изменил будущее. Когда он вернулся в настоящее, все стало так, как будто он никогда не жил в этой замечательной семье.

— Райли пытался мне описать это место, — сказала Виктория, — но я не поверила ему. Кто бы мог подумать? — Она бросила жадный взгляд и присоединилась к Эйдену, стоящему у неразожженного камина. Ее взгляд скользнул мимо его шеи, затем вернулся обратно и застыл. Все чаще, пока длился день, ее внимание задерживалось на его пульсе. — В нашем доме довольно мрачно. Бесцветно, — сказала она очень тихо, почти не слышно.

Голодна ли она? Ее кожа была бледнее, чем обычно, ни капли румянца на щеках.

— Кстати, а где твой дом? — Если понадобится, он вытащит ее отсюда и потребует выпить его крови. — Я знаю, что ты из Румынии, но где вы живете здесь?

— Большая часть нас прибыла сюда и нам пришлось купить самый большой дом, какой удалось найти. Он достаточно далеко, чтобы дать нам иллюзию уединенности и достаточно близко, чтобы в нужный момент оказаться в городе. — Ее взгляд не отрывался от его шеи.

Он наклонил голову в сторону, чтобы ей лучше было видно вену на его шее. Ее дыхание

стало прерывистым. О, да. Она была голодна.

— Ты можешь выпить моей крови, ты же знаешь? — Краем глаза он заметил фотографию в рамке и поднял ее.

— Нет, — вырвался хриплый ее голос.

— Ты уверена? — На фотографии были мужчина, женщина и маленькая девочка. Очевидно, что маленькой девочкой была Мэри Энн, а взрослыми — ее родители. Она была очень похожа на свою мать. Те же темные волосы и глаза. Те же черты лица.

— Итак, Эйден... ты видишь тут каких-нибудь призраков? — спросила Мэри Энн в нерешительности.

Прежде чем он смог ответить, спутники в его голове подняли галдеж.

«Этот мужчина», — сказал Ева затаив дыхание. — «Я знаю его».

«Знакомый?» — переспросил Джулиан.

Эйден поднес фотографию ближе. У мужчины было чисто выбритое лицо, голубые глаза и немного мальчишеского вида, как и сотни других людей, которых Эйдену пришлось наблюдать.

— Это отец Мэри Энн, — сказал Эйден, нахмурившись. — Мы не можем знать его.

«Нет же, можем», — добавила Ева возбужденно. — «Мы видели его раньше. Лично. Помнишь? Просто добавь бороду и очки и ты — не важно, я покажу тебе».

«Нет», — закричали все в его голове вместе.

— Эйден? — спросила Виктория. Ее рука накрыла его плечо, горячая, обжигающая. — Что-то не так?

— Нет, Ева, нет! — прорычал Эйден, только одна мысль билась в его голове — выжить. — Пожалуйста, не делай этого...

Но было уже поздно. Весь мир заполнился чернотой. Он падал вниз... вниз... кружась и крича, и пытаясь за что-нибудь ухватиться. Его желудок скрутило и пронзило болью, обжигающей, невыносимой.

Его тело начало таять, кожа рассыпаться, мышцы разрушаться, кости крошиться, пока он не потерял последнее, что удерживало его в реальности — сознание.

— Ты все еще слышишь голоса, Эйден?

Этот вопрос резко выдернул Эйдена из длинного темного туннеля, и он шлепнулся обо что-то твердое. Похоже о кирпичную стену. Его тело ударилось о стену раньше, чем он осознал это. Постепенно в голове начало проясняться. Где это он оказался?

Он заморгал, мир мало-помалу становился четче. Он сел в замшевое кресло. Вокруг него были полки, забитые книгами. На столе перед ним в беспорядке валялись файлы и бумаги. Слева стояло еще одно кожаное кресло, которое занимал мужчина с голубыми глазами, с бородой и в очках.

— Что происходит? — спросил Эйден неестественным голосом. Он накачался? Хотя не помнил, чтобы пил.

— Мы в моем офисе, у нас сеанс. — Этот мужчина улыбнулся снисходительно. — Ты уже забыл?

Офис? Сеанс? Он сделал глубокий выдох, медленно выпуская воздух. Как только он это сделал, воспоминания встали на свои места. Он был в доме Мэри Энн. Виктория смотрела на его шею головным взглядом. Он рассматривал фото, взял его. Он узнал мужчину на фотографии.

«Я отправлю тебя к нему», — сказала она.

Ева.

Эйден стиснул зубы. Конечно же она забросила его назад в прошлое, как и грозилась. Но в какой именно момент? В какое место?

Он осмотрел себя. Ах. На нем была простая футболка, дырявые на коленях штаны. Костлявые, худые руки высывались из рукавов. Бок ныл от боли.

— Эйден, что-то не так? — спросил его мужчина.

— Нет, нет, — ответил он, посчитав такой ответ самым безопасным. Он пощупал бок, поморщившись от боли. Где эти... швы? — Я в порядке.

— Ты все еще на лечении, — напомнили ему мягко. — И если ты хочешь продолжать лечиться, ты должен оставить рану в покое.

Он усилием воли заставил себя убрать руки на колени.

«Вот мы и здесь», — счастливо воскликнула Ева. — «Тебе одиннадцать. Помнишь этот офис? А доктора?»

Одиннадцать. Тот самый год, в который его пырнули вилкой в лечебнице, где он тогда находился. Страх расправил крылья и пролетел сквозь него.

— Доктор... — пробормотал он.

— Да, Эйден?

Его щеки вспыхнули, как только он понял, что его поймали за разговором с самим собой. Этот доктор. Доктор. Он не мог вспомнить имени этого человека. Он был довольн молодой, несмотря на бороду, которая, вероятно, должна была сделать его старше на вид. Высокий и худой.

— Грей. — Терпеливый вздох заполнил повисшую паузу. — Доктор Грей.

Он напрягся. Доктор Грей. Мэри Энн Грей. Отец Мэри Энн? Он вызвал в памяти фотографию и сравнил с ней человека, сидящего рядом с ним. Убрать бороду и очки, и будет один в один.

Эйден мог бы взбеситься. И он этого хотел. Но даже не дернулся, как будто окаменел, пытаясь переварить то, что сейчас понял. Все эти годы он был связан с Мэри Энн, хотя и косвенно, и не знал об этом.

«Я пыталась тебе сказать, что мы знаем ее», — сказала Ева.

«Ну и что, что ты знаешь», — сказал Калеб.

— Я знаю, кто вы, — сказал Эйден доктору с большим чувством, чем намеревался.

Доктор Грей только улыбнулся.

— Хотел бы надеяться, Эйден. Давай вернемся к нашему делу, не против? — Он поставил локти на подлокотники кресла и выжидающе посмотрел на Эйдена.

— Я... нет, — сказал он, хотя ему хотелось закричать ДА! Его распирало от тысячи вопросов, но он не мог их задать. Он должен выглядеть как одиннадцатилетний мальчик и отвечать так, как при этой же встрече в прошлом.

Потеря его любимой приемной семьи, когда последний раз Ева решила закинуть его в прошлое, было не самым страшным, что с ним случилось. Он очнулся после такого путешествия в доме, который не узнавал, с людьми, которых он никогда не видел. Эта «потеря памяти» способствовала тому, что его отправили в другую психиатрическую лечебницу. Что ни делай — окажешься в психушке.

Иногда все казалось именно так. После возвращения, Ева обещала никогда больше его не перемещать. Конечно, она и до этого обещала. Ему всегда казалось, что ее энергичность превосходит угрызения совести.

В отличие от тех времен, все же он не мог по-настоящему разозлиться. Увидеть одиннадцатилетнюю Мэри Энн, узнать уменьшит ли она его силы, будучи ребенком, это того стоило.

Где она сейчас?

Знал ли доктор Грей, что она способна подавлять сверхъестественные человеческие способности? Взбесится ли он, если Эйден спросит? Вероятно. Насколько сильно изменится будущее Эйдена, если он спросит? Встретит ли он тогда когда-нибудь Мэри Энн?

Ах. Злость в нем закипела, переходя в ярость. Если этот сеанс изменит его будущее так, что он не переедет в Кроссрудз, не встретит Мэри Энн или Викторину...

«Я понимаю ход твоих мыслей», — сказал Элайджа. — «Хотелось бы тебя успокоить, но...»

Отлично. Сейчас он вынужден будет вспомнить каждую мелкую деталь, о которой говорил, и как он говорил. Одиннадцатилетние говорят по-детски или как взрослые?

— Эйден?

Он уже потерял нить разговора. Слишком многое надо было учесть и продумать.

— Да?

— Я задал тебе вопрос.

— Извините. Повторите, пожалуйста.

— Повторю, но ты должен сосредоточиться. Хорошо? — после его кивка доктор Грей продолжил. — Здесь отчеты о том, что ты споришь с голосами, которых кроме тебя никто не слышит. И я снова спрашиваю тебя, ты все еще слышишь голоса?

— Я...я... — Как же ответил на это? — А, нет. — Он же не хотел говорить правду. Так ведь?

— Ты уверен?

Эйден уставился на диплом Оклахомского университета психологии, который

красовался между книжными полками. Еще более невозможно он сказал.

— Да, я уверен.

Доктор Грей бросил не него неодобрительный взгляд.

— У нас прошло несколько сеансов, но ты продолжаешь держать дистанцию между нами, не рассказывая мне ничего такого, чтобы не было уже в твоём деле. Ты в безопасности, Эйден, здесь никто не будет использовать правду против тебя. Я надеюсь, что убедил тебя в этом.

— Убедили. — Наконец всплыли воспоминания о том дне, хоть и смутные. Доктор Грей был всегда необыкновенно добр к нему, и сейчас, старался быть тактичным. — Я просто... я... я ненавижу это место. Я хочу уехать отсюда. — Вот. Теперь они на правильном пути.

— Куда бы ты уехал? Не хочу быть жестоким, но пойми меня правильно. Сейчас нет семьи, которая захотела бы тебя усыновить. Все думают, что ты опасен, поэтому тебе не разрешают играть с другими детьми.

Нормальными детьми, хотел сказать он. Здесь было много детей, но все они были только предположительно психами, в отличие от него.

— Тебя кто-то обижал? — продолжил доктор. — Поэтому ты хочешь уехать? Или есть другая причина?

Тишина. Он скинул запачканные теннисные туфли.

«Я отправила тебя сюда, потому, что на это есть причина», — сказала Ева. — «И не важно, что говорят другие. Спроси его о том, что тебе так хочется узнать».

— Я просто хочу вернуться на ранчо, — проигнорировал Эйден слова Евы. И вдруг побледнел — на мгновение он забылся и сказал то, что не стоило произносить.

— Ранчо? — Доктор Грей снова взглянул на него. — Насколько я знаю, ты никогда не жил на ранчо. А сейчас твой дом здесь.

«Спроси его о Мэри Энн», — настаивала Ева.

«Не делай этого, Эд», — произнес Джулиан. — «Мне нравится то настоящее, которое у нас есть, и я не хочу ничего менять».

«В смысле, мы так близко к тому, чтобы завести подружку», — поддакнул Кaleb.

— Эйден?

Доктор Грей. Эйдену пришлось вернуться и напомнить себе, о чем они говорили. Его спрашивали о разногласиях с другими пациентами.

— А, нет. Все стараются держаться от меня подальше.

— Вот как? — доктор прищелкнул языком. — Я знаю нескольких пациентов, которые приперли тебя к стенке вчера. Я знаю, они угрожали тебе, кто-то ударил тебя, и ты защищался. Если бы санитары не остановили тебя... Послушай, что бы ты не делал или не собирался сделать, — сказал он мягко, — ты можешь рассказать мне все, и я не буду осуждать тебя, сынок. Я только хочу помочь тебе. Дай мне помочь тебе, пожалуйста.

— Я...

«Спроси его, спроси его, спроси его! Я не замолчу, пока ты не согласишься», — упрямылась Ева.

«Да Бога ради, что если он очнется в другом штате без Мэри Энн, без Виктории», — сказал Элайджа зло. — «Мне дико не нравится, что Мэри Энн делала с нами, но он хотя бы не торчал в психушках, и его не пичкали таблетками».

«Ты же экстрасенс», — произнес Кaleb. — «Скажи нам, что случится, если он спросит

доктора о девчонке».

«Говорю же, я...» — Элайджа резко остановился, и все затаили дыхание в ожидании продолжения, поняв, что ему только что что-то открылось. Прошло несколько минут, которые показались Эйдену вечностью, и он снова потерял всякую нить разговора с доктором. А Элайджа все тяжело дышал и время от времени стонал.

— Что? — спросил Эйден, и доктор Грей что-то там повторил, когда Элайджа наконец произнес:

«Ты же знаешь, что я обычно только смерть предсказываю, но последнее время я стал видеть кое-что еще. И прямо сейчас мне было ведение, что если ты упомянешь про Мэри Энн, то есть два варианта развития событий. Доктор Грей взбесится и уйдет отсюда как можно скорее. Ты никогда не встретишься с Мэри Энн. Или же доктор Грей взбесится, уйдет, когда закончится сеанс, но заинтересуется тем сказанным тобою. Если случится второе, ты конечно встретишься с Мэри Энн — и один из нас освободится».

Ева с тревогой вздохнула.

«Один из нас освободится? Но кто? Как?»

«Не знаю. Хотелось бы, но... Извините».

Если один из них освободится, это должно значить, что и остальные смогут освободиться. И он обретет все, что так давно хотел. Покой для себя и счастливую жизнь для своих спутников. Нормальную жизнь со своими новыми друзьями. Конечно, эта нормальная жизнь будет недолгой, так как время его смерти неизбежно приближается, но даже такая жизнь лучше, чем никогда не прожить эти моменты.

Но, если сбудется второе предсказание, то ничего подобного не будет. Он даже никогда не сможет быть другом Мэри Энн. Попадет ли он когда-либо в Кроссрудз, Оклахома? Встретит ли когда-либо Викторину? Он не мог представить себе жизнь без них.

Ему нужен был перерыв, чтобы все обдумать и понять как дальше лучше действовать, возможно, даже поспать и взвесить все за и против. Но как бы то ни было, он не имел такой возможности. Ему нужно было вернуться в настоящий момент. У него не было такой роскоши, как время.

Если бы только Ева могла контролировать время пребывания в прошлом. Но она не могла. Он должен был выбирать сейчас. Изменить все или лишиться всего, чего он хотел.

И не важно, что он решит, надо действовать...

— У вас есть дочь? — вопрос слетел с его губ прежде, чем он смог остановиться. На мгновение он испытал панический страх. Совершенный безотчетный панический страх. Он все-таки спросил это. Он решился и спросил.

Все четыре души замерли. В удивлении, ужасе или волнении, он не знал.

Но он знал то, что нет пути назад.

Голова доктора склонилась на бок, его губы сложились в тонкую линию и он нахмурился.

— Да, у меня есть дочь. Как ты узнал? — Пока еще он не взбесился.

Сердце Эйдена бешено заколотилось, пульс застучал в ушах, он задышал часто и поверхностно, пока искал ответ, из-за которого не вылетел бы из кабинета в тот же момент. И он нашел такой — фотография в рамке маленькой девочки с темными, как ночь волосами, карими глазами и загорелой кожей.

— Фотография на вашем столе. Она милая.

— О, спасибо. Это моя Мэри Энн. Она твоего возраста. Копия свой мамы. — Доктор

Грей тряхнул головой, будто не хотел в этом признаваться. Нормальным людям не нравится разговаривать о тех, кого они любят со всякими опасными психами, Эйден это понимал, не зависимо от того насколько они молоды. Или какими молодыми они могли бы оказаться. — Давай вернемся к нашей беседе. Мне нужно, что бы ты со мной поговорил, Эйден. Только так я смогу тебе помочь.

Эйден сказал доктору то, что тот хотел услышать.

— Вы спросили меня, слышу ли я все еще голоса. Ответ — да. — Он не смог сдержать смятение в своем голосе. Его пальцы нервно мяти ткань майки. Он мельком снова взглянул на фотографию, надеясь, что доктор Грей захочет поболтать не только о «деле». — Все время.

«Да ладно. Не такие мы уж болтуны», — проворчал Джулиан.

«Ударь меня в спину, чего уж там», — поддержал Калев.

Простите, ребята, хотел он сказать, но промолчал.

— Значит, изменений нет. — Доктор Грей закинул левую лодыжку на правое колено. — Мы можем обсудить снова смену лечения с твоим психиатром.

— Хорошо, — сказал он, хоть и вспомнил, как новые таблетки подействуют на него. Желудок Эйдена свело судорогой, его затошнило. Обезвоживание и неделю проваляться скрючившись под капельницей.

Доктор Грей поправил очки на носу.

— Давай немного отвлечемся от темы. Я хотел бы узнать, все то время, что ты слышишь голоса, что они хотят от тебя?

— Всякое-разное.

— Например?

Что же он говорил ему тогда в прошлом?

— Например... контролировать тело. — Да, это он упоминал. Он обычно не откровенничал с врачами, но было в докторе Грее что-то располагающее.

«Если только с твоего разрешения», — уточнила Ева.

«По правде говоря, хоть иногда дать нам возможность порулить не такое уж большое дело», — произнес Калев. — «Ты и раньше позволял нам управлять собой, и мы всегда знали меру. Никогда не понимал, почему ты прекратил это делать».

«Ты бы тоже захотел контролировать, если был бы беспомощным», — добавил Элайджа.

Отлично. Они сговорились против него.

— Вы не беспомощные, — скрипнул зубами Эйден. Он же здесь, в прошлом, разве не так?

— Прости? — не понял доктор Грей.

— О, ээ, ничего. Просто пытаюсь подбодрить себя.

«Ты на верном пути, чтобы окончательно спятить», — со вздохом протянул Элайджа.

Нахмурившись, доктор сделал запись в блокноте.

— Теперь ты называешь это телом. Давай проясним один момент. Если голоса требуют контроля над твоим... телом, то это значит, что они не могут завладеть им полностью. Получается, что ты решаешь. Это ведь хорошо? Ты контролируешь себя?

Его спутники не были способны завладеть телом без его согласия, но при этом они могли быть причиной бесчисленных неприятностей.

— Да, конечно.

Ручка порхала по блокноту, пока доктор продолжал записывать.

— Раз у тебя есть возможность контролировать, ты когда-нибудь пытался заставить голоса покинуть тебя?

— Я, заставить их? Нет. Но иногда они действительно уходят. — И причина в его дочери.

— И что происходит с тобой, когда они уходят?

Эйден улыбнулся, хотя и ощущая вину.

— Приходит покой.

— О, Эйден. — Доктор Грей положил руку на сердце, его черты смягчились. — Это прекрасно.

«Наверняка он чувствует себя как гордый папаша», — как ни странно произнесла мягко Ева, как будто прониклась симпатией к доктору.

Такого не было в прошлый раз. Что значило, что в прошлый раз он даже не думал о покое. Конечно нет. Тогда он представления не имел о покое. Его улыбка поблекла.

— Я просто шучу. Они не могут уйти. Они всегда со мной.

Доктор Грей подпер щеку рукой, ручка торчала между его пальцев.

— Как я могу помочь тебе, если мне приходится пробираться через полуправду и ложь?

Эйден устался на свои ноги, стараясь показаться достаточно пристыженным.

— Этого больше не повториться.

— Я понял. Но почему ты сделал это сейчас?

Он пожал плечами, ничего не ответив.

— Хорошо. Ну а почему ты мне не расскажешь, зачем позволил голосам вернуться, когда однажды они пропали? Потому что я знаю, что ты говорил правду о том, что голоса исчезали, и это не было похоже на шутку. Ты под контролем, помнишь?

Ничего не поделать, он должен был получить правду. Хотя что-то в конце концов.

— Они привязаны ко мне, как... — Эйден склонил голову набок, обдумывая дальнейшие слова. — Как домашние животные на поводке. Я не могу не пустить их обратно.

За эти слова он получил «Ой-ой» от Джулиана и «Ты мне еще поплатишься за то, что называл нас домашними животными. Я надеюсь, ты понимаешь это» от Калеба.

О, он прекрасно понимал, что заплатит, но сейчас не время было беспокоиться об этом.

— Понимаете, они — люди, как вы и я, только им не дали их собственные тела. Их каким-то образом затянуло в мою голову, вынудив делить ее с ними.

Доктор Грей воспринял это признание на удивление невозмутимо.

— Несколько дней назад, ты отметил, что в твоей голове звучат четыре голоса. Точнее человека. Их все еще четыре?

— Да.

— И они... — доктор перелистнул страницу блокнота. — Все твоего возраста?

— Нет. Я не знаю, сколько им лет.

— Понятно, — пробормотал он, и Эйдену показалось, что доктор машинально подумал вслух. — Расскажи мне о них. Какие они.

«И ненавязчиво расспроси его о дочери», — сказал Ева.

Скоро. Он не хотел, чтобы у доктора была причина снова свести разговор к терапии.

— Они хорошие. По большей части, — добавил он в их защиту.

Эйден получил очередную порцию хмыканий и угроз от Калеба.

— А у них есть имена? — спросил доктор Грей.

Эйден их перечислил.

В глазах Грея загорелся интерес при упоминании Евы.

— Ева — женщина, я полагаю.

— Ага, женщина, — недовольство в его голосе заставило доктора сдерживать смех.

«О, прекрати», — произнесла Ева. — «Тебе очень повезло, что ты можешь слушать мои советы».

— Мне очень любопытно узнать о ней побольше, — сказал доктор.

«Любопытно ему», — обиженно фыркнул Калеб. — «А я ему что, чушь собачья? Почему он ничего не хочет узнать обо мне?»

— Эйден. Я снова тебя потерял.

Эйден пришел в себя, в голове прояснилось, голоса Калеба и Евы стихли, пока он отвлекся.

— Простите, что?

— Я задал тебе вопрос. — Нахмурившись, доктор поудобнее устроился в кресле. — Что там сейчас происходит в твоей голове?

— Ничего, — уклонился от ответа он.

Доктор вскинул бровь.

— А я думал, ты больше не будешь мне врать.

Эйден потер виски и прикинул, какие у него есть варианты. Он мог бы рассказать всю правду, но скорее всего доктор Грей завалит его вопросами, и он не сможет вернуть разговор к Мэри Энн. А что если он не даст ему такой возможности?

Эта мысль подтолкнула его к действию.

Сейчас или никогда.

— Вам интересно узнать о Еве, — сказал он. — Что ж, она может перемещаться в более юные версии меня. Если вы просмотрите мои документы, то узнаете, что я исчезал несколько раз. Из запертых комнат. Вы увидите, что я появлялся в местах, куда никак не мог бы проникнуть. Мои лечащие врачи утверждали, что я просто отличный взломщик, и мне нравится приводить людей в замешательство. Правда в том, что я отправлялся в ранние версии себя, как я и сказал, и случайно менял будущее.

Доктор Грей взглянул на него из-под полуопущенных ресниц.

— Я знаю, что я просил тебя быть открытым, но я имел в виду быть честным. Я полагал, что также упоминал об этом.

— А знаете, что я вам скажу. Способность, о которой я упоминал — это то, что шестнадцатилетний парень, сидит перед вами сейчас вместо одиннадцатилетнего мальчика. Этот шестнадцатилетний знает вашу...

— Эйден. Достаточно.

Он сглотнул, но опять не позволил доктору сдержать его.

— Вы не дали мне закончить. Мне на самом деле шестнадцать, и я знаю вашу дочь, Мэри Энн. Мы...

— Эйден! — Доктор Грей сжал переносицу. — Ты должен прекратить это. Это не поможет в твоём случае.

— Просто послушай меня. — Что он мог сказать этому человеку, что бы тот поверил? — Я могу даже больше, чем путешествовать во времени, я могу поднимать мертвых. Отведите меня на кладбище, и я докажу вам. Только не приводите Мэри Энн. Она нейтрализует мои способности. Трупы восстанут. Вот увидите.

— В последний раз говорю, достаточно! — Доктор Грей побледнел, синие вены пульсировали под кожей. Он прочистил горло в попытке собраться. — Мне не стоило потакать твоим вопросам о моей дочери. Я не позволю пациенту, даже ребенку, втягивать мою семью в терапию. Ты понял меня?

— Если вы не хотите выводить меня за пределы здания, пусть так. Я могу доказать вам свои возможности по-другому. — Эйдена понесло в порыве отчаяния. — У Мэри Энн есть лучшая подруга по имени Пенни. Однажды она начнет встречать с парнем по имени Такер. — Возможно рассказав доктору о будущем, можно было изменить его так же, как и прошлое. Но Эйден уже не мог остановиться. — Такер — придурок к тому же и вам стоило бы не допустить, что бы между ними что-то началось. Или может ей надо бы с ним встречаться. Я не знаю. Она...

— Ну, все, хватит. Я хочу, что бы ты ушел, Эйден. Немедленно. — Доктор Грей указал на дверь. — Очевидно, ты просматривал мое личное дело. И видимо пытаешься провести параллель своей жизни с ее. Но это не сработает. Я хочу, что бы ты покинул этот кабинет до того, как я сделаю то, о чем пожалею.

Провести параллель его жизни с чьей? Мэри Энн? Или кого-то другого? Кого-то, кто в той же степени близок этому доктору?

— Я не понял. О ком вы говорите?

— Я говорю тебе уйти.

Эйден вскочил на ноги. Колени подкосились, но ему удалось не свалиться обратно в кресло.

— Скажите мне, кого вы имели в виду, и я уйду. И вам никогда больше не придется со мной встречаться. — По крайней мере, не здесь. — Пожалуйста.

До того, как доктор успел ответить, разум Эйдена затянуло темнотой. Нет. Нет, нет, нет. Он еще не закончил, еще столько нужно было спросить, столько услышать. Напряжение нарастало.

— Да ради Бога же, просто скажи...

Слишком поздно.

Туннель засосал обратно, его понесло по кругу и вниз... вниз...

Последней мыслью, пронесшейся в его голове, был вопрос. Останется ли Мэри Энн в его жизни, когда он вернется?

«Скоро мы это узнаем», — мрачно заметил Элайджа.

— Эйден. Эйден, очнись!

— О, слава Богу, он в норме.

— Его же выкинуло из ниоткуда. Разве не так? Разве можно было представить?

— Эйден, ты меня слышишь?

Эйден пытался справиться с последствиями выхода из этого длинного темного туннеля во второй раз, боясь того, что он может обнаружить теперь. В висках стучала кровь, бешено несущаяся по венам. Мышцы затекли, налились тяжестью. По крайней мере, его спутники притихли, также стараясь прийти в себя.

Эйден оглянулся по сторонам сквозь ресницы. Приглушенный солнечный свет проникал из большого окна, оставляя пятна на полу. Хотя свет был приглушенным, он все-таки показался ему слишком ярким, и его глаза заслезились.

— Разойдитесь, — произнес глубокий мужской голос. Райли.

Итак, Райли все еще был частью его жизни. Это должно значить, что и Виктория тоже. Пожалуйста, пожалуйста, пусть это значит, что и она тоже.

Послышались шаги двух разных людей. Девушка ответила:

— Я не могу. — И потом раскаленные добела, дрожащие руки прижались к его щекам. Он повернул голову, погружаясь в тепло. Над ним склонилась Виктория, темный хвост падал через плечо, щекоча его шею.

Слава Богу.

— Привет, — нежно сказала она. Мягкие пальцы убрали волосы со лба.

— Привет. Как долго я отсутствовал?

Он не был уверен, почему он просто не возвращался через несколько секунд или в ту же минуту когда исчезал, будто бы он никуда и не уходил. Но нет, этого не происходило. Он не знал, почему не появляются новые воспоминания, если бы он в действительности изменил свое прошлое. Но опять таки нет. Путешествие во времени, и вся эта путаница просто сбивали его с толку.

— Как долго? — снова повторил он.

— Несколько часов.

Это не хорошо. Он попытался сесть.

— А Мэри Энн? — Острая боль пронзила его голову, и он застонал.

— Осторожней, — сказала Виктория.

Когда он наконец-то поднялся, то прижал колени к груди и прижался к ним головой. Он задыхался.

— Мэри Энн здесь?

— Я здесь. Что случилось? — спросила она с беспокойством в голосе.

Все его друзья, плюс Райли, остались на месте. Никогда он не чувствовал такого облегчения. А если бы у него были силы, то он бы еще подпрыгнул и обнял их всех.

— Мне нужна минута подумать.

Перед глазами все плыло. И не только от путешествия назад в настоящее, как он подозревал. Никогда еще после возвращения он не чувствовал себя так, что ноги не держали.

Ладно, итак. Что произошло? Совершенно очевидно, что он изменил прошлое. Он рассказал доктору Грей то, чего не рассказывал раньше. Доктор Грей вышел из себя, как и

предсказывал Элайджа. Так как Эйден все-таки встретил Мэри Энн, доктор Грей, должно быть, заинтересовался им. Это означало, что одна из душ скоро освободится.

Его губы медленно расплылись в улыбке. Они сделают это. Они в самом деле сделают это.

Изменилось ли что-то еще?

— Я живу на ранчо с Дэном Риверсом? — спросил он Мэри Энн.

— Ты не помнишь?

— Живу? — спросил он еще раз.

— Да. Живешь. — Мэри Энн нервно потерла руки. — Ты пугаешь меня, Эйден.

— Ты немедленно прекратишь ее пугать, — набросился на него Райли. Столько «заботы» в его словах.

— Расскажи нам, что случилось, — попросила Виктория.

Эйден со вздохом произнес.

— Я отправился назад во времени и попал на терапевтический сеанс, когда мне было одиннадцать. — Он поднял голову, борясь с головокружением, пристально посмотрел на Мэри Энн. — Там был твой отец.

Она в смущении заморгала.

— Мой отец? Я не понимаю.

— Некоторое время он был моим лечащим врачом в одной из клиник, где я находился. Не помню, в какой именно. До этого момента я и подумать не мог, что он — твой отец. Он был внимательным, прислушивался ко мне. Он мне нравился. Я, ну, рассказал ему о том, что случилось, что я жил здесь, и ты была моим другом. Что ты встречалась с Такером. Это вроде как взбесило его, он попытался выгнать меня из кабинета.

Эйден не успел закончить, как девушка отрицательно затрясла головой.

— Это не похоже на моего отца. Он бы скорее решил, что ты бредишь, но никогда бы не выгнал пациента.

Эйден пропустил ее слова мимо ушей, зная, что нет смысла настаивать или пытаться бросить тень на образ ее отца.

— Он хранит какие-либо записи о своих пациентах? — спросил Эйден, хотя уже знал ответ. Все доктора это делали.

— Конечно.

— Тогда он должен был делать записи про меня. Хотел бы я почитать его мысли обо мне.

Девушка скрестила руки на груди.

— Это не только незаконно, но и неэтично. Он бы никогда не дал мне файлы пациентов.

Эйден встретился с ее твердым взглядом.

— Я и не собирался просить тебя взять их.

Мэри Энн была возмущена и не знала, что сказать.

— Это была бы кража.

Виктория погладила рукой по его спине вверх, потом вниз, желая поддержать его.

— Вообще-то, это была бы помощь другу, оказавшемуся в трудном положении.

Мэри Энн облизнула губы и посмотрела на Райли, взглядом ища поддержки. Он только пожал плечами. Мысль украсть что-то была пугающей для такой безобидной девушки, ведущей заурядный образ жизни.

— Пожалуйста, Мэри Энн, — умоляюще проговорил Эйден. — Достань эти записи. Что-то в моих словах напомнило твоему отцу о каком-то другом человеке, и я хочу знать, о каком именно. И благодаря моему признанию я мог изменить что-то здесь, в прошлом. Возможно это лишь в его мыслях. Но только так можно узнать наверняка.

Девушка все так же хранила молчание.

Он попробовал зайти с другой стороны.

— Он когда-либо спрашивал тебя о мальчике по имени Эйден?

Она вздохнула, задумавшись на мгновение.

— Имени он не упоминал, но однажды, сразу после того, как я познакомила его с Такером, он усадил меня и стал расспрашивать про моих друзей, есть ли у меня какой-нибудь новый друг, который бы разговаривал сам с собой. Тогда я ничего не заподозрила. Все это показалось мне шуткой. — Она потерла рукой лицо. — Я сделаю это, — тихо прошептала она.

— Спасибо. — Он с облегчением уверенно выдохнул.

— Хотя это и будет трудно, — добавила она. — Старые его записи находятся в хранилище. А те, что он держит в своем компьютере, запаролены.

— Все чего я прошу — это попытаться. — Эйден поднялся на ноги, его слегка пошатывало. Виктория поддержала его. Хотя ему и не нужна была поддержка, чтобы стоять, он оперся на нее. — Сколько сейчас времени?

— Семь восемнадцать, — ответила Виктория.

— Вечера? — парень почти застонал. — Мне нужно вернуться на ранчо. Дэн сказал, что бы я сделал все домашние дела и уроки до того, как лягу спать. Иначе меня больше никуда не отпустят после школы.

— Я пойду с тобой, — сказала Виктория. — Я повлияю на его мнение.

Райли вздохнул, бросив тоскливый взгляд на Мэри Энн.

— Значит и я тоже должен пойти.

Виктория умоляюще посмотрела на него.

— Все будет хорошо. Обещаю. Кроме того, тебе нужно присматривать за этим человеком.

Искоса глянув на Мэри Энн, Райли переступил с ноги на ногу, поджал губы и, наконец, кивнул.

— Хорошо. У тебя есть час на это.

— Спасибо, — сказала вампириша и потащила Эйдена вперед. — Скорее, пока он не передумал.

Они быстро добрались до опушки леса, которая отделяла их от близлежащих окрестностей. Достаточно далеко, чтобы даже кто-то, обладающий супер чутким слухом, как у Райли, не мог услышать их слов.

— Слава Богу, он остался там.

— Знаю, — усмехнулась Виктория. — Я ожидала, что он помешает нам. Ему приказали защищать меня, и если что-то случится со мной, его казнят. — Все с тем же непередаваемым изяществом она пригнулась и подняла несколько желудей. — Мэри Энн, должно быть, нравится ему больше, чем я представляла.

И Эйден был рад этому.

Виктория осмотрелась.

— У нас есть час, до того, как мне надо будет вернуться. Хочешь провести его здесь?

— Дэн...

— Не беспокойся. Я позабочусь о нем.

— Хорошо.

Она остановилась. Эйден тоже остановился, посмотрел ей в лицо. Рассеянные солнечные лучи проникали сквозь верхушки деревьев, оттеняя розовым, фиолетовым и золотым ее бледную кожу.

Кожу, которую нельзя порезать, как он вспомнил.

— Что будет с тобой, если Райли попадет в беду?

— Кто-то кто не любит моего отца, может меня похитить, — сказала она, уронив один желудь. — И будет требовать выкуп. — Еще один желудь упал. — И я могу пострадать. — Оставшиеся желуди со стуком посыпались на землю в кучу.

Ему не понравился этот звук, и он непроизвольно осмотрелся вокруг в поисках любой опасности затаившейся рядом. Но не было ничего подозрительного, даже насекомые затихли, возможно чувствуя, что он и Виктория больше чем люди и поэтому опаснее.

— Я хочу знать, каким образом тебе можно причинить вред. — Зная это, он также мог бы защитить ее от беды.

Девушка отступила и прислонилась к стволу дерева.

— Если рассказать кому-нибудь об уязвимых местах вампиров, то это наказывается смертью, причем наказывают и вампира, который рассказал, и того, кому рассказали. Именно по этой причине мою мать заставили покинуть Румынию. Она проболталась о наших секретах человеку, и теперь путь туда ей заказан, до тех пор пока отец не решит каким именно способом ее казнить. — Под конец ее голос дрогнул.

— Сожалею насчет твоей мамы. И не хочу, чтобы что-то подобное произошло с тобой, так что, пожалуйста, не говори мне. — Эйден боялся не столько за себя, сколько за нее. Он сумеет узнать это по-другому. Через Райли, например. Пусть окажет взаимную любезность.

Довольно странно, что его спутники никак не реагировали на ее слова. На самом деле они молчали, все то время как он очнулся в своем новом настоящем. Да, они всегда были молчаливы после путешествия в прошлое, но не так долго. А сейчас им бы стоило уже вернуться к своему обычному состоянию.

Он мог чувствовать их, так что они по-прежнему были в его голове. Но почему они не говорили?

Виктория разглядывала свои ноги. Туфли пропали, и можно было увидеть ее накрашенные черным лаком ногти. Черный. Ха. Ей больше нравилось цветное, он вспомнил ее задумчивую улыбку, когда она рассматривала дом Мэри Энн. Он подумал, что цветная отделка — это против вампирских правил. Если так, то будут ли у нее проблемы, если она покрасит часть волос в синий?

— Я рассказала тебе о наказании за разглашение вампирских секретов не для того, чтобы испугать тебя, — проговорила она. — А для того, чтобы предупредить о том, что может случиться, если ты расскажешь кому-то другому. Даже Мэри Энн.

— Серьезно. Ты не должна мне ничего рассказывать.

— Я хочу. — Девушка глубоко вздохнула и выдохнула. — Уязвимые места вампиров — это глаза и уши, — сказала она, показывая на них рукой. — Они не защищены в отличие от нашей кожи. — Затем она протянула руку. — Покажи мне один из своих кинжалов.

— Нет уж. Мне не нужна демонстрация.

Девушка мелодично рассмеялась.

— Глупый человек. Я не собираюсь выковырять для тебя собственный глаз.

Тогда что же она собралась делать? Дрожащей рукой он протянул ей лезвие.

— Смотри. — Парень не сводил глаз, она подняла оружие и ударила себя в грудь.

— Нет! — закричал он, пытаясь схватить ее за запястье и отдернуть руку назад, но опоздал. Эйден ожидал увидеть кровь, но увидел только дырку на майке. Хотя на коже не было ни царапины, его бросило в пот, а сердце бешено заколотилось. — Никогда больше так не делай, Виктория. Я серьезно.

Вампирша снова беззаботно рассмеялась.

— Ты — милый. Для таких как я и кол не страшен, не беспокойся. А это лезвие для меня — пустяк. — Она протянула ему кинжал, и он увидел, что он погнулся в середине. — Однако убить нас можно, если сжечь нашу кожу и добраться до чувствительных органов и это все, что нужно. — Девушка уронила кинжал и подняла руку, ее опаловое кольцо, которое она всегда носила, сверкнуло.

Держа ладонь вытянутой, она провела большим пальцем по камню, сдвинув опал из оправы и открыв углубление, которое было заполнено густой ярко-голубой пастой.

— Je la pune, — сказала Виктория. — Это... ну, как бы тебе это лучше описать? Это огонь, заключенный в кислоту, затем окутанный ядом и орошенный радиацией. Никогда до этого не дотрагивайся.

В предупреждении не было необходимости. Эйден уже отступил на шаг.

— Тогда почему ты носишь его с собой?

— Не все вампиры следуют за моим отцом. Есть и бунтари, которые только спят и видят, как убить меня. А этим я могу заставить их поплатиться.

— Если это такая едкая штука, то, как кольцо ее выдерживает?

— Как существует огнеупорная защита для человеческих вещей, так есть и металлы, стойкие к je la pune. Не все, но несколько. Мои ногти окрашены одним из таких расплавленных металлов, чтобы уберечь их от окисления.

Она погрузила длинный ноготь в пасту, закрыла ее, затем подняла другую руку и порезала запястье. Плоть зашипела, и кровь тут же брызнула и закапала вниз по руке. Вампирша поморщилась, сжав губы, сдержала стон.

— Зачем ты это делаешь? — выпалил Эйден. — Я же сказал, что мне не нужна демонстрация.

Минуту спустя она смогла проговорить, задыхаясь.

— Я хотела, чтобы ты увидел. И понял ее силу.

Он сжал ее запястье пальцами, пытаясь остановить кровь.

— Вылечишься?

— Да.

Он все еще слышал боль в ее голосе. Из открытой раны все еще текла кровь. Ее кровь была такой красной, яркой и как будто с крошечными кристаллами, что отражали тусклый солнечный свет и искрились.

— Когда?

— Скоро. — Девушка закрыла глаза, но он успел заметить, как она украдкой бросила взгляд на вену, пульсировавшую на его шее. Виктория сжала зубы, оскалившись.

Рана все продолжала кровоточить. Девушка тяжело дышала. Почему не... и тут догадка заставила Эйдена помрачнеть. Она не собиралась ему об этом рассказывать. Просто бы терпела, пока они не расстались.

— Ты сможешь вылечить, если выпьешь крови, так ведь?

Она кивнула, медленно открыла веки, остановилась взглядом на парне. Судорожно вздохнула. Он буквально ощутил силу ее голода. К счастью ее сопротивление было почти сломлено, и он понимал это. Наконец.

Он отпустил ее руку и взял ее лицо в свои ладони.

— Тогда выпей моей крови. Пожалуйста. Я хочу, что бы ты это сделала.

Девушка впилась зубами в нижнюю губу.

— Не беспокойся. Я подкреплюсь позже. Все будет в порядке.

— Я хочу быть тем, кто тебе поможет. Вылечит тебя также, как ты вылечила мою губу той ночью.

Она запустила пальцы в его волосы, на ее лица отразилась мука.

— Что если ты возненавидишь меня за то, что стал моей едой? Что если я стану отвратительна тебе? Что если твоя кровь станет для меня наркотиком, и я буду брать ее каждый день?

О, да. Она была сломлена. Эйден наклонился, медленно, так медленно, что она могла остановить его в любой момент, и прижался своими губами к ее губам.

— Я никогда не смогу ненавидеть тебя. Ты никогда не будешь мне отвратительна. И я был бы бесконечно рад видеть тебя каждый день. Я уже говорил тебе это.

Ее ресницы, такие невозможно длинные, сомкнулись.

— Эйден, — выдохнула она и затем поцеловала его. Ее великолепные губы раскрылись. Он жадно потянулся к ее губам и их языки встретились.

Он ощутил на своих губах вкус жимолости, свежий и сладкий. Она обвила его шею руками, притянув ближе к себе. Она сильно, до боли сжала его в объятиях, но ему это только нравилось. Он запустил пальцы в ее шелковистые волосы. Его первый поцелуй и именно с той девушкой, о которой он столько мечтал, так долго желал и будет желать, возможно, всегда.

Это было все, чего он так хотел, если не больше. Она была такой нежной по сравнению с ним. Весь мир вокруг него замер, и только она имела значение. Она стала его миром, его якорем в этой набирающей силу буре.

Все, что предсказывал Элайджа начало сбываться. Сначала его встреча с Викторией, затем этот поцелуй, после которого он никогда не станет прежним. Он знал, что за ним последует и ждал этого, но он никак не мог бы подготовиться к тому удивительному моменту, когда она оторвалась от его губ, опустила голову к его шее и глубоко впилась в нее зубами. На секунду его пронзила острая боль от укуса, а затем опьяняющее тепло разлилось по телу, будто она ввела наркотик прямо в вену, пока пила его кровь.

— Я в порядке, — предупредил он на случай, если она беспокоилась за него. Он не хотел, чтобы она останавливалась, даже когда почувствовал, как закружилась его голова, а тело стало невесомым, он не хотел, чтобы она останавливалась. Эйден гладил ее по голове, лишь бы она продолжала.

Она поглаживала его затылок, запуская пальцы в его волосы. Ее язык надавливал на его шею, заставляя кровь течь прямо ей в рот. словно издали он слышал, как она глотает. Наконец, она отстранилась, часто и тяжело дыша.

Он издал разочарованный стон.

— Ты не должна этого пугаться, — сказал он. Опьянеет ли он и отправится в туннель? Его голос звучал невнятно и как бы издали. — Мне понравилось. Честно, ты совсем не

показалась мне животным.

— Эйден? — ужас прозвучал в ее голосе. И это было последним, что он услышал, перед тем как его колени подкосились, и он рухнул на землю.

Мэри Энн лениво ковырялась в своем обеде — китайской еде навынос, которую принес отец. Он пришел домой полчаса назад. Райли оставался с ней до последнего. Девушка хотела пригласить его пообедать с ними, представить его отцу, но ей пришлось позволить ему перекинуться волком и выпрыгнуть в окно, так как она не была уверена в том, что ее отец готов к встрече с ним. Ее отец мог бы подумать, что они совсем не учебой занимались.

А она уже скучала по нему. По его силе, по чувству защищенности, исходивших от него. Ей было важно его мнение, и в нынешней ситуации она как никогда нуждалась в его совете. Она могла бы подождать и попытаться стащить записи отца, как и предлагал Эйден — что ей совсем не хотелось делать, так это красть у своего собственного отца, ее лучшего друга, человека, который любил свою дочь больше всего на свете и никогда бы не поступил с ней также — или же она могла прямо спросить отца, это могло заставить его спрятать файлы Эйдена куда подальше.

Первое было не этичным, второе — слишком рискованным.

И как же ей следовало поступить?

Окружающие считали ее примерной дочерью, но благополучие ее отца для нее было так же важно, как и Эйдена. Должен быть способ, который устроит их обоих.

— Не голодна? — Отец собрал лапшу в маленькую кучку в своей тарелке. — Я думал цыпленок с апельсиновым соусом и говядина ло-мень соблазнят тебя, даже если ты уже успела перекусить.

Девушка со вздохом отодвинула тарелку.

— Я просто... немного ушла в себя.

Лапша свесилась между зубцами застывшей на полпути вилки.

— Ты о чем-то хочешь поговорить?

— Да. Нет. — Опять вздох. — Я не знаю.

Он засмеялся и положил вилку.

— Ну, что такое?

— Мне нужно поговорить с тобой, но я не хочу.

Улыбка сошла с его лица, и он нахмурился.

— Ладно, звучит серьезно.

Он даже понятия не имел, что происходит. Иначе бы пристально на нее посмотрел, прочитал ей лекцию и, возможно, занес бы ее в файл.

— Я... — Медленно и спокойно. — У меня есть вопрос.

Отец обошел стол и поддерживающе положил свою ладонь на ее.

— Ты же знаешь, что можешь спрашивать меня о чем угодно.

Это они еще посмотрят...

— Это об одном из твоих пациентов.

Его взгляд стал твердым, и он отрицательно замотал головой.

— Что угодно, кроме этого. Пациенты доверяют мне хранить их секреты, Мер. Не говоря уже о том, что обсуждать их — незаконно.

— Я знаю, я знаю. — Она ожидала, что он так и скажет и не позволила сбить ее с толку. — Дело в том, что несколько недель назад, я встретила парня. Мы стали очень хорошими друзьями.

Тишина.

Ее отец облокотился на стул и скрестил руки на груди.

— Хорошо. Почему я только сейчас об этом слышу, и что Такер думает о твоей дружбе с другим парнем?

— Что думает Такер — не важно. Мы официально расстались.

Тотчас же он превратился из допрашивающего отца в я-здесь-с-тобой отца.

— О, дорогая. Как ты себя чувствуешь после расставания? Я знаю, что не всегда одобрял ваши отношения. В том смысле, что рядом нет парня, который был бы достаточно хорош для тебя. Но я перестал выражать свое недовольство, потому что хотел, чтобы ты была счастлива.

— Я в порядке. Мы расстались по моей инициативе. Он изменял мне. — Признать это вслух было легче, чем ей казалось. Все еще сбита с толку, но не раздавленная.

— Мне так жаль. — Он снова наклонился к ней и взял ее за руку. — Я постоянно консультирую пары, столкнувшиеся с изменой одного из партнеров и обычная реакция пострадавшей стороны, как и у тебя — чувство собственной неполноценности. Чувство, что его использовали.

Даже при том, что Такер больше не был ей нужен, именно так она себя и чувствовала. Она осознавала, что это даже влияло на ее желание быть с Райли. Она автоматически представила, что он думает, что она слишком скучная для него.

— Иногда это просто случайная ошибка, которая больше не повторится и виновный получает важный урок, — продолжил ее отец, — того, что человек, который рядом, важнее мимолетного удовольствия. Хотя многие не делают этого вывода, а претворяются, что могут иметь все и сразу.

— Такер точно претворялся. — В этом она не сомневалась. В конце концов, он же демон. Это все еще поражало ее. Она собиралась расспросить у Райли, что значит быть демоном, но тут Эйден исчез, и они провели несколько часов, обыскивая дом и лес, пытаясь найти его. Райли даже обернулся волком и метнулся на ранчо. С его острым обонянием будет легко его выследить, как он сказал, но даже ему не удалось найти ни следа.

Затем, оставшись одни, они коротали время за беседой. Райли расспрашивал о ее детстве, о ее любимой еде и выслушал ее пятнадцатилетний план без всякого осуждения. Казалось, он был впечатлен ее целеустремленностью.

— Важно понимать, что каждый человек борется за внимание других людей, но то, как они поступают с чувствами, показывает, какие они есть на самом деле, — произнес ее отец. — Ты знаешь ту девушку, с которой он тебе изменил?

Мэри Энн кивнула, но не призналась, кто именно, а только добавила.

— Спасибо за совет. — Родители Пенни могли не знать еще о ее беременности, а Мэри Энн из-за оставшихся к ней теплых чувств не открывала подробностей. — Вообще-то я хотела поговорить с тобой о том другом парне. У него происходили тяжелые события в прошлом, и он сталкивается с такими вещами, которые ни с одним человеком его возраста не происходят.

Ее отец слегка постучал пальцем по подбородку.

— Я понимаю, куда ты клонишь.

Подожди-ка. Что?

— Понимаешь?

— Ты хочешь, что бы я поговорил с ним, помог ему.

— Нет. Я хочу, что бы ты... рассказал мне о нем.

Он непонимающе поднял бровь.

— Я не понимаю. Он же твой друг. Что я могу знать о нем?

— Я думаю... я думаю, он был одним из твоих пациентов. — Ну же. Просто скажи. — Его зовут Эйден Стоун.

Сначала ее отец шумно выдохнул. Затем побледнел. Затем едва заметно напрягся. От нервного напряжения желудок Мэри Энн скрутило, пронзая тупой болью при каждом вдохе.

— Ты же знаешь его, — только и смогла произнести девушка.

Он отвернулся, мускул задергался на его лице.

— Встречался однажды.

— Ты выгонял его из своего кабинета?

Вместо ответа он резко выпрямился. Задетый стул громко проехался по кухонной плитке.

— Уже поздно. — Никаких эмоций в его голосе, только отстраненность — его мысли унеслись в какое-то другое место. — Тебе бы следовало принять душ и немного поспать.

— Я бы лучше с тобой поговорила. Эйдену нужна помощь, пап. Хотя и не такая, как ты думаешь. Так что даже не пытайся запрещать мне с ним видаться. Я люблю его как брата и хочу видеть его счастливым. И единственный способ для него стать действительно счастливым — узнать, как освободить людей...

— Хватит! — он с силой ударил кулаком по столу, так что подпрыгнула посуда. Его взгляд пылал. В нем отразилось не ярость или злоба, а скорее отчаяние. Только один раз она видела у него подобный взгляд. В тот самый день, когда умерла ее мать, и он должен был рассказать ей эту новость. — Хватит, — повторил он решительно. — Мы не будем это обсуждать.

Испуганная она застыла на месте, не смея даже вздохнуть. Что он имел в виду? С чего такая бурная реакция?

— Но он же говорил тебе, что однажды мы с ним встретимся, и он станет моим другом. Даже ты не можешь отрицать, что он не был обычным душевнобольным маленьким мальчиком, а...

— Я же сказал — хватит. Отправляйся в свою комнату. И это не просьба, это приказ. — С этими словами он развернулся и вышел. В коридоре громко хлопнула дверь. Дверь в его кабинет, как она догадалась. В кабинет, в который он никогда ее не впускал.

Ее отец помнил Эйдена. Это было очевидно. Но что именно он помнил? Из-за чего ее обычно мягкий отец вдруг превратился в такое озлобленное существо?

***

Эйден очнулся от толчка. Он понял, что сидит и ему тяжело дышать, майка на груди промокла от пота. Диким блуждающим взглядом парень осмотрелся вокруг... он был в своей спальне, как оказалось. Нахмурившись, он подумал: сколько уже времени? Через окно светила нарастающая луна — значит уже глубокая ночь. В доме было так тихо, до звона в ушах. Все спали.

Он был дома, хотя понятия не имел, как попал сюда. Он так и не занялся домашними делами и не поговорил с Дэном. Последние, что помнил — он стоял посреди леса с Викторией и ее зубы, вонзающиеся в его шею.

Он резко осмотрелся по сторонам. Где же...

— Шшш. — Виктория вдруг оказалась сидящей рядом с ним. Она прижала палец к губам. — С тобой все хорошо. Тебе не о чем беспокоиться. Я обо всем позаботилась. Я убрала в конюшне и накормила лошадей, хотя они и не рады были меня видеть. Я убедила Дэна и остальных, что ты вернулся во время. Дэн даже думает, что вы мило поболтали о твоей учебе.

Медленно его одеревенелые мышцы приходили в норму. Он сторбился и почувствовал боль в шее. Он потрогал место укуса, но не обнаружил никаких его следов. Должно быть, она залечила раны. Так же как сделала это с его губой?

— Спасибо, — пробормотал он, несколько смутившись от того, как много она для него сделала. Он был парнем, а она девушкой. Это он должен был заботиться о ней. — Райли сильно разозлился?

— Нет. Я вернулась, как мы и договорились, а он, в свою очередь, отвел меня домой. Затем он снова отправился к Мэри Энн, а я улизнула обратно к тебе. Прости, я выпила так много твоей крови, Эйден. — Она схватила его за запястье, с такой силой, что могла бы сломать ему руку. Но он даже не подал виду. Он был рад любому прикосновению Виктории. — Мне следовало остановиться, я должна была остановиться, но твоя кровь была такой приятной на вкус, гораздо вкуснее, чем у кого-либо другого, и все о чем я могла думать — что хочу больше.

Несмотря на боль, Эйдена передернуло от воспоминания. У него пересохло во рту.

— Я же говорила, что я как животное, — расплакалась вампирша.

— Это не так. — Чем бы она его не накачала, когда укусила... Боже. Он хотел этого еще. — То, что ты сделала... Я бы соврал, если бы сказал, что мне это не понравилось.

— Да, но...

— Никаких но. Тебе нужна кровь, для того чтобы жить, и я хочу давать тебе ее. Пока я жив, я хочу, чтобы именно ко мне ты приходила, если почувствуешь голод. — Большим пальцем он провел по гладкой коже ее запястья. Ее пульс участился.

Девушка всхлипнула.

— Ты так говоришь, как будто не всегда будешь рядом, как будто знаешь, что скоро исчезнешь.

Стоило ли рассказать ей про видение Элайджи?

Эйден закинул свободную руку за голову и уставился в потолок. Если он расскажет ей, она может решить уйти из его жизни, навсегда. Обреченный парень — не самый лучший вариант для бойфренда. Еще она может попытаться спасти его — что бесполезно и только принесет ей боль. Пытаться изменить видение Элайджи — все равно, что пытаться остановить прилив волн. Да, можно построить плотину, но в конечном итоге ее прорвет, и последствия будут еще хуже.

Только однажды Эйден попытался спасти человека, смерть которого он предвидел. Он не дал сесть в машину одному из своих докторов, которая в его видении должна была попасть в автомобильную катастрофу. К несчастью, она избежала аварии, но все равно умерла чуть позже в тот же день. Арматура упала на нее с верха здания и прошила ее насквозь. Вместо того чтобы мгновенно умереть за рулем, она умирала медленно и очень мучительно. Он содрогнулся от воспоминания.

Бросит ли его Виктория или нет, она заслуживает знать правду. Она заступилась за него перед ее отцом, она подарила ему лучшие дни его жизни, когда смеялась с ним, целовала

его, пила его кровь.

— Иди-ка сюда, — сказал парень. Он выпустил ее ладонь и протянул свою руку, предлагая объятие. С нетерпением она потянулась и прижалась к нему, положив голову на плечо. — Я должен что-то рассказать тебе. Что-то, что тебе не понравится и, скорее всего, испугает.

Виктория напряженно протянула.

— Хорошо.

Решившись, он произнес.

— Я видел свою собственную смерть.

— В каком смысле?

Ему послышался ужас в ее голосе и мольба, чтобы он сказал, что все это всего лишь шутка. Вместо этого он с твердостью в голосе продолжил.

— Иногда я могу видеть, когда люди умрут. Иногда я вижу, как они умрут. Не так давно я увидел свою собственную смерть, так же, как я видел тысячи других.

Девушка приложила ладонь к его груди, в том месте, где было сердце. Ее рука дрожала. — И ты никогда не ошибаешься?

— Никогда.

— И когда это должно произойти? Как?

— Я не знаю когда, в видении я был ненамного старше, чем сейчас. Я был без майки, а на моей груди справа было три раны.

Она села прямо, ее шелковые волосы рассыпались по плечам и спине, и посмотрела на его живот. Без всякого разрешения она задрала его майку. На нем были шрамы, но не те три параллельных, что он видел в своем видении.

— Для того чтобы на тебе появились шрамы, тебя должны поранить, и должно пройти время, чтобы порезы зажили.

— Да.

Виктория была полна решимости.

— Сразу, как только ты отдохнешь, ты расскажешь мне все, что знаешь об этом видении, и мы обязательно сделаем все, что в наших силах, чтобы оно не сбылось. Смысл знать что-то заранее и не суметь изменить этого?

Эйден поднял руку и нежно коснулся ее щеки. Она закрыла глаза и подалась навстречу его прикосновению. В любое другое время он бы подробно поведал ей о последствиях попыток предотвратить чью-то смерть. Но с нее было достаточно информации для одной ночи. Здесь и сейчас ему еще о стольком нужно было поговорить и столько еще сделать.

— А ты не заметила ничего необычного в моей комнате? — спросил он. — Или что-то необычное в людях здесь на рачно? — Возможно, Оззи был таким ангелом сейчас из-за того, что прошлое изменилось. Эйден мог бы надеяться на это.

Вампирша с облегчением выдохнула и снова уютно устроилась у него под боком. В этот раз она так крепко обняла его за талию, будто боялась его отпустить.

— Единственную разницу, которую я заметила — это куча таблеток на твоём столе. Не помню, что бы я раньше их видела.

— Таблетки?

Несмотря на протесты девушки, он встал и прошел через всю комнату к столу. На первый взгляд, все было как обычно. Вот его АйПод. Несколько недель назад, кто-то оставил его в парке на скамейке и Эйден взял его себе. Он перевел взгляд дальше. Край стола был

заставлен банками с таблетками. Он хватал банки одну за другой и читал наклейки. Неудивительно, что его спутники молчали с тех пор, как он очнулся — он был накачан лекарством по завязку.

— Ребята?

Ответа не последовало.

— Ребята! — еще раз позвал парень. Что если это лекарство нанесло им непоправимый вред? Что если они никогда не вернуться? Эйдену казалось, он перепробовал столько всяких таблеток, но никогда они так не действовали на него. Он присмотрелся к наклейке и подумал, что никогда не слышал о таком лекарстве. Возможно, экспериментальное?

Ему хотелось, чтобы души ушли из его головы, чтобы зажили своими собственными полными и счастливыми жизнями. Он бы лучше жил без них, чем наблюдал за их смертью.

Элайджа говорил ему о том, что один из них покинет его в этой новой измененной реальности. Он предположил, что кто-то из них найдет для себя тело. Что если это значило, что один из них будет убит внутри него? У Эйдена подкосились ноги — какого черта он натворил?

Он уставился на имя доктора, напечатанное на банке. Теперь уже не доктор Куин, а доктор Хеннесси.

— Ребята!

Наконец Ева подала голос.

«Я так устала».

«Не могу думать», — вымучено протянул Каледб.

«Просто жуть хочется спать», — добавил Элайджа.

Джулиан не отозвался.

— Джулиан, — настаивал Эйден напряженным шепотом. Ничего. — Джулиан! — позвал он громче.

Все так же тишина.

— Джулиан, клянусь Богом, если ты не заговоришь, то я...

«Слишком громко», — невнятно пробормотал Джулиан. — «Давай потише».

Эйден облегченно опустил плечи. Слава Богу. Все они были на месте, живы и здоровы. Во всяком случае, насколько они могли быть таковыми.

«Что произошло?» — спросила Ева.

Он рассказал им о лекарстве. Как и он, они сохранили память о себе прежних. Никто из них не изменился в тот момент, когда изменилось прошлое. В любом случае не мешало бы узнать, что с ними произошло.

Эйден обернулся в сторону кровати, но Виктории там уже не было. Он не слышал, как она подошла — просто вдруг оказалась рядом с ним. Руки обняли, крепко держа.

— Я должна возвращаться, — сказала она, уткнувшись носом в его шею. — Моя семья просыпается в это время ночи, и я должна быть дома. Другие оборотни, не только Райли, дежурят вокруг ранчо, чтобы ты был в безопасности. За домом Мэри Энн также присматривают.

Эйден взял в свои ладони ее лицо и слегка поцеловал ее в губы.

— Я увижу тебя... — И замер как столб. Кто-то был за окном, заглядывал в его комнату. Смотрел на него. Эйден толкнул Викторину тебе за спину. — Спрячься, — сказал он ей, ища взглядом свои кинжалы. Куда она их положила?

— Что... — Девушка обошла его и посмотрела туда же, куда и он. — Нет. Нет, нет,

нет, — простонала она. — Не его. Кого угодно, только не его.

С чего это волки подпустили кого-то подозрительного так близко к ранчо?

— Ты знаешь его? — Эйдена накрыло волной ревности. Этот человек, или кем бы он там ни являлся, был высоким блондином с золотистыми глазами. Кто же он такой? Что он такое? Внимательно присмотревшись, он понял, что это вампир. Его кожа была такой же бледной, как и у Виктории, клыки выглядывали из-под губы, сверкая белым — он мог быть только вампиром.

Девушка отошла от Эйдена. Он потянулся за ней, собираясь вернуть ее обратно.

— Не трогай меня, — ее голос еще никогда не был таким холодным.

— Виктория?

Она легко скользнула к окну.

— Я же говорила тебе, Эйден, держаться от меня подальше и я не шутила. — И с этими словами растворилась в неясном движении.

***

Когда Райли запрыгнул в окно Мэри Энн в час ночи, она сидела краю своей кровати, окруженная темнотой, и, обхватив себя руками, раскачивалась взад-вперед.

Она не издала ни звука, пока он пробежал мимо нее в ванну. Не сказала ни слова, когда он вышел одетый и присел перед ней.

— Мэри Энн, — прошептал он, проведя кончиком пальца по ее щеке. — Все хорошо?

Кожа его рук была теплой и немного шершавой от мозолей. Прикосновение действовало успокаивающее. Девушка не смогла удержаться, чтобы не положить голову ему на плечо. Сначала он вдруг напрягся. От чего? Затем он свободной рукой обнял ее за талию, притянул ближе к себе, и она тут же обо всем забыла.

Он был одет в те же майку и джинсы, в которых всегда ходил у нее дома. И никакого нижнего белья, как вдруг ей подумалось. Эта мысль заставила ее залиться румянцем от смущения.

Райли усмехнулся, что значило, что он заметил ее смущенный румянец.

— А вот и волнение.

— Зачем ты вернулся? — спросила она, что сменить тему. Она не хотела посвящать его в причину своего волнения.

— Я оставил Викторию дома. И сейчас — мое личное время.

— Что если она снова сбежит? — Что-то в выражении лица Виктории раньше подсказывало, что это было бы вполне вероятным. Кроме того, для того, чтобы быть с Райли, Мэри Энн и сама поступила бы также. И в кого ты превращаешься? Она не хотела, что бы у Райли были проблемы.

Он криво улыбнулся.

— Кое-кто другой сегодня ночью в ответе за ее безопасность.

— Кто? Зачем?

— А это уже секрет Виктории. Не мой, — сказал он внезапно бесцветным тоном. — А теперь скажи-ка мне, о чем ты думала, когда я запрыгнул в твоё окно.

Она подняла голову и посмотрела на свои руки.

— Мой отец знает Эйдена. Я только упомянула его имя, а мой отец начал себя так странно вести. Он закрылся в своем кабинете и до сих пор оттуда не вышел.

— Ну, сейчас-то он спит.

Девушка подняла глаза.

— Ты уверен?

— Уверен. Я подсмотрел за ним, и его аура белая, спокойная. К тому же он храпел. — И снова Райли провел кончиком пальца по ее щеке.

Его прикосновение заставило ее снова заливаться румянцем.

— Снова волнение. — Его губы растянулись в улыбке.

Мэри Энн хотелось откинуть свои волосы — или его — от смущения.

— Перестань читать меня.

Его улыбка чуть побледнела.

— Почему?

— Это нечестно. Я же не могу знать, что ты чувствуешь.

Оборотень приподнял бровь.

— В таком случае позволь мне поделиться. В любой момент, с уверенностью могу сказать, я думаю о тебе, и меня также эти мысли заставляют волноваться.

— О. — Ух-ты. Смущение пропало. — Значит... я нравлюсь тебе также как и ты мне?

— Ну, а с чего еще я бы крутился все время рядом? С чего бы еще мне иногда хотелось бы разорвать твоего хорошего друга Эйдена? Слишком хорошего друга, как по мне. А что ты чувствуешь?

Мэри Энн наблюдала за ним недоверчивым взглядом.

— Не можешь догадаться?

— Просто скажи, — слегка прорычал он.

— Ну ладно, — внезапно ей захотелось рассмеяться. — Да. Ты мне нравишься.

Его грубые черты лица разгладились.

— Хорошо. Это хорошо. — Он погладил ее волосы и вздохнул, взглянув на будильник на ее тумбочке. — Еще больше, чем продолжить этот разговор, я бы хотел найти файлы, которые нужны Эйдену. Виктория настояла, чтобы я сделал все, что смогу.

— Что-то мне подсказывает, что они у моего отца.

Нахмурившись, Райли резко поднялся.

— Есть только один способ это узнать.

— Я знаю, — вздохнула девушка. Она долго спорила об этом сама с собой и наконец решила — подождать пока ее отец уснет, а затем спуститься и поискать.

— Не беспокойся, — сказал оборотень. — Я сам их достану. Тебе не надо в этом участвовать.

Это то, чего она хотела? Мэри Энн обещала помочь Эйдену. И как однажды сказал ее учитель истории — счастливое будущее невозможно без знания своего прошлого. — Возможно, ее отец заметил что-то в Эйдене, что могло бы указать им правильное направление.

Свидетельство о рождении еще не пришло, так что они не знали, кто были его родители и не могли отправиться в госпиталь, где он родился, чтобы поднять его медицинские записи. Единственная надежда была на то, что какие-то сведения хранятся в записях ее отца.

Я не трусиха. И я всегда держу свои обещания.

Кроме того, будет лучше, если она заберет эти файлы, чем кто-то другой. Она бы, так сказать, сохранила бы их в семье.

Мэри Энн встала, распрямив плечи.

— Сделаем же это. Вместе. — И затем сделала то, что удивило их обоих. Она встала на цыпочки и быстро поцеловала его в губы. — Спасибо, что вернулся помочь мне.

И только она попыталась двинуться, как Райли взял ее за руки и вернул на место. Его глаза сияли.

— В следующий раз, когда ты решишь сделать это...

— Что? — напряглась девушка. — Немного намекнуть тебе?

— Нет. — Райли широко улыбнулся. — Не спеши.

Из записей журнала заболевания. Психиатр: доктор Моррис Грей

23 января

Субъект А. Что я могу сказать о нем? Впервые, когда я его увидел, он напомнил мне мою дочь. Не внешностью, конечно, в этом плане они совершенно разные. И не поведением. В то время как моя дочь полна энергии, беззаботна и улыбчива, А — тихий и робкий, боится смотреть людям в глаза. Никогда не видел, чтобы он улыбался. Моя дочь счастлива, когда окружена людьми. А предпочитает оставаться в тени, одиночестве, не привлекать к себе внимание. Но я вижу страстное желание в его взгляде. Он хочет быть частью общества, быть принятым. Но не из-за этого болит моя душа. Мою дочь и А делает похожими любовь, которую я чувствую к ним. Что в случае моей дочери вполне объяснимо, а в случае А — нет.

Тем не менее, любовь — именно то, в чем нуждается А. Никто не любил его с тех пор, как родители бросили его, в то время как мою дочь холили и лелеяли всю ее жизнь. Именно поэтому она улыбается, а он — нет. И к тому же, не смотря на такое разное их прошлое и противоположные характеры, они оба глубоко ранимые, что так и исходит от них. Есть в них что-то, что оставляет след в чужой душе и не дает остаться к ним равнодушным. Что-то, что оставляет их образ в памяти навсегда.

Я заметил, как некоторые пациенты смотрят на А. Они тоже это чувствуют. Чувствуют притяжение к этому юноше и не знают почему.

Хотя забавно, что в основном им интересуются пациенты, которые оказались здесь потому, что видят вещи, которые другие не видят, разговаривают с людьми, которых нет, и думаю, что они порождения ада.

Во время терапевтических встреч, я спрашивал нескольких из них, почему они смотрят на А так пристально. Ответы всегда были одинаковыми: он притягивает меня.

Эти ответы удивляли меня каждый раз, потому что я чувствовал, как меня тянет в эту лечебницу с той же силой, с какой их тянуло к этому мальчику. Я проезжал мимо, и меня наполняла уверенность, что я хочу здесь работать, хотя у меня и уже была работа — хорошо оплачиваемая частная практика, которую я не имел намерения бросать. Я мог бы подняться по карьерной лестнице и в итоге стать одним из партнеров. Но все это перестало иметь значение в том момент, когда я проехал мимо Психиатрического госпиталя Кингсгейт.

Я чувствовал желание, даже необходимость, войти туда. Я хотел остаться там работать навсегда. Но самым удивительным среди моих мотивов оказалось то, что моя дочь, которая тоже была в машине, расплакалась, когда мы проезжали мимо. Она была совершенно счастлива, сидя на заднем сиденье моего седана и намазывая губы любимым бальзамом для губ, как вдруг разрыдалась навзрыд. Я спросил ее, что случилось, но она только терла грудь, как если ей было больно, и не могла ничего объяснить.

Больше я не проезжал с ней мимо этого места, но сам вернулся туда. Чувство

необходимости, долга быть там все росло. И, когда я увидел А в первый раз, меня наполнило стремление обнять его. Принять его как любимого члена семьи. Может, я схожу с ума?

17 февраля

Субъекта А сегодня избили. Пациент, который это сделал, уверенно заявил, что хотел только, что бы исчезли те невидимые узы, которые связали его с этим мальчиком и с которыми он больше не мог жить.

Я наконец смог обнять А. Он не вспомнит этого, конечно, потому что был без сознания и накачан седативными, что лучше для нас обоих. На самом деле я не мог дать ему то, чего он хочет — семью, дом. Вместе с тем, я и не хотел его отпускать. От этих мыслей даже слезы наворачивались на глаза.

И снова я чувствовал, что со мной что-то не так.

18 февраля

Субъект А полностью пришел в сознание. Я поговорил с ним недолго, так как из-за обезболивающих его мысли путались, и он с трудом соображал. В какой-то момент мне показалось, что он назвал меня Джулианом, но я не уверен.

Должен быть способ помочь ему. Я же могу хоть чем-то ему помочь. Он же хороший ребенок, с добрым сердцем. Один из пациентов навестил его, и А не сводил глаз с мармелада, который тот держал. Без всяких колебаний А схватил упаковку с мармеладом, как если бы это было единственным, что он мог есть и ничего другого он не получит. Ну или не должен был получить. Через час я принес ему две упаковки мармелада.

21 февраля

Мой первый реальный сеанс с Субъектом А. Ему была диагностирована шизофрения несколькими докторами и, откровенно говоря, хотя она крайне редко случается с детьми младше шестнадцати лет, я вполне понимаю их выводы. У него обнаруживалась тенденция уходить в себя во время разговора и бормотать с людьми, которых рядом нет.

Верил ли я сам в этот диагноз? Не уверен. И не потому что эта болезнь редко обнаруживается в детстве. Если быть честным, мои сомнения меня расстраивали. Один раз я уже проходил через подобное, и это закончилось несчастьем, с которым я все еще пытаюсь справиться. Печаль снедает меня. Но это совсем другая история.

После встречи с А, я внимательно прочитал его дело и нашел кое-что интересное. Спустя три месяца после поступления в госпиталь, он дважды сбегал из запертой комнаты, просто исчезал, не оставляя никаких следов, как бы он мог это сделать. В обоих случаях, он потом появлялся в комнатах, в которых никак не мог бы оказаться. Все думают, что он просто научился открывать замки отмычкой

и сам считает это все шуткой и безобидной игрой. Но эта история расстраивает меня. Я имел дело с подобным раньше. Не с ним, а с кем-то, кого я люблю.

Полагаю, я не буду ждать, когда мне выдадут новый журнал, чтобы рассказать, в конце концов, о другом пациенте. С матерью моей дочери происходили те же самые вещи. То есть до того, как она забеременела. В один момент она могла идти по комнате мне навстречу, а в другой — просто пропадала прямо у меня перед глазами. Я обыскивал весь дом, но нигде не находил ни следа ее. Это повторялось шесть раз. Шесть чертовых раз. Зачастую она появлялась спустя несколько минут. Но однажды она вернулась только через два дня.

Каждый раз я спрашивал, где она была, как она так пропадала. Каждый раз она, рыдая, она отвечала одно и то же: она отправлялась в прошлую версию себя. Какое-то путешествие во времени. Я знал, что это было не возможно, но она продолжала настаивать. Я просил у нее доказательств, но у нее их не было.

Из-за нее я взялся за это дело. Я хотел понять ее, помочь. О, как же я ее любил. И до сих пор люблю. Я не могу скрывать это, хотя и стоило бы. Я так ее подвел. Только раз ей удалось почувствовать себя нормальной — во время девяти месяцев беременности, пока она носила мою дорогую девочку. А после мне не выдался случай ей помочь.

Руки Мэри Энн тряслись, переворачивая следующую страницу отцовского журнала. Она и Райли стянули его из рабочего кабинета, пока ее отец спал, положив голову на клавиатуру компьютера. Он заснул, просматривая свои записи об Эйдене, или точнее «Субъекте А», так что им пришлось вытаскивать их из-под его головы. То, что он хранил их здесь, и их так легко было достать, было удивительным, но тем самым доказывало, как много эти записи для него значили... или, возможно, как часто он их перечитывал.

Мэри Энн до сих пор сидела, погрузившись в чтение. Тошнота накатывала на нее все сильнее. Сначала термин Субъект А смутил ее, но потом она поняла, что так ее отец сохранял тайну личности Эйдена. Даже в его собственном журнале. Но она понимала, что речь идет об Эйдене и о том, что он перенес... о печали, которую ее отец испытывал по поводу странных сомнений в болезни мальчика... о том, как ее отец писал о ее матери, как если бы она была мертва к этому времени, говорил о ней исключительно в прошедшем времени — все это не укладывалось у Мэри Энн в голове.

В то время, когда он вел этот журнал, ее мать была жива и здорова и заботилась дома о Мэри Энн. И почему он не мог позволить кому-то узнать о своей любви к ней, его собственной жене? Может быть, в этой истории было что-то, чем некоторые мужья и жены не очень гордятся?

Все еще дрожа, Мэри Энн продолжила читать...

1 марта

Мой второй сеанс с Субъектом А.

После вчерашней драки все пациенты находятся в каком-то буйном состоянии. Кажется А сказал одному пациенту, что он умрет в этот день от вилки в горле. Этот пациент пришел в бешенство и напал на А. Те, кто из больных в тот

момент находился рядом, тоже полезли в драку. Медицинскому персоналу пришлось вмешаться, чтобы остановить дерущихся и обколоть их успокоительным. Когда участников растащили, все увидели пациента, которому А предсказывал смерть. Он лежал на полу, с вилкой вонзенной глубоко в горло и в луже крови.

Все, что нам известно — А этого не совершал. Ему удалось выскользнуть из этой толчеи, и он сидел, скрючившись и прижавшись к стене боком. А в это время другой пациент, обхватив вилку рукой, пытался воткнуть металлические зубы все глубже. Совершил ли этот пациент умышленное убийство из-за слов Эйдена? Хотя как Эйден мог знать, что этот парень спрятал вилку в рукаве? Мог ли он вообще знать об этом и надеяться, что именно так все произойдет, как он описывал? Спровоцировал ли он это событие?

Когда я задал Эйдену эти вопросы, он ничего мне не ответил. Бедный ребенок. Он вероятно думал, что теперь у него будут большие неприятности. Или, возможно, он чувствовал вину. Или боль. Мне нужно сблизиться с ним, заслужить его доверие.

4 марта

После нашей последней встречи с Субъектом А я все еще находился в некотором потрясении. Возможно, мне стоило бы воздержаться от общения с ним. Возможно, тогда бы наша третья встреча не оказалась последней.

А был сегодня не таким как обычно. Что-то в нем было не так... его взгляд казался слишком взрослым для его лет, слишком много понимающим для одиннадцатилетнего мальчика. Меня это тревожило.

Во-первых, беседа шла, как я и надеялся. Он начал отвечать на мои вопросы, а не увиливать, как обычно, А наконец позволил мне заглянуть в его разум и понять, почему он делает то, что делает. Почему он говорит все эти странные вещи. Что он сам думает о том, что происходит в его голове. Он сказал, что четыре человеческих души заключены внутри него.

Я не стал с этим спорить, так как для А это был такой способ справиться с тем, что происходит с ним. Пока он не упомянул о Еве, что заинтриговало меня. Насколько я понял, Ева обладала возможностью путешествовать во времени. Как и моя жена, которая заявляла, что способна делать то же самое.

Все, что сказал А соответствовало ее объяснениям. Они не просто рисковали своим прошлым, а еще и своими собственными жизнями. Они изменяли события. Они были в курсе событий. Если еще прибавить к этому соответствующие исчезновения и факт, что глаза А внезапно меняли цвет на светло-карий, хотя обычно были черными... на мгновение мне показалось, что я как будто разговаривал с матерью Мэри Энн.

Это ощущение выбило меня из равновесия, я признаю это. Настолько, что меня немного понесло. Я даже выгнал А из своего кабинета. Узнать о моей жене он мог, только если взломал мой офис, влез в мои дела и прочитал личный журнал.

Ну, или он говорил правду.

Часть меня, та часть, которая отчаянно желала доказать, что моя жена не

душевнобольная, хотела поверить ему. Но как я мог поверить А, если даже не верил своей жене? Я заставлял ее страдать каждый раз, когда она пыталась мне объяснить мне, что с ней происходит. Я разрушил ее доверие, заставил думать, что она сумасшедшая. Поверить А, с которым я едва знаком, значило признать, что она была права и я зря мучил ее.

Как бы я мог жить с чувством вины, что мучил любимую женщину? Не мог, и я знал это. Так что я вышвырнул А и сразу же уехал из лечебницы. Я даже уволился оттуда. Этот ребенок упомянул о моей дочери. Он говорил о ней в полной уверенности, говорил такие вещи, о которых никак не мог знать. Никогда в жизни я еще не был так потрясен и раздавлен.

Поверить в то, что он говорит правду... Я не могу. Я просто никак не могу. И даже если то, что он мне сказал, сбудется... Я не верю.

8 мая

Это как будто снова моя жена умерла. Я не могу выбросить мысли об А из головы. Я замечаю, что постоянно думаю о нем, беспокоюсь как он, что делает, кто обижает его. Но я не позволю себе взять телефон и позвонить проверить. Я потерял объективность в отношении этого мальчика. Я не смог помочь любви всей моей жизни и, конечно, я не смогу помочь ему. Полностью разорвать с ним всякую связь — лучшее решение. Разве не так? Я привык так думать. Но до сих пор меня преследуют два слова.

Что если...

Моя нынешняя жена видит мою озабоченность и уверена, что я думаю о другой женщине. О той, которую я люблю больше, чем ее. Я пытался убедить ее, что это не правда, но мы оба знаем, что так оно и есть. Я никогда не любил ее так, как она того заслуживала. Мое сердце и душа принадлежали другой.

Мне не стоило устраиваться на работу в ту лечебницу. Мне не стоило брать дело А.

Так много вопросов, подумала Мэри Энн в изумлении. И столько вещей уже не имело смысла. Ее отец упоминал одновременно о жене и о «нынешней» жене. Одна и из них была душевно больной женщиной, которая дала ей жизнь. Другая была совершенно в своем уме и вырастила ее. И это все одна женщина. Не могло же у него быть двух жен? Если только...

Женщина, которая ее вырастила, не была ее матерью? И снова, это не имело смысла. Мэри Энн была похожа на свою мать. У них была одна и та же группа крови. Без сомнений они были родственниками.

И она не сомневалась, что ее мать любила ее больше всего на свете, так как и должна настоящая мать. Эта женщина ухаживала за ней, когда она болела, поддерживала ее в трудные моменты. Они вместе пели и танцевали, когда у нее было хорошее настроение. Устраивали чайные вечеринки и гонки на розовых детских машинах. Уж что Мэри Энн знала точно, так это то, что ее любили.

Возможно ли, чтобы ее отец был женат на двух разных женщинах, которые были

похожи внешне? И первая родила ее, а вторая воспитала? Возможно, хотя и притянута за уши. Но если так, почему он никогда не рассказывал о ней?

Ей очень не хотелось, но она вернула журнал Райли. Он долго смотрел на кожаный переплет, прежде чем перевел взгляд на Мэри Энн. Он, молча, наклонился и поцеловал ее в губы. Мягко, нежно, желая утешить.

Слезы жгли ее глаза.

— Отнеси его обратно в кабинет, пожалуйста. Я не хочу, что бы отец знал, что я брала его.

Райли кивнул. Продолжая смотреть ей в глаза, он скрылся за углом. После он уже не вернулся в ее спальню... солнце начало восходить, и он должен был возвращаться. Она понимала это, но все равно чувствовала, что уже скучает по нему. Он был рядом, пока она читала этот журнал, и успокаивал, как мог.

Сегодня она не могла идти в школу. Она была слишком под впечатлением от прочитанного. Ей нужно было побыть в одиночестве. И не только поэтому. Побыть вдали от отца, от Эйдена, даже от Райли и дать себе время все обдумать. Ей нужно было время переварить последние события. Ложь.

Она с раздражением вытерла наворачнувшиеся слезы. Ей нужен был Райли. Чтобы он снова ее обнял. Поговорить с ним, высказать все накопившиеся вопросы и выслушать его мнение. Ну почему он ушел? Куда он ушел? Забрать Викторию и отвести ее в школу? Разве сейчас она не нуждалась в его защите? Ведь чтобы защищать ее, он должен быть рядом.

По крайней мере, он мог бы и попрощаться.

Боже, когда она стала такой размазней?

Но сейчас это не имело значения. Все было не важно, кроме одного — Эйдена. Теперь она знала, что он говорил правду. Ее отец действительно выгнал его из своего кабинета. И причиной тому была любовь к ее матери, ее настоящей матери? Женщине, которая была немного не в себе? И Эйден пробудил воспоминания о ней, что заставило отца потерять контроль над собой?

Внизу загревели посудой, и девушка поняла, что отец уже проснулся. Она встала с кровати, приняла душ и оделась, как будто бы собираясь в школу. На кухне приготовленный отцом завтрак ждал на столе — омлет и тосты. Сам он, как обычно, сидел на стуле, скрываясь за газетой. Когда он взял спортивную секцию, она увидела его побелевшие костяшки пальцев — единственное, что выдавало, как он на самом деле расстроен.

И она не могла сказать ему ничего утешающего, учитывая то, что она узнала. И Мэри Энн понимала, что начини она говорить с ним, не сможет удержаться от вопросов, на которые он еще не готов ответить. Ответы на эти вопросы она лучше найдет сама. Отец скрывал что-то от нее, и она не хотела давать ему повод соврать ей.

Странно было осознавать, что у ее отца есть секреты. Странно, разочаровывающе и да, это расстраивало. Он обещал быть с ней всегда открытым и честным. Она подумала о том, что и сама обещала то же самое. Но врала насчет занятий в группе, пряталась, читала файлы пациента. Внезапно накотившее чувство вины нарыло ее с головой.

— Я не хочу, что бы ты общалась с тем парнем, Мэри Энн.

Это неожиданное заявление обескуражило ее. Суровый тон его голоса поверг ее в безмолвие.

— Эйден Стоун опасен. — Он положил газету на стол и впился в нее взглядом абсолютно лишенным эмоций. — Я не знаю, что он делает в Кроссрудз или как ты с ним

познакомилась, но я точно знаю, что ему доверять не стоит. Ты слушаешь меня?

То, что она прочитала в его журнале, конечно, расстроило ее, но никак не объясняло такую бурную реакцию сейчас с его стороны. Прочистив горло, девушка, наконец, смогла сказать.

— Да. — Она слушала. Но это совершенно не значило, что она будет подчиняться. Эйден был частью ее жизни, и она так просто его не оставит. Никогда.

— Если будет нужно, я позвоню в школу и...

Мэри Энн с силой хлопнула ладонью по столу.

— Ты не посмеешь! Из-за тебя у него будут проблемы, и его выгонят с занятий и засунут обратно в какую-нибудь психушку. Туда, где он и не должен находиться, и ты прекрасно знаешь об этом! Скажи мне, что ты не поступишь так с ним. Скажи мне, что не будешь настолько с ним жесток.

Никогда еще она с ним так не говорила, и он в изумлении уставился на нее.

— Обещай мне! — Она снова хлопнула ладонью по столу так, что зазвенела посуда.

— Я не сделаю этого, — сказал он, смягчившись. — Но ты должна мне пообещать, что прекратишь с ним общаться.

— Почему?

Он поджал губы, не желая отвечать.

Раздался дверной звонок.

Ее отец нахмурился.

— Кто это еще?

— Я не знаю. — Она соскочила со своего стула и быстро пошла к двери, обрадованная внезапной передышкой. Когда она открыла дверь и увидела, кто пришел, ее сердце забилося с бешеной скоростью. Райли. У него, как всегда был уверенный и суровый вид. На нем была черная майка и джинсы, темные волосы растрепало ветром.

— Что ты здесь делаешь? — шепотом проговорила девушка и посмотрела через плечо, проверить одни ли они. Но отец оказался рядом.

— Да, что ты здесь делаешь? — резко спросил отец, выглядывая из-за нее. — Ты кто такой?

Ни капли не смутившись, Райли протянул свою руку для приветствия.

— Здравствуй, доктор Грей. Рад наконец познакомиться с вами.

— Папа, это Райли. — Еле сдерживая восторг в голосе, произнесла девушка. — Он новенький в моей школе. Я помогаю ему освоиться здесь и все такое.

— А он...

— Нет, — перебила она его, понимая, что он собирается спросить общается ли Райли с Эйденем. — Он дружит со мной.

— Итак, спрошу снова, что ты здесь делаешь?

— Папа!

— Все в порядке, Мэри Энн, — ответил Райли. — Я заехал подбросить вашу дочь до школы.

— Ей нравится ходить пешком.

— Не сегодня. Я сейчас вернусь. Будь милым, — сказала она отцу и бросилась в свою комнату, схватила рюкзак и слетала обратно по лестнице. Ее отец и Райли все это время молча смотрели друг на друга.

Девушка поцеловала отца в щеку. Казалось, он выглядел постаревшим, а вокруг глаз

прибавилось морщин.

— Пока. Люблю тебя.

— И я люблю тебя. — Больше он ничего не сказал и не пытался остановить ее. Чему она была рада. Она не знала, как ей реагировать или что сказать. Именно сейчас она нуждалась в Райли. У ее отца были ответы, но у Райли были такие нежные руки. Сев в его сияющую красную спортивную машину, она пристегнулась.

Когда они свернули на углу улицы и оказались вне поля зрения, Райли взял ее за руку. Ее мир вдруг снова перевернулся.

— Куда ты уходил? — спросила она.

— Нужно было повидать Викторию, принять душ и переодеться.

— О.

— Я очень не хотел уходить. — Он поднес ее руку к губам и поцеловал.

Мурашки побежали по ее коже. Чуть дальше по дороге, где деревья начали редеть, она поняла, что Райли не вез ее в сторону школы. Нахмурившись, она спросила. — Куда мы направляемся?

Он мрачно улыбнулся.

— Ты должна научиться выживать в этом новом мире, который тебе открылся. К тому же тебе надо отвлечься.

— Что имеешь в виду насчет выживания?

— Увидишь.

Виктория прогуляла школу. Как и Мэри Энн, и Райли. Что за ученики пропускают занятия уже на второй день школы? А как же любовь Мэри Энн к правилам? Что-то она слишком много пропускает занятий в последнее время.

И где только эти трое? Эйден вспомнил все неприятности, произошедшие за день. День, который начался с угроз Оззи убить его и стал еще хуже, когда кашляющий и болеющий Шеннон сказал, что в любом случае пойдет в школу, и Эйдену пришлось практически тащить его на себе. И после этого он еще обнаружил, что его друзей нет...

Сейчас он отчаянно хотел сбежать, выбраться отсюда, но не мог. Не то что бы он хотел вернуться на ранчо. Один единственный промах и Дэн отправит его собирать вещи. Виктория, конечно, сможет исправить это, если он попросит, если только она все еще хочет общаться с ним. После прошлой ночи и этой ее фразы «я же сказала тебе держаться от меня подальше», когда в окне появился шпионящий за ними вампир, он не был в этом уверен.

Кем был этот вампир? И почему Виктория так внезапно изменилась? У Эйдена не было ответов. И что если Виктория теперь не захочет защищать его от всех этих существ? Надо думать, что и это ее мнение могло тоже измениться.

Но что делало этот день еще более странным, так это то, что все махали ему и улыбались, будто он был их лучшим другом. Парни хлопали его по плечу, девчонки улыбались ему белозубыми улыбками и нервно хихикали в стороне, как бы не решаясь подойти и заговорить. С чего бы это?

Будто прочтя его мысли, один старшеклассник сказал, проходя мимо:

— Здорово ты уделал Такера, чувак, — и одобрительно кивнул.

А, теперь он, наконец, понял в чем дело. Такер никому не нравился, но они притворялись, чтобы не навлечь на себя гнев этого тирана. Теперь же они видели в Эйдене спасителя, который избавит их от Такера, если потребуется.

Никакого давления, подумал он сухо.

Всю химию, геометрию и испанский он просидел, в пол уха слушая учителей и своих спутников. Действие таблеток закончилось и теперь они снова были бодры и активны, хотя, сказать по правде, у Эйдена с утра был соблазн принять лекарство. На третьем уроке перед ним снова появился Джон О'Коннор и подсел к нему за парту.

— И почему ты все время меня здесь поджидаешь?

— Потому что в этом классе у нас был общий урок. Кстати, ты уже поговорил с Хлоей?

Эйден мельком взглянул на него. Мальчик выглядел таким реальным. Возможно из-за того, что он умер совсем недавно. Или потому что получил силу, еще когда был жив.

Эйден кивнул в подтверждение своих мыслей. В этом был смысл. Он притянул вампиров и оборотней, а также видимо гоблинов, фей, ведьм. Почему бы и не призрака «получившего дар» при жизни? Или он притянул всех призраков, независимо от их одаренности?

Хотя, вряд ли. Тысячи людей умирают каждую минуту каждый день. Если бы все призраки приходили к нему, то он бы никого и ничего больше не видел, кроме них.

Он хотел задать вопрос Джону, но вокруг было много учеников. Ему нужно было сделать это так незаметно, что бы ни учитель, ни ученики ничего не заподозрили.

Джон трещал о Хлое, пока Эйден обдумывал варианты. Он не мог говорить вслух и даже

шептать. Он не знал языка жестов, и Джон также мог его не знать. Он не мог выйти из класса, потому что ему запретили болтаться по коридорам во время урока. Какая-то мысль ускользала от него. Он мог бы написать?

Конечно. Он мог бы написать. Он взял ручку и начал писать.

«Когда ты был жив, у тебя была... — как бы это сформулировать? — ... суперсила?»

Он развернул лист и пододвинул его Джону.

Джон, ничего не замечая, продолжал болтать.

Эйден хлопнул по странице, не отрывая взгляда от учителя.

— Что? Ты хочешь, чтобы я это прочитал?

Он кивнул.

На мгновение повисла тишина, и потом Джон произнес.

— Ха. Не совсем. В смысле я мог чувствовать эмоции других людей, которые сводили меня с ума, но не то, чтобы это была суперсила. Просто я был слишком чувствительным. Мой отец сказал бы, как педик. Поэтому я, знаешь, закидывался таблетками как конфетами.

Эмпат. Джон был эмпатом. Эйден когда-то встречал парня с такой же способностью в одной из лечебниц, и этот парень изучал эту способность в попытке перестать чувствовать так много и так сильно.

— Какое это все имеет значение? — спросил Джон. — Хотя, не важно. Не отвечай. Это не имеет значения. Мне нужно, чтобы ты поговорил с Хлоей за меня. Я хочу, чтобы ты сказал ей то, что я не могу сказать.

Эйден мог бы отказаться. Он все еще не знал, что произойдет в случае, если у него ничего не получится или наоборот. Но сейчас он был для Джона единственной связью с жизнью, и он знал, каково это отчаянно хотеть чего-то, что не можешь получить.

«Хорошо», написал он.

Джон задержал дыхание.

— Действительно? Ты поговоришь с ней?

Он еще раз кивнул.

— Клянешься?

Снова кивок.

— Сегодня?

Кивок.

«Что ты хочешь, чтобы я сказал ей?»

— Если ты врешь... — Джон сжал кулаки и ударил ими по парте. Похоже сила его эмоций придала ему твердости, так что послышался звук удара и рядом сидящие ученики подпрыгнули от неожиданности. — Я буду преследовать тебя. Клянусь. До тех пор пока ты не сделаешь этого.

Эйден постучал пальцем по написанному вопросу.

Злость Джона сменилась унынием.

— Скажи ей, что я прошу прощения. Скажи, что я не использовал ее, что я... любил ее. Действительно любил.

Эйден смущенно нахмурился.

Стыд исказил лицо парня.

— Мы тусовались в разных компаниях. Я позвал ее на свидание. Я даже не ожидал, что смогу понравиться ей. Но я понравился. Ты знаешь, ее эмоции такие чистые?! Не сверхсильные. Потом она подслушала, как мои друзья дразнили меня из-за нее. Они хотели,

чтобы она это слышала. Спланировали все, я так думаю.

Джон уставился на свои сжатые руки.

— Боже, чувак. Ее словно опустошило... Я до сих пор это чувствую. Это как будто впиталось в мою кожу и стало моей частью. Я попытался поговорить с ней, объяснить, но она больше не хотела иметь со мной ничего общего. Я отчаянно хотел забыть, перестать чувствовать, ты знаешь, и я сделал одну глупость. И теперь я здесь. — Его голос затих, возможно, из-за кома в горле, и он смущенно прокашлялся.

— Мистер Стоун...

Эйден выпрямился на своем месте. Учитель держал кусок мела в руке.

— Простите, что?

«Я его слушала», — сказал Ева, она всегда спасала Эйдена. — «Он просил тебя проспрягать глагол «бегать» на испанском».

— Не важно. — Пробормотал Эйден, вставая. С волнением он подошел к доске. «Да синьор» — все, что он знал на испанском.

«Удачи», — съязвил Калев. — «Я бы мог сказать тебе какого цвета нижнее белье на той девице справа от тебя — rojo. Это, кстати, означает красное. Но это все, что я знаю».

— Я помогу, — сказал Джон, шагая за ним.

Слава Богу. Вместе с Джоном, который подскажет, что ему писать, он сможет впервые произвести впечатление на учителя. К тому же совесть не мучила его за обман. Слушая Джона и записывая за ним, он сможет сойти за умного.

На полпути назад к своему месту прозвенел звонок. Черт. Эйден еще не закончил разговор с Джоном. Он зашагал быстрее, подхватил рюкзак, взял блокнот, ручку и написал.

«Раз я помогаю тебе с Хлоей, ты мне поможешь? Мне нужен лак для ногтей».

Джон разразился смехом.

— Ты шутишь? Ты что вообще обо мне думаешь?

Он едва заметно помотал головой, чтобы этого не заметили проходящие мимо ребята. Челюсть сжата, щеки горят.

«Это для девушки».

После той ночи, когда Виктория так внезапно убежала, он начал думать. Она красила ногти на руках, что защищало ее от... он не мог вспомнить название той жидкости в ее кольце, а также она могла красить ногти на ногах, и ей нравилось все цветное, так что...

Все еще смеясь, Джон спросил.

— Какой-то конкретный цвет?

«Не важно», написал Эйден. *«Только не черный. Если ты не можешь, то я...»*

— Я могу. Я разучил пару трюков за последние несколько месяцев. И я случайно узнал, где мистер Вайт хранит всякие такие штуки, конфискованные у учеников.

«Ни разу не использованный».

— Мистер Стоун. Звонок прозвенел, — сеньор учитель или Смит сказал нетерпеливо. — Выходи.

— Без проблем достану ни разу не использованный лак, — сказал Джон.

Эйден направился к двери класса. Джон оставался за его спиной, пока он не оказался в коридоре, затем пропал.

Итак, время поохотиться за Хлоей. Сейчас, как раз ланч, так что она должна быть в кафетерии. Хотя он планировал улизнуть из школы в лес на час — поискать на этот раз Викторию, а не Райли — но это могло подождать. Он дал Джону слово. И ему нужен был лак

для ногтей.

Что-то ударило его в плечо, так что его рюкзак подлетел. Внезапно Такер замаячил перед ним, мрачный и прямо сама угроза. Полный решимости.

— Смотри куда прешь, Псих.

Парень сжал зубы.

— Отвали, Такер. — Вот только Такера ему не хватало с угрозами. Хотя Оззи в этом оставался впереди всех. Не считая всех тех существ, которые недавно прибыли в город.

— А то, что ты сделаешь, а? Никто на этот раз тебе не поможет.

Мир вокруг него вдруг исчез, вытесненный другим. Он видел перед собой пустой коридор, стены из красного кирпича раскрашенные граффити. Повсюду мусорные баки и шныряющие крысы. Где-то на заднем плане он даже расслышал вой полицейской сирены. Что за черт?

— Теперь только ты и я, — произнес придурок самодовольно.

Эйден увидел, как серые глаза Такера заволокло расплавленным серебром. Он был твердо уверен, что это какая-то иллюзия. Такер и раньше пытался, но у него ничего не выходило. В этот раз Мэри Энн не было рядом. В этот раз нечему было остановить силу Такера. Кроме...

Райли каким-то образом всегда гасил эту способность Мэри Энн, что позволяло спутникам Эйдена оставаться активными и разговаривать даже в ее присутствии. Такер пытался проделывать с ним подобное, когда они оба были рядом, но пока безуспешно. Могло ли это значить, что Такер просто не мог использовать свои возможности против Эйдена, независимо от того был ли кто-то рядом с ним или нет?

Погрузившись в свои мысли, Эйден не был готов к тому, что Такер толкнет его. Он споткнулся о собственную ногу и упал. И хотя глаза говорили ему, что он при этом налетел на кирпичную стену, эта стена отпрыгнула от него с ругательствами. Похоже он налетел на человека?

Такер зловеще оскалился.

— Это будет весело.

Как только Эйден поднялся на ноги, Такер бросился к нему. Он снова упал, но на этот раз, вцепившись в Такера, повалил и покатился вместе с ним. Он встал на колени, оказавшись сверху Такера, и прижал его к полу.

— Я не хочу с тобой драться, — со злостью выдавил он.

— Струсил? — Такер рывком вырвался из хватки, вцепился в плечи и оттолкнул его.

Но Эйден не собирался никуда убегать, он встал, сжимая кулаки.

— Почему бы тебе просто не оставить меня в покое? Я тебе никогда ничего плохого не делал.

— Ну же! — Такер тоже поднялся. — Вставай и уходи. И я буду преследовать тебя. Я буду твоей тенью. Каждый раз, когда ты будешь оборачиваться, первое, что ты увидишь — буду я. А потом, когда я закончу с тобой, я займусь Мэри Энн. А после этого, я приду к этой новой цыпочке Виктории. Она будет...

Эйден зарычал, его ярость закипала и выплескивалась через края. Глаза Такера расширились, когда кулак Эйдена полетел в него. Удар. Брызнула кровь. Такер взвыл от боли.

«Стой», — вмешалась Ева. — «Ты должен остановиться. Он просто насмехается над тобой, пытаюсь втянуть тебя в драку, чтобы тебя выгнали из школы».

Но Эйден уже не слушал. Никто не смеет угрожать его друзьям в его присутствии. Ему самому угрожали всю его жизнь. Но Мэри Энн была слишком деликатной, Виктория слишком... его. Он отвел кулак для еще одного удара, но остановился, когда образ Такера вдруг изменился, превратившись в Мэри Энн. Он уставился на него в замешательстве.

Следующее, что он ощутил — удар кулака в свой нос. И снова хруст и полилась кровь. Его пронзила боль, а затем ничего — в кровь хлынул адреналин.

«Уничтожь его», — прошипел Каледб.

«Неважно, какое лицо он тебе показывает — бей», — добавил Джулиан.

«Ева права», — сказал Элайджа, пытаясь воззвать к голосу разума. — «Он намеренно провоцирует тебя. Единственная причина, по которой он ударил тебя в обратную — он сам плохо себя контролирует».

Эйдену показалось, что вдалеке он слышит детский смех. Сейчас он не мог никого видеть. Ему так хотелось выхватить кинжалы, но он не мог. Он не хотел убивать Такера. Он хотел просто остановить его. Или унижить.

Эйден присел и прыгнул вперед, руками обхватив Такера, он припечатал его к стене. Нахальный смех зазвенел у него в ушах. Когда Эйден выпрямился, отводя локоть назад для удара, он увидел, что Такер теперь выглядел, как Виктория.

Только не она, только не она, только не она. Эйден ударил. Такер успел удивленно раскрыть глаза, видя, как к нему приближается кулак. Драка перестала быть честной. Эйден ударил Такера в горло, перекрыв ему доступ воздуха. Парень согнулся, пытаясь сделать вдох. Эйден ударил его коленом в лицо, сломав ему скулу. Такера отшвырнуло назад, он упал и скорчился на полу от боли.

Эйден запрыгнул на него. Снова и снова он молотил кулаками по лицу Такера. Он обдирает кожу на пальцах об зубы, но его это не волновало. Через некоторое время Такер перестал извиваться. Затем совсем затих.

— Никогда не угрожай Мэри Энн. Никогда не угрожай Виктории. Ты меня понял?

— Эйден, — мягко позвала Виктория за его спиной.

Очередная иллюзия, сказал он себе, продолжая бить, и бить, и бить. Виктория сказала, чтобы он оставил ее в покое. Виктория сейчас даже не в школе.

Нежные руки коснулись его плеч, неумолимо жаркие.

— Тебе нужно остановиться.

Он резко обернулся, готовый к атаке новой иллюзии, когда заметил, что аллея пропала, а стены школы снова появились. Его окружили дети, но они больше не веселились. И даже не улыбались. Они смотрели на него с ужасом. И страхом.

Сегодня был день игры, поэтому их лица были разукрашены надписями «Вперед Ягуары» и «Мы № 1». Эта краска так контрастировала с бледностью их кожи. Его дикий взгляд вернулся обратно к Виктории.

Она действительно была здесь. Она тяжело дышала, ее клыки выглядывали из-за губ, указывая на то, как она голодна. Это не могло быть иллюзией. Такер не знал, что она вампир. Эйден поднялся на трясущихся ногах и приблизился к ней. Его руки все были в крови.

Она отшатнулась от него.

— Нет... не трогай меня сейчас, — хрипло сказала она.

Может, она тоже испугалась его? Или она просто жаждала крови, что была на нем?

— О, Боже! — Директор Вайт протолкался через толпу и уставился на неподвижную

фигуру Такера. — Что ты сделал? Какого черта ты наделал? Кто-нибудь позвоните в 911.

Виктория затрясла головой, выходя из ступора, и закричала хриплым голосом.

— Никому не двигаться. — Поток силы исходил от нее. — Слушайте меня и подчиняйтесь. Кроме тебя, Эйден.

Все застыли. Включая Шеннона, который не стоял в общей толпе. Нет. Шеннон был добр к нему последние несколько дней, так как они договорились прикрывать друг друга. Эйден ненавидел, что выглядит, как отвратительный придурок, весь в крови, ненавидел Викторию, которая сейчас использовала свои вампирские силы против него.

— Какой-то высокий светловолосый незнакомец пришел в кампус и побил Такера, — сказала она, и все закивали. — Вы все это видели. Затем вы видели, как светловолосый незнакомец убежал. Вы не стали догонять его, потому что очень беспокоились за Такера. Теперь идите по своим делам. Директор Вайт здесь во всем разберется.

Когда она замолчала, все сразу задвигались. Дети со страхом перешептывались о «каком-то светловолосом незнакомце», Шеннон ускользнул, очевидно из-за перспективы возможного допроса, а директор Вайт нагнулся и, положив голову Такера на колени, прощупывал пульс.

— Он жив, — сказал он с облегчением.

Эйден опустил плечи. Он не хотел убивать его. Слава Богу.

Виктория обхватила ладонями его лицо, заставляя сконцентрировать на ней внимание.

— Встретимся на парковке. Я пойду, уговорю твоих учителей, что на последних трех уроках ты был в классе, даже если это было не так.

— Нет, — сказал Джон, снова внезапно оказавшись у него за спиной. — Я положил лак в твой рюкзак. Розовый, с блестками и модной фирмы. Теперь ты должен найти Хлою.

Эйден бросил на него быстрый взгляд, пытаясь не выдать свою панику, прежде чем снова посмотрел на Викторию. Не было похоже, что она видит призрака.

— Я буду через несколько минут. Сначала мне нужно кое-что сделать. — Он не дал ей договорить, что именно. Он нагнулся, крепко поцеловал ее — она облизнула его губы и закрыла глаза, опьяненная вкусом крови — и направился в кафетерий.

— Иди в уборную и отмойся сначала, — потребовал Джон, идя сбоку. — А то напугаешь ее.

Эйден сразу последовал его словам. Он не мог никак спрятать разбитый нос и руки, так что он просто, как мог, стер кровь. Закончив, он продолжил путь. Новость о драке быстро распространялась. Учащиеся даже звонили своим родителям, рассказывали о неизвестном человеке. И эти родители наверняка уже спешили за своими драгоценными детьми, чтобы забрать их домой подальше от опасности. Попадет ли это в новости? У свидетелей возьмут интервью?

Эйден сглотнул.

«Все будет хорошо», — сказал Элайджа. «Тебя никто не будет искать, и Дэн ничего не заподозрит».

«Ты только поощряешь его плохое поведение», — отметила Ева.

— Где она? — спросил Эйден Джона. Он осмотрел заполненный учениками кафетерий. Его слегка трясло. Выяснив, что Джон — приведение, он отметил для себя, что нужно выяснить, кто такая эта Хлоя Говард. Она проводила время с местными школьными умниками, которые больше заботились об оценках, чем о внешности. Милая, миниатюрная, с большими очками, кожей, покрытой веснушками, и брекетами. У нее были прямые

каштановые волосы, которые она всегда собирала в конский хвост.

— Там. — Джон указал в дальний угол.

Эйден пересек зал. Заметив Эйдена, Хлоя склонилась над своим подносом. Вокруг нее сидел еще трое ребят, разложив перед собой учебники, они разговаривали об учебе. Прошла минута. Она подняла взгляд и убедилась, что он все еще идет к ней. Она обернулась назад, никого не увидела и удивленно раскрыла рот.

— Могу я поговорить с тобой? — спросил Эйден, когда подошел.

Она посмотрела на своих друзей. Они также глядели на него в смятении.

— Наедине, — добавил он. — Пожалуйста. Мне нужно поговорить с тобой о чем-то важном.

Джон передвинулся ей за спину, пригнулся и вдохнул ее запах. И поджал губы. Чтобы сдержать всхлипы и стоны?

Она кивнула своим друзьям, которые начали вставать и потихоньку уходить, проводила их взглядом. Эйден сел напротив нее. Джон остался стоять за ней, в порыве чувств он слегка коснулся рукой ее щеки. Но она не могла этого почувствовать.

— Я — Эйден, — представился он.

— Я знаю. — Краска смущения залила ее щеки. Она снова уставилась на свою еду, ковыряя ее вилкой. — Что с тобой случилось? Чего ты хочешь?

Он пропустил ее первый вопрос мимо ушей.

— У меня есть сообщение для тебя. — Только одним способом он мог помочь Джону, не используя свои способности. — Джон О'Коннор и я были друзьями. Он рассказывал мне о том, как он любил тебя. — Когда он это сказал, она побледнела. — Он пытался сказать тебе, но...

Она вскочила со стула. Трясущимися руками она притянула к себе поднос.

— Как ты смеешь? — прошептала она со злостью. — Кажется, я догадываюсь в чем дело. Ты слышал сплетни о наших... отношениях и решил посмеяться надо мной. Я думала он жестокий, но ты... — Она болезненно всхлипнула.

— Не дай ей уйти, — запаниковал Джон. — Пока она все не поймет.

Эйден тоже встал.

— Возможно, все и началось с вызова, но он влюбился в тебя и хотел быть с тобой.

Она развернулась, готовая уйти.

— Эйден, — умоляюще смотрел на него Джон. — Пожалуйста.

Возможно, эмпатические способности Джона как то подействовали на него, потому что Эйден физически почувствовал его отчаяние. Он должен был сделать все правильно. Должен был заставить эту девушку понять. Даже за свой счет.

— Подожди. Ты права. Я не знал его, — признался он. — Когда он еще был живой. Но последние несколько недель я могу видеть мертвых, и он пришел ко мне, рассчитывая только на одно. Что я поговорю с тобой.

По крайней мере она не ушла. Он заставил ее прислушаться, верила она ему при этом или нет.

Джон, должно быть, набрался храбрости, выпрыгнул перед ней и выпалил.

— Скажи ей о том, что я хотел ей сказать, когда последний раз встречался с ней. Я хотел убежать с ней. Я даже пытался отдать ей кольцо своей бабушки. Я положил его в бардачок ее машины, чтобы сделать ей сюрприз.

Эйден повторил все слово в слово.

Медленно она развернулась и посмотрела ему в лицо.

— Понятия не имею, как ты узнал про кольцо, и меня это не волнует. — Она прикрыла глаза, с дрожью выдохнула и, потянувшись рукой к цепочке на шее, вытащила кольцо из-под майки. Маленькие бриллианты мерцали, отражая свет. — Я просто хочу, что бы ты оставил меня... в покое.

Эйден проследил за ее ошеломленным взглядом. Луч света, проникший через окно, попал на Джона и обрисовал мерцанием его тело. Широко раскрыв рот, Хлоя потянулась к нему рукой, но пальцы прошли сквозь него, как через туман. Но он все равно склонился навстречу ее прикосновению.

— Джон?

— Привет, Хло. Боже, я скучаю по тебе.

— Ты можешь его слышать? — спросил ее Эйден.

— Нет, — прошептала она.

Эйден передал то, что Джон сказал. Некоторое время прошло в тишине. Луч потускнел, так же как и Джон, но Хлоя не двигалась с места.

— Но то, что я сейчас вижу... это невозможно, — сказала она, тряхнув головой.

— Более чем возможно, — сказал ей Эйден. — Позже ты скажешь себе, что это все игра твоего воображения, но сейчас... Что бы ты сказала ему, если бы могла?

Она сглотнула и облизала губы.

— Я бы сказала, что прощаю его. Я бы сказала, что когда я нашла кольцо, то поняла, что он говорил мне правду, и что я... я... я тоже его люблю.

— Спасибо. Спасибо большое. — Джон поцеловал ее призрачными губами в лоб, его изображение колыхнулось, светясь и растворяясь одновременно.

Увидит ли Эйдена Джона снова? Он сомневался. Эйден выполнил его последнее желание, прекратил его мучения и отправил его в лучший мир?

Хлоя стояла все там же, плача, и ее друзья, которые стояли неподалеку, окружили ее, пытаясь поддержать. Видя, что о ней позаботятся, Эйден ушел. Смущенный, но необыкновенно удовлетворенный, он отправился на парковку. Виктория была уже там, ожидая его у ярко-синей машины. Он остановился. Она неуверенно улыбнулась ему.

— Где ты была? — спросил Эйден так же неуверенно. — Где Райли и Мэри Энн?

Она указала на машину.

— Залезай и я покажу тебе.

Они забрались в машину, Эйден сел за руль. Виктория отдала ему ключи и указала на север. Его посетило подозрение, что его день может стать еще хуже. Хотя, куда уже хуже, и это его пугало.

Эйден не так часто оказывался за рулем автомобиля и не чувствовал себя таким уж уверенным водителем, как хотелось бы. Он немного резко нажал на тормоз и повернул. Во всяком случае, он не беспокоился о том, что может попасть в аварию. Не с Викторией в машине. Она могла, не напрягаясь, избавить его от всяких штрафов.

Из динамиков сзади негромко звучала музыка. Он постукивал пальцами по рулю в такт, хотя это и отзывалось дикой болью в суставах. Зато души, так же как и во время его экзамена по вождению, прибывали в восторге.

«Когда последний раз мы были такими свободными?» — усмехнулся Калев.

«Ни врачей, ни учителей. Только мы и лошадки под капотом», — довольно поддержал Джулиан.

— Это твоя машина? — спросил Эйден, нарушая тишину между ним и девушкой и перебивая своих спутников, чтобы случайно не заговорить с ними. — Раньше я никогда не видел тебя рядом с машиной.

Виктория смущенно пожала плечами.

— Скажем так, я ее одолжила. Но не беспокойся, я верну ее, и никто никогда не узнает, что она куда-то пропадала.

Одолжила. Типа украла. Скорее всего просто использовала свой командный голос, и владелец машины сам протянул ей ключи. Он не смог удержаться от усмешки, хотя и дернулся от боли в губе.

«Ох, Эйден», — сказала Ева, цокнув языком. — «Разъезжать по округе в украденной машине? Будут у тебя из-за этого проблемы или нет — это не правильно. Я не уверена, что эта девочка хорошо на тебя влияет. Мэри Энн...»

«Нет, нет и нет». — Громко запротестовал Элайджа в голове Эйдена. — «Мэри Энн всего лишь друг, не пытайся подтолкнуть его к ней. И я говорю так не потому, что она отправляет нас в забвение. Райли нас живьем сожрет».

Ева оскорблено произнесла.

«Все, что я хотела сказать — это то, что она лучше влияет на него».

И снова Эйден попытался их заглушить.

— Итак... ты знаешь, где Райли и Мэри Энн? Ты видела их?

— Да. Они в Трай Сити, куда мы и направляемся.

Трай Сити. Эйден был там пару раз. Там были рестораны, куча магазинов одежды и какой-то театр.

— Что они там делают?

— Я... Они... — Девушка расстроено выдохнула. — Это слишком трудно объяснить. Легче показать.

Что ж, не одну ее эта ситуация смущала. Через десять минут они подъехали к Трай Сити, и Эйден был уже в нетерпении.

— Вы, ребята, были тут весь день?

— Да.

И они так запросто не взяли его с собой. *Мда.*

— А почему до сих пор не забрали меня?

— Ты источаешь столько силы, что мы хотели убедиться, что сможем тебя защитить,

если вдруг что-то пойдет не так.

В этом он их понимал. *С ним всегда что-то идет не так.*

Прошла минута. Две. Эйден свернул с шоссе к обочине, снижая скорость. Он весь день хотел поговорить с Викторией. И вот сейчас она была здесь. Он, наконец, мог спросить тот вопрос, на который действительно хотел получить ответ. Просто выговориться.

— Так что это был за парень? Тот, который вчера появился в моем окне? Который слышал, как ты сказала мне оставить тебя в покое. — Каждое из этих слов, произнесенное Эйденем сквозь стиснутые зубы, отзывалось болью.

Виктория повернулась к нему лицом и положила голову на спинку сиденья. В ее распущенных волосах светились голубые пряди.

— Я так не хотела говорить тебе, чтобы ты оставил меня в покое. Почти так же, как я не хотела видеть этого мужчину. Но я должна была это сказать. Я не могла позволить ему узнать, как сильно мне... нравится быть с тобой. Он бы бросил тебе вызов, я бы встала на твою сторону, и мой отец наказал бы нас обоих.

Это одновременно и радовало — она бы выбрала его — и пугало — месть со стороны отца. Но Эйден сделал бы что угодно, даже держался бы от нее подальше, лишь бы защитить от подобной участи. Виктория все сделала правильно. Эта мысль успокоила его.

— В следующий раз хотя бы предупреди меня, и я подыграю. Так кто он такой?

— Один из вампиров, — уклончиво ответила Виктория. — Из-за него мне теперь запретили выходить из дома ночью.

Внезапная горечь в ее словах передалась и ему.

— Он — еще один твой телохранитель?

— Можно сказать и так.

Она что-то не договаривала?

— Как его зовут? Он обижает тебя?

— Его зовут Дмитрий, и нет, он не обижал меня физически.

Значит эмоционально? Эйдену казалось, что он уже начал понимать особенности ее характера. Она не хотела врать ему и поэтому просто избегала говорить всю правду. *Умно.* Он так же поступал с Дэном.

Эйден хотел, чтобы она полностью доверяла ему, во всем, чтобы между ними не было секретов. Хотя на это и нужно время. Он не собирался давить на нее, как это делали врачи, втираясь ему в доверие через обещания и лживые заверения. Но действия были проверкой человеческой честности. Однажды она поймет, что не важно, что она скажет ему или сделает — он будет любить ее.

Любить?

Его сердце забилося сильнее, в ушах застучала кровь, бегущая по венам. Он никогда не думал, что сможет такое почувствовать. По правде говоря, он всегда пытался оградить себя от таких эмоций. Так же быстро, как иногда его забирали из приемной семьи, он научился тому, что просто попрощаться — менее болезненно, особенно если его не заботили люди, которых он покидает.

Но в Кроссрудз все было иначе, с самого начала. Представляя Дэна отцом, дружбу с Мэри Энн и Шенноном, к тому же с Викторией (и может быть даже Райли). Он ждал от Виктории больше, чем от кого-либо другого, он и так почти любил ее еще даже до того, как встретил.

— Ты в порядке? — спросила девушка, очевидно обеспокоенная. *Могла ли она слышать*

бешеный стук крови в его венах? Чувствовать, что сердце вырывается из груди?

— Да, — постарался сказать Эйден не хриплым голосом. — Все прекрасно. — Это правда — он любил ее.

Еву бы это возмутило. Да и остальных тоже. Но он ничего не мог поделать со своими чувствами — они были, и сильные. Эйден хотел оберегать Викторию, хотел, чтобы она была с ним и днем, и ночью. Он хотел знать о ней все.

Она была умная, красивая, теплая. Она защищала его, как никто другой. Она никогда не смотрела на него так, как будто он странный или другой. Нет, она всегда смотрела на него так, будто он был идеальным и даже привлекательным сам по себе.

— О чем ты думаешь? — спросила девушка.

Он не мог сказать ей. Пока нет. *Насколько же глубоки ее чувства?*

— О своей смерти?

Он напрягся от напоминания.

— С тех пор как ты сказал мне об этом — это все, о чем я могу думать. — Ее подбородок задрожал, будто она пыталась сдержать слезы.

Эти слезы одновременно и радовали, и успокаивали. Если она плачет из-за него — значит, испытывает к нему сильные чувства. Но они провели не так много времени вместе. *Возможно, он так пытался обезопасить себя*, подумал он, хотя одно Эйден знал точно — он еще не готов ее оставить.

— Могу я стать вампиром?

— О, мне бы хотелось этого. Но все совсем не так, как изображают ваши книги и фильмы, обращение в вампира всегда заканчивается плохо. Наша кровь отличается от вашей, люди просто не могут вынести трансформации. Они сходят с ума.

Тогда не было лучшего кандидата, чем Эйден — если верить его врачам, он и так уже не в себе.

Виктория с тоской вздохнула.

— Самый первый вампир был обращен еще во времена моего отца. Когда он понял, что он такое, что с ним произошло, он сделал такими же элитных солдат из своей армии и женщин, которых те выбрали, чтобы пить кровь. Некоторые из них изменились, некоторые нет. В последующие годы многие из них пытались изменить других людей, но все они умерли.

— Серьезно? Ни один не выжил?

— Верно. Новые вампиры рождаются от матерей-вампиров.

— Но, само собой разумеется, что если вампир однажды был создан, это может произойти снова.

— Верно, но никто не знает, почему это не происходит. То ли испорченная кровь, которую пили мой отец и его люди, изменилась, то ли человеческие тела стали устойчивыми к ней. Иногда, по непонятным нам причинам, вампир может даже умереть от руки человека.

Так вот оно что... Эйден не хотел рисковать Викторией. Он вздохнул. *И что же ему теперь делать?*

— Поверни здесь налево, — произнесла девушка.

Эйден повернул, и они оказались на извилистой грунтовой дороге в стороне от городской площади, где фасады домов смотрели на засаженную деревьями узкую полосу земли. Гравий хрустел под шинами, и машина немного подпрыгивала. Других людей не было видно. Только припаркованный красный корвет.

— Там парк.

Парень сбавил скорость и заглушил двигатель. Они одновременно отстегнули ремни безопасности, и Эйден бросил взгляд на Викторину. Она, как обычно, была одета в черную майку и рукой придерживала ее край. Заметив ее ногти, он вспомнил про лак в своем рюкзаке.

Эйден потянулся за рюкзаком на заднем сиденье, расстегнул его и начал копаться внутри. Когда его пальцы наткнулись на маленький, прохладный кусок стекла, он вытащил его, молясь, чтобы тот оказался розовым и блестящим, как обещал Джон. Так и было. *Слава Богу.*

— Перед тем, как ты мне покажешь, что бы ты там не собиралась мне показать, я хочу, чтобы ты взяла это. — Внезапно занервничав, он сглотнул и протянул девушке лак. — Тебе. Точнее для твоих ногтей.

Виктория посмотрела на лак, потом на Эйдена, потом опять на лак, пытаясь что-то произнести.

— Мне?

Это значит, ей понравилось?

— Ты обратила внимание, что в доме Мэри Энн много красок и, ну, я подумал, может ты...

— Он мне так нравится, — произнесла она, бросаясь в его объятья и осыпая его лицо поцелуями. Когда один из поцелуев пришелся на его губы, она затихла. Улыбка пропала с ее лица. Она прижалась к его губам, на этот раз нежно и медленно, ее язык скользнул внутрь.

Рассеченная губа саднила, но Эйден ни за что на свете не остановил бы ее. Он только притянул к себе Викторину ближе, наслаждаясь ее близостью. Он глубоко дышал, впитывая аромат ее волос, ее пьянящий запах. Это тепло...

Кто-то постучал в окно.

Они отдернулись друг от друга, как ошпаренные. Эйден было потянулся за своими кинжалами, но заметил резкое, напряженное лицо Райли. За ним стояла Мэри Энн. Такой бледной он никогда ее не видел.

Нахмурившись, он открыл дверь и вышел из машины. Прохлада внутри машины сменилась дневной жарой. За что он ненавидел Оклахому, так это за то, что один день может быть жутко холодным, а в другой — жарко, как в сауне.

Парень не слышал, как подошла Виктория, но внезапно она оказалась за ним.

— Ну? — вопросительно произнесла она.

— Становится только хуже, — сказал Райли.

Виктория напряглась, и Эйден приобнял ее за талию.

— Что такое? — спросил он. Наконец он был здесь, и кто-то должен был объяснить ему, какого черта тут происходит.

— Идем. Покажу.

Эйден уже было собрался открыть рот, чтобы спросить — неужели ему никто не даст прямого ответа?

Райли развернулся и, взяв Мэри Энн за руку, направился по аллее между двумя домами, стоявшими в тени.

— Нам совсем не стоило приводить тебя сюда, но нужно, чтобы ты увидел, что здесь происходит, и смог отличить одно магическое существо от другого.

Смущенный Эйден последовал за ним, не выпуская Викторину. Он был словно охранник,

готовый ответить на любое неверное движение. К его удивлению никто не выскочил на них из-за кустов. Он только заметил толпу людей, ходивших туда-сюда, когда они подошли к фасаду зданий. Похоже в маленькой округе Трай-Сити проживало больше людей, чем он предполагал. *Но что в этом страшного?*

— Видишь ту женщину? — Виктория указала на невысокую женщину-брюнетку с прямыми волосами, невзрачными чертами лица, одетую в коричневую майку и полинялые джинсы. Она запросто могла бы смешаться любой толпой, незаметная и совершенно незапоминающаяся.

— Да.

— Она — ведьма. Она закрыла себя магией. То, что ты видишь — не то, какая она есть на самом деле.

Эйден сосредоточил на ней свое внимание и заметил, что она настороженно разглядывает всех вокруг нее. Легкое свечение окутывало ее, будто солнце освещало ее больше, чем остальных. Она внимательно изучала всех, с кем оказывалась рядом, даже касалась некоторых, словно ожидая столкновения. Если ничего не происходило, она, нахмурившись, продолжала двигаться дальше.

— Как ты узнала, что она такое? — спросил он. — Почему так уверена?

— Ты должен научиться видеть то, что скрыто под поверхностью, — сказала Мэри Энн так, будто цитировала то, что уже не раз говорила. По всей вероятности, так оно и было.

— Ведьмы могут одной рукой благословлять, другой проклинать, — объяснила Виктория. — Некоторые более могущественны, чем другие, но и те, и те — опасны.

— Я подслушал пару разговоров, — сказал Райли. — Ведьмы хотят поймать тебя, Эйден, хотя и еще не знают, кто ты, и использовать тебя для того, чтобы умножить свои силы. Они думают, что, кто бы их не призвал, это могущественный колдун. И вот мой тебе совет — не попадайся им.

— Серьезно? И как я сам об этом не подумал, — произнес Эйден сухо.

Райли продолжил, пропустив его слова мимо ушей.

— Если тебя схватят, будешь сухой оболочкой самого себя, когда они закончат с тобой. Они опустошат тебя.

— Ага, я так и понял, — отмахнулся Эйден.

— Вот тот мужчина за ней — эльф, — сказала Виктория с явным отвращением в голосе.

Эйден быстро перевел взгляд. Мужчина — скорее подросток, лет восемнадцати — был высокий и накаченный, его кожа едва заметно светилась. Его глаза и волосы отливали золотом. Все, кто проходил мимо него, и женщины, и мужчины, глазели на него, вытягивая шеи насколько возможно. Кроме ведьмы, как заметил Эйден. Она пустилась в противоположную сторону от него.

— Как и вампиры, эльфы питаются людьми, — продолжила Виктория. — Только вместо крови, они живут за счет энергии. Вампирской, ведьминской — не важно. Но они никогда не трогают людей, считая себя защитниками человечества, богами над ними.

— Вы упомянули, что и гоблины здесь. — Плотоядные. Эйдена передернуло при воспоминании о том, как трупы пытались вцепиться в него. — Где они? — Если бы он мог распознать их, то обходил бы стороной.

— И демоны, — Мэри Энн тоже содрогнулась. — Не забывай о них.

— Гоблины показываются только ночью, их зрение слишком чувствительно к солнцу, — произнес Райли. — Скажи своим друзьям, чтобы они не выходили из дома с

наступлением сумерек. Иначе количество пропавших людей резко увеличится. А заодно и погибших.

И все из-за меня, подумал Эйден. Потому, что он встретился с Мери Энн. Потому, что он остался в этом городе.

— О, Боже, — Мэри Энн закрыла рукой рот, внезапно осознав степень опасности, грозившей им, слезы застыли в ее глазах. — Люди погибнут?

Райли поцеловал девушку в макушку.

— Не переживай. Мы сделаем, все от нас зависящее. Что касается демонов, то их труднее определить. Некоторые из них научились скрывать свою ауру.

— Как они оказались здесь? — спросил Эйден. — Я имею ввиду на земле. Как долго они уже здесь?

— Они здесь уже тысячи лет. До того как укрепили стены ада, несколько из них сбежало из своей огненной тюрьмы. Они не могли раствориться среди людей — чешуя, рога и раздвоенные языки их выдавали — так что они прикинулись богами. Они спаривались с людьми, и у них рождались полудемоны-полулюди. Эти дети все еще не походили на людей, так же как и их дети, и дети их детей. Хотя, в конце концов, их потомки смогли войти в общество. Воры, убийцы, те, кто творят чистое зло, обычно ведут свою родословную от тех первых демонов.

Чистое зло. Как Такер.

— Такер, — произнесла Мэри Энн, словно прочитав его мысли.

Райли кивнул.

— В каком-то смысле да, но мы не знаем, что...

— Какие магические существа тут еще есть? — перебил Эйден. Что еще хотело его использовать?

— Всякие разные, хотя не все еще прибыли в Кроссрудз. — Виктория положила голову на плечо Эйдену. — Драконы, ангелы, валькирии, всякого рода оборотни. Большая часть магических созданий существует в мире друг с другом, но некоторые расы живут войной. Возможно, поэтому они опаздывают на это сборище. А если нам повезет, то они вообще здесь не появятся.

Мэри Энн с силой вытерла слезы обратной стороной ладони.

— Что же нам делать?

Эйден вздернул подбородок, зная, что нужно сделать. Мэри Энн беспокоилась за отца. Виктория беспокоилась за свой народ. Райли, ну, он, наверное, беспокоился за Мэри Энн. То, как оборотень посмотрел на нее, напомнило Эйдену, что он сам испытывает к принцессе вампиров.

— Я соберу вещи и уеду, — сказал он. — Все эти создания последуют за мной, а все здесь будут в безопасности.

— Нет! — Виктория резко выпрямилась. — Они повсюду будут преследовать тебя, и все больше и больше людей окажется в опасности. И тебе, и Мэри Энн безопаснее здесь, потому что один ты беспомощнее, нежели с ней.

— Но, когда она с Райли, все мои возможности продолжают действовать. Даже сейчас, я могу слышать голоса своих спутников в глубине сознания. Он каким-то образом влияет на ее способность блокировать мои силы.

Райли наклонил голову набок.

— Может быть. я влияю не совсем на нее, а на тебя. Думаю, в глубине души ты

чувствуешь, что я хищник, и ты постоянно наготове, адреналин играет в крови, когда я рядом, это ослабляет любой блок Мэри Энн.

Им столько еще нужно узнать. Кажется даже слишком много. *И где ему только найти ответы на все вопросы?*

— Ну же, нам нужно идти, — вдруг сказала Виктория, потянув его подальше в тень.

Почему? Эйден снова повернулся в сторону городской площади. Тот эльф сменил направление и теперь двигался прямо к зданию, где они прятались. Эльф мог опустошить Викторию, причинить ей вред. Оставаться с ней дальше на этом месте было опасно.

Представив, что с ней может случиться, Эйден вцепился в Мэри Энн.

— Райли, уведи отсюда Викторию. Встретимся дома у Мэри Энн.

— Нет, я... — начал Райли.

— Я позабочусь о Мэри Энн, — заверил его Эйден. — А сейчас мы с ней сами по себе и стараемся не привлекать внимание этих созданий. Ну, вперед! — Эльф подходил все ближе и ближе.

Райли неохотно кивнул и потянул за собой Викторию. Точнее попытался — она сумела вывернуться из его рук. Она резко приблизилась к Эйдену, открыла свое кольцо и погрузила палец в жидкость в углублении. Он не успел остановить ее, и она отерла палец о запястье. Кожа на этом месте сразу же зашипела и появилась глубокая рана.

Через секунду девушка оказалась рядом с ним и прижала свою рану к его рту. Прижала так сильно, что Эйден не мог оттолкнуть ее руку. Все, что он мог сделать — попытаться запротестовать, но глотнул крови, просочившейся сквозь губы. Кровь была теплой и сладкой, шипящей, как сода.

— Это небольшое количество не убьет тебя, — сказала вампирша. — Дэн не увидит снова твои ушибы и порезы. Все заживет до того, как ты доберешься до дома.

Жар разлился по всему телу. Он чувствовал себя словно больной, мечущийся в горячке. Жар нарастал с каждой секундой, будто пытаясь выжечь все внутри и развезть тело пеплом.

— Это такое побочное действие... — тихо произнесла девушка. — Прости.

И снова Райли потащил ее прочь. Виктория была не в силах оторвать взгляда от Эйдена. А он все пытался понять, что значит «побочное действие». Когда они пропали из виду, души разразились стонами, отправляясь в ту черную дыру, которую они так ненавидели.

Эльф остановился, осмотрелся вокруг в недоумении и нахмурился. *Вот и хорошо.* Эйден согнулся, с трудом дыша. Наконец, жар начал отпускать.

Мэри Энн похлопала его по спине, и он с облегчением разогнулся.

Решив проверить аллею, эльф двинулся туда.

Эйден с Мэри Энн направились в противоположную сторону от своих друзей. Сейчас парня меньше всего заботили побочные эффекты выпитой им вампирской крови. Она уж не хуже трупного яда. Безопасность Мэри Энн — вот, что было главным.

Эйден ускорил шаг, не зная, заметил ли его эльф. Он просто продолжал, идти пока не заметил незапертую дверь. Забежав в здание — магазин одежды — он натолкнулся на работника, который сказал ему, что нельзя здесь находиться. Эйден извинился и, уже собравшись выйти, замедлил шаги. Мэри Энн застыла рядом с ним, кажется боясь что-либо произнести.

Там было так много народу. С расстояния трудно было судить о количестве. Они были повсюду. С первого взгляда их можно было принять за нормальных обычных людей, даже вблизи. Но незаметно наблюдая за ними, Эйден начал видеть, что скрывается за их маской.

Многие были настолько красивые, что у него перехватывало дыхание. Некоторые были до тошноты отвратительны. Но и те, и другие были для него опасны.

Я — ничто и никто, хотел он сказать им. *Не тратьте время на преследование меня*. Но они бы и не стали слушать. Они хотели использовать его. Может даже убить. И скорее всего пострадают невинные, если он не найдет способ остановить этих существ. Вполне возможно, они не все зло. Как, например, Виктория и Райли. Некоторые могут оказаться даже добродушными и милыми. Но у него не было ни времени, ни возможности разбираться. Не сейчас.

— Кто-то идет за нами? — спросила Мэри Энн яростным шепотом.

Конечно. Она была напугана. Страх был в ее голосе, сквозил в каждом слове. Он рискнул незаметно оглянуться.

— Нет, я бы так не сказал.

Оба они выглядели, как любые другие подростки. Продолжать медленно шагать, как ни в чем не бывало, было трудно, но они справились с этим. Но если его лицо такое же застывшее от страха, как у Мэри Энн, то они были в беде.

— Улыбнись, будто я сказал что-то смешное, — скомандовал он девушке.

Она издала неубедительный смешок.

— Может, ты сначала скажешь что-то смешное.

— Ничего не приходит в голову. — Он должен заставить ее переключиться с того, что происходит вокруг. Если и не шутками, то каким-то важным вопросом. — Ты ведь заказала наши свидетельства о рождении, так?

— Так.

— Когда ты их получишь?

— Сегодня, я думаю. Я доплатила за срочную доставку. На самом деле, они уже могут дожидаться нас в почтовом ящике.

— Это хорошо. — Если свидетельства уже там, значит, у них есть адрес родителей. И тогда возможно завтра — в субботу — они смогут их увидеть, если те все еще живут там. Если нет, то у них будет время заехать в больницу, где он родился и попытаться накопать еще немного информации о нем и его «семье».

— Ни за что не догадаешься, что я сделала. Давно хотела сказать тебе, что пробралась в отцовский кабинет и прочитала некоторые из его записей о тебе, — сказала девушка, пока они шли. К счастью, ее голос звучал спокойно, без истерики. — Он помнит тебя, и ты ему на самом деле нравишься, но то, что ты рассказал о моей матери, совершенно вывело его из себя.

Она сделала это. На самом деле. Ради него.

— Во-первых, спасибо. Во-вторых, я ничего не говорил о твоей матери.

— Говорил. Я о тех путешествиях во времени.

Эйден только упоминал о своем собственном путешествии. Это доктор Грей говорил о ком-то, кажется женщине. *Возможно ли?*

— Твоя мать иногда исчезала?

— Нет, никогда. Я бы знала. Почти все детство я ходила за ней, как приклеенная.

— Тогда я не понимаю.

— Да и я тоже. Он упоминал о жене и о нынешней жене, что заставило меня засомневаться в том, что моя мама — это моя мама. Но я не понимаю, как такое возможно.

Эйден подтолкнул девушку в сторону машины, что украла Виктория — корвета уже не

было — и они скользнули внутрь. Парень заблокировал двери машины. Они сидели так несколько минут, пытаясь отдышаться и в ожидании, что кто-то — или что-то — выйдет из-за угла. Но никого не было. Эйден с облегчением вздохнул и завел двигатель.

— Спасибо, — заговорил он снова. — За все.

— Я собиралась поговорить с ним, я просто должна была... когда-нибудь, когда он не сможет избежать этого разговора или отправить меня в комнату. В противном случае, мы никогда не получим ответы. Кроме того, мне нужно освободиться от этого, понимаешь?

К счастью, это случится еще до Хеллоуина, и к балу он будет готов. Знание — сила, и Эйден чувствовал, что ему понадобятся все его силы, чтобы предстать перед лицом отца Виктории. Он любил ее, хотел быть частью ее жизни до конца своих дней, и разрешение ее отца было бы очень кстати. Хотя, по всей вероятности, он не получит его. От него же одни проблемы, он — «шизик».

— Мы все узнаем о тебе, не беспокойся, — сказала Мэри Энн, словно угадав направление его мыслей.

Они ехали к ее дому, и на этот раз Эйден вел машину по правилам. Он не мог позволить себе лихачить. К его разочарованию, никакая посылка не ждала их в почтовом ящике Мэри Энн, к тому же Райли и Виктории тоже не было. *И где же они?*

— Твой отец все еще на работе? — спросил парень, перед тем как войти в дом.

— Ага. Его не будет дома еще несколько часов.

— Тогда я останусь. Во всяком случае, ненадолго.

— Только... обещай мне, что не будешь говорить о произошедшем, прошлом или будущем. Мне просто сейчас не до этого.

Девушка казалась очень бледной.

— Обещаю, — произнес Эйден.

Они поднялись наверх и включили телевизор. Будто бы это был нормальный день, и сами они были вполне обычными людьми. Наверное, первый раз в жизни Эйден смог спокойно посмотреть телевизионное шоу.

Посылка так и не пришла. Как и Райли с Викторией. Впрочем, он уже не мог ждать ни ее, ни их. Если он не вернется в школу и не пойдет домой с Шенноном, будто бы он весь день был в школе, все усилия Виктории пойдут прахом.

Эйден выглянул в окно спальни. Машина Виктории стояла на том же месте. Он воспользуется ей еще раз, чтобы не оставлять на Кроссрудз. Припаркует в квартале отсюда и спрячет в лесу, пока вампирша не решит вернуть ее владельцу.

— Запри двери после моего ухода, — сказал он. — Если Райли или Виктория объявятся — звони на ранчо. Не важно, что у меня из-за этого будут проблемы. Лучше уж путь накажут, чем я буду беспокоиться.

Девушка кивнула и обняла его.

— Будь осторожен.

— Ты тоже.

Конечно, посылку Мэри Энн доставили в семь вечера того же дня. Ее отец был дома, в своем кабинете, по всей вероятности тщательно изучая свои записи об Эйдене, стараясь придумать рациональную причину, по которой тот мог утверждать, что дружит с Мэри Энн за годы до того, как вообще ее встретил.

Девушка хотела было открыть посылку, когда услышала звук шагов Пенни, неуверенно приближавшихся к ней.

— Привет, — произнесла Пенни.

Мэри Энн застыла.

Целую вечность они стояли, смотря друг на друга в молчании и нерешительности. Мэри Энн так упорно избегала ее, что подруга перестала звонить, искать встречи в школе. Хотя, возможно, Пенни и не ходила в школу все это время. Мэри Энн не была уверена — она была слишком поглощена своими делами.

— Привет, — повторила Пенни.

— Привет.

Пенни устала на свои руки, нервно переплетенные пальцы. Она выглядела ужасно. Как давно уже нет в ней обычной юной живости?

— Как ты? — произнесла Мэри Энн, не зная что спросить.

— Могло быть и лучше. Утренний токсикоз задолбал. — Ее отстраненный тон задевал сильнее, чем казалось. По ней и так все было понятно. — Мои родители хотят, что бы я избавилась от ребенка.

— А ты?

— Да. Нет. Может быть. — Вздох. — Я не знаю. Ненавижу Такера, но ребенок, он же и часть меня, понимаешь? Я хочу его. По крайней мере, мне так кажется.

Такер — демон. Значит ли это, что и ребенок Пенни унаследует этот порок? Раньше она так думала, но сейчас, когда Пенни стояла прямо перед ней, это не имело никакого значения.

Повисло тяжелое гнетущее молчание.

— Я скучаю по нашей дружбе, — Пенни будто прорвало. — Хочу, чтобы все стало, как раньше. Прости меня за то, что я сделала. Я напилась, хотя это и не извиняет меня. Я не должна была так поступать. Боже, Мэри Энн, я так сожалею. — Слезы побежали по ее щекам. — Ты должна мне поверить.

Мэри Энн все ждала, что на нее снова нахлынет чувство предательства, но этого не было. Все, что она знала — Такер мог напустить иллюзию на ее подругу, чтобы та поддалась его влиянию. Кроме того, ей очень не хотелось видеть Пенни такой, такой разбитой и измученной.

— Я верю тебе, — сказала она. — Не думаю, что все станет, как прежде, пока нет, но я действительно верю тебе.

Пенни взглянула на нее, затем, всхлипнув, бросилась вперед и сжала подругу в объятиях. Мэри Энн вздрогнула от неожиданности, она только и могла, что обнять плачущую Пенни. Свободной рукой она гладила ее по спине, пытаясь успокоить.

Как говорил Райли, все совершают ошибки. И Пенни ошиблась, и если Мэри Энн хотела вернуть их дружбу — она начинала думать, что на самом деле хотела этого — она должна

простить ее.

— Прости меня. Мне так жаль. Такое больше никогда не повторится. Ты можешь мне доверять. Я усвоила урок, Богом клянусь.

— Тише, тише, все хорошо. Я больше не злюсь на тебя.

Пенни чуть отступила, все еще держа Мэри Энн в объятии.

— Не злишься?

— Ты — одна из важных частей моей жизни. Я не знаю, сколько мне понадобится времени, чтобы снова доверять тебе, но больше мне не кажется это невозможным.

— Я не заслуживаю тебя, — Пенни в раскаянии закрыла лицо руками. — Правда, не заслуживаю. Мне стоило бы уйти и оставить тебя в покое, но я не могу. Ты самое лучшее, что случилось со мной в жизни. Ты понимаешь меня, как никто другой, и я ненавижу себя за эту историю с Такером. Я хотела рассказать тебе, честно, но я так боялась потерять тебя.

— Ты не потеряешь меня. Ты тоже нужна мне. — Мэри Энн теперь ясно это понимала. Напряжение, что сковывало ее после того, как она увидела в городе всех тех созданий, испарилось с появлением Пенни. Так же ли Мэри Энн влияла на Эйдена и Такера? — К тому же, ты сделала мне одолжение. Мне нужно было, что бы Такер исчез из моей жизни. И ты подтолкнула меня принять решение расстаться с ним.

Тень улыбки пробежала по ее лицу.

— Он такой придурок, правда?

— Без всяких сомнений. Он собирается помогать тебе...?

Пенни затрясла головой прежде, чем Мэри Энн успела договорить.

— Он дал мне понять, что не хочет иметь ничего общего со мной или с ребенком. — Ее подбородок задрожал, и в глазах снова застыли слезы. — Я сама по себе.

— Ну, у тебя есть тетушка Мэри Энн. Мне раньше не приходилось иметь дело с детьми, но я постараюсь научиться.

Она снова улыбнулась так, как улыбалась старая Пенни.

— Мне нужно возвращаться. Я же теперь шлюха, как говорит моя мать, но я хочу еще с тобой увидеться. И поговорить.

— Конечно. Я хочу узнать все о твоём ребенке.

Пенни потеряла небольшую выпуклость на животе, которую Мэри Энн раньше не замечала.

— Люблю тебя, моя девочка. — Она поцеловала ее в щеку и ушла, и ее походка была не такой тяжелой, как когда она подходила.

Мэри Энн смотрела ей вслед, пока та не скрылась за ее домом. Ну что за день!

Девушка наконец смогла открыть посылку. Ей так хотелось, что бы Эйден, Райли и Виктория были сейчас рядом, и они могли разделить этот момент. Но ни оборотень, ни вампирша все еще не объявились, а она не хотела их беспокоить, пока у нее не было для друзей никаких новостей.

Мэри Энн пробежалась глазами по свидетельству о рождении Эйдена, отметила для себя название больницы, в которой он родился — Святой Мэри — имена его родителей — Джо и Паула Стоун — а так же день его рождения — 12 декабря. Забавно. Ее день рождения также 12 декабря.

Она просмотрела и свое свидетельство о рождении, потрясла головой и снова внимательно прочитала. Но написанное там не поменялось. Девушка пошатнулась назад. Это не правда. Это не могло быть правдой. Ей никогда не приходило в голову спрашивать

отца о месте, где она родилась, но она знала, что появилась на свет в больнице Святой Мэри. И что хуже всего, женщина, которую она называла мамой всю свою жизнь, совсем не была ее матерью.

Все внезапно обрело смысл. Как она могла быть похожей на женщину, что вырастила ее, не будучи ее родным ребенком. Как ее отец мог иметь двух жен.

Неясное тепло, что наполнило ее во время разговора с Пенни, окончательно покинуло ее, оставив бездну гнева. Мэри Энн с трудом сдерживала себя, когда ворвалась в кабинет отца. Она тряслась всем телом, кровь стучала в висках.

Отец поднял глаза, посмотрел на нее и выронил журнал, который держал в руках. Он устало потер глаза. Вокруг них залегли глубокие морщины.

— Что случилось, дорогая?

Ей необходимо было все выяснить. И теперь ее отец не мог сбежать или отослать дочь в свою комнату. Она имела право знать правду. Сейчас.

— Объясни это, — закричала она, хлопнув свидетельством по столу.

Он взглянул на него и застыл, даже перестал дышать — его грудь не двигалась. Прошло несколько бесконечно длинных, мучительных мгновений, пока он смог тихо произнести.

— Где ты это взяла?

— Не имеет значения. Почему ты не рассказал мне, что тетя Анна — моя настоящая мать, а ее сестра вырастила меня, как свою собственную дочь? — Он никогда не рассказывал ей, даже не упоминал, что ее тетя, та самая с которой она не была знакома, которая якобы умерла еще до ее рождения, и была на самом деле ее биологической матерью.

Отец сгорбился и закрыл лицо руками. Он стоял довольно долго подавленным, и не произносил ни слова. Наконец он сказал:

— Я не хотел, чтобы ты знала. И все еще не хочу.

— Но ты расскажешь мне. Сейчас. Немедленно! — И это было требование, а не просьба. Злость и боль так кипели внутри нее, что она больше не могла стоять на месте. Она стала ходить по комнате от одной стены до другой, мягкий ковер на полу заглушал ее нервные шаги. Будто пелена спала с глаз, и она впервые в жизни видела все так ясно и четко.

— Пожалуйста, сядь. Давай поговорим, как разумные люди.

Менее всего она сейчас действовала, как разумный человек.

— Я стою, а ты говоришь.

Ее отец с содроганием выдохнул.

— Разве это так важно, Мэри Энн? Каролин в любом случае была твоей матерью, хоть и не биологической. Она любила тебя, вырастила тебя, была рядом, когда ты болела.

— И я люблю ее за это; до сих пор люблю. Но я заслуживаю знать правду. Я заслуживаю знать о моей настоящей матери.

Еще раз глубоко вздохнув, он сел обратно в кресло, опустил руку на подлокотник и потер висок. Он был бледным, голубые вены стали виднее на его коже.

— Я собирался рассказать тебе, действительно собирался. Но я хотел сделать это, когда ты будешь постарше. И более к этому готова. Что если тебе не понравится то, что ты услышишь? Что если, однажды, ну знаешь, поймешь, что не хотела бы всего этого знать?

Да как он смеет!

— Перестань пытаться мной манипулировать. У меня может и нет ученой степени, но я прочитала все книги по психологии, что ты мне давал. Я не какой-то там пациент, которого ты можешь убедить поверить тебе. Я — твоя дочь, и заслуживаю, чтобы ты был честен со

мной, как всегда и обещал.

Поглощенный ее речью, он мрачно кивнул:

— Хорошо, Мэри Энн. Я расскажу тебе. Всю правду. Надеюсь, ты готова к этому.

Отец сделал паузу, очевидно ожидая, что она что-то скажет. Но его дочь молчала. Он прикрыл глаза, будто прося совета.

— Я встречался с твоей матерью — Каролин, той самой, которая вырастила тебя, — произнес он, — когда был в старших классах. Мне было семнадцать. Я думал, что люблю ее. Думал так до тех пор, пока не пришел к ней домой и не познакомился с ее младшей сестрой — Анной. Ей было шестнадцать, как и тебе сейчас, и это была любовь с первого взгляда. Для нас обоих. Я тут же перестал встречаться с Каролин. Анна и я не собирались видаться, потому что это могло ранить Каролин, а мы оба по-своему любили ее. Но и быть на расстоянии друг от друга мы не могли и вскоре стали тайно встречаться.

Мэри Энн все-таки села напротив стола. Хотя в ней все еще кипели эмоции, ноги не могли ее больше держать — слишком многое ей надо было переварить.

— Могу я продолжить?

Она кивнула. Слишком многое на нее свалилось, но она должна была выслушать до конца. Почему у нее никогда не возникало подозрений? У нее в комнате даже не было фотографии Анны, ее собственной матери — промелькнула мимолетная мысль.

— Чем больше времени я проводил с Анной, тем больше понимал, что она немного... необычная. Она могла исчезнуть на несколько часов и утверждала....

Мэри Энн с изумлением произнесла, перебив его:

— Она утверждала, что путешествует в более молодую версию себя.

Отец широко раскрыл глаза и кивнул:

— Как ты... Эйден, — произнес он сквозь стиснутые зубы. — Я понял, он и тебя напичкал этой ложью.

Нет. Эйден был единственным, кто говорил ей только правду.

— Мы сейчас говорим не о нем, а о тебе и той лжи, которой ты меня пичкал годами. И мы оба знаем, глубоко внутри, что Эйден никогда не врал.

— Я думал, что ясно выразился, что не хочу, чтобы ты общалась с этим парнем, Мэри Энн. Он опасен. Он был опасен, когда был ребенком, бил других пациентов, охрану, и он опасен и сейчас. Тебе нужны доказательства? Я кое-что накопал. Оказывается он живет на ранчо Д и М. Все знают, какие дети там находятся. Держись от него подальше.

— Не указывай, что мне нужно делать! — На эмоциях девушка ударила кулаком по подлокотнику кресла. — Я знаю его, и лучше, чем ты, он бы никогда меня не обидел. И сейчас я думаю, что знаю его лучше, чем знаю тебя.

Отец побледнел.

— Люди могут одурачить тебя. Он...

— Он знал, что однажды мы с ним встретимся. Он даже рассказал тебе об этом. Но ты в своем упрямстве не поверил ему. А учитывая твоё знакомство с Анной, ты должен был быть тем человеком, доктором, кто дал бы Эйдену шанс доказать, что он говорит правду. А ты даже сейчас пытаешься ставить под сомнение его слова, хотя факты их подтверждают.

Ее отец пренебрежительно махнул рукой.

— Всего однажды он назвал твоё имя, наверняка он выследил тебя. Сейчас не так трудно найти любого человека.

Так вот какое рациональное объяснение он себе дал. А она-то считала его самым умным

человеком на земле.

— Получается, что он ждал пять лет только затем, чтобы побесить тебя? А то, что он знал имя моего бойфренда, еще до того, как я начала с ним встречаться — чистое совпадение, так? — Девушка нервно рассмеялась. — Прекрати увиливать и Расскажи мне о моей матери. Или, ей-богу, я поднимусь наверх, соберу вещи и уйду. И ты никогда меня больше не увидишь.

Отец хотел было запротестовать, но не смог. Его дочь никогда еще не бросалась такими угрозами, и он даже не знал, сможет ли она их выполнить. Она тоже не знала. Но, учитывая как она сейчас была зла на него, ей казалось, что вполне была способна на это.

Он напряженно кивнул:

— Анна забеременела, когда была еще в старшей школе. Ее семья не была этому рада, особенно Каролин, что не удивительно. В конце концов, она бросила школу, и мы поженились. К счастью она перестала исчезать, пока была беременна тобой. Я подумал, что предстоящее материнство изменит ее. Тогда мы были так счастливы, несмотря на поспешный брак. Затем твоя мать начала слабеть. Никто не понимал из-за чего. Она выглядела такой больной, на самом деле, мы думали, что она потеряет тебя. Но все обошлось. Она справилась. Потом ты родилась, и Анна... она... она... умерла, почти сразу после родов. Врачи никак не смогли объяснить ее смерть. Ничто не указывало на то, что ее жизнь находится в опасности, и ей станет хуже, но в момент, когда тебя положили ей на руки, она просто ушла от нас.

Ее отец правильно сделал, что женился на женщине, которая ее родила, и которую он любил. Не смотря ни на что, Мэри Энн гордилась им за этот поступок. Такер поступил с Пенни наоборот. Хотя, многие подростки поступили бы так же.

Отец прокашлялся, его подбородок дрожал:

— Я оказался восемнадцатилетним подростком с ребенком на руках, о котором нужно было заботиться. И как ты знаешь, твои дедушка с бабушкой, которые всегда были готовы поддержать, не захотели ничего для нас делать. Так что, единственным человеком, который мне помогал, была Каролин, но опять же ее родители ненавидели меня и винили в дурном влиянии на нее и, в конце концов, в ее смерти. Так что мы вырастили тебя вдвоем. Она всегда хотела замуж и все еще любила меня, и я пошел ей навстречу и женился на ней.

— Хотя я никогда не переставал любить Анну, и Каролин знала это. Я не заслуживал ее, но она оставалась со мной. Я в неоплатном долгу перед ней, она любила тебя как свою родную дочь. Она боялась, что если ты узнаешь, то она потеряет твою любовь. Я обещал ей ничего не рассказывать и до сих пор держал свое слово.

Многое теперь обретало смысл. И хотя весь мир Мэри Энн развалился на куски, теперь он возрождался из чего-то другого. Правды, а не лжи.

Она только простила предательство подруги и сейчас столкнулась нос к носу с другим предательством. Предательством человека, который должен был защищать ее от всего на свете, того кто всегда вселял в нее мужество говорить правду, какой болезненной бы она не была.

Мэри Энн не хотела больше здесь оставаться и поднялась с кресла.

— Я пойду наверх собирать вещи. Я не сбегаю из дома, — добавила она, когда отец с волнением в глазах поднялся. — Мне просто нужно немного времени. Я останусь у подруги. Мне это нужно, ты должен понимать.

Отец резко сгорбился. Ему было за тридцать, но сейчас он выглядел как измученный

старик на пороге смерти.

— Что за подруга? Кто-то из школы? Или с работы?

— Пока не знаю, но не беспокойся. Я не буду пропускать школу. Хотя на работу позвоню и скажу, что заболела. — И это почти и не было ложью. Она никогда еще не чувствовала себя подавленной.

— Возьми хотя бы машину.

— Нет, я...

Перебив, он взял ее за руку.

— Или возьми машину, или останься. Выбери сама. — Он подошел к своему столу, взял ключи и кинул дочери.

Она не поймала, и ей пришлось нагнуться за ними. Все мышцы свело так, что она еле разогнулась.

— Возьми еще это, — сказал отец. Он выдвинул нижний ящик стола и на этот раз достал оттуда желтую записную книжку. — Это принадлежало твоей матери. Анне.

Все это время у него была вещь ее матери, ее настоящей матери, и он прятал это от нее. Она взяла тетрадь трясущимися руками. Как ей хотелось сейчас ненавидеть отца. В тишине она вышла из кабинета и поднялась в свою комнату, чтобы собрать вещи. Рюкзак был тяжелее, чем всегда: обычно он был заполнен книгами, а не одеждой и весил не так много.

Мэри Энн уезжала, дом, в котором она прожила большую часть жизни, медленно исчезал в зеркале заднего вида. Она не могла сдержать слезы, бегущие по ее щекам. Она оплакивала мать, которую никогда не видела, отца, которого, казалось бы, должна была знать, и неизвестность, в которой прибывала всю жизнь.

Она хотела обвинить во всем отца, но не могла, тем более после того, как он рассказал свою историю. Она вполне могла убить свою мать.

Как и Эйден, ее мать путешествовала во времени. Это означало, что как и Эйден, ее мать обладала сверхъестественной способностью. Мэри Энн нейтрализовывала эти способности. В момент ее зачатия ее мать перестала путешествовать во времени. Это факт. В течение девяти месяцев она находилась в матке матери и ослабляла ее, постепенно истощив силы. Тоже факт. Затем, в момент ее рождения ее матери просто не стало. Из-за нее?

Часами Мэри Энн ездила, пытаясь взять над собой контроль, но безуспешно. Дневник матери словно насмехался над ней. Она кружила по округе, затем проехала мимо Д и М. Остановившись, она поняла, что была слишком переполнена эмоциями, чтобы зайти, поэтому развернулась и поехала домой. Высоко в небе сияла золотистая луна. С каждой минутой по пути становилось все меньше людей — тех, что работали на своих участках или просто отдыхающих. Но что скрывалось в тенях, выжидая, чтобы ударить? Она боялась ответа на этот вопрос.

В нескольких милях от дома она заметила волка, бегущего рядом с автомобилем. Она узнала черный мех, пылающие зеленые глаза и свернула на обочину. Хорошо, что она остановилась — слезы застилали глаза. Но Мэри Энн никак не могла избавиться от рыданий, засевших в горле. Гортань горела, будто ее обожгли кислотой.

«Подожди», — прозвучал голос Райли в ее голове.

Она не могла. Он был нужен ей, но также ей было нужно остаться одной. Больше всего ей было нужно... она не знала что. Уйти, забыть. Мэри Энн выпрыгнула из автомобиля и побежала. Она бежала от того, что знала, от боли и неуверенности. Слезы продолжали

литься из глаз. Волк продолжал преследовать ее, с силой отталкиваясь лапами от земли.

Он догнал ее и прыгнул на спину, прибив к земле. Она лежала, задыхаясь, и не могла пошевелиться.

«Здесь опасно, — сказал он ей мысленно. — Вернись к автомобилю. Сейчас же.»

Он был прав, она знала это, но осталась там, где была, рыдая и задыхаясь. Его теплый язык коснулся ее щеки, уголка ее глаза.

«Пожалуйста, Мэри Энн. Ты же не хочешь столкнуться с гоблином.»

Она кивнула и замерла, а потом двинулась назад к автомобилю. Он не запрыгнул внутрь, как она ожидала, а унесся к ближайшим деревьям. Прошло всего несколько минут, прежде чем он вновь появился в человеческом обличье. На нем были мятая рубашка и свободные брюки, очевидно, надетые второпях. Петли заскрипели, когда он забирался внутрь, Райли уселся, и блокировка дверей щелкнула.

— Мне жаль, если ты пострадала, — сказал он. — Как я уже сказал, сегодня вечером снаружи могут быть гоблины, и я не хотел, чтобы они уловили твой запах. Мои братья отслеживают их, и я не хотел бы, чтобы ты оказалась в их поле зрения.

Она повернулась к нему:

— Где ты был?

Слова прозвучали визгливо, вырвавшись и сменившись рыданием. Ее тело сотрясала дрожь, все сильнее и сильнее, пока она не начала задыхаться в рвотных позывах, потерявшись в горе и гневе. В себе, ее отце.

— Эй, эй, — произнес Райли, потянув ее на свои колени. — Что не так, любимая? Скажи мне.

Любимая. Он назвал ее любимой. Это было так удивительно, так желанно, что она расплакалась еще больше. Между рыданиями она рассказала ему о том, что узнала. Он качал ее в колыбели рук все это время, успокаивая ее так же, как она успокаивала Пенни. Затем он поцеловал ее, его губы поймали ее, его язык был теплым, приятным и диким, пальцы путались в ее волосах.

На мгновение огни осветили их, когда мимо проехал автомобиль, и они замерли. Но в ту же минуту, когда темнота окутала их, и они снова целовались. И это было самым замечательным, прекрасным и горячим, что она когда-либо делала. Ее руки путались в его волосах, его — в ее. Они прижимались друг к другу, впитывая друг друга. Она чувствовала себя в безопасности, несмотря на то, что тонула в ощущениях, в нем. Она хотела, чтобы это никогда не заканчивалось, и хотела быть медленней, как он однажды просил ее.

— Мы должны остановиться, — хрипло произнес он.

Очевидно, они по-разному воспринимали их отношения.

— Я не хочу.

Когда он так обнимал ее, она не могла ни о чем думать, только чувствовать его и ощущать счастье от того, что он рядом.

Его большой палец ласкал ее щеку:

— Доверься мне. Так будет лучше. Мы в автомобиле, у всех на виду. Но мы можем... мы продолжим позже.

Хотя она все еще была против, но кивнула.

— Теперь расскажи, куда ты направлялась? — спросил он, его беспокойство вернулось.

Сделав глубокий, дрожащий вдох, она сказала:

— Как только я взяла себя в руки, то поехала на ранчо, на котором живет Эйден. Я

собиралась забрать его как-нибудь и отвезти туда, где живут его родители. Или жили. Я говорила тебе, мы родились в одной и той же больнице в один и тот же день?

— Нет. — Райли склонил голову вбок, и его руки, все еще обнимающие ее, перестали рисовать круги на ее спине. — Это странно.

— Знаю.

— И очень важно, я уверен.

— Согласна. Это не может быть простым совпадением. После того, как мы навестим его родителей, я хочу сходить в больницу, где он — мы — родились.

— Я пойду с вами. Виктория на пути к Эйдену сейчас. Мы можем подобрать их обоих. — Он открыл дверь и встал, легко потянув ее за собой, затем обошел вокруг и посадил ее на пассажирское сидение. — Я поведу.

Когда он сел за руль, она сказала:

— Куда ты пошел, когда мы разделились? Я волновалась.

Двигатель работал на повышенных оборотах, и Райли расслабился на теперь уже пустой дороге. Он вел автомобиль так легко, словно тот был его продолжением.

— Я должен был помочь Виктории с кое-какой проблемой. И мне жаль, любимая, — добавил он, переплетая их пальцы и поднося ее руку к своим губам. — Я пока не могу рассказать тебе о ней. Виктория не сказала о ней Эйдену, но он должен узнать первым.

— Понимаю.

— Правда?

— Конечно.

Он бросил на нее взгляд, глаза потемнели, губы немного опухли и покраснели, вероятно, она выглядела также.

— Поразительно. Кто-нибудь другой на твоём месте забросал бы меня вопросами или обвинениями в надежде расколоть меня.

— Не в моем стиле. — Или не было до сих пор. Люди раскрывали свои секреты, когда были готовы. Подталкивание порождает только горечь. Что касается тайн ее папы, он, возможно, не был готов раскрыть их, и он мог рассердиться на нее позднее, но она не могла заставить себя не думать об этом. Эти тайны в действительности никогда ему не принадлежали.

— Как бы то ни было, твой отец любит тебя, — сказал Райли, очевидно, уловив суть ее мыслей. — Тебе очень повезло. У меня нет родителей. Они умерли вскоре после моего рождения, и меня воспитывал отец Виктории. Он верит, что мальчики должны быть воинами, и не допускает слабостей. Я учился сражаться с всевозможным оружием с пяти лет и убил своего первого врага в восемь. И когда я был ранен... — Краска залила его щеки. Он отвел от нее взгляд, откашлялся. — Не было никого, кто мог бы поддержать меня, поцеловать и сделать добрее.

Она могла бы, решила Мэри Энн. С этих пор она будет с ним, чтобы утешать его, как он утешил ее этой ночью. Как до этого делала Каролин. Мысль о том, какое ужасное детство у него было, только укрепила ее чувства. Было преступлением лишать его объятий, не трепать его по голове и не говорить ему, каким замечательным он был. Вынуждать его сражаться, тем более.

Несмотря на ложь, она поняла, что ей посчастливилось иметь такое детство, какое у нее было, иметь таких родителей.

— Ты удивляешь меня, — произнесла она. И ему нравилась она. Он признал это,

поцеловав ее. Что же это значило для них? — Как думаешь... ты мог бы... когда-нибудь... встречаться с кем-то вроде меня?

Его руки напряглись на руле, костяшки побелели.

— Нет. Обратни живут намного дольше людей, поэтому отношения между нами считаются глупостью.

— О.

Ей не удалось скрыть свое разочарование. Она надеялась. И эти надежды казались теперь такими глупыми.

— Но мы найдем выход, — сказал он.

— О, — снова произнесла она, но в этот раз с улыбкой.

Эйден заканчивал ночную работу по дому, когда заметил, что его глаза начали слипаться, обзор стал сводиться к оставшимся лучам света. Будучи неуверенным в том, что происходило, он уединился в спальне. Он не мог запереть дверь, потому что с сегодняшнего дня Шеннон стал его новым соседом по комнате. Должно быть, чуть раньше Оззи поймали, когда он крался с наркотиками в комнату Эйдена (как Эйден того боялся).

На этот раз удача улыбнулась ему, и Дэн видел все через окно. Или, возможно, это все последствие путешествия во времени. Так или иначе, полиция увела Оззи. В настоящее время он содержался в исправительном учреждении и не мог вернуться на ранчо.

Таким образом, одна из забот Эйдена была устранена.

Дэн заметил, что Эйден и Шеннон подружились, и, пытаясь поощрить эту дружбу, переселил Шеннона в комнату Эйдена. Было странно больше не чувствовать себя одиноким на ранчо. Еще более странным было то, что Брайан, Терри, Райдер и Сет весь день относились к нему хорошо. Теперь Оззи не влиял на них, и, казалось, они стали считать его одним из них.

Эйден чувствовал себя так, словно оказался в другом измерении или альтернативном мире.

Он споткнулся на пути к своей кровати о нижнюю койку и растянулся. Что с ним? Он ослеп? Если так, то почему? Как раз когда он задался вопросом, почему он видел так мало света, все исчезло, оставляя только обволакивающую черноту.

— Что со мной не так? — пробормотал он, впадая в панику.

«Возможно, кровь Виктории», — сказала Ева.

«Она предупреждала тебя, что будут осложнения», — сказал Калеб. И присвистнул. — «Боже, она горяча. Когда ты собираешься поцеловать ее снова?»

Кровь Виктории. Конечно. Облегчение вспыхнуло в нем, и тут же погасло. Тупая боль взорвалась в его голове, стуча в висках. Сколько времени продлится боль и слепота?

Дверь, скрипнув, открылась, затем закрылась. Послышался звук шагов и шуршание одежды.

— Дружище, ты в порядке? — спросил Шеннон. Его голос звучал грубо, горло все еще саднило. — Выглядишь ужасно.

Он совсем не заикался. Наверное, отсутствие постоянных издевательств со стороны Оззи и уверенность, что у него есть настоящие друзья, повлияли на него.

— Не совсем. — Эйден чувствовал тепло, исходящее от тела друга, и знал, что тот был близко. — Мы одни?

— Да.

Если Виктория придет — Где она? Что делает? — он хотел быть готовым. Ну, насколько готовым мог быть парень в его положении.

— Окно... девушка...

— Ни слова больше. Я оставлю его незапертым.

Из его горла вырвался стон, головная боль перешла в острую пульсацию, пробивая каждый дюйм его черепа как таран и раскалывая на части. Он почти надеялся на это, тогда боль могла бы уйти. Боль была настолько сильной, что даже его спутники чувствовали ее, издавая стоны вместе с ним.

Когда он думал, что уже не сможет больше выдержать, разноцветные вспышки света внезапно появились в его глазах. Картина начала формироваться. Затемненный переулок был освещен только мягким светом уличных фонарей. Время от времени мимо переулка проезжал автомобиль, но притаившись, как сейчас, он был незаметен со стороны. Он был рад. Его острое обоняние подсказало ему, что вокруг не было никого, кроме него и его еды, и никто не увидит, что он собирался делать. И это было хорошо, подумал он, очень хорошо. Только это была не его мысль, она не возникала в его голове. Он чувствовал небольшое отчаяние и сильный голод. Даже стыд.

Он стоял за мужчиной. Мужчиной, который, казалось, был среднего роста, и все же вместо того, чтобы возвышаться над ним, Эйден был на уровне его глаз. Бледной, изящной рукой он придерживал голову парня, повернутую в сторону, второй рукой надежно удерживая его за плечо.

Бледной? Изящной? Это были не его руки, не взирая на то, что были продолжением его тела. Он бросил беглый взгляд на себя. Нет. И не его тело тоже. На этом теле была черная одежда, и она имела привлекательные формы.

Виктория, догадался он. Должно быть, он видел эту картину глазами Виктории. Это происходит сейчас? Или случилось раньше? Было ли это воспоминанием?

— Ты непослушный мальчишка, — заявил Эйден, но это был не его голос. Это был голос Виктории. Он никогда не слышал такого холодного, неумолимого тона. Он чувствовал ее ярость, все еще испытывал ее голод, однако она не подавала вида.

«Должна оставаться сильной», — думала она. — «Должна защитить Эйдена, Райли и Мэри Энн. Моих друзей. Моих единственных друзей. О, Боже. Когда Эйден узнает с Дмитрием... не думай об этом сейчас. Ешь.»

Эйден испытал потрясение. Дмитрий — парень, который подходил к окну Эйдена, наблюдал за ними с Викторией и напугал ее настолько, что она сбежала. Его руки сжали хлопок под ним.

— Ты ударил своих жену и сына, думаешь, ты выше их, — глумилась она. — Правда же в том, что ты просто распутивший сопля трус, который заслуживает только того, чтобы умереть в этом воняющем мочой переулке.

Мужчина дрожал. Она внушила ему держать рот закрытым и молчать, чтобы он не говорил и даже не стонал.

— Но я не убью тебя. Это было бы слишком легко. Теперь ты должен жить со знанием, что тебя превзошла маленькая девчонка. — Она безжалостно засмеялась. — Девчонка, которая выследит тебя, если ты когда-нибудь тронешь в гневе своих жену и ребенка снова. И если ты думаешь, что я не узнаю, подумай снова. Я видела, что ты сделал с ними этим утром, не так ли?

Мужчина задрожал еще сильнее.

Высказав свое мнение, Виктория грубо укусила его в шею. И в этом укусе не было ничего неспешного и нежного, как в тот раз, когда она кусала Эйдена. Она погрузила свои клыки глубоко, порвав сухожилие. Тело мужчины дернулось, его мышцы сократились. Она внимательно следила, чтобы ее слюна не попала в его вену, чтобы не облегчать его боль. Она ввела бы его в состояние опьянения, как это было с Эйденем.

Металлический запах крови наполнил воздух, и Эйден глубоко вдохнул его, как это делала Виктория. Она обожала его и наслаждалась своим голодом, и он обнаружил, что воспринимая все ее чувствами, тоже любил его. Его рот наполнился слюной, горло отекало от

жажды.

«Почему я не могу изменить их натуру? Почему мне дано только играть с их воспоминаниями? Что хорошего я делаю?» Она пила и пила, пока ноги человека не подогнулись. Именно тогда направление ее мыслей изменилось. «Слава Богу, Эйдена здесь нет. Я — животное, животное с кровью на лице».

Ее зубы втянулись, и она освободила мужчину. Он упал на тротуар, его голова ударилась о мусорный контейнер, что был перед ним.

Виктория склонилась и взяла его лицо в ладони. Глаза мужчины были закрыты, он дышал поверхностно и неровно. Кровь капала из двух колотых ран на шее.

— Ты не запомнишь меня, то, что я сделала или сказала. Ты будешь помнить только страх, который чувствовал от моих слов. — И, возможно, только возможно, этот страх заставит его изменить свое поведение. Или нет. Так или иначе, она сделала все, что могла. Кроме его убийства, но это ей делать запретили.

Не всякий нарушал законы ее отца. В первый раз, когда она случайно убила, ее предупредили. В следующий и последний раз — чтобы она получила урок — ее пороли кнутом, пропитанным *je la pune*, веществом в ее кольце.

Она открыла кольцо, погрузила в него палец и прижала ноготь к кончику другого пальца. Тотчас кожу обожгло, образуя рану. Ожог... распространился, образуя волдыри, заставляя ее хватать ртом воздух и задыхаться.

Эйден закричал, почувствовав себя собой.

Дважды она сделала это для него. Сначала, чтобы показать ему, что она могла это сделать, а затем, чтобы напоить его своей кровью, при этом она никогда не показывала, насколько зверской была ее боль. Она не хотела, чтобы он чувствовал себя виноватым, понял он. Не тогда, когда она чувствовала себя настолько недостойной его.

Он покачал головой в изумлении.

Не желая снова дотрагиваться своим ртом до мужчины, чтобы залечить его раны, она капнула кровью на каждый прокол. Плоть начала срастаться, закрывая раны и не оставляя следов. Ее голод был утолен, тело стало сильным, и ярость возобновилась. Она испытывала отвращение, находясь в полной зависимости от развращенного способа выживания, но предпочитала его наивности и намеренно искала повод для него.

Больше никогда, подумал Эйден. Он предоставит ей доступ к себе и своей крови. Она не будет пить ни из кого, кроме него. Он будет скрывать раны, чтобы никто их не видел, или она их излечит. Но, так или иначе, она не будет снова причинять себе боль наподобие этой.

— Лучше? — раздался глубокий голос за ней.

Виктория медленно развернулась. Ее пристальный взгляд поднялся, и она увидела Дмитрия. Он стоял, прислонившись к стене, со скрещенными руками на накаченной груди. Ростом, по крайней мере, шесть футов четыре дюйма, он возвышался над Викторией. Светлые волосы были приглажены назад и открывали его совершенное лицо. Его бледная кожа, казалось, светилась. Но Эйден знал, что вся эта красота скрывала монстра.

Она вытерла лицо тыльной стороной запястья и кивнула:

— Ты должен вернуться в дом, — сказала она, лунное освещение придавало ее взгляду резкость. — Ты долго был в пути, утро скоро наступит.

Уголки губ приподнялись в любящей улыбке. Он выпрямился, сократил расстояние между ними и, потянувшись, вытер пятно крови с ее подбородка. Она повернула голову, избегая его прикосновений, и его улыбка сменилась хмурым взглядом.

— С этого момента, предполагается, что ты идешь туда, куда иду я. Это значит, ты возвращаешься домой со мной.

Управляй своим гневом. Не бросай ему вызов.

Она мило улыбнулась:

— Когда ты принуждаешь меня, я только ненавижу тебя еще больше.

Он сощурился:

— Сопротивляться мне бесполезно, принцесса.

— Вообще-то нет. То, что держит тебя подальше от меня, служит очень важной цели.

Красный отблеск отразился в темноте его глаз.

— Ты о мальчишке?

Она подняла подбородок, чтобы скрыть внутреннюю дрожь.

— Это о тебе и о том, что я не хочу иметь ничего общего с тобой.

Он склонился к ней нос к носу так быстро, что даже она не могла уследить.

— Я — все, что тебе нужно. Сильный и толковый.

— Ты точно такой же, как мой отец, — возразила она, отказываясь отступить. —

Смотришь на других как на оскорбление над своей отвагой. Ты правишь железной рукой и наказываешь без разбора.

Он махнул рукой в протестующем жесте:

— Без правил был бы беспредел.

— И что в этом плохого?

— Это то, что мальчишка предлагает тебе? Беспредел? Я не так глуп, как ты, должно быть, думаешь. Я знаю, что ты хочешь его. — Он взял ее за предплечья и встряхнул. — Ты не вернешься в ту школу смертных, принцесса. Я запрещаю.

Контроль, контроль, контроль.

— Это не тебе решать.

— А должно быть. — Он встряхнул ее в последний раз и отпустил, прикладывая все усилия, чтобы казаться безучастным. — Однажды так и будет.

— Но сейчас это не так. — Она не могла перестать улыбаться. Высказать то, что отравляло ее существование, было все равно что найти чашу, из которой никогда не черпали кровь. — Ты все еще в ответе перед моим отцом.

Он обнажил острые зубы в угрюмом оскале. Его клыки были такими длинными, что порезали нижнюю губу.

— Это не будет длиться вечно.

— Звучит как угроза. Ты знаешь, что за это наказывают, да? Даже тебя, самого принца.

Дмитрий пристально разглядывал ее некоторое время. Наконец, он сказал:

— Иди. Веселись. Получай удовольствие от беспредела. Скоро это закончится, хочешь ты того или нет.

Виктория оставалась на месте, раз уж он зашагал прочь, дыша ночным воздухом и успокаиваясь. Наконец, когда он исчез, она пришла в движение, набирая скорость, свободная быть собой и наслаждаться этим, в то время как ветер играл в ее волосах. Здания и деревья со свистом оставались позади. Она неслась и неслась, сбрасывая свои заботы, как листья с ветвей. Ароматы ночи навевали Эйдену мысли о росе, грязи и животных.

Только когда впереди показалось ранчо, она замедлилась. Там, впереди, было окно, открытое для нее, за ним угадывалось два сердцебиения. Она узнала оба: чуть учащенное биение сердца Эйдена и медленное, спокойное Шеннона. Она могла поспорить, что один

потерял зрение, а другой мирно спал.

Почти на месте... Она скользнула внутрь.

Горячие руки обняли плечи Эйдена и потрясли его. Он моргнул, слишком удивленный и разочарованный, чтобы сфокусироваться на спальне. Несмотря на то, что он должен был избавиться от своей слепоты, он не был готов покинуть голову Виктории. Он по-новому восхитился ее силой. Она пережила все это, стоя лицом к лицу с Дмитрием, и не отступила.

Эйден хотел броситься между ними, повалить вампира на землю и увезти Викторию.

— Эйден, — прошептала она.

Как в тот раз, когда он впервые увидел ее, она нависла над ним, ее волосы каскадом ниспадали на его лицо и окружали их темным занавесом. Не в силах себя остановить, он протянул руку и провел пальцем по ее щеке. Она закрыла глаза, черные ресницы отбросили тени на щеки.

— Шеннон...

— Спит, — сообщила она ему.

Да, он знал. Благодаря Виктории он даже почувствовал сердцебиение друга на мгновение.

— Спасибо тебе. За все.

Она разглядывала его неуверенно, но не отпрянула от него.

— Что ты видел?

Он не стал делать вид, что не понял.

— Тебя, когда ты питалась. Твой разговор с Дмитрием.

— Значит, все, — вздохнула она. — Ты, вероятно, хочешь знать, как это возможно.

Он кивнул.

— Как только вампир проглатывает человеческую кровь, она входит в нашу систему и... преобразуется, думаю, это подходящее слово. Она насыщается всем, что мы есть. Нашими мыслями, эмоциями, самой нашей сущностью. Я дала тебе небольшую порцию, чтобы залечить твои раны, но она связала тебя со мной.

— Я снова смогу видеть твоими глазами?

— Я не знаю. — Словно бабочка коснулась его со стороны теперь излеченного глаза. Он чувствовал огонь ее кожи и любил его. — Поскольку я слышала об этом от тех немногих, кто делал это, я никогда не делила свою кровь с другими. Ну, я делюсь каплями, чтобы закрыть колотые раны, как я показывала тебе, но так как люди не глотали ее, они никогда не были связаны со мной.

Она дала ему то, что никогда не давала другому. Его любовь к ней от этого возросла еще больше.

— Кто для тебя Дмитрий? — Парень так говорил, как будто имел право на нее, и это жгло Эйдена изнутри.

Ее внимательный взгляд опустился на его грудь, вслед за ним и пальцы, играя на нем.

— Он — тот, кого я сильно презираю. Тот, кого я... — Она прислушалась и выпрямилась. — Райли здесь, его сердце колотится. — Она наморщила лоб, склонила голову и нахмурилась. — Мы нужны ему прямо сейчас.

Эйден тут же поднялся, быстро окинул себя взглядом. Он был одет в одежду, которую носил весь день, мятую и грязную после работы в сарае.

— Мне нужно пять минут.

— Хорошо. Он говорит, мы уйдем на все выходные и даже гарантировал, что по нам

никто не соскучится, — сказала Виктория. — Упакуй сумку, я позабочусь о Дэне и мальчиках. Они не узнают, что ты уехал. Встретимся снаружи. — Сказав это, она ушла.

Он быстро принял душ, оделся и упаковал сумку, как она предложила, добавив пару джинсов, несколько футболок, зубную щетку и пасту. Он не хотел бы иметь неприятный запах изо рта, когда рядом Виктория. Ее чувства и так были острее, чем у большинства людей.

Как и обещала, она ждала его снаружи. Он замерз от влажного, как и его волосы, прохладного ночного воздуха и вынужден был обнять ее, чтобы снова согреться.

У Райли и Мэри Энн был новый, скорее всего украденный, седан, припаркованный примерно в полумиле от ранчо. Райли стоял снаружи, стаскивая рубашку через голову, когда они вышли из тени.

— Забирайтесь, — сказал оборотень. — Нам нужно многое обсудить. — Он проскользнул на сиденье водителя, Мэри Энн наклонилась к нему, зарывшись головой в тетрадь.

Эйден и Виктория разместились сзади. Виктория положила голову на плечо Эйдена. Не потому что хотела спать — парень не чувствовал в ней усталости и не был уверен, что ей нужен был отдых — но просто чтобы быть ближе к нему. Он был рад. Часть его боялась, что он мог потерять ее в любой момент, что кто-то — может быть, Дмитрий — отберет ее у него, и он больше никогда ее не увидит. Боялась ли она того же?

— Мы не расстанемся, — заверил он их обоих, и она кивнула.

«Мы никогда этого не допустим,»- сказал Джулиан.

Элайджа вздохнул:

«Будто бы мы могли остановить это. С самого начала я предупреждал тебя, случится плохое, если последуешь за Мэри Энн».

Да, он предупреждал. В любом случае Эйден был на полном ходу, и он еще не мог пожалеть об этом.

— Куда мы направляемся? — спросил он.

— Пускай Мэри Энн расскажет тебе, — сказал Райли.

Мэри Энн лишь пробормотала что-то невнятное себе под нос и продолжила читать.

Эйден не стал переспрашивать, чтобы не отвлекать так сильно увлеченную девушку. Однако вскоре он пожалел об этом решении. Большую часть пути они молчали, Мэри Энн ни разу не оторвалась от той тетради, Райли не сводил глаз с дороги, а Виктория погрузилась в свои мысли. Любопытство поглотило его.

Эйден закрыл глаза. Учítывая, как мало он отдыхал в последнее время, его тело пребывало в постоянной боеготовности, легкий сон мог пойти ему на пользу. Он вдыхал и выдыхал, напряжение отпускало его с каждым выдохом.

Некоторое время спустя ему показалось, что он услышал тихий голос Райли:

— Ты должна ему рассказать, Вик.

— Расскажу, — ответила Виктория так же мягко, ее слова были едва слышны. — И не называй меня так.

Рассказать ему что? Он ждал продолжения их разговора, но его не было.

— Так что происходит? — спросил он, выпрямляясь. Виктория подскочила, ее рука дрогнула над сердцем.

— О, Боже мой, — произнесла Мэри Энн, не давая возможности ответить другим.

— Что? — спросили они все в унисон.

Мэри Энн повернулась к нему лицом, мокрые глаза покраснели.

— Ты не согласишь. Наши матери... подожди. — Она потерла свои виски. — Я думаю, мне нужно начать сначала, иначе ты никогда не согласишь мне. Во-первых, пришли наши свидетельства о рождении, и оказывается, у меня две мамы. Та, что умерла после моего рождения, и та, что воспитала меня. Во-вторых... — Она показала Эйдену оба свидетельства о рождении. Его глаза расширились, когда он заметил, что дни и места рождения совпадают.

— Что это значит? — спросил он. — Для тебя и для меня?

Ее взгляд стал торжественным.

— Я не знаю, но собираюсь узнать. Все, что я знаю — это то, что моя мать — моя настоящая мать — могла путешествовать во времени, как ты, пока она не забеременела мной, и что она жила по соседству с тобой. Посмотри сюда. — Она снова показала свидетельства и указала на их адреса. — Сначала я не обратила внимания, потому что заиклилась на нашей дате рождения и больнице, в которой мы родились. На самом деле, я не думаю, что поняла бы вообще что-то, если бы не дневник моей матери.

— В одном месте она говорила о своей соседке Поле, которая также забеременела, только за две недели до нее. Она рассказывала о том, что чувствовала себя спокойнее, когда была рядом с Полой, после первоначальных страхов — ее слова, не мои — она уговорила моего папу отказаться от своей квартиры и арендовать дом рядом с Полой. Но чем дальше развивались их беременности, тем больше первоначальные страхи возвращались, пока они не прекратили зависать друг с другом. Она сказала, становилось больно находиться рядом с этой женщиной. Эйден, имя твоей матери — Пола. Они были беременны нами.

Что это значило? То, что их матери жили рядом и тянулись друг к другу? Настолько, чтобы родить детей в один день? Почему им стало больно находиться друг с другом?

«Так ваши родители жили рядом, и вы родились в один и тот же день в одном и том же месте», — сказал Элайджа. Было что-то в тоне его голоса, что-то твердое и мягкое, что Эйден не смог определить. «Они были на одной волне? Теперь ты умеешь делать то, что раньше делала ее мать, а Мэри Энн мешала ей. А теперь мешает тебе».

Может, нет.

— О чем ты говоришь? — спросил он требовательно.

Все в машине странно на него посмотрели.

— Дайте мне минуту, — сказал он. Они продолжали хмуриться, но кивнули. Он закрыл глаза, концентрируясь только на людях в голове. — Элайджа?

«Подумай о сходствах».

Сходства. Мама Эйдена успокаивала маму Мэри Энн. Мэри Энн теперь лишала способностей Эйдена. Но тот факт, что Эйден теперь обладал той же самой способностью... Боже милостивый.

Ева выдохнула потрясенно:

«Я сложила дважды два. Ты не можешь иметь в виду...»

«Могу», — ответил Элайджа категорично.

По телу Эйдена пробежала дрожь. Мысль была настолько абсурдной и дикой. И все же, могла быть она верной?

— Ты чувствовала себя связанной с ней с самого начала, Ева, — произнес он.

«Да, так и есть, но это не значит то, о чем ты думаешь».

— Что, если я действительно затянул вас в свою голову в день своего рождения? Мы сошлись во мнении, что вы человеческие души без собственных тел. Что, если на самом деле

вы духи? Что, если вы умерли в день моего рождения в больнице, в которой я был? Что, если ты, Ева, на самом деле...

«Я не могу быть ее матерью! Я просто не могу. Я бы помнила о своем ребенке».

Так и было. Ева очень даже могла быть матерью Мэри Энн.

— Если бы ты не была втянута в мое тело, да, ты могла бы помнить. Но вы были втянуты в меня или, возможно, даже вынудили себя затянуться по какой-либо причине, и ваши воспоминания смыло. Вероятно, потому, что я был всего лишь младенцем, и мой ум не был способен вмещать или обрабатывать целых четыре жизни.

«Нет», — сказала она дрожащим голосом. — «Нет. Об этом не может быть и речи».

Он не сдавался. Теперь, когда идея была озвучена, он не мог не думать об этом.

— Это объяснило бы, почему я хотел обнять ее, почему ей хочется обнять меня. Я думаю, что вы почувствовали друг друга на глубоком душевном уровне.

— О чем ты говоришь, Эйден? — донесся надтреснутый и неуверенный голос Мэри Энн из темноты.

Точно так же другая мысль озарила Эйдена. Если души действительно были запутавшимися духами, то он должен был всего лишь помочь им освободиться. Он должен был помочь им сделать то, о чем они сожалели, что не смогли сделать. Тогда, подобно Джону, они унеслись бы в потусторонний мир. У них не было бы своих тел, но, по крайней мере, у них был бы мир.

Элайджа уже предсказал это. Один из его попутчиков скоро получит свободу. Что означает, один из них собирался исполнить свое последнее желание. Будучи по-матерински столь заботливой, могла ли Ева сожалеть, что не увидит свою дочь? Не поговорит с ней, не подержит ее на руках? Было ли это то, чего она жаждала больше всего остального?

Был только один способ узнать это...

— Притормози, Райли. Я думаю, пора Мэри Энн встретиться со своей матерью.

Вместо того чтобы выполнить просьбу Эйдена, Райли поехал до самого мотеля. Виктория обеспечила бесплатную комнату, и вчетвером они закрылись изнутри. Довольно странно, что никто из них не говорил в течение последних двадцати минут. Мэри Энн была рада; она и так была клубком нервов.

Из всего, что ей пришлось принять за последние несколько недель — оборотней, вампиров, ведьм и фей, плотоядных гоблинов и демонов прямиком-из-ада — это было сложнее всего. Ее мать, женщина, которую она никогда не знала, была все это время поймана в ловушку в голове Эйдена? Так близко и так далеко от нее? Невозможно. Но это то, о чем дал понять Эйден. То, во что он хотел, чтобы она поверила.

Дрожа, она встала на пороге комнаты и осмотрелась. Там стоял комод, тумбочка с телевизором и четыре попарно соединенные односпальные кровати. Эйден пересек комнату и опустился на край одной, повернувшись лицом к ней, но не смотря на нее. Он был так же бледен, как Виктория, которая села рядом с ним.

Райли сел на другую кровать, поманив Мэри Энн рукой. Ее тело не желало двигаться, ноги словно приросли к месту. Я могу сделать это. Я могу. Только недавно она надеялась поговорить с призраком своей матери. С другой матерью, да, но тогда она многого не знала.

Она в каком-то смысле упала вперед, заставляя двигаться свои отяжелевшие ноги. Но когда она дошла до кровати, ее колени подогнулись. Райли поймал ее и усадил рядом с собой. Она вытерла потные ладони о бедра, чтобы лишить себя возможности дотянуться до кого-нибудь и хорошенько потрясти. Еще она вынуждена была сжать губы, чтобы не закричать. Это было слишком и все же недостаточно, все и ничего, надежда и ее крушение, все пугающе прекрасно сошлось в одном флаконе.

— Это не может быть правдой, — сказал Райли, наконец, нарушая тишину. — Одна из пойманных душ просто не может быть матерью Мэри Энн.

— Ее зовут Ева, — ответил Эйден, — и она сказала то же самое.

Мэри Энн быстро выдохнула:

— Ну, тогда, решено. Она — не моя мама. Кроме того, мою мать звали Анна, а не Ева. — Она заставила себя говорить, не срываясь на крик, засевший в ее горле. Не то чтобы она не хотела, чтобы Ева Эйдена была ее матерью. Быть с матерью рядом было удивительно. Просто надеяться на лучшее, а потом узнать, что она ошиблась... это будет похоже на то, как если бы она теряла свою маму снова и снова, и она не была уверена, что смогла бы пережить это.

Эйден потянул воротник рубашки:

— Души во мне не помнят о своих других жизнях. Конечно, у них другие имена. К тому же, я помог выбрать их.

— С чего ты взял, что они призраки? Я имею в виду, они должны быть таковыми, если один из них моя мама. И я тоже какое-то время думала, что призраки возможны, но почему ты не привлек других призраков в свою голову? Давай подумаем об этом. — Услышали ли они отчаяние в ее голосе, как она сама? — Моя способность нейтрализовать силы других проявилась скорее всего еще в утробе матери, не позволяя ей... путешествовать во времени. — Сказать такое было не просто, на грани реальности. — Это означает, что и твоя способность проявилась бы еще до твоего рождения.

— Верно. Но что, если моя мать, как и ты, была нейтрализатором? Я не притянул бы никого до момента своего рождения, до тех пор, пока не отделился бы от нее. Мы не узнаем, пока не поговорим с ней, если вообще ее найдем. И что касается того, почему я не притянул других людей — или призраков, или кем бы они там ни были — возможно, я был крайне уязвим при рождении. Может быть, даже будучи ребенком, я учился оберегать себя. Может быть, ни для кого больше не было места. Это то, что мы никогда не сможем изучить.

Ей нечего было ответить. Все, что он сказал, имело смысл и било по ее решению.

— Прямо сейчас у вас с Евой есть шанс узнать правду. Ты действительно хочешь упустить его?

Хотела ли она? Если она будет продолжать держаться за свое недоверие, то останется эмоционально защищенной. Если же она откроется для возможностей, то рискнет каждой каплей своего новоприобретенного счастья.

Теплой рукой Райли обхватил заднюю часть ее шеи и начал массировать напряженные мышцы. Его сила потекла в нее и изменила направление ее мыслей. Мэри Энн не была какой-нибудь мышью, чтобы испугаться мечты, так легко осуществимой. В конце концов, она осадил волка, оказала поддержку вампиру и потребовала ответы от отца. Она могла сделать и это.

И если после всего этого ей нужно собрать свою разрушенную жизнь по частям еще раз, она сделает это.

— Нет, — сказала девушка, распрямляя плечи. — Я не хочу ничего упускать.

Эйден кивнул, будто ждал такого ответа:

— Я собираюсь сделать кое-что, чего не делал много лет. И я ненавижу делать это, потому что становлюсь как души, пойманные в ловушку не своего тела, и контроль больше не мой. — Его глаза образовали водоворот, смешивая все цвета. — Я собираюсь дать контроль над телом Еве. То есть в следующий раз, когда я заговорю с тобой, это буду не я, а Ева. Хорошо?

Она занервничала сильнее, но кивнула.

Его веки опустились, затеня зрачки. Вдох и выдох, каждый вдох слышен, каждый выдох как затишье перед бурей.

— Ева, — сказал он. — Ты знаешь, что делать.

Прошла вечность, ничего не происходило, ничего не менялось. Тогда он напрягся, и стон сорвался с его губ. Затем его веки приоткрылись. Глаза перестали переливаться, теперь они были цвета лесного ореха. Как ее. Мэри Энн могла только раскрыть рот от удивления, мир вокруг нее пошатнулся. Эйден был единственным якорем, который в данный момент у нее был, единственным, что мешало ей уплыть.

— Привет, Мэри Энн, — произнес он. Нет, Ева. Это был голос Эйдена, но все же в нем была мягкость, которой никогда не было прежде.

Она задрожала, желая обнять его еще сильнее, чем когда-либо прежде.

— Привет.

— Нам уйти? — спросила Виктория.

— Нельзя, — произнес Эйден-Ева. — Без Райли Мэри Энн блокирует способности Эйдена. Я не смогу удержаться в теле.

Наступило неловкое молчание.

— Это глупо, — произнесла Мэри Энн. — Как нам в этом разобраться? Я ничего не знаю о своей матери, и вы тоже ничего не знаете о ней. Вы ничего не знаете обо мне. — Она

была удивлена горечью, прозвучавшей в ее голосе. Не из-за Евы, а из-за упущенных моментов.

Ты знаешь кое-что о ней, напомнила она себе. Дневник. Один отрывок уже всплыл в ее памяти.

Мои друзья думают, глупо иметь ребенка в моем возрасте, когда есть способы «разрешить» ситуацию. Как будто я могу расстаться с этим чудом. Я уже могу чувствовать ее. Я уже люблю ее. Я бы умерла за нее.

К сожалению, так, вероятно, и было.

— Ты помнишь что-нибудь о своей жизни? — спросила Мэри Энн. — До Эйдена, я имею в виду?

Качание темноволосой головы.

— Нет. Я пыталась. Мы все пытались. Я думаю, воспоминания просто ждут, когда их освободят. Я имею в виду, что чувствую, как что-то вертится в моем сознании, но не имею представления, как ухватить это. — Вздых. — У всех нас есть мысли и чувства, страхи и желания, которые мы не можем объяснить как-то иначе.

— Какие твои? — осмелилась она спросить.

Любящая улыбка.

— Я всегда была курицей-наседкой, как называет меня Эйден. Защитница. Распекательница. — Темный пристальный взгляд опустил, и улыбка исчезла. — Я всегда любила детей и боялась одиночества. Возможно, поэтому я не так упорно помогала Эйдену искать способ освободить нас, как я должна была. Но это мой крест, и я несу его.

Тонкости личности Евы очаровывали ее, и она сравнила ее с тем немногим, что знала о своей матери. До настоящего времени она была поймана в сети.

— Вы встречались с моим отцом во время терапии. Ты помнишь?

— Да.

— Ты что-нибудь чувствовала к нему? Что-то похожее на необъяснимое желание обнять его, то, что, Эйден сказал, ты чувствовала ко мне? — Внутренняя потребность, с которой Мэри Энн все еще боролась.

— Я чувствовала нежность к нему и благодарность. Тогда я думала, эти чувства возникли из-за его методов лечения Эйдена. Он садился с мальчиком, слушал и не судил.

— А теперь?

Пожатие плеч.

— Я не уверена. Как и Эйден, я была всего лишь ребенком, когда впервые встретила с твоим отцом. Вероятно, я не знала, как осмыслить нечто глубокое, похожее на то, что муж и жена должны чувствовать друг к другу.

Мэри Энн всплеснула руками:

— Как мы тогда разберемся с этим?

— У меня теперь есть контроль над телом. Я могу путешествовать в прошлое, может, переместиться в более молодую версию себя. Это невероятно! — Голова Эйдена-Евы наклонилась вбок; уголки его губ поднялись в другой улыбке. — Все голоса. Ничего себе. Я забыла, как это трудно — подстроиться под всех. Эйден напоминает мне, что должен быть

конкретный период моей жизни, чтобы вернуться туда, и поскольку я ничего не помню о том, кем я была, если я даже была кем-то еще, нет такого воспоминания, куда я могла бы отправиться, кроме его прошлого.

Мэри Энн пожевала нижнюю губу, задумавшись:

— Может быть только один способ. — Все еще дрожащей рукой — а теперь она дрожала еще больше — девушка залезла в рюкзак и вытащила дневник. Она прижала его к груди, не желая выпускать, но после минутного колебания передала его. — Он принадлежал моей матери. Она написала о своей жизни. Возможно, если ты действительно она, что-то там всколыхнет твою собственную память.

Хотела ли она? Или не хотела?

— Замечательная идея. — Руки Эйдена-Евы тряслись так сильно, что сильные пальцы ломали корешок, ложась на страницу. — Сегодня я устала, — прочитал он. — По телевизору ничего нет, но это хорошо. У меня есть компания. Мой драгоценный ангел прижимается ближе к моему сердцу. Сегодня она сильно толкается. — Он потер свой желудок, как будто проверив на признаки жизни. — Она требует яблочный пирог. Возможно, испеку ей один. Я почти чувствую запах корицы и вкус растаявшего мороженого.

Эйден перелистнул страницу трясущимися руками и продолжил читать:

— Я слишком устала, чтобы печь, поэтому Моррис принес пирог домой. В магазине был только вишневый, что ж. Я только надеюсь, мой ангелочек не начнет капризничать. Она... он... О, Боже мой. — Чмокание губами. — Я практически могу ощутить его на вкус. — Глубокий вдох. — Почувствовать его запах. Я даже видеть его могу. Я действительно могу видеть его! Вишни такие красные. — Эйден взволнованно ахнул и внезапно исчез. Единственное, что указывало на то, что он был здесь, это вмятина на матрасе.

Виктория и Райли вскочили на ноги, с беспокойством осматривая комнату. Мэри Энн лишь схватилась за живот, слезы ужаса и глупой надежды, которые она старательно отрицала, текли по ее лицу. Она ждала возвращения Эйдена-Евы, убеждая себя, что они просто вернулись в прошлое Эйдена.

Ей не пришлось долго ждать. Через три минуты Эйден вернулся на кровать, словно никогда ее не покидал. Его глаза все еще были цвета лесного ореха. Как Мэри Энн, он плакал. Или точнее, Ева.

— Я помню. Я помню. — Ева бросилась к Мэри Энн, обнимая ее. — О, солнышко. Моё солнышко. Как я ждала этого дня. Мечтала о нем, все дни, пока вынашивала тебя.

Сначала Мэри Энн старалась не двигаться. Это ничего не доказывало, по крайней мере, не ей. Никто не смог бы вспомнить целую жизнь так быстро. Правда?

— Я вернулась. Я была в небольшом доме, в котором жила с твоим папой. Я была на восьмом месяце беременности и лежала на тахте, поглаживая живот и напевая тебе колыбельную, та чашка с вишневым пирогом стояла сверху. Теперь я помню. Я помню. На стенах были ужаснейшие обои в цветочек, и мебель была изношенной, но чистой, и я любила в ней каждый стежок. Тахту цвета апельсина и желтый диванчик. Я работала официанткой, чтобы помочь с выплатами. И поскольку в моем первом воспоминании с Эйденем я не была твоей соседкой, то предполагаю, что его родители увезли его. — Ее хватка усилилась. — Все это время... если бы только они остались, я, возможно, наблюдала бы, как рос мой ангелочек. Мой прекрасный ангелочек.

Мэри Энн помнила те обои в цветочек, морковную тахту, как она называла ее, и наполненный светом зал. Она провела первые десять лет своей жизни в том доме, лазая по

той мебели, пока ее папа заканчивал школу, затем работал как проклятый, чтобы оплатить долги.

Каролин могла бы поменять обстановку, но она не стала этого делать. Она оставила все по-прежнему. Дань сестре, которой она и завидовала, и по которой носила траур?

Ева не могла знать тех деталей. Если только... Мэри Энн перестала дышать. Значит, это было правдой. Ева действительно была ее матерью. На мгновение она была слишком ошеломлена, чтобы реагировать, ее эмоции притупились. Затем радость взорвалась в ней, радость в самой ее чистой форме, откровенной и бурной, тронула каждую частичку ее души.

Ева пригладила свои волосы:

— Скажи мне, что тетя Каролин хорошо с тобой обращалась. Скажи, что твоя жизнь была счастливой.

Ее руки пришли в движение сами собой, обняв Еву за плечи. Они сжали друг друга в объятиях так крепко, как жаждали того с самого начала. Именно тогда Мэри Энн почувствовала, что наконец была дома, окутанная теплотой, светом и любовью.

— Я была счастлива, — она прочистила горло. — Она относилась ко мне как к своей собственной дочери. И думаю... думаю, она скучала по тебе. Она ничего не меняла в доме, даже сохранила яркую цветовую гамму, когда мы переехали, вероятно для того, чтобы мы обе чувствовали себя ближе к тебе.

— Так она простила меня. Спасибо, что рассказала. — Ева отступила, прикрыла рот ладонью и посмотрела в слезящиеся глаза Мэри Энн. — О, моя милая. Я обожала тебя с того самого момента, когда впервые узнала о тебе, представляла, как мы вместе ухаживаем за садом, делаем покупки, как ты укладываешь мои волосы, красишь мне ногти и накладываешь косметику, как когда-то я своей матери. Думаю, твой отец назвал тебя в честь меня и больницы, в которой ты родилась.

Она кивнула. С плачем она бросилась в руки Евы. Слезы свободно текли, обжигая ее кожу. У нее было то, о чем большинство могло только мечтать: второй шанс. Шанс любить, попросить прощения.

— Мне так жаль, что я убила тебя. Это моя вина. Я истощила тебя, помешала воспользоваться твоими способностями.

— О, милая, нет. Никогда так не думай. — Ева мягко и нежно провела руками по спине Мэри Энн. — Ты пресекла мою способность возвращаться в прошлое, чтобы переделать его, как я это называла, но я была рада этому. Не могу сказать, сколько раз я ставила крест на настоящем, накуролесив в прошлом. Впервые в жизни я не могла случайно или даже намеренно возвратиться в прошлое, поэтому удивительное будущее, которое я видела, было безопасным. Эти девять месяцев, пока я вынашивала тебя, были самыми счастливыми в моей жизни. То, что ты дала мне... я никогда не смогу в полной мере отблагодарить тебя. И милая моя, родная, было к лучшему для тебя, что меня не было. Зная себя, свои привычки, я бы попыталась исправить в твоей жизни все, что пошло не так, как надо. Я могла погубить тебя. Убить. И я не смогла бы жить с этим. Твой отец не мог. Он всегда был хорошим человеком. Не будь слишком строга с ним, что он держал мое существование в тайне. Я была трудной частью его жизни. И хорошей. — Усмешка. — Мы, бывало, лежали под открытым небом часами, разглядывая звезды, и были близки друг к другу.

Мэри Энн положила щеку на плечо матери, новый центр ее вселенной.

— Эйден был добр к тебе? — Она хотела знать все, мельчайшую деталь, о второй жизни матери.

— Более чем. Он — сокровище, вот кто он. Мы погубили бы кого-то другого благодаря тому, что связаны, но ему удалось успешно развиваться. А теперь хватит пока обо мне и юноше. Я хочу поговорить о тебе, все узнать.

Они болтали часами, смеясь и немного плача, не отпуская друг друга. В конце концов, яркие лучи солнца проникли в комнату. Ни Райли, ни Виктория не двинулись с кроватей. Они и не говорили, и Мэри Энн предположила, что они отдыхали.

Она никогда не была так счастлива, как в тот момент, когда слушала о детстве матери и рассказывала о своем собственном. Они легли на кровать, обнявшись, вдыхая друг друга. Она не хотела, чтобы время, проведенное вместе, закончилось. На самом деле, она больше не видела Эйдена, когда смотрела «на тело». Она видела Еву с длинными темными волосами, острыми скулами, маленьким носом и ртом в форме сердечка. Созданная ею иллюзия, скорее всего, но ее это не заботило.

Ева убрала прядь волос со щеки Мэри Энн и заправила ее за ухо.

— После родов тебя укутали и дали мне в руки. Я помню, как посмотрела вниз на тебя и подумала, какая же ты красивая. Я чувствовала, как постепенно угасаю, но сумела найти в себе силы, чтобы склониться и поцеловать тебя в лоб. В моей голове была всего одна мысль: один день. Дайте мне только один день с ней. Это — все, что мне было нужно для полноты жизни.

— Теперь он есть у нас, — произнесла Мэри Энн с широкой улыбкой.

Ева ответила улыбкой с обаянием.

— Теперь есть.

— И как замечательно, мы столько всего можем сделать! Мы столько всего сделаем. Несомненно, Эйден будет выглядеть забавно, когда я наложу на его лицо косметику и уложу его волосы, но он будет... Ева? Анна? Мама?

Ева перестала улыбаться, даже закрыла глаза.

— Что случилось? — спросила она, и сначала Мэри Энн подумала, она говорит с ней. — Эйден? Ты знаешь? — Тишина. Затем: — Аах. — Выражение ее/его лица стало подавленным, покорным. — Теперь понимаю. Это к лучшему. Для тебя, для Эйдена.

— Что происходит? — Мэри Энн смотрела на свою мать с беспокойством. Ее глаза потускнели, синий просочился в карий. Райли внезапно оказался за ней, утешая и поддерживая. — Эйден, не отбирай пока у нее тело. Пожалуйста.

— Я люблю тебя, Мэри Энн, — сказала Ева мягко, с сожалением, смотря на нее своими прекрасными глазами цвета лесного ореха. — Это не Эйден. Это я. Пришло мое время уходить. Мое последнее желание исполнилось, теперь очередь других, чтобы у Эйдена мог быть мир, которого он всегда хотел. Мир, которого он заслуживает.

— Ты собираешься возвратиться в его голову, верно? — спросила она отчаянно. — Ты все еще будешь там. Мы еще сможем поговорить.

— Мне жаль, ангелочек. Я... покидаю тело. Я уже чувствую, как отделяюсь. Эйден, милый, — сказала она, закрывая глаза, — ты должен отпустить. Я люблю тебя, но так будет правильно. Это то, что должно было случиться. Я теперь понимаю это. Ты вернул мне дочь, выполнил мое последнее желание, и теперь я отдаю тебе то, что должно. Тебя.

Очередная пауза.

— Эйден, мой милый мальчик. Ты будешь в порядке без меня. Я знаю, что будешь. Ты сильный, умный и у тебя есть все, что любая мать желает видеть в своем сыне. Я буду скучать по тебе больше, чем смогу когда-либо выразить. Все, чего я прошу — позаботься о

моем ангелочке.

— Ева. Мама! — Мэри Энн обхватила себя за плечи и дрожала, пока Райли не разомкнул ее руки. — Не делай этого. Пожалуйста, не делай этого. Останься. Ты нужна мне. Я не могу потерять тебя снова.

Ресницы взмахнули еще раз, и Ева потянулась, коснувшись ее лица, улыбнулась мягко.

— Я так люблю тебя. Ты — лучшее мое творение, моя самая большая радость и единственный смысл моей жизни. Я всегда буду любить тебя. Пожалуйста, не забывай об этом. — Она потянулась к лицу Мэри Энн и поцеловала в лоб, так же, как после ее рождения. Прощаясь.

— Нет. Нет! — закричала Мэри Энн, резко оттолкнула Райли, освобождаясь, и бросилась к матери.

Внезапно Виктория оказалась рядом, двигаясь так быстро, что она не могла увидеть ее, толкнуть в спину.

— Ты не причинишь ему боль, — произнесла вампирша, защищая тело Эйдена своим.

Ее взгляд вернулся к Эйдену. Эйдену... больше не Еве.

Он напряженно сел, его взгляд был таким же диким, как ее, мучительное «нет» с криком сорвалось с его губ.

— Ева! Ты слышишь меня? Ева! Ты должна вернуться. Я думал, что хотел быть свободным, но я ошибся. Я ошибся. Ты нужна мне.

Мэри Энн, молча, ждала в надежде, что он улыбнется и скажет, что ее Ева все еще там, все еще говорит с ним. Минуты тянулись, время казалось живым, существующим рядом с ней, и что-то внутри шептало ей — еще несколько секунд. Но реальность оставалась неизменной.

Наконец, его плечи резко опустились, голова упала на руки.

— Она ушла. Она действительно ушла.

Неделю спустя

Эйден шел по лесу в окружении Виктории, Мэри Энн, Райли и Шеннона. Занятия в школе только что закончились, но с таким же успехом они могли бы остаться в классе, пребывая в молчании.

В ночь, когда Ева покинула его, все изменилось. Они поехали потом к домам, в которых жили их родители в те годы. Родители Эйдена переехали, как и предположила Ева. Все это время Мэри Энн держала глаза зажмуренными, была молчалива и отказывалась говорить о своей матери.

Так что после этого они доехали до больницы Святой Марии. Немного исхитрившись, Виктория и Райли получили распечатку всех людей, которые умерли в день рождения Эйдена. Список из пятидесяти трех человек, многие из которых погибли в автобусной аварии в тот день.

Всю эту неделю список находился в его распоряжении, но, похоже, он забил на это. Депрессия тяжелым грузом легла на его плечи. Он скучал по Еве, хотел, чтобы она вернулась.

Что было глупо. У него были ответы, которые он искал все эти годы. Люди в его голове были душами, убитыми в день его рождения. Теперь он мог освободить оставшихся трех. Эйден всегда думал, что хотел быть один, но без Евы чувствовал себя пустым. И если вскоре он выяснит, кем были Джулиан, Элайджа и Кaleb, и какими были их последние желания, он останется и без них.

Они заслужили свободу и осуществленные мечты, и он тоже, но... Это было слишком тяжело! Даже другие души скучали по Еве. Они вели себя тише, чем обычно. Он думал, это будет нечто, чем он будет наслаждаться. До сих пор.

Эйден вздохнул. Бедная Мэри Энн. Как ему, как всем остальным, ей все же придется прийти в себя.

К сожалению, в ближайшее время дела не собирались улучшаться у любого из них. Завтра будет Хэллоуин. Праздник, которым он когда-то наслаждался, поскольку это была единственная ночь в году, когда странности поощрялись. И даже были предметом восхищения. Однако, на этот раз, Хэллоуин означал ночь — он вздрогнул — Вампирского Бала, и он, наконец, познакомится с Владом Цепешом. Эйден предположил, вечное навощенное тело могло бы быть преимуществом.

— Парни, вы слышали о Такере? — спросила Мэри Энн, нарушая тишину и привлекая его внимание.

— Нет. — Эйден пнул камешек мыском ботинка. — Что-то случилось?

— Он исчез из больницы сегодня утром. В одно мгновение он был в своей палате, а в следующее пропал, но никто не видел, как он уходил.

— Ладно, это странно. То же самое произошло с парнем, к-который жил в Д и М со мной и Эйденom, — сказал Шеннон. — Сегодня утром Оззи исчез из колонии для несовершеннолетних.

Шеннон ничего не знал о недавних событиях, об истинной природе Виктории и Райли, но даже он признал, что происходило что-то невероятное.

— Я не слышал и об этом, — заявил Эйден. Такер и Оззи сами по себе, и оба, вероятно, охотятся на него. Какой кошмар. — У меня сегодня сеанс терапии, но, возможно, я смогу поговорить с Дэном об этом позже. Посмотрим, узнал ли он что-то еще.

Терапия. Тьфу. Его новый доктор, тот, которого он теперь посещал, потому что Ева забрала его назад во времени, и он изменил будущее, был... странным. Скучным, на первый взгляд, безучастным и деловым. Эйден наполовину боялся, что этот человек попытается запереть его на какое-то время, только чтобы понаблюдать за ним этими мертвыми, бесчувственными глазами. Прямо сейчас он шел очень осторожно.

— Шеннон, — произнесла Виктория. — Ты сейчас побежишь домой и запомнишь, что Эйден гулял с тобой.

Страх пронзил Эйдена, как только глаза Шеннона потускнели, и он набрал скорость. Вскоре парень исчез за деревьями.

— Что происходит? — спросил Эйден.

— Хотелось бы, чтобы Такер и Оззи не были худшим из того, что происходит, — сказала Виктория. — Дми... другой вампир, и я нашли мистера Эпплвуда, бейсбольного тренера, и его жену вчера вечером. Пожеванными. — Она обхватила себя руками за талию, ее кольцо блеснуло в солнечном свете. — Никто еще не знает, но когда они будут обнаружены, полиция решит, что на свободе стая диких животных.

— Значит, началось, — сказал Райли серьезно. Он нес два рюкзака, его собственный и Мэри Энн, и сейчас перевесил оба на одно плечо, освободив одну руку. Чтобы было легче дотянуться до оружия в случае необходимости? — Я опасался этого, когда понял, что несколько детей отсутствовали сегодня.

— Гоблины? — спросил Эйден, вспомнив, что они говорили ему о внушающих страх хищниках. Им нравились живые и свежие жертвы. Он тоже перекинул два рюкзака, которые нес — его и Виктории — на одну сторону.

Виктория кивнула:

— Подозреваю, что так.

Его желудок скрутился.

— Мы должны остановить их.

— Согласен, — сказал Райли. — Но единственный способ сделать это — найти место, где они спят днем, и убить их, пока они уязвимы.

— Именно это мы и сделаем, — произнесла Мэри Энн, пнув горстку желудей.

Райли открыл было рот, чтобы ответить, вероятно, чтобы возразить и приказать ей держаться подальше от сражения, но задумался о более полезном.

— Нам нужно будет оружие, — заявил Эйден. — Нам также потребуется время. Время, которого у меня нет из-за работы и зорких глаз на ранчо. Но я не хочу, чтобы вы, ребята, пошли без меня. — Он, возможно, не обладал суперсилой Виктории или суперскоростью Райли, но он был не без навыков. Плюс, он поставил бы жизнь Виктории выше собственной, обеспечивая ее безопасность. Райли, он подозревал, сделает то же самое для Мэри Энн, возможно, даже поставив жизнь Мэри Энн выше жизни Виктории. Поэтому они оба должны быть там.

— Я могу достать оружие, — сказал Райли. — И вызову братьев. Они помогут.

— У тебя есть братья? — спросила Мэри Энн, широко распахнув глаза.

Он кивнул.

— Четверо по крови, выращенных Владом, как я, и много других — по обстоятельствам.

— Ничего себе.

Эйден расслышал неуверенность в ее голосе, ему стало любопытно, о чем она думала.

— Ты им понравишься, — пообещал Райли. — Не беспокойся.

Ах. Теперь он понял. Он посмотрел на Викторию, ее волосы были заплетены в косу, уложенную в виде короны на голове, и придавали ей королевский вид.

— А у тебя есть братья?

— Две старшие сестры. Лорен и Стефани. И мне жаль говорить это, но ты им не понравишься. Я говорю об этом, только чтобы предупредить тебя, раз уж ты встретишься с ними завтра. Ты — человек, а они считают людей источником пищи, ничем больше. Они уже задаются вопросом, почему я... увлеклась тобой.

— Ты не обязана объяснять, — сказал он. Всю жизнь его презирали. Еще несколько имен в списке тех, кто ненавидел его, делов-то. — Ты — единственная, кто меня заботит.

Внезапно Виктория бросилась к нему, целуя его крепко и глубоко. Он развернул ее, несмотря на свое удивление, и тесно прижался к ней, целуя ее в ответ со всем пылом, на который был способен. В этот момент он забыл о своих проблемах, о будущем. Как и Виктория. Смеясь беззаботнее, чем он когда-либо видел ее, она откинула голову назад, наблюдая, как деревья вращаются над ней.

— Ты всегда изумляешь меня, — сказала она. — За все годы моей жизни никому не удавалось потрясти меня хотя бы один раз, и все же ты делаешь это снова и снова. Я ждала, что ты сбежишь от опасности, но ты не сбежал. Я ждала, что ты возненавидишь меня за то, кем я являюсь, но ты не сделал этого. Я ждала, что тебя ранят предубеждения моей семьи, но снова ошиблась.

Он успокоился и посмотрел вниз, на эту красивую девушку из его мечтаний.

— Потому что я, ну... — Он откашлялся. Он не признается ей в любви, не при свидетелях. — Я говорил. Ты — единственная, о ком я забочусь.

Она смежила веки, когда поцеловала его еще раз, на этот раз быстро, но мягко, в губы.

— У меня есть подарок для тебя. Он под твоей кроватью.

— Что...

— Нет. Не спрашивай, я все равно не скажу. — Неохотно она вырвалась из его объятий и сжала его руку. — Надеюсь, тебе все же понравится.

Подарок от нее?

— Я знаю, что понравится.

Теперь он не мог дождаться, когда доберется домой.

Он увидел, как Райли прижал Мэри Энн к дереву, держа локон ее волос в руках, и нашептывал что-то, пока та застенчиво смотрела на него.

— Вы двое, идем, — позвал Эйден.

Сначала они проигнорировали его. Тогда Мэри Энн засмеялась и отпихнула Райли. Тот притворно зарычал. Эйден никогда не видел плута таким непринужденным.

— Эйден прав, — сказал Райли. — Нужно идти. Дмитрий ждет тебя, принцесса.

Принцесса вопросительно ахнула и застыла:

— Заткнись!

— На свое несчастье, — пробормотал Райли.

Что напомнило ему...

— Так кто тебе Дмитрий? — спросил он Викторию, как только они двинулись назад.

Внимание Райли переключилось на Викторию, глаза сузились. Непринужденность

сняло как рукой.

Ее щеки побледнели, и она споткнулась.

— Эйден, — начала она.

— Самое время, — сказал Райли. — Ему нужно знать.

«О, нет», — Элайджа внезапно застонал. — «Эйден, мне так жаль. Я просто услышал ее ответ. Она собирается рассказать тебе, но, пожалуйста, не реагируй сразу. Хорошо?»

Эйден застыл.

Виктория сглотнула.

— Дмитрий мой... суженый.

Суженый. У него ушло мгновение на то, чтобы припомнить значение слова. Когда до него дошло, он остановился. Суженый — значит, помолвленный. Он думал прежде, что застыл, но теперь его мышцы сжали кости с такой силой, что все тело дрожало.

— Я не выбирала его, — торопливо сказала она. — Его выбрал мой отец. Я ничего не хочу от него. Я ненавижу его. Ты должен поверить мне.

— Но ты выйдешь за него замуж?

Она опустила глаза. Прошло мгновение. Она коротко кивнула.

— Я не могу противостоять отцу. Он планировал это с самого моего рождения.

— А что твои сестры?

— Они обещаны другим.

С яростью он схватил ее за плечи.

— Почему ты не сказала мне? — Если б она сказала, он боролся бы со своим желанием любить ее. Или боролся бы с Дмитрием, когда у него был шанс.

— Я хотела быть с тобой, и я не хотела, чтобы это стояло между нами. — Медленно ее ресницы поднимались до тех пор, пока кристально чистый взгляд не остановился на нем, обжигая. — Ты не поцеловал бы меня.

— Ты не выйдешь за него замуж, — заскрежетал он зубами. — Не выйдешь.

— Мой отец жаждет этого союза, потому что семья Дмитрия сильна. Другого выхода нет. Без кровопролития и смерти. И боли. О, Боже, боль, которую он может причинить... Не только мне, но и тебе, и всем, кого ты любишь. Мне жаль, Эйден. Так жаль.

Вдали он услышал хруст ветки. Услышал вдох Райли и оханье, когда оборотень оттолкнул Мэри Энн за себя.

Райли сорвал свою одежду, рыча на деревья.

— Подлые ведьмы. — Наконец, Райли обнажился, Мэри Энн смотрела на него, покраснев, и затем он превратился из человека в волка. Меха вырос из кожи, кости удлинились, изменяясь, пока он не оказался на четвереньках, обнажив острые зубы.

— Ведьмы? — Виктория повернулась, нахмурившись.

Эйден поборол недавние эмоции и сделал то же самое, когда женщины друг за другом вышли из-за деревьев и окружили их группу.

— Не дайте кругу сомкнуться, — закричала Виктория. Она была около него, но в следующий миг исчезла, двигаясь так быстро, что он видел только размытое пятно ее одежды. Когда она нанесла удар по кромке деревьев, туда, где были женщины, то врезалась в нечто вроде невидимой стены и отлетела назад, падая на землю.

Эйден кинулся вперед, загораживая ее. Все глаза были сосредоточены на нем, когда он наклонился и вытянул кинжалы из своих ботинок. Он спрятал серебро, прижимая его к рукам, рукоятки плотно прилегали к кистям рук.

Райли назвал их ведьмами. Он изучал их. Их было восемь, все в белых плащах, изящно наброшенных на плечи. Капюшоны на головах отбрасывали тени на лица. От них исходила сила, обволакивая воздух и блестя на солнце как снежинки.

— Наконец-то, мы нашли тебя, — сказала одна из них жутким, почти гипнотическим голосом, выступая вперед. Ее плащ плохо скрывал длинные светлые волосы, разметавшиеся по плечам. — Источник призыва.

Райли зарычал на нее.

В голове Эйдена Кaleb бормотал. Он никогда прежде не бормотал:

«Я... думаю, что знаю ее».

Эйден чуть не застонал. Ева сказала то же самое, когда они впервые увидели Мэри Энн. Кaleb как-то был связан с ведьмами? Возможно, Эйден должен был изучить список умерших и выяснить точно, кто поселился в его голове. Но он был слишком подавлен, слишком необъективен. Он исправит это, решил он.

Если выживет.

— Ты не можешь знать ее, — прошептал он. — Ты даже не видишь ее.

— Но я ч-чувствую ее. Попроси ее снять капюшон. Пожалуйста, Эйден. Пожалуйста.

— Покажи мне свое лицо, — отозвался Эйден после минутного колебания.

Его проигнорировали, и Кaleb разочарованно выдохнул.

Райли снова зарычал.

— Кто из вас призвал нас? — спросила другая, игнорируя и волка, словно он не имел никакого значения.

Секунду спустя Виктория стояла на ногах около него, тяжело дыша, листья падали с ее одежды.

— Вы оставите нас, — сказала она, — или почувствуете гнев моего отца.

Слово «вампир» повисло в воздухе, выражая смесь страха и ярости.

Эйден поднял подбородок и открыл рот, чтобы признать правду.

— Нет, Эйден, — услышал он просьбу Мэри Энн. — Не надо.

Он двинулся вперед.

— Я тот, кто призвал вас. Отпустите остальных.

«Попроси ее еще раз!»

— Пожалуйста, покажи свое лицо.

— Он лжет, — выкрикнула Виктория. — Не слушайте его. Я — та, кого вы ищете.

Как это было с волком, они проигнорировали и ее.

— Зачем? — потребовала блондинка, концентрируясь на нем. — Зачем ты позвал нас? Если ты планировал заставить нас убивать...

— Нет, — вмешался он. — Никогда. Я уже не могу изменить того, кем являюсь, нежели вы. Хотя, мне хотелось бы другого, я тот, кто призвал вас. Я не хотел, не хотел этого, но я притягиваю нелюдей.

Они перешептывались между собой, но было сложно разобрать их слова.

— Мы никогда не слышали ни о ком вроде тебя, — сказала блондинка, когда остальные затихли.

Он пожал плечами:

— Несколько недель назад я понятия не имел, что существуют настоящие вампиры или оборотни. Но это не значит, что их не было.

Ведьма с красными длинными волосами выступила вперед.

— Если ты не можешь сдерживать свои силы, как ты скрывал свое притяжение?

Райли рывкнул на нее, брызгая слюной. Она вздрогнула, но осталась на месте.

— Этого, — заявил Эйден, подняв подбородок на уровень выше, — я не скажу вам. Конечно, пока вы не отпустите остальных, как я уже попросил.

«Раскрой информацию в обмен на ее открытое лицо», — умолял Калед. — «Я должен увидеть ее».

— Я не могу, — прошептал он отчаянно. Сейчас информация была единственной картой, которую он держал на руках. Разыграть ее означало бы свести на нет свою значимость — и тем самым, чью-либо еще. Ведьмы могли напасть на его друзей.

Снова они бормотали что-то между собой. Снова он не мог понять, о чем был разговор. На этот раз слова были отчаянные, полные решимости. Элайджа застонал в голове, возможно, уловив направление их разговора.

— Через неделю, когда наши старейшины придут, мы созовем собрание. Ты придешь на эту встречу, человек. Если тебя не будет, люди в этом круге умрут. Не сомневайся.

Ведьмы синхронно вытянули руки и начали бормотать. Райли прыгнул вперед, со стуком ударившись о ту же невидимую стену, на которую наткнулась Виктория. Эйден чувствовал, как сила, пульсируя, исходила от них и нарастала, сгущаясь чуть выше их поднятых ладоней, сначала белых, потом синих, а затем взрывающихся в золотистом огне. Как один, они бросили этот огонь в круг. Несколько из них поразили Райли, несколько — Викторию, но только один ударил в Мэри Энн.

Райли, Виктория и Мэри Энн закричали от боли, падая на колени, тяжело дыша, потая и корчась в муках. Как только Эйден бросился к ним, Райли принял человеческую форму, его кости перестроились, мех втянулся под кожу, затем он вернулся в форму волка, и снова в человеческую. Это было и потрясающе, и жутко одновременно.

— А до тех пор, — сказала блондинка, словно не обращая внимания.

Ведьмы отступили назад, не поворачиваясь к ним спинами, и вскоре исчезли за деревьями.

— Как я узнаю, где состоится встреча? — крикнул он. Никакого ответа. Задвинув их и встречу на задворки памяти на данный момент, он присел около Виктории, ощупывая ее на предмет телесных повреждений. — Ты в порядке?

Гримасничая, она моргнула. Он помог ей сесть.

— В порядке. Я в порядке.

Райли уже оправился и помогал Мэри Энн встать на ноги.

— Скорее, — сказал он, шагнул к своей одежде и натянул ее на себя. — Ребята, давайте отвезем вас домой. С лесами покончено. Понятно? Никто не войдет в них снова.

— В точности мои мысли. — Эйден обвил рукой Викторию и потянул ее на ноги. — Что они сделали с тобой?

— Напустили на нас чары. — Дрожь сотрясала ее. — Смертельные.

Воздух заledenел в его легких, распространяя холод по всему телу. Так. Его друзья действительно умрут, если он пропустит эту встречу. Местоположение которой ему было неизвестно. Никакого давления. Действительно.

— Вы умрете? Даже если я пойду на встречу?

— Нет, — ответил Райли резко. — Мы умрем, если ты пропустишь эту встречу. Как только ты появишься там, чары утратят свою силу.

Какой вышел прекрасный день, подумал Эйден, потирая свои виски, чтобы преодолеть

надвигающуюся боль. Его девушка была помолвлена с кем-то другим, он был ответственен за жизни своих друзей, и Кaleb мог быть следующим, кто оставит его, из-за группы ведьм. Даже сейчас он маячил на границе ума Эйдена, бормоча об упрямой белокурой ведьме, которая «должна была подчиниться» ему.

Вместе они помчались через лес, перепрыгивая через упавшие ветки. Кролики и белки вокруг бросались к своим домам. Они, должно быть, ощутили опасность.

«Есть способ отвоевать Викторию у Дмитрия», — сказал Элайджа.

— Какой? — вылетело у него.

— Что «какой»? — спросила Виктория.

«Убеди ее отца, что ты важнее для его людей, чем Дмитрий».

Его сердце забилося быстрее.

— А я смогу сделать это?

— Сделать что... ох. — Она едва заметно улыбнулась. — Ты говоришь не со мной, да?

Он кивнул. На этот раз он не был смущен тем, что его поймали говорящим с людьми в его уме. Он был слишком загружен.

«Все возможно», — уклонился от прямого ответа Элайджа.

Это значило, что Элайджа не видел, чем все закончится, и Эйден пойдет на встречу вслепую. Случиться может все, что угодно. И хорошее, и плохое.

Этой ночью Райли остался с Мэри Энн. Хотя ее окно было закрыто и заперто, она слышала, как волки воют снаружи, неся свой дозор. Несмотря на печальные события дня, они говорили и смеялись, даже снова поцеловались. Когда восход солнца утихомирил завывания, только тогда она погрузилась в сон.

Когда она проснулась, солнце еще светило, и Райли все еще был около нее. Ее мысли тут же вернулись к волкам, будто разум только и ждал ее пробуждения, чтобы продолжить ход мыслей. Она не была уверена, что присутствие волков было хорошей идеей. История о том, что мистер и миссис Эпплвуд были убиты «дикими животными», взорвала вчера вечером станции новостей. Местные жители, желающие защитить своих любимых, могли охотиться на его братьев и братьев и застрелить их.

— Влад сделал все необходимое, чтобы они позаботились о себе, — сказал он, будто читая ее мысли. Возможно, так и было. Ни слова о том, какого цвета сейчас была ее аура. — К тому же, они были, чтобы сообщить мне, что уничтожили гоблина.

Ладно. Она не знала об этом.

— Сколько же раз они были? — Она потеряла счет.

— Двадцать восемь.

Ого.

— И сколько гоблинов осталось теперь?

— Они, как волки, собираются стаями, поэтому сложно сказать.

Она прижалась к нему теснее, слушая удары его сердца.

— Может быть, гоблины съедят ведьм.

— Может быть. — Прозвучало так, словно он не был убежден, что такое могло произойти.

В ней разыграло любопытство, насколько сильными ведьмы на самом деле были. И была ли та сила на самом деле чем-то хорошим. Если ведьмы умрут, но их чары останутся в силе, и Эйден не сможет присутствовать на их встрече... Тогда она, Райли и Виктория умрут.

Девушка скривилась от такого хода мыслей. Они создавали путаницу и были совершенно абсурдны. Она не чувствовала себя проклятой. Не чувствовала себя так, словно над ее головой висит нож, готовый убить ее.

— Я нейтрализую силы Эйдена, тогда почему я не нейтрализую чары ведьм?

— Я нейтрализую твои силы, помнишь? Или, возможно, я увеличиваю его силы. Я все еще не знаю. Так или иначе, думаю, это значит, что мы подходим друг другу, — сказал он, очевидно, пытаясь поднять настроение.

— Мне нравятся твои мысли. — Потому что она очень хотела быть с ним. — Мы в самом деле умрем, если Эйден не пойдет на ту встречу с ведьмами?

Райли поцеловал ее в висок.

— Не беспокойся. Я не позволю чему-либо случиться с тобой.

Хоть он и не ответил на вопрос прямо, его уклончивость была красноречивее всяких слов. Да, они бы умерли. Она прочертила Х над его сердцем.

— На тебя когда-нибудь накладывали чары раньше?

Он неохотно кивнул.

— Расскажи мне об этом. Пожалуйста.

Сначала он не ответил, и она посчитала, что он решил проигнорировать ее. Потом он вздохнул.

— Несколько лет назад я... встречался с ведьмой. Когда я пытался порвать с ней, она разозлилась и прокляла меня. И моих братьев. До дня своей смерти мы должны выглядеть невероятно красивыми для всех, кого считали друзьями.

— Мм, не слишком-то похоже на проклятие.

— Потому что так проклятие только начиналось. Всякий, в ком мы видели больше, чем друга, кто привлекал нас и вызывал желание встречаться, видел нас невзрачными, даже безобразными.

— Я не считаю тебя безобразным. — Или невзрачным. От него захватывало дух. И она знала, что привлекала его. Он целовал ее и говорил, что хочет ее. — Должно быть, проклятие перестало работать.

— Ты видишь меня настоящим, потому что я умер, и проклятие разрушилось.

— Ты у-умер? Как? Как ты тогда здесь со мной?

Он погладил ее по грудной клетке вверх и вниз.

— Я был истощен феей, которая пыталась добраться до Виктории. Так же, как и ваша современная медицина, наша возвращает людей из мертвых. Меня вернули. Но из-за того, что я умер, проклятие было разрушено. Но не для моих братьев, невиновных во всем этом. — Чувство вины отразилось в его голосе. Очевидно, он чувствовал себя ответственным за их боль. — Мне жаль, что они не могли умереть, чтобы вернуться, как я, но как и ваша медицина, наша не дает гарантий. Есть шанс, что их не смогли бы вернуть к жизни. Так что они увязли во всем этом, непривлекательные для всех женщин, к которым испытывают желание.

Как ужасно. Хотела бы она быть с Райли, если б он не привлекал ее? Она думала, что да. Она полюбила бы его даже в волчьем обличье. Полюбила бы его силу и энергию.

— Ничто не может освободить их?

— Нет. Проклятие, однажды наложенное, нерушимо. Даже ведьмой, которая наложила его. Оно живет своей жизнью, целью которой является исполнение слов, которые создали его.

Значит, для них надежды не было. Любая девушка, к которой они испытали бы желание, с отвращением отвернулась бы от них. И, значит, невозможно было рассеять и чары, которые связали ее.

— Бедняги.

Бедная я. Бедные мы.

Он искренне рассмеялся.

— Не говори при них такого. Они презирают жалость.

Как и он, подумала девушка. Он был сильным, и не хотел, чтобы она или кто-то другой видел его в другом свете. На самом деле, он так хорошо скрывал свои страхи, что она почти верила, что у него их не было. Почти. Но она видела выражение его лица, когда ведьмы приблизились к ним. Она ощутила его муки из-за мрачного будущего его братьев.

— Однажды они найдут свою любовь. Я знаю это.

— Надеюсь, ты права. — Он еще раз поцеловал ее и сел прямо. — Какие у тебя планы на сегодня?

Наступили выходные, это означало только одно.

— Мне нужно на работу. Я не была там несколько недель.

Он посмотрел на нее через плечо тяжелым взглядом.

— И сегодня ты тоже не пойдешь. Позвони и скажи, что ты заболела. Пожалуйста, — добавил он, подумав.

— Я не могу. На этот раз нет. — Положив руку на затылок, она приподнялась на локте, чтобы видеть его лучше. — Я уже близка к тому, что меня рассчитают.

— Лучше быть уволенной, чем мертвой. Ты помнишь, сколько ведьм и фей в городе? Раньше это было опасно, а сейчас — самоубийство. Ведьмы знают, кто ты. Я бы предпочел, чтоб ты осталась дома.

Он мог заставить ее, но вместо этого попросил.

— Хорошо, — вздохнула она.

Он широко улыбнулся.

— Спасибо.

— А где будешь ты?

— Я должен подготовиться к пробуждению Влада, — сказал он, вставая. — Ну, к церемонии пробуждения. Я вернусь через несколько часов, чтобы забрать тебя на бал.

Она подпрыгнула.

— Ты хочешь, чтобы я пошла?

— Разумеется. Я не пойду туда без тебя.

Она мечтательно вздохнула — вслух или про себя, она не знала. Когда он говорил нечто подобное, ей хотелось преподнести ему свое сердце на блюдечке с голубой каемочкой.

— У меня нет подходящего платья.

— Мэри Энн, — через дверь неожиданно раздался голос ее отца. С тех пор, как она отправилась в свое короткое путешествие, они не говорили о ее матери или о том, что он лгал. Они просто жили в установленном порядке, формально общаясь друг с другом и не мешая друг другу, насколько это было возможно. — Спускайся обедать. Ты и так пропустила завтрак.

Она спала так долго?

— Буду через минуту, — ответила она. Мэри Энн знала, что они помирятся. Как говорила Анна-Ева, он был хорошим человеком. Девушка уже простила его. Она просто не была еще готова говорить с ним о прошлом. Прошло слишком мало времени после того, как она потеряла мать — во второй раз. Но скоро, подумала она. Скоро она скажет ему, что простила его. Она была всем, что у него было, и он любил ее.

Райли крепко обнял ее и прошептал:

— Виктория купила тебе подарок. Посмотри под кроватью. — С этими словами он отодвинулся от нее и отошел к окну.

Когда он оказался вне поля зрения, она встала и заглянула под кровать. Там была коробка средних размеров с красным бантом по центру. Трясущимися руками она вытащила картон на ковер и открыла крышку. Когда она увидела, что было внутри, то не сдержалась и засмеялась.

Хотелось верить, что ночь закончится также с улыбкой.

***

Эйден стоял в спальне перед зеркалом, изучая свое отражение. На нем был подарок Виктории. Костюм благородного рыцаря. Кольчуга была тонкой и легкой, так что не тянула

его к земле. Она защищала его от шеи до лодыжек, кроме тех мест, где детали не вполне стыковались: на локтях, запястьях, животе и коленях.

— Как я выгляжу? — спросил он Шеннона, когда парень поднялся в комнату.

— Великолепно, только Дэн ни за что не п-позволит тебе пойти на костюмированную вечеринку. У нас г-гости. Этим утром мистер Сикамор неожиданно решил собрать вещи и уехать в длительный отпуск, но он рекомендовал кого-то нового. Похоже, Дэну понравился парень, и он сразу нанял его. Миссис Ривз готовит для нас большой праздничный ужин, чтобы мы все могли сесть и п-познакомиться друг с другом. Дэн просил меня собрать всех и привести в главный дом.

Великолепно.

«Виктория вытащит тебя отсюда», — сказал Элайджа.

Он расслабился. Сегодня вечером он не будет беспокоиться о встрече с ведьмами или о том, что может потерять Калеба. Сегодня он представится отцу Виктории и освободит ее от глупой помолвки.

— Скажи Дэну, что я заболел, что подхватил от тебя инфекцию, — попросил он. — Скажи ему, что тебе пришлось помочь мне добраться до кровати.

— Если меня поймают на лжи...

— Не поймают. Клянусь.

Шеннон еще секунду колебался, прежде чем кивнуть и удалиться. В коридоре Эйден мог слышать, как другие парни бормотали об ужине, затем их волочащиеся шаги, потом как щелкнула входная дверь, когда закрылась. Он сунул несколько подушек под одеяло, чтобы выглядело, будто он лежит в постели, и выключил все освещение. Где Виктория? Она должна была быть здесь...

В его окно со стуком ударили камни. С ускоренным сердцебиением он шагнул к нему и всмотрелся. В нескольких футах от него стояла Виктория, блистая в лунном свете. При виде ее он задержал дыхание. Ее волосы отдавали синевой, часть их была уложена на макушке, остальные вились по спине. Она была одета в платье из синего бархата, которое обтягивало грудь и талию и свободно струилось вокруг лодыжек. Босоножки открывали вид на сверкающие розовые ногти на ногах.

Девушка в беде и рыцарь в сияющих доспехах, подумал он и ухмыльнулся.

Он перелез через окно, удивительно проворно для кого-то в кольчуге, и присоединился к ней. Обычно она бы поцеловала его в знак приветствия или он поцеловал бы ее, но сейчас они просто неуверенно всматривались друг в друга. Когда она рассказала о том, кто Дмитрий ей на самом деле, они частично растеряли свою непринужденность, и ему это не нравилось.

Наконец, он сказал:

— Прекрасно выглядишь.

— Спасибо. Ты выглядишь... съедобно.

С точки зрения вампира высшая оценка.

— У тебя жажда?

Она облизнула губы.

— С тобой — всегда.

— Тогда пей.

Ее взгляд упал на его шею, и глубокая тоска отразилась в ее кристально чистых глазах. На прошлой неделе он кормил ее досыта.

— Не сегодня. Сегодня тебе понадобится твоя сила. И моя, — сказала она, подняв руку с опаловым кольцом.

Он выставил свои руки.

— Не режь себя. Мне невыносима твоя боль.

«Прими ее предложение, Эйден», — произнес Элайджа. — «У меня такое чувство, что оно тебе пригодится».

— Эйден... — начала Виктория.

— Нет, — ответил он им обоим. Даже если ему будет нужна ее сила, чтобы пережить эту ночь, он не может позволить ей причинить себе боль подобно этой.

Медленно она опустила руку, ее глаза сузились.

— Я могла бы заставить тебя, ты знаешь.

— Но не станешь, — сказал он уверенно.

Прошла минута. Она удрученно вздохнула, гнев утих.

— Но я не стану. Даже для твоей же пользы.

— Все будет хорошо. — Он надеялся. Он потянулся и пригладил ее волосы, на ощупь они были шелковистыми. — Вот увидишь.

— Ох, Эйден, — сказала она прерывисто, склонив голову на его плечо. — Я так боюсь. За тебя, за нас.

Единственное утешение, которое он мог предложить ей, было:

— Я никогда не перестану желать тебя. Мы найдем способ быть вместе.

Она хотела верить ему, он знал это, но она ничего не ответила.

— Столько всего идет не так, как надо, и все одновременно. Сначала ведьмы. Теперь еще и фея разговаривает с Дэном, — сказала она, взяла его за руку и повела к главному дому. — Идем, я покажу.

Они дошли до кухни, и он всмотрелся в окно. К счастью, было темно снаружи и хорошо освещено внутри. Можно было все ясно видеть и при этом оставаться незамеченным самому. Дэн представлял парней высокому, мускулистому человеку с серебристо-белыми волосами, стоящему спиной к Эйдену.

— Это, видимо, новый попечитель.

— Сдается мне, старый попечитель решил внезапно переехать?

— Да. Как ты узнала?

— Стандартная схема работы у фей. Из-за него я не смогу внушить Дэну отпустить тебя на вечеринку. Фей нападет на меня, я наброшусь на него, мы не сможем удержаться. Наши виды слишком ненавидят друг друга. Мы можем ранить друг друга.

— Как думаешь, чего он хочет от Дэна?

— Возможно, он последовал за твоей энергией. Видимо, он не знает, кто из парней призвал его вид, или почему.

— Такой беспорядок. Я хочу... — Его голос резко оборвался, когда фей повернулся, всматриваясь в окно.

Эйден и Виктория нырнули вниз, но он успел увидеть блеск изумрудно-зеленых глаз, лицо, настолько совершенное, что, должно быть, ангелы пели, празднуя его создание, и слегка заостренные уши.

— Пошли, — произнесла Виктория.

— Я не могу оставить их с феей. Я не забыл, ты рассказывала, что под их красотой скрывается зло.

— Феи злы. По отношению к вампирам. Как я говорила раньше, они считают себя защитниками человечества, а вампиры губят его. Поэтому они так ненавидят нас.

— Так ребята будут в безопасности?

— Вне всякого сомнения. Если человеку и нужно беспокоиться, так это тогда, когда фея думает, что на него посягают. Превыше всего они ценят силу. И тебя они не поймут. В тебе они увидят угрозу. Но в остальных — нет.

Тогда ладно. Они пошли прочь, обогнули дом и вышли к дороге. Эйден разберется с Дэном позже в случае необходимости.

— Есть что-то такое, что я должен знать о твоём папе? Какие-нибудь обычаи или ритуалы, которые я могу нарушить, тем самым подписав себе смертный приговор? — Как ножовое ранение, подумал он, вспоминая видение Элайджи.

Она накрутила завиток на палец.

— Его все почитают, поэтому поклонись, когда тебя представят ему. Не говори с ним, пока он не задаст тебе вопрос, и не смотри ему прямо в глаза. Он может расценить это как вызов. Поверь, ты не захочешь бросить ему вызов. На земле нет более жестокого существа.

Зачем ему присутствовать на этой вечеринке?

— А что остальные вампиры? Что будут делать они?

— Держись рядом со мной и никуда не отходи. Тебя расценят как мою собственность и оставят в покое.

Впереди вспыхнули фары, завершая их разговор.

Виктория ускорила свой темп.

— Это Райли и Мэри Энн.

Автомобиль, в который он вскоре сел, не принадлежал отцу Мэри Энн. Черный, блестящий и спортивный. Эту модель он никогда не видел прежде. Украденный? Они с Викторией разместились на очень маленьком заднем сиденье. Когда они тронулись, Эйден мельком увидел платье Мэри Энн. Красно-белое клетчатое платье с разрезом до середины бедра было дополнено красной длинной накидкой с капюшоном и белыми высокими каблуками.

Райли же был без костюма, заметил он.

— Красная Шапочка и Серый Волк, я полагаю, — сказал он, смеясь. — Мило.

На пути к... куда бы то ни было, его веселье отступало перед нервозностью. Осуждение Элайджи и мрачные бормотания не помогали. Так многое зависело от сегодняшнего вечера. Его жизнь, время с Викторией. Что, если он все испортит?

— Попытаются ли вампиры отпить нашей крови? — спросила Мэри Энн.

— Они не должны, нет, — сказал ей Райли. — У них будет своя еда.

Рабы для кормежки?

Вскоре они остановились у гигантского чудовищного дома, единственного в поле зрения. Пятиэтажное здание широко раскинулось, поглощая акры земли. Окрашенные в черный цвет окна гармонировали с кирпичной облицовкой. Забор из кованого железа заскрипел, впуская их внутрь. Два волка стояли на страже, пока машина, сбавляя скорость, проезжала мимо.

— Обалдеть. Я знаю, ты говорил, что живешь на окраине города, что твой дом скрыт от чужих глаз, и я вряд ли когда-либо видела его, но я никогда не ожидала такого. — Мэри Энн прижалась носом к окну.

— Нам пришлось усовершенствовать его под наши нужды, — сказал Райли.

Казалось, что свет луны падает куда угодно, кроме этого дома, оставляя его в полной темноте. Благодаря свету фар автомобиля Эйден видел, что других машин нет, и никого, кроме волков, снаружи не было. Неужели они прибыли первыми?

— Ты бегала отсюда до школы? — спросил Эйден. — И отсюда до ранчо? Каждый день?

— Типа того, — ответила Виктория. — Я работала над своим... навыком телепортации. Я думаю, вы, люди, это так называете. Перемещение с одного места до другого усилием мысли. Я преуспела.

Подождите. Что? Она умеет телепортироваться?

Чтобы спросить об этом, не осталось времени. Машина остановилась в конце подъездной дороги, и они вышли. В тот момент, когда дверцы машины захлопнулись, двери дома открылись, и вперед выступила высокая фигура. Эйден тут же узнал его и нахмурился. Дмитрий. Красная пелена ярости заволокла взгляд Эйдена.

Он выступил перед Викторией. Дмитрий оскалил зубы, единственным жестом выказывая свое недовольствие.

Вампир приблизился к ним. Виктория сжала руку Эйдена и подвинулась к нему.

— Я ждал тебя. — Дмитрий наклонился для поцелуя, но она отвернулась. Его раздраженный взгляд хлестнул Эйдена. — Вижу, ты не обратил внимания на мое предупреждение.

— Отец распорядился, чтобы он присутствовал, помнишь?

И она страстно желала этого. Он не позволил бы себе поверить во что-то еще. Ей нужен был Эйден, не Дмитрий.

— Помню, — произнес вампир. — Вот почему я подумал, вам будут интересны ночные развлечения. Идем. — Он махнул рукой и, ожидая, что они последуют за ним, удалился.

Так они и поступили, поднявшись по ступеням вверх и зайдя в дом. Вскоре Эйден обнаружил, что находится в фойе, окруженный таким количеством богатств, о которых мог только мечтать. Сияющая белая скамейка была словно сделана из жемчужного ожерелья миссис Ривз, стены декорированы в китайском стиле золотом и серебром, а стеклянные витрины наполнены яркими вазами.

Виктория потащила его вперед, так что он только мельком кинул взгляд. Мэри Энн была столь же ошеломлена, что и он, и до последней минуты вертела головой, чтобы разглядеть просторную лестничную площадку.

Они не поднялись по винтовой лестнице, но на самом деле прошли через казавшийся пустынным дом прямо к черному ходу, французские двери открылись прежде, чем Дмитрий мог бы коснуться их. Неожиданно воздух наполнился тяжелым металлическим запахом крови. До ушей Эйдена донесся звук голосов, но слова произносили так быстро, что звук напоминал стрекот сверчков.

Дмитрий остановился, не выходя на террасу. Огоньки перестали мерцать за деревьями, буйно цветущими кроваво-красными розами. В центре сада находился большой серебристый круг на уровне земли, но вырезанный в нечто наподобие лабиринта. Никто не стоял на нем.

Всюду люди были рассредоточены на безупречном газоне. На большинстве женщин были черные мантии, на мужчинах — черные рубашки и штаны. Они пили из чаш и качались в такт страстной музыке, колеблясь на ветру. Бедно одетые в белое были явно людьми. Они предлагали свои шеи, руки, ноги — что угодно — всякий раз, когда вампир подавал им знак.

Их глаза были остекленевшими, движения нетерпеливыми, будто они не могли

дождаться, когда их укусят. О, да. Рабы крови.

— Извините, но у наших двух счастливых пар нет времени на танцы, — сказал Дмитрий, привлекая внимание Эйдена. — Видите ли, слишком много всего нужно сделать.

— Где мои сестры? — потребовала ответа Виктория.

— Я запер их в своих комнатах.

Она застыла.

— Ты не мог этого сделать.

— Я мог и сделал. — Он не дал ей времени ответить. — Так... что? Эйден, что ты думаешь о закусках? — Он указал на два стола по сторонам сада.

Эйден проследил в указанном направлении и втянул воздух. На одном столе лежал Оззи, одетый в джинсы, но без рубашки. Он был связан и неподвижен, взгляд направлен прямо вперед. Мертвый, оцепенело подумал Эйден. На другом столе лежал Такер, снова без рубашки, в джинсах и связанный, но он все еще боролся и терпел поражение, когда вампир пил из его запястья. Ему заткнули рот, но было ясно, что он кричит о помощи, его глаза вылезали из орбит от напряжения. Вампир беззаботно продолжал пить из него.

Мэри Энн тоже обратила внимание и ахнула от ужаса:

— Что вы сделали с ним? Остановитесь. Остановитесь! — Она кинулась вперед, но Райли, крепко схватив, удержал ее. Его лицо было мрачным.

Эйден выступил вперед, но, оказалось, что Дмитрий был со своей охраной. Вытянув руку, он препятствовал малейшему движению.

— Единственный способ унести еду — предоставить другую. Ты хочешь предложить свои услуги, человек?

— Как ты смеешь. — Виктория обнажила клыки, ее глаза пылали ненавистью. — Ты заплатишь за это. Моего отца это не позабавит.

Теперь глаза Дмитрия вспыхнули, и он резко произнес:

— Нет, ты поблагодаришь меня, моя маленькая принцесса, за то, что я наказал врагов твоих человеческих друзей. Неужели ты не счастлива?

Она подняла подбородок:

— А после вечеринки? Что ты планировал сделать с телами? Вызвать человеческую полицию и обвинить Эйдена, чтобы его арестовали? И держали подальше от меня?

— Это всего лишь дополнительный бонус.

— Ты омерзительный кусок...

Насупившись, Дмитрий ударил кулаком по ладони.

— Не разговаривай со мной так. Я — твой муж, и я...

— Ты еще мне не муж, — закричала она. Голоса под ними стихли, головы повернулись, и все внимание устремилось к ним. — И если у меня будет выбор, ты никогда им не станешь.

Она не принимала всякую хрень. И Эйден тоже.

— Ты не представляешь, что ты наделал, Дмитрий, — сказал он решительно. Джулиан не мог контролировать свою способность воскрешать мертвых, это означало, что Оззи не останется мертвым надолго.

Как раз, когда эта мысль пришла ему в голову, Оззи сел, его глаза уныло мерцали, язык с жадностью прищелкнул.

— О, слава Богу. Этот парень еще жив, — заплакала облегченно Мэри Энн. — Нам нужно спасти его.

— Слишком поздно, — сообщил Эйден без эмоций. Он не мог чувствовать. Не сейчас,

когда собирался сделать то, что собирался. — Он мертв, даже если выглядит иначе. И ничто его не спасет. Дмитрий позаботился об этом.

Эйден выдернул кинжалы, протиснулся мимо Дмитрия и прокрался в центр тусовки. Виктория направилась с ним с высоко поднятой головой, что придавало ему сил. Ее могло бы смутить, что ее заметят с человеком, но ее это не беспокоило. Она даже попросила своего fiancé^[3] исчезнуть. Fiancé, который тащился сзади в нескольких шагах от них.

Остальные вампиры подтягивались к Эйдену, пытаясь как-нибудь дотронуться до него. Возможно, они чувствовали всплеск его энергии. Он отмахнулся от них.

Чем ближе он подходил к Оззи, тем сильнее тот натягивал связывающие его путы, жажда человеческой плоти. Черная слюна покрыла кляп во рту и капала из уголков губ. Эйден знал, что Мэри Энн наблюдала за ним и ждала, что он освободит парня, невинного человека, но он не мог. Единственное, что он мог сделать, это поднять свои кинжалы и нанести удар.

Оззи дернулся, когда голова отделилась от тела, и стих.

Мэри Энн в ужасе ловила ртом воздух.

Вампиры вокруг смеялись.

Что подумала Виктория?

— Я говорила, мой отец покарает тебя за это, — сказала она Дмитрию с холодной яростью. По крайней мере, она не сбежала от Эйдена.

Дмитрий усмехнулся:

— Я бы не был так уверен. Тебе предстоит узнать, что сегодня многое изменилось, принцесса.

Его веселый настрой привел ее в замешательство, подрывая ее уверенность.

— О чем ты?

— Увидишь.

Может, Эйдену и не нравился Оззи, но он не желал ему такого конца. Да кому угодно. Даже Такеру. У него было ощущение, что Мэри Энн чувствовала то же самое, несмотря на измену Такера. Но именно это произойдет, если эта ночь продолжится так же, как началась.

— Сначала о главном, — сказал Дмитрий, подходя к Эйдену. Эйден чувствовал его тепло, но оно не заряжало его энергией, как это было с Викторией. — С твоим человеком нужно разобраться. Я предупредил его. Освободи еду и стань ею сам. Стража, — позвал он, глаза сузились, веселый настрой исчез. — Задержите принцессу, чтоб я мог позаботиться о нашем госте.

Несколько мужчин-вампиров выступили вперед, но остановились, когда Эйден поднял свои запачканные клинки, приставив концы к горлу Дмитрия. Он знал, что не навредит вампиру, по крайней мере, в этом месте, но единственным поворотом запястья он мог пробить уязвимый глаз Дмитрия.

— Дотроньтесь до нее, и этот умрет от моей руки.

— И от моих зубов, — добавил Райли. Он ринулся вперед и не останавливался, пока не добрался до Виктории. Мэри Энн следовала за ним. — Принцесса под моей защитой, и я не позволю навредить ей. Даже в руках ее суженого.

«Он оставил своих братьев, чтобы те защищали твоих друзей в доме и отца Мэри Энн», — сказал Элайджа. — «Он — один. И это, мой друг, тот конец, которого я всегда боялся, зло, которое тебе не избежать. Тебе одному придется бороться с вырождением.»

«Ты не можешь умереть сегодня ночью, — сказал Кaleb. — У тебя встреча с ведьмами.»
— Я и не умру. Не таким способом. — По крайней мере, это он знал. Ему все еще не хватало тех трех шрамов на боку. Хотя это не означало, что он не будет вскоре молить о смерти.

— Твоя уверенность нелепа, человек, — прозвучал возмущенный ответ Дмитрия.

«Не хотелось бы говорить об этом, но я думаю, нас обвели вокруг пальца, братан», — сказал Джулиан. — «Мы можем не умереть, но, возможно, мы захотим этого.»

Во всяком случае, они были в одной упряжке.

Ева заверила бы его в успехе, подумал он внезапно, чувствуя желание завывать. К счастью, стража больше не двигалась. Другие вампиры внимательно наблюдали, даже улыбались, возможно, думали, что это часть ночного представления.

— Мой отец... — начала Виктория, но Дмитрий остановил ее своим смехом.

— О, я не рассказал тебе? — Он развел руки и повернулся. — Позволь, я исправлю оплошность. Прощу внимания. — Все глаза обратились к нему. — Друзья, добро пожаловать на это великолепное событие. Я уверен, вы задаетесь вопросом, где же почетный гость. Увы, хоть я и сомневался, стоит ли омрачать это роскошное торжество, у меня для вас трагическая новость. Все вы знаете, как слаб был Влад с тех пор, как пробудился раньше времени.

Нет, подумал Эйден, чувствуя, что грядет. Нет, нет, нет.

Дрожь сотрясала Викторию.

— Все вы знаете, что даже будучи ослабленным, он оставался крепким бойцом. Сильнее, чем многие из нас. Точнее, многие из вас. Но не сильнее, — сказал он, пригвоздив Викторию мрачным взглядом, — меня.

Она переступила с ноги на ногу, выглядя потерянной принцессой, как ей и полагалось быть в этом вельветовом платье.

— О чем ты говоришь?

— Я говорю о его неверном решении позволить твоему грязному человечишке жить. Я говорю, что он должен был лучше контролировать тебя, тот, кто не может контролировать собственную дочь, не может управлять всей расой вампиров. Я говорю... он умер. Умер от моей руки этим утром. — Его тон источал удовлетворение, когда ропот и крики наполнили воздух. Тем не менее, вой Виктории перекрыл все звуки.

— Нет. Нет!

Да, подумал Эйден, и я помог ему. Я пробудил Влада и ослабил его. Будет ли Виктория ненавидеть его, когда поймет это?

— А теперь, наберись храбрости, принцесса. Он боролся как король, которым он собственно был, и почти превзошел меня. Но, в конечном итоге, я победил. И как его победитель, — сказал Дмитрий, более самодовольный, чем когда-либо, — я требую все то, что принадлежало ему. Его людей. Его дочь, которой всегда было предназначено быть моей невестой. Я — король. Ты в моей власти. Началась новая эра!

Виктория отчаянно покачала головой.

— Мне доказать это? — Дмитрий хлопнул в ладоши, и два вампира появились со стороны дома, неся усыпанное драгоценностями кресло. В нем лежало тело, почерневшее от сажи, черты лица были неразличимы. Виктория узнала три кольца на левой руке и затейливую корону на лысой голове.

— Нет, — ахнула Виктория. — Отец.

К удивлению Эйдена, крики ярости всего лишь нескольких вампиров усилились.

Большинство приветственно хлопали в ладоши.

— Я всегда восхищался твоим отцом, — произнес Дмитрий, — но как любой достойный воин, властью я восхищался больше. Я увидел возможность и нанес удар. Мне нравится думать, что Влад бы понял. И однажды, когда ты забудешь о своем грязном человечешке, ты даже поблагодаришь меня. Тебе нужна сильная рука, которая поведет тебя, Виктория, и Влад не предоставил ее тебе.

— Ты... ты... — Казалось, больше ничего не может вырваться через ее стиснутые зубы. Она была зла, да, и, возможно, в шоке. Как скоро отчаяние найдет свою цель, и она сломается?

— Схватите всех, кроме мальчишки, — сказал Дмитрий, и стража появилась впереди. Прежде, чем Эйден смог отреагировать, Виктория была оторвана от него. Райли, Мэри Энн и все, кто был против, были схвачены. Просто число воинов преобладало над числом его друзей.

Тем не менее, он ринулся в бой. Каждый из них боролся из последних сил. Боролся и сражался хорошо, и на мгновение показалось, что они победят. Но никому не удалось сбежать. Даже тогда, когда Райли кусал и рвал когтями, обратившись в волка. Он просто не мог прокусить тот закаленный поверхностный слой кожи вампира.

Эйден использовал свои кинжалы, но опять же, они просто напросто не прорежут ту кожу. Ему было все равно. Определяющим фактором стал огонь в его крови, распалющийся и правдивый. Эта ночь не закончится поражением. Ни для него, ни для его друзей. Он не позволит этому случиться.

Он тяжело и часто дышал, когда повернулся к Дмитрию:

— Давай уладим это. Ты и я. Здесь и сейчас. Победитель получает все.

Дмитрий медленно усмехнулся, в то время как Виктория протестующе закричала. Стража удерживала ее в неподвижном состоянии, иначе она встала бы рядом с ним, Эйден был уверен в этом.

— Я надеялся, ты скажешь это, человек.

Не успел Эйден моргнуть, как вампир уже был на нем. Их конечности переплелись, когда они, двигаясь вперед, налетели на стол, и тело Оззи с грохотом свалилось на землю. Эйден выронил один из ножей. Они покатались, вампир придавил его и нацелился на его горло. Слава богу, броня помешала острым как бритва зубам оставить след.

Высвободив руки, Эйден вонзил оставшийся кинжал в глаз Дмитрия. Действие стало неожиданным, и поэтому не было попытки остановить его. Оппонент издал истошный вопль, кровь лилась, сверкая и шипя, и Эйден съежился, вероятно, его барабанные перепонки также кровоточили. Часть той крови попала ему в рот, и он машинально выплюнул ее. Но капли крови просочились в его горло. И оно горело, о, как оно горело.

Вслепую Дмитрий дотянулся до лица Эйдена и полоснул когтями. Из открытой раны полилась кровь, и он взвыл. Вампиры вокруг задышали глубже, вероятно, все они наслаждались запахом и человеческой крови, и крови вампира, медленно приближаясь, чтобы попробовать ее на вкус.

Должно быть, даже то незначительное количество крови, что Эйден проглотил, уже произвело свой эффект, потому что вскоре раны перестали причинять боль. Но прежде чем он смог подняться и напасть, на нем снова оказался Дмитрий, кинжал пропал и был вне досягаемости, зубы кусали его лицо и броню, ища уязвимые места. Эйден протиснул ноги между их телами и оттолкнул. Обессиленный, Дмитрий отлетел назад.

Эйден поднялся и бросился на него. Ощувив, что он рядом, Дмитрий размахнулся рукой и задел ногтями его бок под кольчугой, порвав кожу и вздутые мышцы до самой кости. Зашипев от боли, Эйден упал. Внезапно он заметил брошенный кинжал и схватил его. Через мгновение он вскочил на ноги и, сделав обманное движение влево, рассек им ухо Дмитрия. Раздался жуткий визг, от которого его голова едва не взорвалась.

Дмитрий резко дернулся, молотя и царапая Эйдена, пытаясь выбраться из его хватки. Вскоре на руке Эйдена не осталось кожи, но Дмитрий не унимался, продолжая бороться и бить. Эйден должен был покончить с этим как можно быстрее. Как убить вампира? Виктория однажды рассказывала ему, что всем известный способ — проткнуть сердце колом — не сработает, потому что кол не пробьет их кожу. Только *je la pue* был на это способен... «*Je la pue!*» — подумал он. — «Да.»

— Виктория! — закричал он.

Она знала, что ему нужно, освободила свою руку и бросила ему кольцо. В нем оставалось совсем немного жидкости, но ему удалось убрать кинжал от Дмитрия.

— Это все, на что ты способен? — съязвил Эйден. — Я думал, ты сильный. Думал, ты...

Как он того хотел, Дмитрий ударил его наотмашь, и Эйден отлетел. Мало того, что парень ждал этого, и все еще было больно, еще и его челюсть почти была вывихнута. Он не вставал и просто ждал, позволяя жидкости в кольце Виктории капать на металл. Ему не пришлось долго ждать. Вампир в ярости кинулся на него, приближаясь... Эйден всего-навсего поднял нож и позволил весу и инерции Дмитрия сделать все остальное.

Кожа вампира тут же расплавилась, серебро пронзило его сердце.

Было столько боли и агонии в крике, когда Дмитрий воспротивился ему, что глубоко в душе Эйден съежился. Когда крики затихли, тело перестало биться.

Как только окружающие его вампиры в ужасе выдохнули, Эйден отсек голову прежде, чем тело восстало, и отступил, тяжело дыша, потая и истекая кровью. Охи перешли в стоны, затем в ропот недоверия и гнева. А потом наступила только ошеломляющая тишина.

— Эйден, — позвала Виктория, все еще борясь за свободу.

— Отпустите ее, — приказал он стражникам, не имея сил даже для того, чтоб оглянуться на них. В любом случае, неважно. Он чувствовал головокружение и с каждой секундой видел все хуже.

Мгновение спустя он испытал ошеломление. Они подчинились, не протестуя, и Виктория бросилась к нему, ее лицо нависло над ним. Все еще влажным ногтем она порезала свое запястье и поднесла к его рту. В этот момент он даже не думал о том, чтобы отказаться. Без ее целебной крови он бы утратил власть, потерпел бы крах, был бы беззащитен перед теми, кто оставил беззащитными его друзей.

Ее кровь была еще горячее, чем раньше, поскольку смешалась с кровью Дмитрия, она горела в нем, уничтожая и убивая его, помогая ему восстать из пепла обновленным и сильным. Через несколько часов он сможет увидеть мир глазами Виктории. И поскольку теперь Дмитрий был мертв, скорее всего, его глазами он ничего не увидит.

Во всяком случае, Эйден подождет и узнает. Прямо сейчас его беспокоили более важные вещи.

— Мне жаль твоего папу, — сказал он Виктории, неуклюже дотронувшись до ее нежной щеки. Головокружение проходило, и он заметил, насколько бледной она была. Бледнее, чем обычно.

— Спасибо. — Она дрожала, хотя не так сильно, как перед сражением. — Но именно о

тебе я беспокоилась больше всего. Дмитрий — вампир-воин... был им, а ты... ну, не такой. Я просто счастлива, что ты в порядке. Я думала, что потеряла тебя.

Движение позади нее привлек его взгляд. Вампиры кланялись в их направлении.

Он нахмурился и прошептал:

— Эм, Виктория. Что они делают?

Она взглянула поверх него и скривилась.

— Со смертью моего отца Дмитрий в самом деле стал королем. Но ты только что убил Дмитрия, и это значит...

— Ну нет. — Хотя теперь он и чувствовал себя сильным, он откинулся на землю и потряс головой. — Быть того не может.

— Может, мой король. — Райли встал на колени и склонил свою голову, как остальные. Только Мэри Энн осталась стоять. Она сложила руки на животе и смотрела на вампиров с отвращением. — Теперь мы живем, чтобы служить тебе.

Смешно.

— Вставай, Райли, и прекрати себя так вести. Освободи Такера.

— Да, мой король, — сказал Райли и умчался делать то, что ему сказали. Это уж было слишком странно. Райли повиновался несмотря на то, что ненавидел Такера. Эйден должен был радоваться. Другой на его месте радовался бы, но вместо этого он закричал.

— Прекратите это! — Он не хотел, чтобы его друзья смотрели на него как-то иначе, и он, конечно же, не хотел решать судьбы этих людей. Людей и расы, о которой он практически ничего не знал.

— Эйден, — произнесла Виктория.

Он снова обратил свое внимание на нее, взяв ее лицо в ладони.

— Будь честна со мной. Ты в порядке? Я никогда не хотел смерти твоего родителя, даже если бы это означало, что я потеряю тебя.

— Я знаю, что ты бы этого не сделал, — сказала она мягко. — Мы не были близки с отцом, но я его уважала и оплачу его смерть. Но на протяжении моих долгих лет жизни одна смерть сменяла другую. Я теряла любимых одного за другим. Я знаю, моя печаль пройдет. — Она убрала прядь волос с его виска. — Ты — единственный, без кого я бы не смогла жить. И теперь ты можешь освободить мою маму из заключения. Ты можешь вызвать ее, привести сюда.

С каждым новым словом, улыбка становилась шире.

«Ты — единственный, без кого я бы не смогла жить» — слова, которые он будет лелеять. Что касается ее матери, решено. Он не был королем, ради всего святого, но он сделает все необходимое, чтобы мать и дочь воссоединились. Кажется, это стало его новым хобби.

Он встал, увлекая за собой Викторию, затем вздрогнул, схватившись за бок. Очевидно, не все его раны исцелились.

Она нахмурилась, тут же обеспокоившись:

— Что случилось?

— Я порезался и даже не заметил этого.

Еще больше нахмутив брови, она помогла ему снять кольчугу. Тем временем вампиры оставались на коленях. Ожидая его приказа подняться? Он не собирался отдавать приказы, не то чтобы он верил, что они подчинятся ему. Он — король? Да ради бога. Пока он не узнал о них больше, о том, как они отнесутся к Виктории — к той, кто привел его, убийцу

Дмитрия, на празднество, в конце концов — он сохранит дистанцию.

Когда он освободился от кольчуги, Виктория подняла подол его рубашки. Она подняла на него испуганные глаза.

— Ох, Эйден. Мне так жаль.

— Что там? — Он посмотрел вниз, не зная, чего ожидать, и тогда он увидел их. Три пореза, глубоких, красных и чувствительных, на его боку.

Широко распахнув глаза, она прикрыла рот руками.

— Должно быть, на ногтях Дмитрия была та жидкость, когда он исполосовал тебя.

— И чем это обернется для меня, для человека?

Она сглотнула.

— Эйден, у тебя останется шрам.

Всего-то? Он усмехнулся.

— Я не расстраиваюсь, клянусь. У меня полным-полно... шрамов. — Последнее слово вышло шепотом. Его озарило понимание. Три шрама на его правом боку, как в видении Элайджи о его смерти.

— Ох, Эйден! — Она обвила его руками и крепко обняла. Он не видел ее лица, она зарылась в его шею, но он знал, что она плачет, он чувствовал теплые капли на своем плече.

Его смерть была намного ближе.

— Сколько времени у нас осталось? — спросил он.

«Если бы я знал», — сказал Элайджа.

Возможно, год? Или может быть, месяцы. В любом случае, скоро. Парень проглотил ком в горле.

— Все будет хорошо, — сказал он Виктории, желая верить в это. Правда, в настоящий момент он сделал бы что угодно, чтобы это было правдой. — Нам нужно многое сделать до того, как я умру. Нам придется вышвырнуть фею с ранчо. — Может быть, с этим поможет Шеннон. — Посетить собрание ведьм, — потому что он не позволит своим друзьям умереть из-за своего отсутствия на нем, — спасти город от плотоядных существ и освободить души.

Его принцесса вампиров медленно улыбнулась:

— Ты прав. Все будет хорошо. До сегодняшнего дня я не поверила бы в это, но сейчас вижу, что все возможно.

Они стояли так, когда Мэри Энн и Райли присоединились к ним. Райли поддерживал Такера своей мускулистой рукой.

— Спасибо, спасибо вам, так больно, спасибо, — бормотал Такер. — Больно, больно, спасибо.

— Просто убедись, что не упустишь свой второй шанс, — сказала Мэри Энн, когда Райли обнял ее свободной рукой за талию. — Пора взяться за ум. Скоро ты станешь отцом.

Лишь время покажет, прислушается Такер к совету или нет, глубоко задумался Эйден. Лишь время покажет, что произойдет с ними со всеми. И лишь время покажет, как изменится жизнь Эйдена теперь, когда предполагается, что он в ответе за вампирское общество. Не то чтобы у него были планы, как править им.

Его взгляд прошелся по друзьям, и он кивнул, внезапно почувствовав удовлетворение. И трепет.

Он начал это путешествие на кладбище будучи одиноким, не считая голосов в голове, и теперь он собирался пуститься в следующее, но с друзьями рядом. Парень не мог бы просить о большем.

notes

Примечания

ОКР — (Обсессивно-компульсивное расстройство, невроз навязчивых состояний) — психическое расстройство. Может иметь хронический, прогрессирующий или эпизодический характер. При ОКР у больного непроизвольно появляются навязчивые, мешающие или пугающие мысли (так называемые обсессии). Он постоянно и безуспешно пытается избавиться от вызванной мыслями тревоги с помощью столь же навязчивых и утомительных действий (компульсий). Обсессивно-компульсивное расстройство характеризуется развитием навязчивых мыслей, воспоминаний, движений и действий, а также разнообразными патологическими страхами (фобиями).

СДВГ — Синдром дефицита внимания и гиперактивности — неврологическо-поведенческое расстройство развития, начинающееся в детском возрасте. Проявляется такими симптомами, как трудности концентрации внимания, гиперактивность и плохо управляемая импульсивность.

fiancé (фр.) — жених.